

63.50
0-95

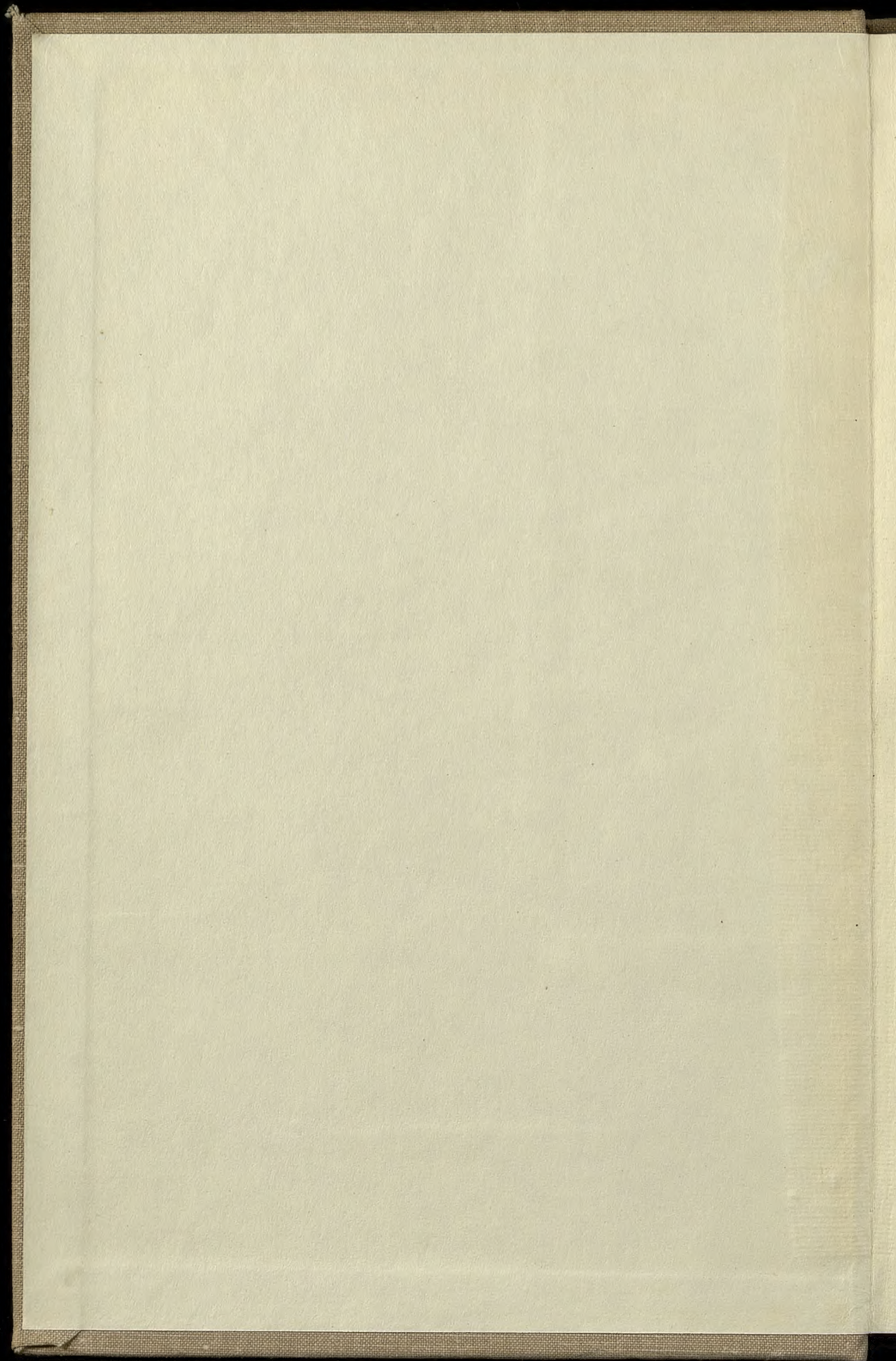

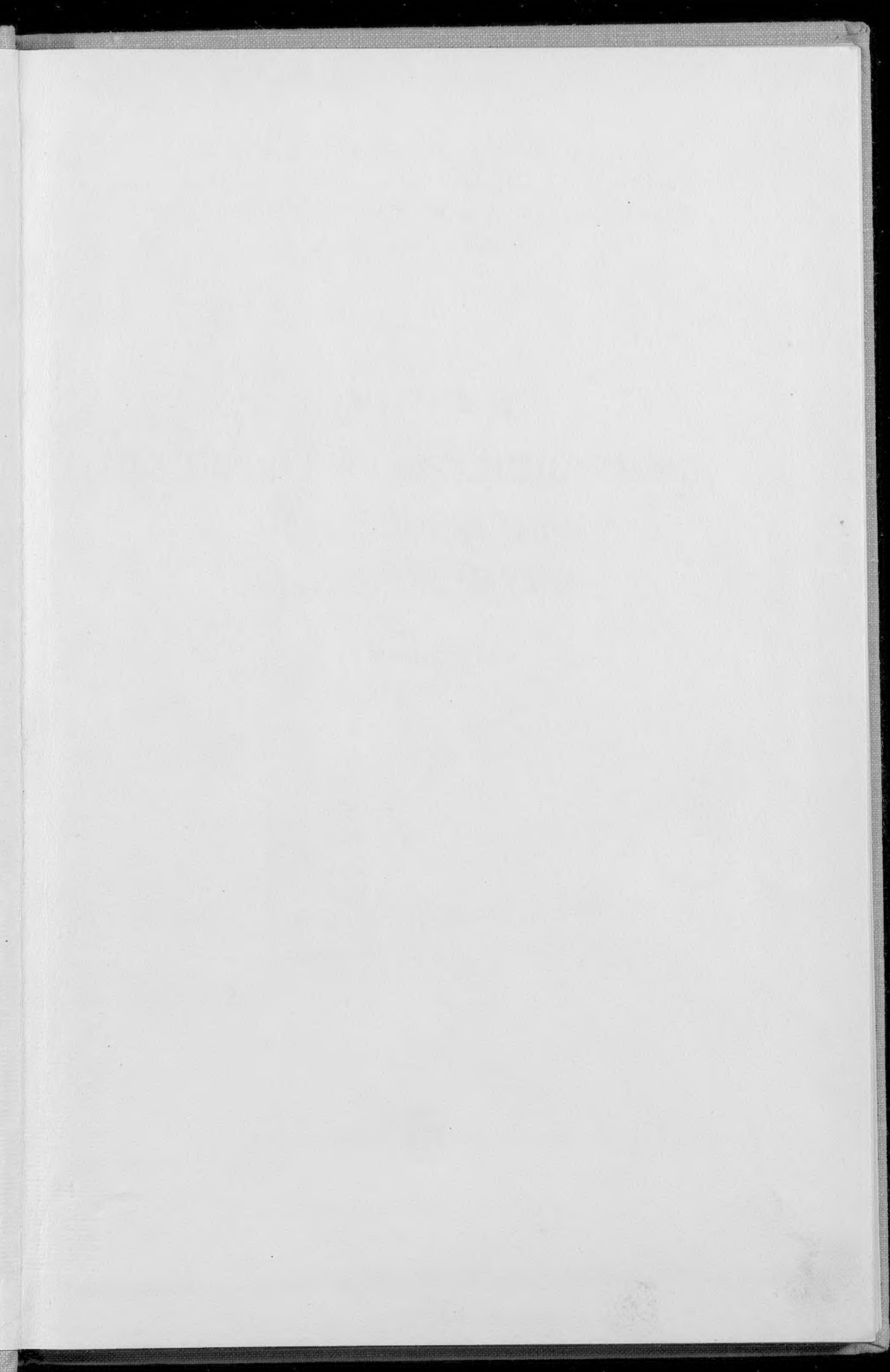
ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ,
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
И АНТРОПОЛОГИИ

VI

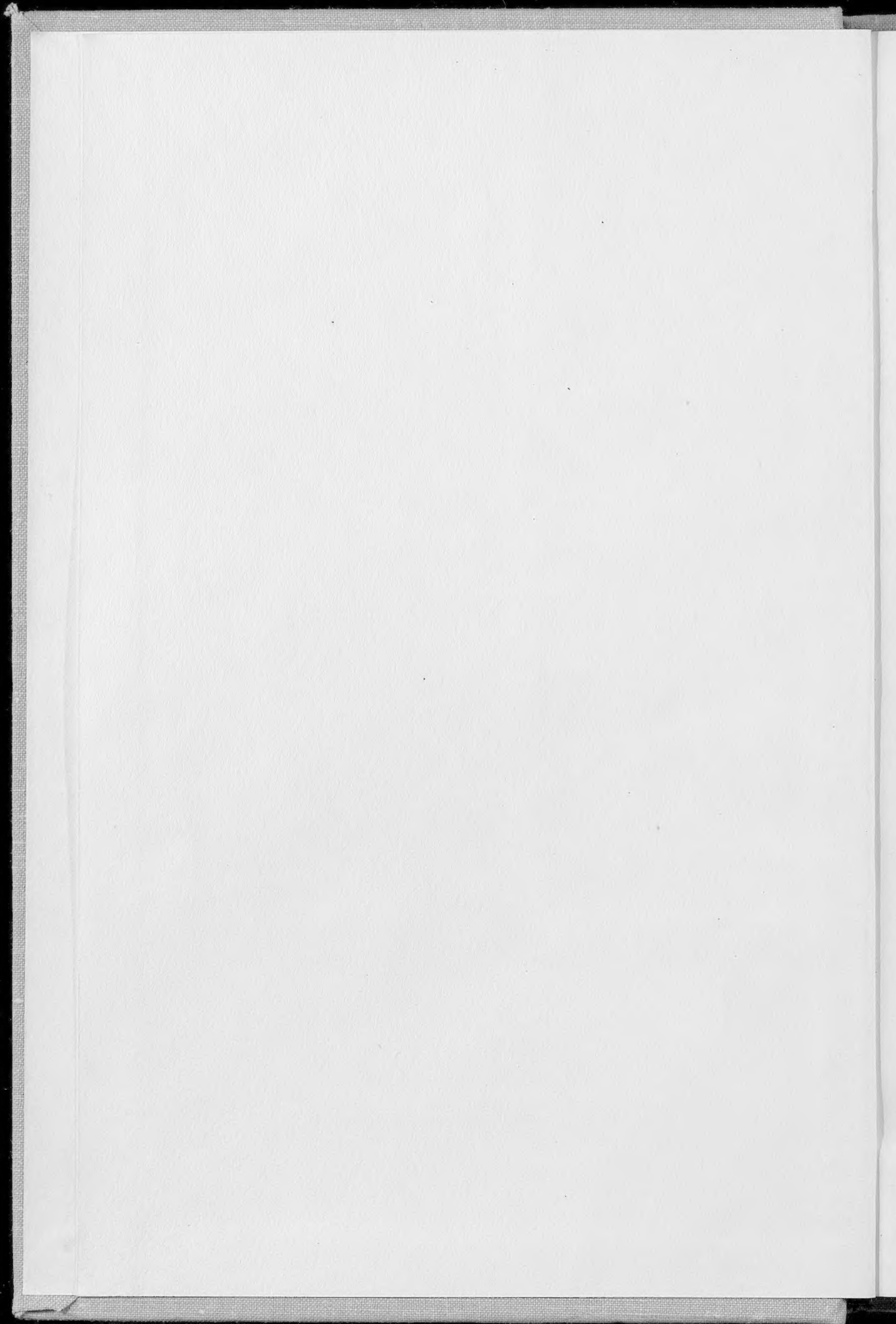

63.50 + 82 + 28.71
0945

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

[ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ 102

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ

Выпуск VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1974

К ТМ23929/31

Сборник содержит материалы, охватывающие период с начала XVIII в. до 30-х годов XX в. Тематика помещенных в нем статей разнообразна: местная этнография Сибири XVIII в., расшифровка этнографических записей В. А. Жуковского, путешествие казаков в конце XIX в. в Юго-Восточную Азию, этнографическая работа В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке, научные направления в фольклористике конца XIX — начала XX в., значение работ Н. И. Вавилова для этнографии и антропологии.

Книга рассчитана не только на этнографов, фольклористов, историков, антропологов, но и на более широкий круг читателей.

Ответственный редактор

Р. С. ЛИПЕЦ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» продолжает серию, выходящую в течение ряда лет¹ в «Трудах Института этнографии АН СССР».

Очередной выпуск «Очерков» содержит разнообразный материал. В нем помещена издаваемая посмертно часть обзорного фундаментального труда М. О. Косвена по истории русской этнографии. Публикуемая глава — «Местная этнография Сибири в XVIII в.» — написана им целиком на архивном материале, частично неопубликованном.

Опыт расшифровки дневниковых записей В. А. Жуковского этнографического характера во время поездки на Урал в 1837 г. представляет статья И. Р. Емельченко.

Этнографии русского населения Урала посвящена также статья И. Н. Мороза о путешествии в Юго-Восточную Азию казаков, связанном с социально-утопической легендой о стране Беловодии, и резонансе на это путешествие в научно-общественных кругах России в начале нашего века.

Проблемам историзма эпоса в русской фольклористике конца XIX — начала XX в. уделено основное внимание в статьях Р. С. Липец (об анализе восточных эпических параллелей и бытовых соответствий в былинах Стасовым, Веселовским, Потаниным и Вс. Миллером) и В. П. Аникина (о теоретических взглядах Скафтымова, содержащих критику «исторической школы», и о влиянии этих взглядов на последующие фольклористические изыскания).

Экспедиционной деятельности русских ученых, в основном в 20-е годы нашего века, посвящены две работы: статья А. И. Тарасовой (Васиной) (преимущественно на свежем архивном материале) об этнографических путешествиях В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке и исследовании им этнографии удэгейцев и статья В. М. Суринова и Л. А. Фадеева об этнографических наблюдениях Н. И. Вавилова в его экспедициях по Африке, в основном в связи с увязкой им проблем истории земледелия с этническими проблемами.

Значение теоретических выводов Н. И. Вавилова, базирующихся в значительной части на материалах его путешествий по «пяти континен-

¹ Вып. I — 1956 г., вып. II — 1963 г., вып. III — 1965 г., вып. IV — 1968 г., вып. V — 1971 г.

там», для развития этнической антропологии раскрывается в статье В. П. Алексеева.

Кроме авторского коллектива сотрудников Института этнографии АН СССР, к участию в сборнике привлечены сотрудники Института Дальнего Востока АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела Главархива, Московского университета, Гурьевского пединститута.

Научно-техническую помощь в подготовке очередного выпуска «Очерков» к печати оказали М. А. Диш и О. В. Якимова.

М. О. Косвен

МЕСТНАЯ ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

К публикации рукописи М. О. Косвена

Советская этнографическая наука в своем становлении и развитии многим обязана таланту М. О. Косвена, крупного исследователя-этнографа, талантливого преподавателя и популяризатора этнографических знаний. Среди многочисленных и разнообразных по тематике работ М. О. Косвена, написанных в течение более чем полувека, заметное место занимают исследования, посвященные преимущественно истории отечественной этнографической науки и источниковедению. Еще в 1936 г. М. О. Косвен на страницах журнала «Советская этнография» поднял вопрос о важной, но, по его словам, «почти совершенно игнорируемой задаче» вовлечения материалов богатейших архивных фондов нашей страны в круг источников этнографической науки¹. «Перед лицом этой поистине грандиозной массы неопубликованного этнографического материала встает задача его выявления, собирания, описывания и публикации», — писал М. О. Косвен². Творчеству М. О. Косвена было присуще скрупулезное архивное разыскание, на основании которого создавались отдельные очерки, в свою очередь затем составлявшие широкие по замыслу обзоры историографического и источниковедческого характера. При анализе содержания найденных им или ранее известных документов М. О. Косвен много внимания уделял происхождению письменных памятников, затрачивая порой немало сил и времени на поиски данных, необходимых для характеристики авторов этих памятников. В результате такого метода исследования в науку вносились не только новые материалы, но и создавалось представление о преемственности развития научной мысли, об упрочении создающихся традиций в исследовании широких проблем и частных вопросов, а также в методике исследований и их организации.

Наибольшее внимание М. О. Косвена привлекали описания народов, сделанные по государственной или частной инициативе лицами, совершавшими путешествия с самыми разнообразными целями (политическими, административными, торговыми, научными, военными и т. п.), или теми, кого мы сейчас называем краоведами. Однако разносторонний интерес М. О. Косвена к источниковедению в этнографической науке приводил исследователя к анализу самых разнотипных письменных источников, начиная с летописей.

Наряду с изучением научного наследия крупных отечественных и зарубежных ученых (В. Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, Л.-Г. Морган, И.-Я. Баховен и др.), критического осмысления их творчества, а в равной степени и привлекавшейся ими источниковедческой базы, М. О. Косвен стремился выявить материалы, принадлежавшие лицам, не зарекомендовавшим себя исследователями и оставившим частные и ограниченные данные.

¹ М. О. Косвен. Об архивных материалах по этнографии СССР. СЭ, 1936, № 1, стр. 132—136.

² Там же, стр. 134.

Стремление к максимальному учету источников сочеталось у М. О. Косвена с постановкой широких исследовательских задач. Как известно, основные его интересы как ученого концентрировались, помимо проблем первобытного общества, на проблемах этнографии Кавказа, Сибири и русского народа. Научная ценность работ М. О. Косвена во многом определялась новизной и свежестью привлеченного материала.

Большое место в его работе занимала история отечественной этнографической науки XII—XVIII вв.³ Материалы, отражающие этнографические знания о народах Сибири, наиболее привлекали его внимание. Развитие этнографических представлений в России, особенно с XVII в., происходило прежде всего под влиянием огромного количества поступающих сведений о Сибири и ее населении; хозяйственное освоение этой ранее слабоизвестной для русских людей огромной части Русского государства стимулировало в практических целях изучение географии, почвенно-климатических условий, в которых развивались различные отрасли хозяйства русских переселенцев (прежде всего сельское хозяйство), природных богатств и т. п. В ходе этого изучения упрочивались связи с местным разноплеменным населением, в результате чего накапливались данные о его расселении, составе, хозяйстве и быте. М. О. Косвен не только показал на основании опубликованных данных, как уже в XVII в. постепенно в России начали систематизироваться эти данные, но, обратившись к архивным богатствам, существенно расширил имевшиеся сведения об источниках этнографических знаний о Сибири, о путях, масштабах и результатах работы по ее этнографическому изучению в XVIII в. В 1961 г. М. О. Косвен опубликовал интересное исследование «Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.», в 1962 г. — «Из истории этнографии коряков в XVIII в.» и другие работы по сибиреведческой тематике⁴.

В процессе архивных разысканий М. О. Косвен обращал особое внимание на этнографические материалы о Сибири, которые собирались местными сибирскими силами. Настоящая публикация, представляющая собой одну из глав подготовлявшейся М. О. Косвеном монографии, даст возможность судить не только о своеобразном типе многочисленных источников в известной степени краеведческого характера, но и об уровне культуры в сибирских административных центрах, по инициативе которых эти документы составлялись. В своем введении к публикации М. О. Косвен справедливо подчеркивал, что развитие местной этнографии было «характернейшей чертой» этой области науки в России в XVIII в.

Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что местная этнография Сибири в XVIII в. представляет отнюдь не «местный» интерес. Разумеется, выявленные М. О. Косвеном записки местного значения не исчерпывают всего того, что было создано на протяжении XVIII в. в Сибири в научно-практических целях; как бы ни были некоторые из них несовершенны, создание подобного рода документации во всей ее совокупности представляется важнейшим свидетельством интенсивного распространения русской культуры в Сибири, без чего было невозможно ее освоение и изучение. О значении этих документов и интересе к их содержанию свидетельствует также и то, что некоторые из них были уже в XVIII в. опубликованы в Западной Европе (например, материалы Т. Кенигсфельса, Ф. Х. Плениснера, Е. Пестерева).

«Местная этнография Сибири в XVIII в.» публикуется по сохранившейся авторской машинописи с полным соблюдением манеры автора давать ссылочный материал, транскрипции географической и этнической терминологии и, разумеется, с соблюдением специфики орфографии документальных текстов, приводимых автором. В редких случаях уточнения даны мной в подстрочных сносках в квадратных скобках.

В. А. Александров

³ «Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.)». СЭ, 1952, № 4; «Материалы к истории русской этнографии XVII в.» Там же, 1955. Работы эти под общим названием «Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.)» были перепечатаны в выпуске I «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» («Труды Института этнографии АН СССР», т. XXX, М., 1956).

⁴ «Сибирский этнографический сборник», III. М.—Л., 1961.

Местной этнографией Сибири мы называем этнографические описания, исполненные людьми, служившими либо по различным обстоятельствам проживавшими в Сибири, и разные этнографического содержания документы местного происхождения. К этим материалам мы присоединяем в настоящем обзоре описания отдельных лиц, путешествовавших по Сибири. Всем этим материалам принадлежит немаловажное значение в развитии русской этнографии Сибири.

Местная этнография возникала как в Сибири, так и в других областях России. Она была вызвана различными причинами или побуждениями и производилась с разными целями, однако далеко не чужда была и чисто исследовательских задач. В предшествующем XVII в. такой местной этнографии не существовало, если не считать некоторых зародышевых ее проявлений. Таким образом, возникновение в XVIII в. местной этнографии составляет особую черту русской этнографии этого века, как и истории русской этнографии вообще.

Местная русская этнография не только возникла в XVIII в., но и интенсивно в этом веке развивалась, дав довольно обширное собрание разнообразных ценных материалов. Развитие этого вида этнографии положило начало характернейшей черте русской этнографии, состоящей в том, что именно местные работы, выполненные местными авторами, составили затем в русской науке ведущий этнографический жанр. Именно эта форма этнографического собирания и исследования сделалась в дальнейшем, в XIX в., господствующей и создала то колоссальное накопление этнографических данных, которыми так богата русская наука.

Местная этнография возникла и развивалась в XVIII в. и в других областях России, однако в особенности в Сибири. Это определялось тем обстоятельством, что данная окраина Русского государства в ту пору особенно интенсивно осваивалась и поэтому требовала всестороннего изучения.

Из числа материалов и документов, представленных в настоящем обзоре, некоторые опубликованы. В таких случаях мы ограничиваемся краткой характеристикой их содержания. Говоря о документах неопубликованных, выявленных нами в архивах, мы даем более пространное изложение их этнографического содержания. Из числа этих неопубликованных документов иные уже использовались и цитировались в научной литературе. Свыше 30 таких неопубликованных документов оставались совершенно неизвестными.

Обращаясь к конкретным документам местной этнографии Сибири XVIII в., напомним, что на первом месте в ряду этих документов и хронологически, и по своему содержанию стоит написанное около 1715 г. «Краткое описание о народе остяцком» Г. И. Новицкого¹.

1. Справка К. Берга об остяцких идолах, 1724 г.

В Центральном государственном архиве древних актов² (Портфель Миллера, № 509, д. 10, лл. 27—30) хранится документ, представляющий собой краткую справку о сыске и уничтожении остяцких идолов, а равно о наказаниях, которые налагались на крещеных остяков (хантов) за их «вероотступничество». Исходя из имеющихся в тексте дат, документ этот можно датировать 1724 г. Документ содержится в деле под общим архивным названием «Разные статьи, о которых в рассуждении сибирских народов требуется изъяснение». Другой список этого документа имеется в

¹ [«Краткое описание о народе остяцком» Г. И. Новицкого входит в состав другого, пока остающегося в рукописи, очерка М. О. Косвена, посвященного истории этнографии в конце XVII в. и первой четверти XVIII в.]

² Далее — ЦГАДА.

Архиве Академии наук СССР в Ленинграде³ (разр. 1, оп. 79, д. 2). Автором данной справки надо считать К. Берга. Кирилл Берг, бывший лейтенант шведской армии, был взят в плен в 1710 г. в Выборге. Будучи сослан в Сибирь, он поступил на русскую военную службу, принял православие, имел чин поручика и состоял надсмотрщиком за исполнением остяками христианских обязанностей. О встрече с Бергом в Самарском яме, на Иртыше, упоминает в своем журнале (рукопись, стр. 20) совершивший в 1740 г. путешествие в Березов студент Академии наук Т. Кенигсфельс и передает рассказ Берга об остяцких идолах⁴.

Справка К. Берга была использована (впрочем, лишь бегло, по списку ААН) И. И. Огрызко в его работе «Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в.» (Л., 1944, стр. 88—89) при характеристике методов христианизации народов Сибири.

Документ, о котором мы говорим, имеет не только исторический, но и этнографический интерес. Мы находим здесь несколько любопытных описаний остяцких «шайтанов» или «кумиров» — идолов. Одно из этих описаний таково: «Кумир... стоял на анбарце деревянном, личина обита белым железом, облочен в платье, а по обе стороны его стояли два кумира деревянные же, облоченные в подобие женском». В другом описании кумира говорится также, что «стоял де он в берестеной юрте, а по обе стороны его стояли два кумира вподобие жен». Не менее любопытны содержащиеся здесь данные о культе этих идолов и о совершавшихся им приношениях жертв. Жертвы эти были весьма значительны. В одном случае говорится о забое перед одним кумиром по две лошади в год; другому кумиру в течение года принесли: «лисицу черную ценою рублей в десять, да зипун добрый цветной, да котел красной меди мерой округ осми пядей, да коня доброго ценою в десять рублей».

Интересны также воспроизведенные в документе в качестве подписей лиц, дававших показания, их «знамена» — тамги.

2. «Известия» П. Скобельцына по Иркутскому, Якутскому и Нерчинскому уездам, 1724—1733 гг.

В числе ранних геодезистов, которые были посланы в разные места России для производства географических и картографических работ, в 1724 г. был командирован в Сибирь геодезист Петр Скобельцын с учениками Иваном Свистуновым, Дмитрием Баскаковым и Василием Шатиловым.

Прибыв в том же 1724 г. в Тобольск, Скобельцын с учениками был направлен в Иркутск для описания Иркутской провинции. Здесь они разделились на две партии: двое из них отправились к югу, двое других — вниз по р. Ангаре до р. Енисея. Всех этих мест они сделали ландкарты и «сверх того обстоятельную опись сочинили о тамошнем народе, в каком состоянии и какие имеют промыслы и чем питаются и прочее, что к известию надлежит». Возвратившись в Иркутск, они намеревались ехать в Якутский уезд для продолжения работ, но прибывший тогда (видимо, в 1726 г.) в Иркутск граф С. Л. Владиславович-Рагузинский, отправлявшийся в качестве чрезвычайного посланника в Китай, взял их с собой. Вернувшись в 1728 г. в Иркутск, геодезисты вновь разделились на две партии: двое отправились вниз по Лене и «той рекой до океана и на Камчатку», а двое других — в Удинск и Охотск «и прочие места». Выполнив и это задание, они собрались отвезти свои материалы в Петербург в Сенат, но в 1733 г. они были прикомандированы к Великой Северной экспедиции. «По указу Беринга и от профессоров Гмелина и Миллера инструкции» П. Скобельцын с В. Шатиловым отправились из Иркутска «для изыскания

³ Далее — ААН.

⁴ О Кенигсфельсе и журнале его путешествия см. ниже, № 3.

ближайшего пути к Камчатскому морю», ходили туда трижды, в 1734, 1736 и 1737 гг., и составили соответствующие описания пути.

Около 1738 г. П. Скобельцын и И. Свистунов были отправлены в Петербург, в Коллегию адмиралтейства, Д. Баскаков тем временем умер; В. Шатилов остался на военной службе в Сибири⁵.

Этнографическим результатом работ Скобельцына и его товарищей являются три описания, относящиеся к Иркутскому, Якутскому и Нерчинскому уездам Иркутской провинции. Эти описания, под названием «Известий», следуют за географическим объяснением к ландкарте («каталогом») и имеют подпись: «Сочинил сей каталог и известия геодезист Петр Скобельцын с товарищи». Документ хранится в ААН (ф. 3, оп. 10, № 125). Действительным автором этих «Известий» является, видимо, один Скобельцын. Временем их составления следует, исходя из вышеприведенных данных, считать 1724—1733 гг.

Ряд географических карт районов, обследованных Скобельцыным и его товарищами, сохранился. В целом дело, выполненное в течение 14 лет пребывания в Сибири, в тяжчайших условиях, о которых говорят относящиеся к их походам документы, составляет в подлинном смысле подвиг. Географические и картографические работы, выполненные группой Скобельцына, получили уже весьма высокую оценку со стороны историков картографии⁶. Этнографами «Известия» Скобельцына не использовались и оставались им неизвестными.

Три вышеназванных «Известия» П. Скобельцына при всей их краткости и лаконичности имеют разнообразное и по-своему богатое содержание. Они относятся к русским поселенцам Иркутского уезда и Камчатки и к ряду местных народов Сибири: бурятам, якутам, эвенкам (тунгусам), юкагирам, корякам, камчадалам и эвенам (ламутам). Скобельцын довольно детально локализует все эти народы и их отдельные группы, причем вообще четко различает отдельные народы. Среди тунгусов, юкагиров, коряков и ламутов он различает оленных, или кочевых, и пеших. Автор отмечает бедность, малоскотность отдельных групп местного населения. Примечательно следующее его замечание о тунгусах, живущих вблизи Нерчинска: «...А которые скота не имеют, те за ясак работают у русских людей, и русские за них платят ясак».

Показания Скобельцына об отдельных народах имеют предметом их запятия, в частности скотоводство и охоту, их пищу, напитки, верования, культы. Говоря о земледелии русских, он перечисляет возделываемые ими хлебные и огородные культуры.

3. Журнал путешествия в Березов Т. Кенигсфельса, 1740 г.

В 1740 г. Академией наук была проведена небольшая астрономическая экспедиция в г. Березов в составе академика Иосифа-Николая Делля и студента Географического бюро Академии Кенигсфельса. Экспедиция выехала в феврале 1740 г. и возвратилась в Петербург в январе 1741 г.

⁵ Приведенные сведения о походах П. Скобельцына и его товарищей составлены нами на основании двух архивных документов: а) донесения в Сенат всех четырех геодезистов от 18 июня 1734 г., с препровождением, ввиду их задержки в Сибири, некоторых составленных ими ландкарт и описаний (ЦГАДА, ф. 17, д. 55, 1733—1734 гг., лл. 52—53; подлинник), б) дела по прошению в Сенат подпоручика Василия Агеевича Шатилова о зачислении его в Якутский полк и присвоении ему чина капитана (ЦГАДА, ф. 248, Сената, кн. 1205, лл. 504—545). Все приведенные нами в тексте цитаты, относящиеся к указанным походам геодезистов, взяты из этих документов. О тех же походах см.: В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 159—160.

⁶ См.: Т. Н. Мельникова. Математические основы русских карт XVIII в. Л., 1951 (диссертация, рукопись). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), стр. 50—53; О. А. Евтеев. Первые русские геодезисты и их работы по созданию генеральной карты России. М., 1953 (диссертация, рукопись). Там же, стр. 233—237.

Маршрут ее таков: Петербург, Москва, Владимир, Муром, Яранск, Вятка, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Самарский ям, Березов. Обратный путь: Тобольск, Самарский ям, Казань, Чебоксары, Нижний Новгород, Москва, Петербург. Сохранился в рукописи журнал путешествия этой экспедиции, составленный Т. Кенигсфельсом.

Тоблас Кенигсфельс (Königsfels, иногда неправильно «Кенигсфельд», род. в 1716 г.), уроженец, по одним сведениям, Риги, по другим — Вологды, окончил университет в Германии, в Галле, со степенью кандидата математики; с 1736 г. состоял студентом Академии по Географическому бюро и работал при Делиле на обсерватории, с 1738 г. с ним же занимался составлением ландкарт. По возвращении из экспедиции был в 1742 г. по собственной просьбе уволен из академии, впоследствии жил в Риге или в Ревеле⁷.

Рукопись журнала Кенигсфельса (на французском языке) хранится в архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде под шифром Б-30⁸. Она озаглавлена «Voyage de Koenigsfels et Delile à Berezoff 1740», содержит 151 страницу in 4°. Помимо текста, здесь имеется 15 рисунков. Рукопись Кенигсфельса привлекала к себе внимание уже давно. Еще в 1779 г. появилось из нее краткое извлечение: «Extrait d'un voyage fait en 1740 à Berezow... par Mr De l'Isle..., et du journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnait» («Histoire générale des voyages», XXIV, Amsterdam, 1779); из этой французской публикации было сделано В. Берхом весьма краткое извлечение под заглавием «Путешествие астронома Делиля и профессора Кенигсфельда из Петербурга в Березов» («Новости литературы», 1823, кн. IV, № XIV, стр. 1; № XV, стр. 17; № XVI, стр. 33).

Затем рукопись Т. Кенигсфельса, как и вообще экспедиции 1740 г., явилась предметом исследований В. Я. Струве, П. П. Пекарского и А. И. Андреева. В. Я. Струве в статье «О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу членом оного кн. И. А. Долгоруковым» («Записки РГО», 1849, кн. III), дал краткое описание рукописи, сообщил о ее происхождении и ее общем характере, выказав пожелание о напечатании журнала Кенигсфельса. П. П. Пекарский в статье «Путешествие академика Иосифа Делиля в Березов в 1740 г.» (Приложение к т. VI «Записок Академии наук», № 3. СПб., 1865) дал довольно подробное содержание журнала Кенигсфельса и воспроизвел три из имеющихся здесь рисунков, представляющих виды г. Березова. Наконец в наше время А. И. Андреев в своей работе «Сибирские зарисовки первой половины XVIII в.» («Летопись Севера», I, 1949) дал описание и характеристику рисунков Кенигсфельса, воспроизведя 14 из них. Одновременно А. И. Андреев, как уже было указано выше, собрал некоторые биографические сведения о Кенигсфельсе.

В Ревеле была издана книжка Кенигсфельса под заглавием: «Neuer geographischer Entwurf einer Karte von einem bisher nicht hinlänglich bekannten Theil der Küste des Eismeeres und der wahren Mündung des Oby-Flusses, persönlich und mühsam im Jahre 1740 bereist und nach astronomischen Beobachtungen geographisch berechnet und aufgenommen, Hierbei ist eine Karte in Nss gross Royal, An Jhro Kaiserl. Majestet allerunterthänigst von mir übergeben worden» (Reval, 1772, 15 стр., in 4°)⁹. Между прочим, в этой

⁷ О нем см.: F. K. Gadebusch. Livländische Bibliothek, В. II. Riga, 1777, 127—128; П. П. Иванов. Обзорные геодезических работ в России со времен Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1746 г. «Записки РГО», т. IX. СПб., 1853, 9; А. И. Андреев. Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. «Летопись Севера», 1949, I (биографические сведения о Т. Кенигсфельсе, собранные здесь автором, заимствованы им из «Материалов для истории Академии наук», т. III—V).

⁸ Возможностью использовать эту рукопись по фотокопии мы обязаны Л. П. По-тапову, которому выражаем глубокую благодарность.

⁹ Этой книги в Москве в ГБЛ нет; она имеется в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Эрмитажское собрание, № 258.

книге Кенигсфельс сообщает, что, будучи в Обдорске, он имел поручение обследовать р. Обь и ее устье, с берегом Ледовитого моря, и что он охотился с осяками за моржами близ мыса Матзоль (или Северо-западного), недалеко от Новой Земли, и объехал большую часть южного берега Ледовитого моря. По этому поводу В. Я. Струве в вышеозначенной статье замечает: «Довольно странно, что в «дневнике путешествия» (Кенигсфельса.— М. К.) ничего не сказано об этой поездке на север от Березова» (стр. 56, прим.).

Обращаемся к обзору этнографического содержания журнала Кенигсфельса. Общее и основное содержание этого журнала составляют путевые записи, сделанные по ходу путешествия экспедиции туда и обратно, большей частью довольно краткие и даже беглые, иногда более подробные. Некоторые замечания Кенигсфельса имеют исторический интерес; они освещают отдельные факты и обстоятельства из истории Сибири времени ее посещения экспедицией. Отметим упоминание Кенигсфельса о посещении им и Делилем на обратном пути в Казани, в сентябре 1740 г., местного губернского архива, впоследствии сгоревшего.

Этнографические замечания Кенигсфельса относятся к тем народам, с которыми экспедиция сталкивалась на своем пути, а именно: марийцам (черемисам), удмуртам (вотякам), чувашам, манси (вогулам), «татарам красноярским» и качинским и, наконец, хантам (осякам). Некоторые из этих замечаний кратки, другие представляют собой более пространные этнографические характеристики. Таковы в особенности сообщения о хантах, а также чувшах. Говоря об отдельных народах, Кенигсфельс почти везде приводит краткие словари их языков. Любопытен, в частности, записанный Кенигсфельсом рассказ некоего лица, долгое время жившего в Якутии, содержащий довольно подробное описание шаманских процедур (стр. 86—89 журнала).

Несомненную ценность, уже отмеченную А. И. Андреевым, имеют содержащиеся в рукописи Кенигсфельса рисунки. Автором их следует считать самого Кенигсфельса. Рисунки снабжены объяснительными надписями на французском языке. Рисунки эти весьма примитивны, однако довольно точно воспроизводят натуру. Всего, как сказано, имеется 15 рисунков. Большая часть их — рисунки видовые, в частности изображения зданий. Пять рисунков имеют этнографическое содержание; они изображают: 1) внутренность татарской юрты близ г. Тобольска (после стр. 18), 2) девушку-осячку (после стр. 32), 3) осяцкие лодки (после стр. 34), 4) осяцкую лодку с украшениями (после стр. 46), 5) наконечники стрел (после стр. 68)¹⁰. Особое значение этих рисунков заключается в том, что они являются одними из наиболее ранних русских этнографических рисунков, относящихся к Сибири.

4. Рапорт М. Бурнатова на имя И.-Э. Фишера со сведениями о якутах и тунгусах, 1742 г.

В ААН хранится в рукописи (ф. 21, оп. 5, № 45, лл. 1—7 об.) рапорт служилого человека Михаила Бурнатова на имя участника Великой северной экспедиции профессора Академии наук И.-Э. Фишера. Как видно из этого рапорта, Бурнатов был послан И.-Э. Фишером в октябре 1741 г. из Якутска в Верхневилуйское зимовье с поручением, согласно данной ему Фишером инструкции, «от Якутска едучи трактом, иметь прилежное примечание и описание о реках и речках, и о знатных урочищах, и о тамошних народах, и о прочем», а по возвращении в Якутск сообщить обо всем рапортом. Содержание рапорта и составляют сведения, как указывает Бурнатов, собранные им в пути и в Верхневилуйске, а также полученные им «через якутских князцов разных волостей».

¹⁰ Все эти рисунки воспроизведены в числе прочих в статье А. И. Андреева.

Рапорт Бурнатова имеет в основном географическое содержание. Наряду с тем Бурнатов везде довольно тщательно отмечает места жительства, кочевок и охоты якутов и тунгусов. Приводим следующий имеющийся этнографическое содержание отрывок из этого рапорта. «А в вышеписанном Есее озере имеется зверь или человек, о том иноземцы сказать не знают, понеже имеет у себя голову и руки, и лицо яко человек, а корпуса ее не ведают, понеже она выметывается поверх воды в ясные дни. И то уже видали прежде сего, а ныне к тому озеру не ходят ни для каких промыслов, для того что у них бывают великие драки с туруханскими иноземцами о звериных промыслах. А от Якутска до Верхневилуйского зимовья ездят разными дорогами, кому куда способнее, а твердых дорог не имеется. Ведомства Верхневилуйского у якутов в каждой волости, а особливо князец, а всех в волости бывает по 200, по 100, по 50, по 30 и по 20 человек. А ясак платят собольми и лисицами, и деньгами и по 2, и по 1 рублю, и по полтине с человека. Оные якуты имеют скот у себя: быков, коров и лошадей; кочуют зимою и летом по разным местам, летом и зимою санми на быках, а на лошадях выюшными; летом живут в берестяных юртах, а зимою — в деревянных.

В вере они состоят в одной, которую имеют, а никому не поклоняются; болванов и кумиров у себя не имеют и грамоты никакой не знают; только они меж собою толкуют, что бог есть на небе, и мнят его быть жива. А ежели из них кто занеможет, мужеска или женска пола, то призывают к себе шаманов и дают им всякого скота, чтоб они шаманили и призывали диавола о здоровье болящего, и оные шаманят. И свадьбы делают против братских таким же образом. Токмо при рождении младенцев, когда женщина будет томиться младенцем, тогда соберутся в тое юрту все соседи и сидят покуда она родит, а как родит, то все повинны из той юрты вытти. И как родится младенец, имя ему дает отец или мать, кто по рождении первый в юрту войдет, хстя собака, так и дают. В христианскую веру в давних годах приходили малое число, и те разошлись в подгородные волости, а ныне никого не имеется».

5. Записка Г. Фика о состоянии местного населения Восточной Сибири, 1744 г.

В 1732 г. был сослан в Сибирь русский чиновник, вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик. Вернувшись из ссылки в 1743 г., Фик подал на имя царицы Елизаветы Петровны довольно обширную записку на немецком языке, посвященную описанию состояния местного населения Восточной Сибири, в частности якутов и эвенков (тунгусов), причем подробно охарактеризовал бедствия и тяготы, которым это население подвергается вследствие злоупотребления местной администрации, отчасти в связи со Второй Беринговой экспедицией.

Автор этой записки, Генрих фон Фик (ум. в 1760 г.), — прибалтийский немец; он находился с 1715 г. на русской гражданской службе и явился при Петре I одним из главных деятелей коллегияльной реформы; с 1726 г. он состоял вице-президентом Коммерц-коллегии. Ссылка Фика в Сибирь, последовавшая, как сказано, в 1732 г., была вызвана его причастностью к делу верховников. В Сибири Фик был сначала поселен в Тобольске, затем перемещен в Якутию и находился в Жиганске. Будучи возвращен из ссылки в 1743 г., Фик был восстановлен в правах, но больше не служил и проживал в возвращенном ему его имении в Лифляндии.

Записка Фика озаглавлена: «Unterthänigste Vorstellung und gröfnung betreffende der Jakuten, Tungusen und anderer in Nord-Sybirien entlegenen dem Russischen Reiche unterworffenen und contribuinden Völker, besonders grossen Gravationen»¹¹.

¹¹ A. R. Cederberg. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII jhh. «Acta et commentationes Universitatis Tartuensis-Dorpatensis, B. Humaniora», XVII. Tartu-Dorpat, 1930; «Русский биографический словарь» (далее — РБС) (1901);

Документ этот опубликован А. Р. Седербергом в приложении к его работе о Г. Фике по собственноручной рукописи Фика, сохранившейся в его замке.

Рукописи (копии) записки Фика имеются также: в ЦГАДА, ф. 24, д. 31; на 31 листе; на немецком языке; без подписи и обозначения автора; архивное название дела: «Дело о тунгусах, якутах и других инородцах в Сибири, 1744 года»; в ГПБ, Отдел рукописей, Эрмитажное собрание, № 360, русский перевод под заглавием: «Всепопданнейшее предложение и известие, касающееся до якутов, тунгусов и других в Северной Сибири отдаленных Российской империи покорившихся ясашных народов и особливо о великих отягощениях»; помечено: «Москва, 28 февраля 1744 г.».

Записка Фика оказала некоторое влияние и послужила причиной посылки в 1745 г. в Восточную Сибирь с особыми полномочиями полковника Кабардинского полка И. В. Вульфа (см. указ Сената от 24 сентября 1745 г. ПСЗ, т. XII, стр. 452—453. О Вульфе см.: «Кавказский этнографический сборник», I, 1953, стр. 277; II, 1955, стр. 191; III, 1961, стр. 260).

6. Записка о торговле на Камчатке, после 1744 г.

В ЦГАДА (Портфель Миллера, № 391, д. 6; на 22 листах) хранится дело под архивным названием «Описание о Камчатских торгах, на немецк. и российск., первое — на 6, а второе — на 16 листах». Один из составляющих это дело документов представляет собой немецкий текст без заглавия, без обозначения автора, написанный неизвестным почерком. Другой документ, на русском языке, представляет собой перевод немецкого текста, написанный рукой Г.-Ф. Миллера, с его же поправками, под заглавием: «О происходимых на Камчатке торгах и входящих, и о исходящих товарах и прочих вещах, которые и поныне лежат в небрежении, а к торгу причислены быть могут».

Последняя дата, упоминаемая в тексте, — 1743 г., бумага немецкой рукописи имеет водяные знаки 1744 г. На этом основании данный документ следует датировать после 1744 г.

Содержание описываемого документа таково: неразвитость в прошлом торговли у камчадалов как с другими народами, так и между собой; возникновение торговых связей с японцами; начало торговли с русскими и упадок этой торговли с 1740 г.; приемы и формы торговли русских купцов с местным населением Камчатки, посредничество в этой торговле местных казаков; цены на русские товары, суммы торгового оборота; особые злоупотребления в торговле вином; предложения автора о развитии торговли с Камчаткой и возможных предметах вывоза оттуда.

Кто мог быть автором данной записки? Это во всяком случае должно было быть лицо, хорошо знакомое с местными условиями и, следовательно, пробывшее на Камчатке в 40-х годах XVIII в. сравнительно долгое время. Судя по языку оригинала записки, автор — немец.

7. «Известие» о коряках и чукчах Д. А. Коростелева, 1750 г.

В ЦГАДА (ф. 24, оп. 18, д. 2526, 1750 г.) дело под архивным названием «Известие (вопросы и ответы) шкипера Дмитрия Коростелева о коряках и чукчах на Камчатке» содержит документ, носящий оригинальное название: «Известие, сочиненное при делах Камчатской экспедиции февраля 24 числа 1750 году на присланные от его превосходительства господина генерал-майора и кавалера Киндермана запросные пункты, которые в сем же известии прописаны» (на 25 листах). Документ этот (копия)

ЦГАДА, ф. 259 а, Секретной экспедиции Сената, д. 48, 1732 г., «О ссылке в Сибирь вице-президента Коммерц-коллегии Фика», на 18 листах.

имеет помету: «На подлинном подписано: флота шкипер Дмитрий Коростелев, писарь Иван Редин».

Документ состоит из 25 вопросов и ответов на них. В числе вопросов имеются следующие.

«1. Коряки как давно в подданство е. и. в. пришли и сколько сил и множество их, хотя, например, и где жительство имеют, у каких рек и уроч[ищ], и наперед сего в подданстве у чукчей были ль, и затем от них отложились, и как давно, и ныне в подданстве и в верности ль находятся».

2. Чукчей в какой силе и множестве состоит, и кто у них старшина, где жительство имеют, у каких рек и урочищах, и ныне от них происхождени какие имеюцца.

3. Анадырский острог в каких угодьях или реках состоит и как далеко от моря, и оныя реки течение имеют ли в море, и как далеко от оного Анадырска чукчей находитца, ибо хотя ландкарты имеюцца, токмо одно за другим не сходно, и тако уверитца не можно...

7. У оных чукчей кожные байдары, на которых в море они уходят, имеюцца ль и каким манером и величиною».

Остальные вопросы, т. е. бóльшая их часть, относятся к географии, расстояниям, путям сообщения, возможности транспорта, местным ресурсам, продовольствию, оружию и пр. Ответы Д. Коростелева большей частью весьма обстоятельные.

Говоря о взаимоотношениях чукчей и коряков, Д. Коростелев пишет: «... От начала жития их всегда ссоры за то, что во всей их Чюкоцкой земле для оленей их дворовым кормом скудно и лесу никакого роду нет, и в том им крайняя обстоит нужда... А у ясашных коряк земля привольная к житию и к содержанию оленей и лесами, и кормом, и для того те чукчи ищут, чтоб местами их, коряцкими, завладеть».

В нескольких местах своего «Известия», сообщая различные сведения, в частности относящиеся к чукчам, Коростелев ссылается на рапорт капитана Лаптева от 22 марта 1742 г. на имя капитана командора Чирикова, описывающий поход Лаптева по Анадырю. Речь здесь идет об участнике Второй Беринговой экспедиции 1733 — 1743 гг. Д. Я. Лаптеве и его сухопутном походе 1741 г. из Нижне-Колымска в Анадырский острог.

Дмитрий Афанасьевич Коростелев на службе во флоте был с 1717 г.; служил в Кронштадте и Ревеле матросом, подшкипером и шкипером; в 1733 г. был командирован для участия во Второй Беринговой экспедиции, в которой состоял до 1752 г.; в 1754 г., имея чин морского поручика, был послан в Красноярский уезд для разработки серебряных и золотых руд, в связи с чем в 1758 и 1762 гг. ездил в Петербург, в Сенат; в 1761 г. Коростелев вышел из флота и в 1763 г. продолжал служить в Сибири, имея чин капитан-поручика¹².

Упомянутый в заглавии описанного документа Киндерман — Христиан (Андрей) Киндерман; с 1741 г. — в чине генерал-майора; в 1750 г. состоял командиром корпуса в Тобольске и командующим войсками Сибирской линии (умер около 1751 г.). Чем были вызваны его «вопросные пункты», не устанавливается.

8. Показания о чукчах Б. А. Кузнецкого, 1755 г.

Видное место в истории этнографического изучения чукчей принадлежит казаку Анадырской команды Борису Афанасьевичу Кузнецкому, попавшему в 1754 г. в плен к чукчам, вышедшему из плена и в 1755 г. давшему свои показания. Запись его рассказа была напечатана впервые

¹² О нем см.: «Общий морской список», т. II, 1885; дело о выплате ему заслуженного жалования см.: ЦГАДА, ф. 263, 5-го департамента Сената, кн. 9, д. 20, 1763 г., лл. 319—346.

В. Н. Берхом в статье «Разные известия и показания о Чукотской земле» («Северный архив», XVIII, 1825, 22; этот текст считается несправным). Другая публикация была сделана по списку, имеющемуся в делах Камчатской экспедиции в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде¹³, в книге «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов» (Л., 1935, стр. 180—184). Нам известны три рукописные копии показаний Кузнецкого: а) ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6, лл. 87—96; б) там же, д. 18, лл. 9—10 об.; в) там же, ф. 24, д. 47, лл. 1—5. Эти рукописи имеют некоторые разночтения. Краткая передача показаний Б. Кузнецкого содержится в сочинении Т. И. Шмалева «Примечание... с которого времени чукоцкий народ россиянам стал быть известен...» (ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 17, лл. 16—17). Некоторые сведения о пребывании Кузнецкого в плену у чукчей содержит тот же фонд, № 539, ч. II, д. 6, лл. 34 и об.

Этнографическое содержание показаний Кузнецкого составляет: описание езды на оленях, поединков чукчей, их жилища, пища, оружия, прав, брака, взаимоотношений с юкагирами и коряками, некоторые сведения о «зубатых чукчах», т. е. азиатских эскимосах и «американцах». При всей краткости данного документа, сведения, им сообщенные, разносторонни и весьма содержательны. Можно поэтому с полным основанием назвать русского казака Бориса Афанасьевича Кузнецкого первым этнографом чукотского народа.

9. Статья «О употреблении некоторых кушаний», 1759 г.

Любопытное историко-этнографическое явление представляет собой анонимная статья под заглавием «О употреблении некоторых кушаний у чужестранных народов, от коих мы омерзение имеем», которая была напечатана в научно-популярном журнале XVIII в. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (1759, сентябрь). Собранный в этой статье материал относится к народам различных стран света, в том числе к народам России, и в частности Сибири. Составлена статья на основании литературных источников и собственных наблюдений автора, относящихся преимущественно к Сибири. Так, в одном месте автор пишет: «В Нерчинске, где я сие приметил, не знали люди, что раков есть можно».

Представляя собой весьма оригинальный для своего времени документ, данная статья содержит, однако, немало, даже для своего времени, вздора и нелепостей. Статья эта все-таки интересна как самый ранний на русском языке экскурс на общэтнографическую тему, с использованием этнографического материала, собранного самим автором, в частности в Сибири.

10. Две записки о Сибири И. И. Веймарна, около 1760 г.

В ЦГАДА (ф. 16, д. 822, на 89 лл.) хранится дело под архивным названием «Представление о киргиз-кайсаках и Сибири, на немецком языке. Тут же об отношениях России к Сибири. Из бумаг Николая Гурьева». Дело это представляет собой переплетенную тетрадь и содержит три документа на немецком языке и один — на французском языке; все они написаны одним и тем же почерком, на одинаковой бумаге с одинаковыми водяными знаками. Документы эти:

1. Записка о киргиз-кайсаках (лл. 1—6); имеет предметом соображения автора о привлечении киргиз-кайсаков в русское подданство; чисто этнографического материала не содержит.

¹³ Далее — ЦГИАЛ.

2. Записка о Польше (лл. 7—14); содержит различные данные и сообщения, связанные с пребыванием автора в 1756 г. в Польше; на этом документе имеется подпись-автограф «Weumar».

3. Записка об эксплуатации природных богатств Сибири и ее управлении, также о пограничных с Сибирью народах (лл. 15—81).

4. «Aperçu général sur la Sibérie dans ses rapports avec L'Empire de Russie» (лл. 83—89).

Исходя из упомянутой подписи на втором из вышеназванных документов, равно как и из общего характера всех четырех документов, автором их следует считать И. И. Веймарна.

Иван Иванович Веймарн (1722—1792) в 1757 г. состоял генерал-квартирмейстером, затем командовал войсками в Сибири¹⁴.

Из числа вышеперечисленных относящихся к Сибири записок Веймарна некоторый этнографический интерес имеет третий документ.

11. Статьи Ф. И. Соймонова, 1761 г.

Федор Иванович Соймонов (1682—1780), выдающийся русский государственный деятель и ученый XVIII в., в молодости, состоя морским офицером, был одним из сподвижников Петра I; с 1719 по 1726 г. он занимался картографированием Каспия и изучением экономики прикаспийских районов, результатом чего явился его труд «Описание Каспийского моря», изданный в 1763 г. Г.-Ф. Миллером, с его дополнениями; в 1722 г. Ф. И. Соймонов участвовал в Персидском походе, исполняя различные задания Петра I; позже он занимал различные должности по флоту и гражданскому ведомству; в 1740 г. был осужден по делу верховников и сослан в каторжные работы, которые отбывал в Охотске; в 1742 г. он был амнистирован, но по собственному желанию остался в Сибири и служил во флоте в Охотске, затем — в Нерчинске; в 1757 г. он был назначен сибирским губернатором, с производством в тайные советники, и пробыл в этой должности до 1763 г., когда был назначен сенатором; с 1766 г. он в отставке¹⁵.

В бытность свою губернатором Сибири Соймонов сыграл некоторую роль в деле изучения местного населения, поощряя, в частности, в этом направлении деятельность начальника Охотско-Камчатского края Ф. Х. Плениснера (о Плениснере см. ниже, № 15).

Ф. И. Соймонов является, насколько нам известно, автором двух сочинений:

1. «Древняя пословица «Сибирь — золотое дно»»; напечатано под этим заглавием в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (1761, ноябрь, стр. 449—467) и под заглавием «Продолжение о древней пословице «Сибирь — золотое дно»» в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых трудах» (1764, январь, стр. 44—59), без указания автора, с примечанием редакции: «Описание, сообщенное из Сибирии». Статья эта приписывалась Г.-Ф. Миллеру, но безосновательно. С другой стороны, Ф. И. Соймонову была приписана одним из его биографов (Н. Абрамовым) статья «Известие о торгах сибирских», принадлежащая Г.-Ф. Миллеру. В ЦГАДА (Портфель Миллера, № 534, ч. IV, д. 9, на 7 листах) хранились рукописи под архивным названием «Продолжение второе о древней пословице «Сибирь — золотое дно» и «Прибавление к оному»»; рукописи с 1951 г. находятся в Архиве внешней политики России.

¹⁴ О нем см.: «Энциклопедический словарь военных и морских наук», II, 1885.

¹⁵ О нем см.: В. Н. Берх. Жизнеописание российских адмиралов, т. II. СПб., 1832, стр. 113—164; Н. Абрамов. Несколько сведений о Федоре Ивановиче Соймонове, бывшем сибирском губернаторе. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1865, 3; РБС (1900); Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М., 1947, стр. 316—328 (с портретом); В. Г. Гончаров. Ф. И. Соймонов. «Изв. АН СССР, серия географическая», 1952, 6; Д. М. Лебедев. География России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 214—229; он же. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800). М., 1957.

Этнографическая ценность этой статьи Соймонова заключается в содержащихся в ней разнообразных сведениях о промыслах, хозяйстве вообще и участии в торговле местного населения Сибири¹⁶.

2. «Прибавление к журналу тайного советника и сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова. О мореплавании промышленными и о сыскании многих островов и на оных народов и о пользе от тех вояжей в звериных промыслах, о которых объявить любопытным читателям смелость принял, как следует, а именно...» ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. II, д. 10; на 17 листах, рукой переписчика; очевидно, было приготовлено к печати.

В ААН (ф. 24, оп. 3, № 268/1—4) хранится переписка Ф. И. Соймонова с Г.-Ф. Миллером. В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве хранится личный архив Ф. И. Соймонова¹⁷.

12. Сведения о негидальцах и гиляках, 1761 г.

После тех сведений о населении Приамурья, которые были получены от русских землепроходцев в первой половине XVII в., вторая половина этого века не дала приумножения соответствующих данных.

Особый интерес представляет единственный в своем роде документ XVIII в., содержащий сведения о негидальцах и гиляках, записанные в канцелярии Охотского порта в 1761 г. со слов тунгусов, обычно промышленявших в Приамурье и при самом устье Амура. Документ этот хранится в ЦГАДА в трех списках: а) Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6, лл. 31—32 об.; б) там же, лл. 57—59; в) ф. 263, 5 департамента Сената, кн. 9, лл. 410—412 об. Документ напечатан по одному из вышеозначенных списков фонда Г.-Ф. Миллера (без указания на наличие других списков)¹⁸.

Содержащиеся в данном документе сведения относятся в основном к негидальцам и лишь частично — к гилякам; краткие сведения о гиляках были получены тунгусами от тех же негидальцев, которые, впрочем, мало общались с гиляками ввиду их «свирепства». Сведения о негидальцах касаются пищи и ее приготовления, охоты, рыболовства, кузнечного дела, езды на собаках, меновой торговли, уплаты ясака, одежды, украшений, гостеприимства, шаманства.

Как видно из вышеозначенного дела 5 департамента Сената, описанный нами документ поступил в Сенат из учрежденной в Тобольске «Секретной и о заграничных обращениях комиссии» 9 марта 1764 г. Вслед затем, 16 марта того же года, Сенат послал названной комиссии, которую тогда возглавлял сибирский губернатор Д. И. Чичерин, указ, в котором «приказали» «о вышепоказанных живущих по рекам Амуру и Амгуне гиляках, неидалах и других находящихся там неизвестных народах... разведывать обстоятельно и, что найдется, в Сенат рапортовать». На это Чичерин донес, что указ Сената получил и сделал соответствующее предписание канцелярии Охотского порта (то же дело, лл. 417—418).

13. Показания Н. П. Шалаурова о чукчах, 1763 г.

Устюжский купец Никита Павлович Шалауров совершил в 1761—1764 гг. два похода с целью отыскания северного морского пути из Ледовитого в Тихий океан; в 1764 г. он погиб при зимовке в Чаунской губе.

¹⁶ Оценку выдающегося историко-экономического значения статьи Ф. И. Соймонова см.: Д. М. Лебедев. Из истории хозяйственного районирования России. «Изв. АН СССР, серия географическая», 1952, 3.

¹⁷ См.: И. И. Коган. Рукописи Ф. И. Соймонова в собрании Государственного Исторического музея. «Проблемы источниковедения», 1959, № 8 (описание далеко не полное).

¹⁸ И. С. Вдовин. Историко-этнографические сведения о негидальцах середины XVIII столетия. «Ученые записки ЛГУ», № 157, Факультет народов Севера, вып. 2, 1953.

В 1763 г., в бытность свою по делам его экспедиции в Москве, он по предложению Сената подал рапорт, в котором, вопреки указанию Сената взять от него «обстоятельное известие о живших в Чукоцком носу неминуемых чукчах», сообщил о них самые краткие сведения. Рапорт Шалаурова опубликован М. И. Беловым в статье «Новые материалы о походах устьужского купца Никиты Шалаурова» («Географический сборник. История географических знаний и географических открытий», III. М.—Л., 1954).

14. Показания казаков Анадырской команды о чукчах, 1763 г.

Хранящийся в ЦГАДА (ф. 24, д. 37; на 5 листах) документ, датированный 1763 г., содержит краткую, в пол-листа, общую характеристику чукчей и их взаимоотношений с коряками.

15. Работы Ф. Х. Плениснера, 1763—1772 гг.

Федор (Фридрих) Христианович Плениснер (иногда неправильно: Плестнер, Пленстнер), умер в 1778 г., уроженец Курляндии; на военной службе с 1730 г.; служил в чине капрала в Правлении Охотского порта; в 1733 г. вошел в состав Второй Беринговой экспедиции в качестве «живописца»; участвуя в этой экспедиции, был особенно близок со Стеллером, который часто упоминает о нем в своем дневнике; в 1747 г. Плениснер служил в галерном флоте во время военных действий против Швеции; в 1748 г. участвовал в походе вспомогательного корпуса в Австрию, затем служил в Вятском пехотном полку капитаном, в 1751 г. — в Оренбургском гарнизоне секунд-майором, с 1752 г. — в Якутском пехотном полку, стоявшем на китайской границе; с 1753 г. — премьер-майор; в 1760 г. по представлению Ф. И. Соймонова назначен начальником Анадырского острога, с производством в подполковники; получил при этом особую инструкцию Соймонова, которой ему предписывалось «всевозможное старание прилагать, чтобы оные народы (чукчей.— М. К.)... ласкою, ежели в подданство привести невозможно, то хотя б в соседственную с верноподданными коряками в дружбу» (ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. 1, д. 6, л. 7), а также произвести некоторые географические исследования; в 1763 г. Плениснер совершил путешествие вниз по р. Анадырю; в 1764 г. с упразднением Анадырского острога он был назначен главным начальником Охотско-Камчатского края, в каковой должности, в чине подполковника, оставался до 1772 г.; затем, претерпев крупные служебные неприятности, в 1774 г. вышел в отставку; в 1777 г. приехал в Петербург и в следующем году здесь умер¹⁹.

Во время своей службы на Дальнем Востоке, т. е. по 1772 г., Плениснер занимался собиранием сведений по истории, географии и этнографии края, в частности о чукчах; собранные им материалы посылал в Академию наук и в Сенат; находился в переписке с Г.-Ф. Миллером²⁰.

Ф. Х. Плениснеру принадлежат следующие работы:

1. «Географическое описание реки Анадыря, в ней впадающих рек и ручьев». Центральный государственный военно-исторический архив²¹,

¹⁹ О нем см.: ЦГАДА, ф. 259, Секретной экспедиции Сената, д. 1561, 1760 г., лл. 7—7 об.: «По доношению сибирского губернатора Соймонова о даче определенному в Анадырь главным командиром пример-маеору Плениснеру чина армейского подполковника» и пр. Там же, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6; «Указы, рапорты и проч., до Анадырского острога касающиеся, во время бывшего там главного командира подполковника Плениснера, 1760—1764 г.»; А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869, 5, стр. 37—69; РБС (1905).

²⁰ Письма Ф. Х. Плениснера к Г.-Ф. Миллеру за 1761—1771 гг. на немецком языке. ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 5, лл. 1—19; письма Г.-Ф. Миллеру Плениснера и его жены, Аграфены Плениснер, за 1771—1775 гг. ЦГАДА, Портфель Миллера, № 546, ч. VIII, д. 6.

²¹ Далее — ЦГВИА.

кол. 414, д. 417, лл. 10—12, без даты; помечено: «Подлинное подписал полковник Плениснер». Другая копия: «Географическое описание полковника Плениснера реки Анадыря, в ней впадающих речек и ручьев». ЦГАДА, ф. 24, д. 36; на 4 листах. Еще одна копия: ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 18, лл. 11—15 об., с правкой Т. И. Шмалева. Немецкий текст этой работы опубликован: «Geographische Beschreibung des Anadyrflusses und der in selbigen einfallenden Bäche» («Neue Nordische Beyträge»²², 1, 1781, стр. 238—244), без обозначения автора и без указания, что это перевод с русского (между тем в других случаях напечатания в том же издававшемся П.-С. Палласом журнале переводы с русского всегда оговорены; таким образом, возможно, что это публикация немецкого оригинала). Краткое извлечение из описания Плениснера: А. Соколов. Река Анадырь, по описаниям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», 10, 1852.

Как нами было указано в другом месте, настоящее описание Плениснера было им составлено после его похода вверх по р. Анадырю, причем им было использовано описание Анадыря Я. И. Линденау²³. Начало данной работы Плениснера воспроизводит начало описания Линденау, с изменениями и дополнениями; далее следует текст Плениснера, который дает более подробное описание Анадыря, а затем — весьма интересное описание охоты на оленей русских казаков, служивших в Анадырском остроге. Эта часть описания Плениснера остается неопубликованной.

2. «Краткое о Камчатке объяснение». ЦГВИА, кол. 414, д. 417, лл. 1—5; без даты; помечено: «Подлинный подписал Федор Плениснер»; содержит небольшой этнографический материал.

3. «Краткое примечание к сей карте, о берегах Азии и Америки подлежащее, полковника Плениснера». ЦГАДА, ф. 24, д. 44; на 3 листах; без даты; скрепа: «Денис Чичерин» (сибирский губернатор Д. И. Чичерин); архивное название дела: «Замечания полковника Плениснера о том, что в древние времена Америка была соединена с Азией, около 1765 г.»; карты в настоящем деле нет; речь идет, видимо, о карте, составленной Ф. Х. Плениснером в 1763 г.; ср.: А. Соколов. Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», 10, 1852 (сама карта здесь не воспроизводится).

Во время путешествия Плениснера в 1763 г. по р. Анадырю у устья р. Красной произошла встреча русских с приплывшими по этой реке чукчами. По распоряжению Плениснера при посредстве толмача — сотника Никиты Куркина²⁴ были записаны показания «лутчего человека» чукчи Хехъгигита. Документ этот напечатан: 1) В. Н. Берхом под заголовком «Примечание о чюкоцкой земле» в публикации «Разные известия и показания о Чюкоцкой земле» («Северный архив, XVIII, 1825, 22); 2) по списку из фонда В. Беринга (ЦГИАЛ) в книге «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Сборник архивных материалов» (Л., 1935). Рукописи (копии этого документа): а) ЦГАДА, ф. 24, д. 46, на 5 листах; архивное название дела: «Примечание о Чюкоцкой земле полковника Плениснера» (название это является, таким образом, неправильным); б) ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6, лл. 74—75.

Документ содержит описание мест кочеваний чукчей и «зубатых людей» (азиатских эскимосов), а также сведения о «Большой земле» (Аме-

²² Далее — NNB.

²³ См.: М. О. Косвен. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг., гл. 7. «Труды Института этнографии АН СССР», т. 64. М.—Л., 1961.

²⁴ В 1765 г. Ф. Х. Плениснер послал того же Н. Куркина для описания пути из Анадырска в Гижигинск. Составленный Куркиным журнал этого путешествия см.: А. Сибнев. Архивный документ. «Записки Сибирского отдела РГО», 7, 1864, отдел «Смесь», стр. 96—100; этнографического материала не содержит.

рике) с довольно подробным описанием ее обитателей — «кыхмылцев».

В том же 1763 г. были записаны в Анадыре, «через перевод казака Степана Павлова», показания «чукотской девки Иттени», в действительности — уроженки Северной Америки, попавшей в плен к чукчам. Документ напечатан дважды: В. Н. Берком в вышеуказанной его публикации и в сборнике «Колониальная политика царизма...» (по списку из фонда Беринга в ЦГИАЛ). Рукописи: а) ЦГАДА, ф. 24, д. 48; б) ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6, лл. 85—86.

Согласно указанию А. И. Андреева, Плениснеру принадлежит еще большой труд «О начале Анадырскому острогу...», который был окончен в 1763 г. и послан в Сенат. Неполная копия этого труда (около пяти печатных листов), как указывает А. И. Андреев, хранится в ААН, в делах Географического департамента (ф. 3, оп. 10, № 137)²⁵.

16. Доклад Сената «О соболиной в Сибири ловле», 1764 г.

Настоящий документ находится в ЦГАДА (ф. 263, 5 департамента Сената, кн. 14, 1764 г., д. 122, лл. 217—231). Документ начинается словами: «Экстрак[т] с присланных в Сенат из Сибирской губернской и Ыркуцкой провинциальной канцелярии при доношениях из указов и из грамот о соболиной ловле ведомостях показано, а имянно...»

Документ имеет значение для истории данного промысла в Сибири.

17. Сообщения о чукчах Н. И. Дауркина, 1765 г.

Николай Иванович Дауркин, чукча, был мальчиком вывезен майором Д. И. Павлуцким в Анадырь; после смерти Павлуцкого в 1749 г. мальчик был воспитан его вдовой в Якутске; в 1761 г. Ф. И. Соймонов окрестил Дауркина и назначил его переводчиком с чукотского языка при начальнике Охотско-Камчатского края Ф. Х. Плениснере; в 1763 г. Дауркин был зачислен в казаки. В том же году Плениснер послал секретно Н. Дауркина к чукчам, откуда он вернулся в 1765 г., доставив важные сведения; за этот поход Н. Дауркин получил звание сибирского дворянина. В 1767—1771 гг. Дауркин участвовал в походе геодезистов Леонтьева, Лысова и Пушкарева на Медвежьих острова (об этом походе см. ниже, № 26). Около 1771 г. Дауркин выступил с предложением организовать при его участии поход в Америку (см. об этом «Записку о намерениях описания Чукотского носа и лежащей против оного Американской земли». ЦГАДА, ф. 7, д. 2539, лл. 72—79).

С того времени, как он посетил своих соплеменников в 1763—1765 гг., Дауркин всемерно старался содействовать установлению мирных отношений между русскими и чукчами. В тех же целях в 1774 г., находясь по служебному поручению в Гижигинской крепости, он отправился вместе с переводчиком Е. Пургиным (о нем см. ниже, № 23) и казаками для встречи с чукчами к Каменскому острожку и привел их «лучших людей» с женами и детьми в Гижигу; здесь, однако, комендант Гижигинской крепости капитан Я. М. Пересыпкин учинил зверское избиение чукчей, нанося при этом оскорбления заступавшемуся за чукчей Дауркину. Вследствие поданного Дауркиным об этом деле рапорта, дошедшего до Сената, было возбуждено расследование, окончившееся для Пересыпкина, однако, незначительным взысканием²⁶.

²⁵ А. И. Андреев. Заметки по истории географии Сибири XVI—XVIII вв. «Изв. ВГО», 2, 1940.

²⁶ См. об этом деле: ЦГАДА, ф. 7, д. 2451: «О принятии чукотского народа в российское подданство, об избиении чукчей капитаном Пересыпкинским и о разжалова-

В 1785 г. Дауркин был назначен переводчиком при Верхней расправе в Охотске, в 1787 г. он был прикомандирован к Северо-восточной экспедиции²⁷.

Во время своего пребывания в 1763—1765 гг. у чукчей Н. Дауркин совершил с ними несколько путешествий, побывав, в частности, на о. Ратмапова, где жили азиатские эскимосы. Сделанное Дауркиным после его возвращения в 1765 г. сообщение было записано в Охотской канцелярии. Одновременно Дауркин составил карту Чукотского носа.

Подлинной и точной записи сообщения Дауркина не сохранилось; существуют и были опубликованы различные редакции, в частности в передачах Я. Пересыпкина и Ф. Х. Плениснера, иногда значительно различающихся. Таковы:

а) «Сказка казака Николая Дауркина о Чукотской земле» (архивное название дела). ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 8, л. 1 и об., подпись-автограф: «Полковник Федор Плениснер».

б) «Известие о Чукотском носе (с картой)». «Месяцеслов географический» на 1780 год; перепечатано в «Собрании сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы»²⁸, 4, 1790.

«Besondere Nachrichten über die Tschuktische Landspitze und benachbarte Inseln, Aus dem Russischen übersetzt». NNB, I, 2, 1781.

г) Определение Сената от 16 июня 1769 г. по рапорту Ф. Х. Плениснера с изложением содержания сказки Н. Дауркина. ЦГАДА, ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6456, 1769 г., д. 92, лл. 375—378 об. Напечатано под заглавием «Сведения о Чукоцкой земле в XVIII в.» в «Вестнике Географического общества», 9, 1853.

д) Пересказ показаний Н. Дауркина в рапорте Я. Пересыпкина 1765 г. в статье: Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевой земли. «Изв. РГО», 12, 1876, 6; то же: L. Helmersen. Zur Streitfrage über das Wrangel-Land, Auszug aus dem Rapport des Obersten Plenisner vom Jahre 1772. «St. Petersburger Zeitung», 1876, 126.

Этнографические данные, содержащиеся во всех вышеперечисленных передачах рассказа Дауркина, невелики и несущественны, однако в свое время должны были иметь большое значение. Весьма любопытны в рассказе Дауркина фантастические сообщения, в частности своеобразный вариант амазонской легенды.

Составленная Дауркиным после его похода 1763—1765 гг. карта известна в разных редакциях; одна из них носит название: «Карта учреждения и старанием полковника Плениснера, в бытность его в Онадырской найденной земли северо-восточного края Азии, как называемой Чукоцкого носа, и Северной страны Америки» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23434; на

нии за то в солдаты как сего офицера, так и прапорщика Мордвинова», 1776 г.; на 119 листах. Там же, лл. 7—20: «Журнал, учиненный сибирским дворянином Николаем Дауркиным, какие им по свиданию с подъезжающими чукчами по призыву им, Дауркиным, их, чукоц, о бытии в высочайшем е.и.в. российском подданстве и платежу ясака, в которые числа обстоятельства были, явствует ниже сего, 1775 года». Другая копия: ЦГАДА, ф. 1096 (Гижигинской крепости), д. 42, лл. 24—38 об. См. о том же деле: а) журнал Сената. ЦГАДА, ф. 7, д. 2539: «О Курильских островах, о народе чукчах и вообще о Камчатке», 1779 и 1785 гг., лл. 27—31; б) ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 19, лл. 50—62 об.; в) тот же фонд, № 528, ч. II, д. 9, лл. 17—34; г) ЦГАДА, ф. 1096 (Гижигинской крепости), д. 43. По этому делу Пересыпкин был приговорен к разжалованию на один год.

²⁷ О нем см.: Сведения, сообщаемые Т. И. Шмалевым в одной из его записок (ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. II, д. 7, лл. 11—12 об.); указ 1785 г. Иркутского наместнического правления охотскому коменданту по прошению Дауркина (Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области (с 1650 по 1800 г.), т. I, № 62, Якутск, 1916, стр. 266—269); «Две записки о сношениях с чукчами в 1774—1776 гг.» («Памятники русской истории», III, 1873, стр. 360—371); Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 74; предисловие Палласа к публикации немецкого перевода рассказа Дауркина о его походе 1763—1765 гг. (NNB, I, 2, 1781, стр. 245).

²⁸ Далее — ССМ.

одном листе; в левом углу надпись: «На подлинной подписано сочинял и рисовал казак Николай Дауркин в Анадырске 1765 года»; карта имеет легенду, содержащую краткие сведения об отдельных островах и их обитателях). Карта Дауркина многократно воспроизводилась.

Дауркину принадлежит еще весьма содержательное подробное описание производившейся чукчам охоты на китов: «Записка, взятая от сибирского дворянина Николая Дауркина, который в своей земле со иноземцами своими был в промыслу китов, в кое время оные промышляютца и каким образом» (ЦГАДА, Портфель Миллера, № 529, ч. II, д. 6, лл. 101—102, копия; заверена подписью: «Капитан Тимофей Шмалев»; здесь же: «О китовой же ловле в Пенжинской и Гижигинской губах», на л. 102; та же подпись-автограф Шмалева и пометка: «1777 году Июля 27 дня, Гижигинская крепость»).

Названная записка Дауркина находится в числе тех материалов, которые посылались Т. И. Шмалевым Г.-Ф. Миллеру. Шмалеву же, видимо, принадлежит и заголовок данной записки, говорящий о том, что она была составлена Дауркиным по предложению Т. И. Шмалева. Следующая записка — «О китовой же ловле...» — принадлежит, видимо, самому Шмалеву.

18. Описание бурят М. Татаринова, 1765 г.

«Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михайлом Татариновым». С введ. и прим. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958; изд. Бурят-монгольского н.-и. института культуры. Рукопись: ЦГАДА, ф. 24, д. 70. Согласно содержащегося в тексте этого сочинения выражения — «нынешней 1765 год», этим годом оно и датируется.

Работа Татаринова представляет собой сравнительно обширную, имеющую чисто этнографический характер, в высшей степени разностороннюю и содержательную монографию. В таком своем качестве она составляет весьма редкое явление в русской этнографической литературе XVIII в. Автор предпосылает своему описанию особое обращение «К читателю», в котором примечательны следующие слова: «Оной же братской народ, яко есть язычники и законов никаких не имеют, а правду хранят, дружелюбие не токмо между ближним родством, но и единственно у всех; им худая юрта милее украшенных палат, а степь — великолепного города».

Собранные нами по различным источникам, остающиеся все же скудными, сведения об авторе таковы. Михаил Татаринов, штурман морского флота, был в 1753 г. прислан из Петербурга на службу в Иркутск; в 1759 г., быв тогда в чине поручика, служил в Нерчинске; в прошении, поданном им в этом году в Коллегию адмиралтейства, Татаринов просил перевести его из Нерчинска в любое другое место и, видимо, был переведен вновь в Иркутск (см. дело «По доносу штурмана Татаринова на т. с. Соймонова». ЦГАДА, ф. 259, Секретной экспедиции Сената, д. 522, 1764 г.; на 23 листах). В 1765 г., как видно из заглавия его вышеуказанного сочинения, он был в чине капитана; в 1771 г. он предложил организовать экспедицию в Америку, в которой имел в виду лично участвовать (см. «Записку о намерениях описания Чукотского носа и лежащей против оного Американской земли». ЦГАДА, ф. 7, д. 2539, лл. 72—79). Около 1773 г. Татаринов состоял начальником Иркутской навигационной школы. Во второй половине 70-х годов он, видимо, служил в Иркутской губернской канцелярии, имея чин секунд-майора; здесь он является составителем различных журналов, экстрактов и справок, подписывая их: «Секунд-майор Михаила Татаринов» (см., в частности, вышеуказанное дело 2539, лл. 62—79).

Татаринов является автором еще одного географо-этнографического произведения — «Описания Курильских островов», напечатанного в «Мес-сяцеслове историческом и географическом» на 1785 г. (перепечатано

ССМ, 6, 1790). Как указано в примечании редакции, эта публикация составляет извлечение из записки Татаринова (тогда в чине секунд-майора), сообщенной Академии наук иркутским губернатором Ф. Н. Кличкой. Записка Татаринова была им составлена на основании сведений, собранных до того времени с Курильских островов, в частности журналов И. Антипова и И. Очерединой, совершивших экспедицию на Курилы в 1775—1780 гг. Названная публикация содержит некоторые этнографические данные об айнах (промыслы, пища, жилище, одежда, изделия, внешность, нравы и пр.), а также краткие сведения о японцах (внешний вид, одежда, пища).

В ААН хранится рукопись М. Татаринова за его подписью, датированная 1761 г., содержащая краткое описание некоторых ископаемых пород²⁹. В Отделе рукописной книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде имеется составленная Татариновым рукописная карта Сибири³⁰.

*19. Дело по запросу
генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского,
какие народы живут в Сибири, и пр., 1766—1770 гг.*

26 сентября 1766 г. генерал-прокурор Сената кн. А. А. Вяземский обратился к обер-прокурору 5 департамента Сената с «ордером», в котором писал: «...весьма нужно ведать, какия именно по званиям народы под державою е. и. в. в Сибирской губернии состоят, и в которых местах оныя, и под каким правлением жительствуют, чего ради изволите... приказать о сем, как наискорее выправясь, ко мне прислать известие».

Этот запрос А. А. Вяземского имел довольно значительные историко-этнографические последствия. История этого дела, производившегося в течение четырех лет, с 1766 по 1770 г., раскрывается из двух дел Сената и ряда пных данных. Дела, о которых мы говорим, имеют следующие названия: а) «О народах в Сибири. Копия с определения Правительствующего Сената о присылке губернаторам Tobольскому и Иркутскому о живущих в Сибири народах, сколько их каждого звания числом состоит и о прочем, и чем каждый народ промысел и пропитание имеет». ЦГАДА, ф. 263, 5 департамента Сената, кн. 31, 1766 г., лл. 217—228 (выпечитированное письмо Вяземского здесь — л. 219); б) «О народах в Сибири по названиям и какой образ жития имеют. О сем сообщено в Комиссию уложенную». ЦГАДА, ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6458, лл. 318—325 об.

Нет возможности определенно сказать, чем был вызван и какую цель имел запрос Вяземского. Из содержащегося в названии второго из вышеозначенных дел упоминания о «Комиссии уложенной», т. е. известной Комиссии для составления проекта нового уложения, учрежденной манифестом Екатерины II от 14 декабря 1766 г. и открытой в 1767 г., и еще одного упоминания о той же комиссии в другом документе того же дела (см. № 21) можно предположить, что запрос Вяземского был связан с подготовкой к работам данной комиссии.

Отвечая на ордер Вяземского, обер-прокурор 5 департамента представил 10 октября 1766 г. справку, составленную, видимо, одним из сенатских секретарей по материалам департамента, содержащую весьма своеобразный перечень местных народов Сибири (об этой справке см. № 20). Одновременно обер-прокурор 5 департамента сообщил, что он просил Ф. И. Соймонова, «который весьма немалое время был в Сибири губерна-

²⁹ В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.—Л., 1940, стр. 88.

³⁰ Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР; В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946, стр. 284; карта эта частично воспроизведена в книге: Д. М. Лебедев. Очерки истории географии России XVIII в. М., 1957, стр. 251.

тором», дать потребовавшиеся Сенату сведения, но тот отказал. Указывая далее, что «из дел департамента больше найти невозможно», обер-прокурор спрашивал, не приказано ли будет ему затребовать необходимые сведения от сибирских губернаторов (кн. 6458, л. 319).

Такое указание, видимо, было дано, и, как явствует из вышеназванного дела кн. 31, соответствующий указ был послан сибирскому, тобольскому и Иркутскому губернаторам. В этом указе предлагалось сообщить: «...какие именно в ваших губерниях народы живут, и какой образ жизни имеют, и сколько их каждого звания числом состоит, и чем каждый народ промысл и пропитание свое имеет, и какие они порознь в казну доходы платят» (л. 224). Губернаторы подтвердили получение сенатского указа и сообщили, что разослали надлежащие приказания в местные канцелярии.

Результатами запроса Вяземского явились, насколько нам известно, следующие, имеющие в большей или меньшей мере этнографический характер, документы.

1. Ведомость о народах Иркутской губернии, присланная в Сенат в 1768 г. Иркутским губернатором А. И. Брилем, со ссылкой на указ Сената от 29 ноября 1766 г. (об этом документе см. № 21).

2. Два описания народов, живущих в Якутском и Охотском уездах, присланные в Сенат тем же Брилем в 1770 г. (об этих документах см. № 22).

3. «Известие о нравах и поведении имеющихся в ведомстве Гижигинской крепости иноверческих народов», составленное казаком Ефремом Пургиным (об этом документе см. № 23).

4. «Описание Березовского ведомства» (об этом документе см. № 25).

Обращает на себя внимание та сторона описываемого нами дела, что уже Сенат значительным образом изменил и расширил полученное им задание. Как можно видеть, Вяземский в своем ордере ставил лишь три вопроса: какие народы живут в Сибири, в каких местах и под каким правлением. В указе Сената фигурируют уже пять вопросов: какие народы, какой образ жизни имеют, сколько их числом, чем промысел и пропитание имеют, какие доходы платят в казну.

Характер и содержание вышеназванных нами документов, присланных из Сибири, свидетельствуют о том, что местные учреждения выполнили сенатское задание, каждое учреждение по-своему, но некоторые очень существенным образом расширили тему этого задания, притом в направлении этнографическом. Если в изменении и расширении задания Вяземского Сенатом сказались интересы правительственно-административного порядка, то в еще большем изменении и расширении задания сенатских указов сибирскими канцеляриями несомненным образом сказались развившиеся на местах этнографические интересы.

20. Справка Сената о народах Сибири, 1766 г.

Как было рассказано выше, вследствие запроса генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского от 26 сентября 1766 г. о присылке известия, «какие именно по званиям народы под державою е. и. в. в Сибирской губернии состоят, и в которых местах оныя, и под каким правлением живут», в 5 департаменте Сената была составлена, по имевшимся в делах этого департамента сведениям, специальная справка, которую обер-прокурор 5 департамента представил Вяземскому при рапорте от 10 октября 1766 г. Документ этот имеется в ЦГАДА в двух списках: а) ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6458, лл. 320—322 об.; на справке подпись: «Никита Иванов»; б) ф. 263, 5 департамента Сената, кн. 31, лл. 221—222 об.; на справке подпись «Василий Бунин» (оба — сенатские секретари, занимавшиеся этим делом).

Данная справка содержит довольно обширное перечисление народов Сибири, с разделением по Сибирской и Иркутской губерниям, с локализа-

цией их преимущественно по городам. Справка эта примечательна, в частности, тем, что отражает состояние имевшихся в ту пору в Сенате, как и вообще в распорядке центральных правительственных органов, сведений о народах Сибири.

21. Ведомость о народах Иркутской губернии, 1768 г.

Одним из последствий запроса генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского, о чем было рассказано выше (№ 19), явилась присылка в Сенат сведений по Иркутской губернии. Документ этот, хранящийся в ЦГАДА (ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6458, лл. 323—325 об.), был получен 5 департаментом Сената от иркутского губернатора А. И. Бриля и представлен в оригинале кн. Вяземскому 16 марта 1769 г., со ссылкой на его запрос от 1766 г. Документ озаглавлен: «Ведомость, учиненная в Иркутской губернаторской канцелярии в силу указа из Правительствующего Сената от 29 ноября 1766, а здесь полученного февраля 5 числа 1767 годов, какия именно в здешней губернии (кроме города Якутска и Охотского порта и Камчатки, из коих мест, за неприсылкою ведомостей, неизвестно) народы жительствоуют, и какой образ жития имеют, и сколько их каждого значится числом состоит, и чем каждый народ промысел и пропитание свое имеет, какие они порознь в казну доходы платят, значит ниже сего, ноября 16 дня 1768 году». На ведомости подпись-автограф: «Генерал-майор Адам Бриль»; здесь же помета: «С сего конпия списана и отдана в Уложенную комиссию».

Иркутская канцелярия выполнила полученный ею указ довольно своеобразно. Основное содержание данной ведомости составляют статистические сведения о русском населении губернии: купцах, цеховых, разночинцах, дворовых людях, фабричных мастерах и работных людях, государственных и экономических крестьянах; меньшее место занимают такие же сведения об «иноверцах». Сопровождающие эти сведения ответы в графе «Какой они образ жизни и чем промысел и пропитание свое имеют» кратки и незначительны.

Извлекаем из настоящей ведомости следующие данные.

«Во всем Иркутском ведомстве... числится брацких и тунгусов ясашных всего в 69 родах — число людей 19 005, с них всего збирается ясака деньгами 26 792 руб. 44 коп.»

«В городе Илимске и оног в уезде... тунгусов и брацких ясашных всего в 5 волостях — число людей 713, збирается в год ясака деньгами 1017 руб.»

«В городе Селенгинске и оног уезде... ясашных повокрещенных — 219, ясаку — 3 руб.» «Во всем Селенгинском ведомстве... числится брацких ясашных в 22 родах 6918 людей, збирается в год ясака деньгами 8076 руб.»

«В городе Нерчинске и оног уезде... ясашных новокрещенных — 90, ясаку — 3 руб.» «Во всем Нерчинском ведомстве брацких хоринцов в ясаке всего в 11 родах — 11 034, тунгусов в 40 родах — 4799, итого 15 833. В оном числе оказалось быть годных в ясаке 7025 людей; на них положено собольми 7025, а за непромыслицею от оных другим зверем, коп бы стоили по два рубли, 14 050, а буде зверей в улове не будет, то деньгами по три рубли — 21 075 рублей».

22. Два описания народов Якутского и Охотского уездов, 1769 г.

28 октября 1770 г. иркутский губернатор А. И. Бриль представил в Сенат два описания народов, живущих в Якутском и Охотском уездах. В сопроводительном рапорте Бриль ссылается на указы Сената от 5 февраля 1767 г. и 7 августа 1768 г., в которых предлагалось сообщить, «выправясь обстоятельно, какия имянно в здешней губернии народы жительствоуют, и какой образ жития имеют, и сколько их каждого звания числом состоит,

и чем каждый народ промысел и пропитание свое имеют, и какие они порознь в казну доходы платят». При этом Бриль сообщил, что во исполнение указов Сената он обратился с соответствующими запросами в Якутскую и Охотскую канцелярии. Как явствует из приведенной сейчас формулировки рапорта Бриля, данные описания Якутского и Охотского уездов восходят к тому запросу генерал-прокурора А. А. Вяземского от 1766 г., о котором было рассказано выше (№ 19) и который уже вызвал особую ведомость по Иркутской губернии, присланную в Сенат тем же Брилем в 1768 г. (см. выше, № 21).

Упомянутые документы, вместе с рапортом Бриля, были опубликованы еще в конце XVIII в. в «Российском магазине», издававшемся членом-корреспондентом Академии наук Ф. О. Туманским (вып. 1. СПб., 1792), под общим заглавием «Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и на Камчатке». Оба документа имеют здесь также особые заголовки: «Ведомость, учиненная о нравах живущих в Якутском уезде народов, октября 28 дня 1770 года» и «Ведомость, учиненная о нравах живущих в Охотском уезде народов, октября 28 дня 1770 г.»

Первая из этих ведомостей, относящаяся к Якутскому уезду, существует также в другом списке, хранящемся в Якутском Государственном архиве, имея заголовок: «Описание, учиненное в штате состоящими дворянами и детьми боярскими и перегулярного войска якуцких казаков старшинами, о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и в ведомстве города Якуцка ясаших разных родов иноверцах, кто именно, какия нежности, увеселения, притом же и в каких местах жительство имеют, также и суевериях, и какою довольствуют себя пищею, и чем скотоводствуют, какие же звери и рыбы в промыслу бывают, и родство между собой производят, о том значит ниже сего, генваря... дня 1769 году». Этот список опубликован А. П. Окладниковым в статье «К истории этнографического изучения Якутии. Описания быта и нравов народов Якутии, сочиненные в городе Якутске в 1768—69 и в 1785 гг.» (в кн.: «Сборник материалов по этнографии якутов». Якутск, 1948). А. П. Окладникову осталась, видимо, неизвестной вышеназванная нами публикация того же документа Ф. О. Туманского. Тексты, опубликованные Ф. О. Туманским и А. П. Окладниковым, имеют некоторые разночтения.

Ведомость по Якутскому уезду относится в основном к якутам, частично к корякам и чукчам. Она имеет форму ответов на вопросы, которые тут же воспроизводятся. Вопросы эти таковы³¹.

«1. О якутах мужска и женска пола, какого возраста? важного или нежного вида? и чем веселятся? то есть борьбою или кулачным боем, копыным рысканием, стрельбою, из какого оружия производится? и о вере их идолаторской?»

2. По их суеверию шаманства или другие обаянства с каким действием производят?

3. От чего пьяны бывают, и какою пищею довольствуются, при каких местах и в каком строении жительствоуют, как в зимнее, так и в летнее время?

4. Каковых именно разных родов зверей промышляют и куда оных отдают? в первых за ясак ли положенный на них в казну или в продажу и одежду себе употребляют?

5. Какой скот у себя имеют? и прочее тому подобное свойство и качество их?

6. Коряки и чюкчи какое имеют качество? при этом же веру идолаторскую ли, так же и обхождение, и как зимою, так и летом кочующие или сидящими на одном месте жительствоуют?»

³¹ [Данный текст воспроизводится по документу, опубликованному Ф. О. Туманским. В подлиннике на каждый вопрос тут же дан ответ].

Не может быть сомнения, что своеобразный вопросник является местным произведением и сочинен, вероятно, в Якутске местным человеком, не чуждым чисто этнографическим интересам. Ответы довольно обстоятельные, в особенности ответ на 6-ю группу вопросов: это общая, разносторонняя этнографическая характеристика коряков и чукчей, включающая, в частности, описание форм заключения брака. Подлинник якутского архива имеет 21 подпись.

Вторая из вышеперечисленных двух ведомостей — по Охотскому уезду — относится к ламутам, корякам, алеутам, олюторцам, камчадалам и «курильцам» (айнам). Часть этого документа, относящаяся к тунгусам и корякам, была также опубликована под заглавием «Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г., выписано из ведомостей, присланных в Правительствующий Сенат от бывшего в Иркутской губернии губернатором, генерал-поручика и кавалера Бриля, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции (лл. 390—394). Сообщено Н. В. Калачевым» («Изв. Сибирского отдела РГО», II, 1871, 3).

Эта ведомость носит другой, чем якутская, характер: не имеет формы ответов на определенные вопросы, а представляет собой общее довольно пространное описание, относящееся к вышеперечисленным народам по каждому народу отдельно.

Следует отметить, что если запрос Сената имел довольно ограниченный характер, то вышеописанные вызванные этим запросом ведомости оказываются гораздо более разносторонними и содержательными; в частности, большое место в них уделялось вопросам чисто этнографическим. В этом, как уже было нами высказано выше (№ 19), нельзя не видеть влияния местных этнографических интересов.

23. Описание коряков Е. Пургина, около 1767 г.

Настоящее описание напечатано нами в публикации «Из истории этнографии коряков в XVIII в.» («Сибирский этнографический сборник», IV, 1962) по оригиналу, хранящемуся в ЦГАДА (Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 18, лл. 5—8 об.). Оригинальный заголовок этого документа: «Известие о нравах и поведении имеющих в ведомстве Гижигинской крепости иноверческих народов». Данное «Известие» представляет собой «скаску» состоявшего в гарнизоне Гижигинской крепости казака-толмача Ефрема Пургина, записанную около 1767 г., и относится исключительно к корякам. Содержание: способ счета, летосчисление, верования, шаманство, жертвоприношения, брак, кузенный брак, «отработка», «хватающие» песни, многоженство, левират, погребение, сожжение, погребальные жертвоприношения, представления о загробном существовании, уголовные наказания, промыслы, охота, рыболовство, собирательство, статистические данные на 1767 г., обложение ясаком и деньгами, взаимоотношения коряков с чукчами, воспитание детей, средства опьянения. В целом и в своих частностях описание Пургина представляет собой весьма содержательный этнографический документ.

О Пургине известно следующее. При исследовании вопроса о наилучшем пути из Охотска в Анадырь Пургин дал подробное показание о своих поездках, совершенных по местным рекам и Пенжинской губе в 1746 и 1758 гг., в бытность свою в Анадыре (см. «Краткая записка о способности пути к перевозке из Охотска в Анадырский порт провианта и прочего». ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. I, д. 6, лл. 18—20; без даты). В 1774 г. Пургин сопровождал известного из истории Чукотки Н. И. Давуркина (см. № 17) в его походе для переговоров с чукчами из Гижигинской крепости к Каменскому острожку в качестве толмача, знающего чукотский язык (ЦГАДА, ф. 7, д. 2451, лл. 33 об.—34). Таким образом, прослужив, во всяком случае, с 1746 по 1774 г., т. е. в течение 30 лет, в

районе расселения коряков и владея их языком, Пургин мог стать хорошим знатоком их быта, о чем и свидетельствует его превосходное с этнографической точки зрения описание.

Е. Пургину принадлежит еще одна имеющая этнографическое значение запись показаний корякских князцов и старшин (см. № 24).

Возникает вопрос, в какой связи, по чьей инициативе, по какой необходимости Пургиным было составлено «Известие»? Как было сказано выше (№ 19), мы считаем, что это описание коряков было вызвано тем же запросом генерал-прокурора А. А. Вяземского, к которому восходят и три вышеописанных документа по Иркутской губернии (№ 21 и 22).

24. Показания корякских князцов и старшин, записанные Е. Пургиным, около 1767 г.

Настоящий документ напечатан нами там же, что и предшествующий; архивный оригинал — в том же деле, лл. 1—4 об. Документ этот представляет собой запись показаний корякских князцов и старшин, произведенную Ефремом Пургиным около 1767 г.

Содержание данного документа: местожительство коряков в виде стойбищ отдельных князцов, отстоящих одно от другого на 5—10 верст, промыслы и пища, взаимоотношения с чукчами, падеж оленей и помощь пострадавшим соплеменникам, уплата ясака, замена его деньгами, необходимость оказания корякам защиты от нападений чукчей гарнизоном Гижигинской крепости.

Составление настоящей записи было вызвано, как явствует из вводной ее части, вопросами, связанными с взиманием ясака.

25. Описание Березовского ведомства, около 1769 г.

«Описание Березовского ведомства, какой в окружности оного народ живет и какое обращение в жительствах и в промыслах их имеетца и о прочем» опубликовано Б. Кочаковым под заголовком «Из истории народов Западной Сибири во 2-ой половине XVIII в.» («Исторический архив», I, 1936); публикация дает текст названного документа с кратким введением; документ опубликован по списку, хранящемуся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Как сообщает издатель, список этот представляет собой рукопись на 14 листах, не подписанную и не имеющую даты.

Заглавие настоящего документа очень напоминает те вопросы указа Сената, которые восходят к ордеру 1766 г. кн. Вяземского (см. № 19), вызвавшему составление по Иркутской губернии (Якутскому и Охотскому уездам) ведомостей, описанных нами в предшествующих разделах. Указ Сената был послан, как мы знаем, и в Тобольскую губернию, куда входил Березов, и, видимо, вызвал здесь составление соответствующего ответа по Березовскому ведомству. На этом основании мы датируем настоящий документ, как и упомянутые ведомости, концом 60-х и началом 70-х годов XVIII в. Б. Кочаков датирует этот документ 80-ми годами XVIII в., не указывая, однако, к тому оснований или своих соображений.

«Описание Березовского ведомства» относится к хантам (остякам) и пенцам (самоедам). Содержание его: промыслы, жилища, посуда, одежда, обувь, пища, селения, средства транспорта; заключительная часть описывает бедственное положение местного населения, поборы и злоупотребления администрации и духовенства.

Б. Кочаков высказывает предположение, что автором данного описания явился начальник Тобольского наместничества. Это более чем сомнительно. Начальник наместничества вряд ли стал бы писать о злоупотреблениях местной администрации и духовенства.

*26. Журналы похода на Медвежий острова И. Леонтьева,
И. Лысова и А. Пушкарёва, 1767—1771 гг.*

В 1767—1771 гг. совершили поход из Якутска в Охотск, а оттуда на Медвежий острова геодезисты И. Леонтьев, И. Лысов и А. Пушкарёв. В этом походе участвовал также переводчик Н. И. Дауркин (о нем см. № 17). Составленные участниками похода четыре журнала хранятся в ЦГАДА, ф. 24, д. 55, 1773 г.; на 25 листах; название дела: «О путешествии от устья реки Кавымы к Северному морю прапорщиков геодезии Ив. Леонтьева, Ив. Лысова и Алексея Пушкарёва (с изображением юкагиря)»; другой список одного журнала: ЦГАДА, Портфель Миллера, № 528, ч. 1, д. 8, лл. 1 об.—6. Журналы напечатаны неполностью: 1) *Л. Гельмерсен*. К вопросу об открытии Врангелевой земли. «Изв. РГО», 12, 1876, вып. 6; 2) *Н. Н. Зубов, К. С. Бадигин*. Разгадка тайны земли Андреева. М., 1953, стр. 99—115 (три журнала).

Составленная участниками похода карта опубликована: *А. М. Черников*. Из истории изучения Арктики. (Неопубликованная карта «секретному войску» на Медвежий острова в 1769 г.) «Архив истории науки и техники», 9, 1936, стр. 356—373. Оригинал этой карты хранится в ААН, разр. IX, св. I, д. 178; карта подписана всеми тремя участниками похода.

Леонтьев, Лысов и Пушкарёв были в 1766 г. произведены из сержантов в прапорщики (ЦГАДА, ф. 24, д. 55, л. 3—«Записка о службе» этих лиц); в 1774 г. за свой поход все они были произведены в подпоручики (ЦГАДА, ф. 248, кн. 6457, л. 309). Существует описание Березовской округи 1782 г., подписанное: «капитан-исправник Иван Леонтьев» (см. № 35). Возможно, что подпоручик Леонтьев 1774 г. и капитан-исправник 1783 г.—одно и то же лицо.

Журналы Леонтьева, Лысова и Пушкарёва, относящиеся к отдельным этапам их похода туда и обратно, содержат некоторые сведения о местопребывании тунгусов, якутов и юкагиров. К журналам этим присоединено в виде особой части «Описание в Нижнекавынской крепости и в старом Нижнекавынском остроге какие команды состоят и жительство имеют обыватели, сколько домов, каких годов лес, птицы, звери, в реках рыбы и прочее» (лл. 19—21 об.). Этот небольшой, но весьма содержательный документ дает описание местных промыслов, охоты на оленей и гусей, а также описание одежды. В деле находятся акварельные рисунки (лл. 22—24). Рисунки на одном листе изображают ловлю гусей неводом; рисунок на другом листе изображает охоту на плывущих по реке оленей; на третьем листе один рисунок изображает юкагиров на лыжах, верхом на оленях и на саних с оленьей упряжкой, другой рисунок — русских на саних с собачьей упряжкой.

27. Ведомость камчатских тойонов, 1770 г.

В ЦГАДА (Портфель Миллера, № 539, ч. I, д. 17—«Ведомость о трактах в Камчатке» (архивное название, неправильное), лл. 8—12) хранится документ, имеющий следующее начало: «Выписано из ведомости, учиненной в 770-м году бывшим здесь в Камчатке с комиссией Якутского карабинерского полку господином подполковником (что ныне полковник) Зубрицким, которая ведомость к сведению от него в Камчатскую Большерецкую канцелярию в том 770 году июля 10 дня при предложении прислана, колико имеется во всех камчатских острогах ясашных тойонов и их подпокомандующих [?] ясашных плательщиков, оставших от оспенного поветрия, и в которых острошках кто именно тойоны, о том значит ниже сего, а именно...»

Документ содержит перечисление камчатских острогов и находящихся в их ведомстве острожков, с обозначением имен тойонов этих острожков, числа ясашных плательщиков в каждом и размера ясака. Сведений о Зубрицком нами не найдено.

28. Путевые записки И. И. Исленьева, 1771 г.

Иван Иванович Исленьев (умер в 1784 г.) находился на военной службе с 1746 г., в 1755 г. — прапорщик Гусарского полка Новосербского корпуса, затем состоял при Коллегии Адмиралтейства, занимаясь изучением геодезии и картографии; позже находился при Коллегии иностранных дел; в 1764 г. состоял в Геодезической команде при Сенате, в том же году произведен в поручики; в 1767 г. был причислен к Академии наук для обучения практической астрономии; в 1768 г., в чине капитана, был послан в Якутск для астрономических наблюдений и пробыл в Сибири до 1771 г., исполняя и другие астрономические и географические работы; в 1771 г. был зачислен адъюнктом Географического департамента Академии наук; в последующие годы исполнял различные астрономические и географические задания в России³².

Извлечения из путевых записок, которые вел И. И. Исленьев в Сибири, были опубликованы посмертно под заголовком «Перечень дневной записки г. Исленьева» («Новые ежемесячные сочинения», 1788, ч. 22-23, апрель — май); редакционное примечание указывает, что собранные Исленьевым материалы остались неизданными вследствие его смерти и публикуется только выборка из его путевых записок, которые он вел, начиная от Иркутска; затем в конце публикации напечатано следующее: «В бытность свою в Якутске г. Исленьев, между прочим, старался приобрести сведения о естественном положении всего Якутского уезда, о гражданском разделении, о вере иповерцев, о народных обычаях и обрядах, и что в разные времена слышал, выбрав из того не одним человеком засвидетельствованные известия, расположил по статьям, перечень коих впредь сообщен будет». В последующих частях «Новых ежемесячных сочинений», вплоть до конца их издания, продолжения записок Исленьева не было; таким образом, публикация их осталась неоконченной.

Напечатанная часть (притом в извлечениях) путевых записок Исленьева содержит ценный этнографический материал. Таковы замечания о бурятах, сообщения о местах культа бурят и тунгусов, сведения о якутах, их плясках, одежде, жилище, предметах культа, подробное описание шаманского обряда, рассказы о шаманах, описание Якутска.

Исленьев является также составителем ряда географических карт, относящихся как к Сибири, так и к другим районам России.

29. Ведомость о монастырях, церквях и пр. в Камчатском, Охотском и Якутском уездах, 1774 г.

«Ведомость о Камчатском, Охотском и Якутском уездах, о числе состоящих монастырей, церквей, приходских дворов, мужска и женска полу душ, так же и иповерцов в ясаке... с приложением при том генерал-поручика иркутского губернатора и кавалера Бриль примечания» (ЦГАДА, ф. 259, 1 департамента Сената, д. 4002, лл. 41—46 об.; подпись-автограф — «Адам Бриль»; помечено 4 марта 1774 г.) была прислана в Сенат вследствие его указа о представлении сведений для Синода в связи с учреждением на Камчатке новой епархии. Содержит некоторые данные о христианизации местного населения.

³² О нем см.: ЦГАДА, ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6440, д. 76, 1764 г., лл. 1020—1024, о производстве И. И. Исленьева в чин поручика; Евгений. Словарь светских писателей, т. I, 1845, стр. 250—251; Т. Н. Мельникова, Математическая основа русских карт XVIII в. Л., 1951 (диссертация; рукопись находится в ГБЛ, приложение № II-5, стр. 29—32; биографические данные об И. И. Исленьеве собраны автором по материалам ААН).

*30. Описание похорон корякского старшины,
составленное Г. и И. Поповыми, 1777 г.*

Настоящее описание напечатано нами в публикации «Из истории этнографии коряков в XVIII в.» («Сибирский этнографический сборник», IV, 1962) по оригиналу, хранящемуся в ЦГАДА (Портфель Миллера, № 539, ч. II, лл. 59—61). Описание это принадлежит к числу тех материалов, которые собирались местными людьми по инициативе Т. И. Шмалева. Авторами являются русские поселенцы, крестьяне Григорий и Иван Поповы, владевшие корякским языком.

Написанное непосредственными наблюдателями, данное описание корякских похорон представляет собой ценнейший этнографический документ.

*31. Записка И. Анкудинова о его поездке
для сбора ясака с коряков, 1777 г.*

Настоящий документ напечатан нами в той же публикации, что и предшествующий, по оригиналу, хранящемуся в ЦГАДА (Портфель Миллера, № 528, ч. II, д. 8; на 2 листах). Архивное название дела: «Записка о сборе ясака с пеших коряк на разные годы доимочных денег». Автором его является капитанармус Иван Анкудинов, описывающий свою поездку из Гижигинской крепости на реки Пахачу, Апүку, Кавачу и Явопу. Документ содержит перечисление корякских родов с их старшинами и любопытное описание охоты на птиц. Документ датируется 1777 г., по указанию в тексте.

*32. Журналы путешествий по Чукотке И. Кобелева,
1779 и 1789—1791 гг.*

Иван Кобелев (род. в 1739 г.), в службе казаком с 1752 г., с 1764 по 1780 г. состоял «у письменных дел» (его подпись-автограф в качестве заверки документа см.: ЦГАДА, ф. 7, д. 2451, л. 50); в 1779—1780 гг. «был в Чукотской землице для збору с чукотских народов в казну ясака и описания их людства, и во время его там бытности учинено им описание от устья реки Анадыря до самого восточного носу и с принадлежащими островами и часть Америке и простирался до второго между проливами острова, называемого Игеллина, и всему тому сочинил карту, тож собрано им с часть с оленных и пеших чучок ясаку и притом описано людство чучок, мужска и женска пола; а по возвращении оттоль находился в Гижигинской крепости у записки прихода и расхода денежной казны». С 1787 по 1791 г. Кобелев участвовал в Северо-Восточной экспедиции, возглавленной капитаном Дж. Биллингсом, и побывал на Аляске; в 1791 г. прибыл в Якутск³³.

И. Кобелев является автором двух журналов совершенных им путешествий. Первый журнал под заглавием «Перечень из дневной записки казачьего сотника Ивана Кобелева, посыланного 1779 года в марте меся-

³³ Приведенные биографические сведения о Кобелеве заимствованы нами из аттестата, выданного ему в Петербурге 27 июня 1792 г. Дж. Биллингсом в связи с ходатайством Кобелева о присвоении ему обер-офицерского чина (ЦГВИА, ф. 41, графа Н. И. Салтыкова, оп. 199, д. 226, лл. 27—28, подлинник; здесь же хранится (лл. 30—31 об.) рекомендация, данная Кобелеву П. С. Палласом (на французском языке, без даты, подлинник), повторяющая некоторые данные о Кобелеве из аттестата Дж. Биллингса и, видимо, составлявшая приложение к этому аттестату). Возможно, что Кобелев был лично в 1792 г. в Петербурге.

М. Б. Чернепко, автор нижеуказанной прекрасной работы о Кобелеве, напечатанной в 1957 г., пишет: «К сожалению, сколько-нибудь достоверные биографические сведения о самом Кобелеве отсутствуют» (стр. 138). Мы имеем сейчас возможность восполнить этот пробел.

де из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю», напечатан в «Месяцеслове историческом и географическом» на 1784 г. (перепечатано: ССМ, 5, 1790, немецкий перевод: NN В, IV, 1783).

В ЦГАДА (ф. 7, д. 2539, 1779 и 1785 гг., лл. 62—64 об.) имеется «Экстракт, выбранный из журнала казачьего сотника Ивана Кобелева, который послан был [из] Гижигинской крепости в чукоцкую сторону для примечания и имел поход до островов Имагина и Гелляна, лежащих между Восточною Азиею и Северною Америкою в уском между оными землями расстоянии, что значит в приложенной при сем карте (в деле имеется несколько карт.— М. К.), а в упоминаемом журнале о отправлении его, Кобелева, из Гижигинской крепости марта 22 дня 1779-го года майя по 9-е число того же году». На рукописи — подпись-автограф: «Секунд-майор Михайла Татаринов», который, вероятно, является составителем данного экстракта. (О М. Татаринове см. № 18)³⁴. Этот экстракт напечатан: А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII — первая половина XVIII в. М., 1950, стр. 264—268.

Названный журнал Кобелева содержит некоторые сведения о чукчах, в частности весьма любопытные данные о взаимоотношениях чукчей с «американцами».

Журнал второго путешествия Кобелева, в бытность его в составе Северо-восточной экспедиции в качестве проводника и переводчика, в частности сопровождавшего Дж. Биллингса в его сухопутном путешествии по Чукотке, остается неопубликованным. Журнал этот хранится в Центральном Государственном архиве военно-морского флота³⁵. Он широко использован М. Б. Черненко в его работе «Путешествия по Чукотской земле и плаванье на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1792 гг.» («Летопись Севера», II, 1957). Судя по приводимым автором выдержкам из второго журнала Кобелева, здесь содержатся весьма интересные этнографические данные.

33. «Известие» об Ишимской линии, около 1780 г.

Статья, напечатанная под заглавием «Географо-физическое известие об Ишимской линии» в «Месяцеслове историческом и географическом» на 1780 г. (перепечатана в ССМ, 4, 1790), содержит, помимо общих подробных географических данных, некоторые сведения о местных «киргиз-кайсаках», их земледелии, огородничестве, скотоводстве, способах лечения скота, торговле.

34. Записки Е. Пестерева 1781 г.

Геодезист сержант Егор Пестерев состоял с 1772 по 1781 г. на службе в районе Красноярского уезда; в 1781 г. он уволился по собственной просьбе и затем служил в г. Екатеринбург, где находился еще в 1786 г.³⁶

Как явствует из указания самого Пестерева в конце его записок, они были окончены им в 1781 г. Записки Пестерева были присланы в Академию наук ее членом-корреспондентом И. Ф. Германом³⁷.

Записки Пестерева относятся к ряду народов, в частности бурятам, монголам, камасинцам, сойотам (тувинцам) и красноярским и кузнецким татарам (бельгийцам, сагайцам, качинцам, койбалам). О неко-

³⁴ [Документ сохранился в плохом состоянии. Транскрипция названия островов дана самим автором].

³⁵ Далее — ЦГАВМФ.

³⁶ О нем см.: В. А. Ватин. Минусинский край в XVIII в. Минусинск, 1913, стр. 64—65.

³⁷ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук в XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 8.

торых из этих народов сведения в источниках XVIII в., можно сказать, совершенно отсутствуют, и в этом отношении записки Пестерева имеют особую ценность. В своих записках Пестерев, сообщая различные сведения о названных народах, уделяет наибольшее внимание их промыслам; говоря о бурятах, автор отмечает их деление на роды; примечательны его замечания о богатых и бедных среди монголов и сойотов, об их взаимоотношениях, эксплуатации и пр. Записки Пестерева содержат вообще много интересных и ценных частных замечаний; любопытно следующее сообщение о бурятах: «Из баб и девок таежных есть великие мастерицы стрелять из ружья и самому лучшему мужчине в промысле зверей не уступают».

*35. Описания народов Туруханской
и Березовской округ И. Башкурова и И. Леонтьева, 1782 г.*

А. И. Андреев опубликовал в журнале «Советская этнография» (1947, 1) два архивных документа: 1) «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской округе разного рода ясачных пноверцов, учиненное ноября 15 дня 1782 года»; подписано: «Капитан-исправник Иван Башкуров»; 2) «Вопросы о ясачных и других разного звания иноверцах Березовской округи»; подписано: «Капитан-исправник Иван Леонтьев». Опубликовано по копиям, хранящимся в так называемом Воронцовском архиве в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Оба документа представляют собой ответы на анкету. И. Леонтьев заканчивает свои ответы следующей припиской: «В прочем по всему о вышеописанном народе описанию предаю Экспедиции Економии на рассмотрение».

Упомянутая анкета сама по себе весьма примечательна. Она содержит 38 вопросов, в основном чисто этнографического характера. Анкета касается мест обитания народов, их образа жизни, промыслов, способов охоты и охотничьей техники, религии, культа, предметов поклонения, жертвоприношений, служителей культа, брака, свадебных обрядов, отношений супругов, разводов, отношений между родственниками, воспитания детей, знания русского языка, одежды зимней и летней, нарядов и украшений, женских рукоделий, пищи, средств просвещения и содействия благосостоянию описываемых народов.

Кем были затребованы данные описания и кто явился автором этой анкеты? Прямых указаний по этому поводу нет. Косвенные показатели следующие.

Названная анкета могла быть составлена лицом, довольно хорошо знакомым с бытом местного населения. Некоторые вопросы анкеты говорят о том, что при ее составлении была использована известная анкета В. Н. Татищева. Нет сомнения, что как анкета, так и сам запрос исходили ни в коем случае не из центра, от какого-нибудь правительственного учреждения, а видимо, от какой-либо местной инстанции, возможно губернской канцелярии. На это указывает и содержащееся в ответе И. Леонтьева упоминание некой «Экспедиции экономии». Такой экспедиции в центральных административных учреждениях России того времени, насколько мы знаем, не существовало, но она была в составе губернской канцелярии. Таким образом, Тобольская губернская канцелярия, в ведении которой находились Туруханская и Березовская округи, и была, видимо, учреждением, явившимся заказчиком данных описаний, и в ней же, по-видимому, была составлена данная анкета.

Чем весь этот запрос был вызван, остается неизвестным. Можно отметить, что в содержании анкеты отразились как административные, экономические и религиозно-просветительские требования, так и в большой мере чисто этнографические интересы.

Каких-либо данных об авторах ответов — И. Башкурове и И. Леонтьеве — мы не нашли. Не является ли подписавший анкеты по Березовской округе в 1782 г. капитан-исправник Иван Леонтьев тем самым Иваном Леонтьевым — геодезистом, который был произведен в подпоручики в 1774 г. за свое участие в походе на Медвежий острова (см. № 26)?

36. Журнал похода в Чукотскую землю П. Белокопытова, 1783 г.

В ЦГАДА (ф. 7, д. 2451 — «О принятии чукотского народа в российское подданство» и пр., лл. 108—115 об.) хранится «Журнал, веденный со отправления 1783 года, марта с 23 числа, из крепости Гижигинской в Чукотскую землю штурманского ученика Белокопытова с товарищем Инешниным, во время следования в ту землю, по каким именно местам и какия примечания были, значится ниже сего». Журнал этот содержит некоторые сведения о чукчах и их взаимоотношениях с «американцами».

Относящаяся к данному походу карта находится в ЦГАДА (ф. 7, д. 2539 — «О Курильских островах, о народе чукчах и вообще о Камчатке», л. 80); на карте надпись: «Сочинял штурманский ученик Петр Белокопытов».

37. Этнографический запрос Кабинета Екатерины II, 1784 г.

В 1784 г. Кабинет Екатерины II выступил с весьма оригинальным для своего времени и для данного учреждения мероприятием, имевшим этнографический характер. Известно еще одно, иного характера, мероприятие Кабинета, датруемое тем же 1784 г., целью которого было составление по всей России топографических описаний. Это мероприятие дало громадные результаты. Данное дело уже составило предмет внимания некоторых советских исследователей; заслуживает оно внимания также по своему историко-этнографическому значению и в целом требует специального рассмотрения.

В общем, таким образом, Кабинет Екатерины II оказывается центром, сыгравшим некоторую роль в развитии русской этнографии XVIII в. Большую роль в обоих названных мероприятиях сыграл член Кабинета П. А. Соймонов.

Петр Александрович Соймонов (около 1740—1800) является одним из видных русских государственных деятелей второй половины XVIII в. Собранные нами о нем сведения составлены лишь по отдельным указаниям и ссылкам³⁸.

П. А. Соймонов состоял на военной службе; после 1762 г., имея тогда чин бригадира, был некоторое время личным секретарем Екатерины II; затем был членом Кабинета Екатерины II, заведовал экспедицией колывано-воскресенских заводов, находившихся в непосредственном ведении названного Кабинета; около 1784 г. выезжал в Сибирь для ревизии этих заводов; с переходом в ведение того же Кабинета Петербургского горного училища в 1784 г. Соймонов заведовал этим училищем до 1792 г.; в 1784 г., оставаясь членом Кабинета Екатерины II, был назначен сенатором; с 1796 по 1799 г. состоял президентом Коммерц-коллегии. Имея одновременно военные и гражданские чины, Соймонов дослужился до чина генерал-поручика и действительного тайного советника. В 1799 г. Соймо-

³⁸ О нем см.: «200-летие Кабинета е.и.в., 1704—1904. Историческое исследование». СПб., 1911 (между стр. 352—353 — репродукция портрета П. А. Соймонова с оригинала, сохраняющегося ныне в Горном институте в Ленинграде); Л. Лоранский. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873, стр. 31; «Люди екатерининского времени. Справочная книжка к царствованию Екатерины II». СПб., 1882; Falloux. Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres, t. I, 3 éd. Paris, 1860; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, св. 191, д. 533, ч. XII, л. 30; «Московский некрополь». Некоторые материалы, относящиеся к П. А. Соймонову, имеются в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, в фонде Ф. И. Соймонова.

нов был выслан Павлом I из Петербурга, поселился в Москве и вскоре умер.

П. А. Соймонов был широко образованным человеком. В бытность П. А. Соймонова членом Кабинета Елизаветы II указом императрицы от 5 ноября 1786 г. («Полное собрание законов Российской империи»³⁹, т. XXII, № 16455) на него возложено руководство составлением в Кабинете «полного собрания карт» Российской империи; существует карта, «сочиненная и напечатанная под смотрением генерал-майора Соймонова».

В том же 1786 г. Соймонов представил записку «О торге и звериных промыслах в Восточном море»⁴⁰, в которой, между прочим, предложил отменить соби́рание с народов Сибири ясака, как дела невыгодного и отвращающего местное население от сношений с русскими промышленниками.

Когда в том же 1786 г. возник проект кругосветного морского плавания, в связи с чем подбирали соответствующую литературу, карты и пр., Соймонов, по-видимому, принимал в этом деле активное участие. Возможно, он является автором замечательной инструкции, приготовленной для участников этого несостоявшегося плавания⁴¹.

Начало и сущность этнографического мероприятия Кабинета Елизаветы II 1784 г., о котором мы сейчас говорим, освещается, помимо некоторых отрывочных упоминаний и ссылок, часто неправильных, нижеприводимым письмом П. А. Соймонова. Это было, видимо, письмо циркулярного характера, которое было разослано нескольким адресатам. 18 августа 1784 г. Соймонов обратился из Царского Села к пермско-тобольскому генерал-губернатору Е. П. Кашкину со следующим письмом: «Е. п. в. повелеть соизволила, чтоб ваше превосходительство, избрав верного и сведущего человека, препоручили ему собрать сведения о начале и происхождении живущих во вверенных вам губерниях разных племен иноверцов, также о достопамятных между ими происшествиях, равномерно и о законе их и обрядах, поелику оные к объяснению их истории относиться могут, наведываясь о всем том от их духовных, старожилых и от всех, от кого таковые известия получить будет возможно. И все сии сведения, а при этом предания, между ними сохраняющиеся, сколь бы они с истинною были не сообразны, без всякого разбора, приказали б о каждом народе порознь, записав подробно, и доставить изволили на высочайшее е. и. в. благоусмотрение»⁴².

Принятые Е. П. Кашкиным по этому письму меры дали существенные этнографические результаты по ряду народов края.

Аналогичное производство по такому же, очевидно, письму Соймонова имело место в Иркутско-Колыванском наместничестве.

23 ноября 1784 г. иркутский и колыванский наместник генерал-поручик И. В. Бриль сообщил Якутской воеводской канцелярии, что ему по высочайшему повелению поручено, избрав честного и сведущего человека, собрать сведения «о начале и происхождении живущих в... губернии разных племен иноверцов, также о достопамятных меж ими происшествиях, равномерно о законе и обрядах, поелику оные к объяснению их истории относиться могут, наведываясь о том... от их духовных, от старожилых и от всех, от кого таковые известия получить будет возможно... а

³⁹ Далее — ПСЗ.

⁴⁰ Согласно указанию А. И. Андреева (в книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» М., 1948, стр. 67), рукопись этой записки находится в ЦГИАЛ, ф. 1147, Непременного совета, д. 103.

⁴¹ См.: А. Соколов. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г. под начальством Муловского. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», VI, 1848.

⁴² См.: П. С. Богословский. История правительственного обследования в XVIII в. Пермского края в этнографическом отношении (С архивными материалами о вогулах (манси), татарах, башкирах и мещеряках). «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 34, 1929, 3/4.

при том преподавании (предания?), между ими сохраняющиеся, сколько бы они с истинною были не сообразны, описать без всякого разбора — о каждом народе порознь». Как видим, текст задания в передаче И. В. Бриля дословно совпадает с текстом вышеприведенного письма Соймонова к Кашкину.

Исполнение по этому делу в Якутске было поручено коллежскому асессору О. Матушевскому, а также лекарю Пливедскому (иначе: Кливетских). Наряду с тем соответствующие распоряжения были посланы из Якутска в подведомственные Якутскому воеводству районы: Зашиверск, Жиганск, Олекминск и к якутскому окружному исправнику⁴³. Помимо Якутска, куда И. В. Бриль писал на имя подполковника Маркловского, он обращался с тем же делом также в Нерчинскую область к генерал-поручику Е. К. Бекельману и к охотскому коменданту.

Еще один след того же дела относится к Олекминску. Того же 23 ноября 1784 г. И. В. Бриль обратился к олекминскому исправнику кн. Федору Пелымскому⁴⁴, затребовав от него сведения «о вере иноверцов разных племен». Он ссылаясь на то, что Екатерине II «благоугодно» иметь сведения «о начале и происхождении иноверцов разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях» и пр.⁴⁵

В самом Иркутске собирание сведений по настоящему запросу Кабинета было поручено И. В. Брилем служившему в Иркутске переводчиком с монгольских языков Иоганну Иеригу (о нем см. № 47). Сверх того, в Иркутске же по распоряжению Бриля была образована специальная комиссия для составления общей сводки материалов, которые могли поступить с мест. В эту комиссию вошли служившие в Иркутске уже названный Иериг, заведующий архивными работами Степан Лобысевич и председатель Верхней расправы Франц Ланганс; последний возглавил эту комиссию⁴⁶.

Обращение на места, произведенное по запросу Кабинета Екатерины II в Иркутско-Колыванском наместничестве, привело, насколько известно, к различным результатам. Одни давали уклончивые ответы, другие прислали довольно солидные записки. Значительными результатами описанного предприятия являются в особенности обстоятельное сочинение О. Матушевского о якутах 1785 г. (см. № 38) и общая сводка по Иркутской губернии 1789 г. Ф. Ланганса (см. № 39).

Примечательную черту мероприятия Кабинета Екатерины II, о котором выше рассказано, составляет то, что запрос П. А. Соймонова имел совершенно определенную и довольно специальную тему, а именно происхождение народов, т. е., как мы бы сказали, этногенез, а также их раннюю историю. При этом «достопамятные происшествия» прошлого, а также религия («закон») и обряды привлекаются лишь постольку, поскольку они «к объяснению их истории относиться могут». С другой стороны, никаких сведений о хозяйстве и пр. в данном случае не спрашивается, так что заданная тема исследования имеет вполне специфический характер.

Примечательно также, что письмо П. А. Соймонова стоит с научно-этнографической точки зрения достаточно высоко; в нем запрашиваются

⁴³ А. П. Окладников. К истории этнографического изучения Якутии. Описания быта и нравов народов Якутии, сочиненные в городе Якутске в 1768—69 и в 1785 гг. В кн.: «Сборник материалов по этнографии якутов». Якутск, 1948.

⁴⁴ Князь Федор Пелымский значится в Списке чинов Иркутского наместничества конца 80-х годов XVIII в.; в чине капитана он был комиссаром в Олекминске, и с тем же чином был там же назначен расправным судьей (ЦГАДА, ф. 248, ч. III, д. 13, л. 40).

⁴⁵ И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. «Труды Восточно-Сибирского отдела РГО», т. 2. Иркутск, 1898.

⁴⁶ И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 2. Степан Лобысевич упоминается в Списке чинов Иркутского наместничества конца 80-х годов XVIII в. как «из отставших флота капитанов-лейтенантов» назначенный в Верхнюю расправу с чином надворного советника (ЦГАДА, ф. 248, ч. III, д. 13, л. 33 об.).

сведения о «каждом народе порознь», предлагается собирать и подробно записывать сведения без неуместного в таком деле субъективного подхода, «сколь бы они с истиною были не сообразны, без всякого разбора», наконец, предписывается это дело поручить не случайным информаторам, а «верному и сведущему человеку»⁴⁷.

38. Описание якутов О. Матушевского, 1785 г.

Одним из результатов охарактеризованного выше мероприятия Кабинета Екатерины II и письма П. А. Соймонова в Иркутско-Колыванское наместничество явилось этнографическое описание якутов О. Матушевского.

Автор этого описания, Осип Матушевский (Иосиф Матушевич), в 50-х годах XVIII в. служил в Тобольске, в чине поручика, адъютантом в штабе командира корпуса и командующего войсками Сибирской линии генерал-майора Киндермана; в 1785 г., имея чин коллежского асессора, он служил в Якутске заседателем Совестного суда и одновременно находился «у рассмотрения провициального архива»; в конце 80-х годов он состоял, уже в чине коллежского советника, в той же должности в Иркутске⁴⁸.

По получении в Якутске указаний иркутско-колыванского наместника в Якутской воеводской канцелярии было заведено в 1785 г. «Дело по указу наместнического правления о избрании способного человека для собрания известий о вере и протчем разных племен и народцев, населяющих уезды Якутской области», а собиравшиеся сведения, в частности о якутах, было поручено О. Матушевскому.

Составленное Матушевским описание было выявлено А. П. Окладниковым в Якутском архиве и опубликовано в статье «К истории этнографического изучения Якутии. Описания быта и нравов народов Якутии, сочиненные в городе Якутске в 1768—69 и в 1785 гг.»⁴⁹ («Сборник материалов по этнографии якутов». Якутск, 1948). Труд Матушевского носит название «Описание обитавших в Якутской области якутов, о начале их происхождения и о достопамятностях, происшествий, равномерно вере, законе их, обрядах и протчем, 15-го числа... 1785 года учинено».

«Описание» Матушевского имеет форму ответов на 28 вопросов, касающихся происхождения якутов, их религии, шаманов, свадьбы, многоженства, приданого, развода, наречения имен детям, их воспитания, отношения к русским, внешности, промыслов, одежды, поселений, скотоводства, ремесел, песен, суеверий, болезней, отношения к больным и умершим, погребения, оружия, торжеств.

Судя по имеющимся в деле данным, сведения, сообщаемые Матушевским, были им собраны путем опроса якутов, а также на основании личных наблюдений. Ответы Матушевского на поставленные вопросы сравнительно кратки, но нельзя не оценить самый его вопросник, очевидно самостоятельно им разработанный довольно оригинальным и разносторонним образом. Матушевский проявил себя здесь как подлинный этнограф, притом обладающий изрядным знакомством с бытом описываемого им народа.

⁴⁷ А. И. Андреев, опубликовавший в 1947 г. охарактеризованные нами выше (№ 35) этнографические описания по Туруханской и Березовской округам, отнес их, вместе с принадлежащей к ним анкетой из 38 пунктов, к запросу Кабинета Екатерины II 1784 г. Это ошибка. А. И. Андреев соединил в одно два различных запроса: различны они, во-первых, по их датам (первый датируется 1782 г., второй — 1784 г.), во-вторых, по их содержанию, причем второй запрос имеет в основном только узкий предмет «начала и происхождения иноверцев», в-третьих — по их инициаторам.

⁴⁸ О нем см.: «Список чипов Иркутского наместничества, составленный в конце 80-х годов XVIII в.». ЦГАДА, ф. 243, кн. 6500, ч. III, д. 13, л. 37 об.

⁴⁹ [Первое упоминание об этом документе с публикацией описания Матушевского см.: Г. А. Попов. Якуты в XVIII в. (по описаниям, произведенным в 1769 и 1783 г. в г. Якутске). «Сборник трудов исследовательского общества Saga Kesikile». Якутск, 1925, стр. 3—12].

*39. Этнографическая сводка по Иркутской губернии
Ф. Ланганса, 1789 г.*

Еще одним, наряду с охарактеризованным выше (№ 38) описанием якутов Матушевского, несомненным результатом запроса Кабинета Ека-
терины II 1784 г. является работа Ф. Ланганса 1789 г.

Как было сказано (см. № 38), по распоряжению иркутско-колыванско-
го наместника И. В. Бриля была образована в Иркутске особая комиссия
для составления общей сводки тех ответов, которые должны были посту-
пить на запрос Кабинета с мест по Иркутской губернии. Возглавил эту
комиссию, как было отмечено, председатель Верхней расправы, надвор-
ный советник Франц Ланганс (Langhans).

В 1789 г. Ланганс составил такую сводку поступивших материалов
под названием «Собрание известий о начале и происхождении разных пле-
мен иноверцов, в Иркутской губернии обитающих, и преданиях, между ни-
ми сохранившихся о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах
их». Рукопись этой работы находится в ЦГИАЛ (ф. 1-го Сибирского ко-
митета, оп. 1, д. 2)⁵⁰. Извлечения из названной работы Ланганса, в пере-
работке и с некоторыми собственными дополнениями, были напечатаны в
1824—1826 гг. Г. И. Спасским в издававшемся им «Сибирском вестнике»,
в виде трех статей, а именно:

1. «Буряты, или братские» («Сибирский вестник», 1824, ч. 1, кн. 1—6;
ч. 2, кн. 8—10). Примечание Г. И. Спасского: «Сие описание бурятов я за-
имствовал большей частью из сочинения (ненапечатанного) надворного
советника Ланганса об иноверцах, обитающих в Восточной Сибири, пи-
санного в 1789 году, сообразив оное с нынешним состоянием бурятов и
пополнив новейшими сведениями.— Г. С.»

Это довольно обширная статья, содержание которой, по заголовкам
разделов, составляет: «О происхождении бурятов, занятии ими нынешних
мест за Байкалом...»; «О природных свойствах бурятов, их нравах, пище,
одежде и жилищах»; «О скотоводстве и земледелии у бурятов, о звериных
промыслах, о разных упражнениях, обрядах и увеселениях»; «О свадьбах
бурятских, рождении и воспитании детей, о болезнях, лечении оных и
обрядов погребения»; «О шигемониевой и шаманской вере у бурятов». К
этим разделам Г. И. Спасский присоединил два раздела, им составлен-
ные: «О бурятском языке и письменах» и «О разделении, числе и управле-
нии бурятов; о бурятском духовенстве».

2. «Якуты» («Сибирский вестник», 1824, ч. 3, кн. 17/18; ч. 4, кн. 19—
24). Примечание Г. И. Спасского: «Выбрано из записок о народах, обита-
ющих в Восточной Сибири, покойного надворного советника Ланганса.—
Г. С.».

Содержание этой статьи по заголовкам разделов таково: «О происхож-
дении якутов и водворении их в нынешних местах»; «О естественных ка-
чествах якутов, нравах, некоторых обыкновениях и управлении»; «О зим-
них и летних юртах и домоводстве»; «О пище и питии»; «О чистоте и об-
хождении»; «Об одежде и нарядах»; «О сватовстве и женитьбе»;
«О рождении и воспитании детей»; «О болезнях и похоронах»; «О промыс-
лах»; «О счислении и разделении времени»; «О празднике и увеселени-
ях»; «О законе и шаманах» и др.

3. «О начале и распространении монгольских народов» («Азиатский
вестник», 1826, 4—6). Примечание Г. И. Спасского: «Сия статья большей
частью заимствована мною из рукописного собрания известий об иновер-
цах, обитающих в Иркутской губернии, надв. совет. Франца Ланганса.—
Г. С.».

⁵⁰ См. также: Ф. А. Кудрявцев. Материалы по истории Бурятии в конце XVIII и
первой половине XIX в. «Записки Бурятского н.-и. института культуры», 25, 1953
[Улан-Удэ]; см. также статью И. С. Гурвича о Лангансе в «Очерках истории русской
этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, 1971.

Разумея под именем монгольских народов собственно монголов, калмыков и бурят, автор говорит лишь о двух первых народах, описывает их историческое расселение, сообщает сведения из их истории, начиная с XIII в., и описывает их современное политическое состояние; упоминаются карты, имеющиеся в рукописи, но не воспроизведенные в данной публикации.

40. Описание баргузинских бурят, около 1787 г.

Статья «О баргузинских подгородных братских», напечатанная без указания автора в «Новых ежемесячных сочинениях» (1787, 12-13, июнь — июль), содержит записи легенд о происхождении бурят, сведения об их верованиях, шаманстве, праве и суде, наказаниях, фольклоре, промыслах, торговле, жилище, положении женщин, браке, экзогамии, свадьбе, погребении, правах. Рукопись этой статьи хранится в Отделе рукописей ГПБ (Эрмитажное собрание, № 238/6 — d; на 11 листах, обложка с водяным знаком «1787»). Судя по содержанию данной работы и ее вероятной дате, она относится к результатам запроса Кабинета Екатерины II, о котором говорилось выше (№ 37).

41. Описание баргузинских тунгусов, около 1787 г.

Статья под названием «О баргузинских подгородных тунгусах» хранится в рукописи (Отдел рукописей ГПБ, Эрмитажное собрание, № 238/6 — i; на 11 листах; обложка с водяным знаком «1787»).

Статья написана по тому же плану и имеет то же примерно содержание, что и вышеозначенное (№ 40) описание баргузинских бурят. Описание тунгусов перемежается сравнениями с бытом бурят. Делая такое сравнение, автор в одном месте пишет: «...Точно то же, как у бурят, мною уже описанных». Таким образом, обе статьи написаны одним и тем же автором. По-видимому, данная статья, как и предшествующая, также относится к результатам запроса Кабинета Екатерины II (см. № 37).

42. Описание тунгусов, 1785 г.

Выдающееся для своего времени по объему и содержательности этнографическое произведение представляет собой статья «О тунгусах вообще», напечатанная без обозначения автора, в «Месяцеслове историческом и географическом» на 1788 г. (перепечатано: ССМ, 6, 1790).

Это довольно обширная, обстоятельная, разносторонняя и основательная монография, посвященная тунгусам, обнаруживающая очевидное непосредственное знакомство автора с описываемым им народом. Как явствует из текста, написана эта работа в 1785 г. Рукопись ее хранится в Отделе рукописей ГПБ, Эрмитажное собрание, № 238/6 — c; на 23 листах.

Содержание: происхождение и древнее расселение тунгусов, их хозяйство, их древняя металлургия, религия, мифы, шаманы, погребение, средства передвижения, нравы, гостеприимство, заболевания, медицина, пища, напитки, становища, жилище, промыслы, одежда, суд, рождение, брак, свадьба, родовые отношения, исторические сведения о князьях Гантимуровых, перечень тунгусских родов.

Бесьма примечательно следующее начало этой работы: «Один из новейших писателей, говоря о всех родах тунгусов, занимавших до 17 столетия восточную часть Сибири, от Байкала до Мунгальских хребтов, соединяет их по происхождению с манжурами. Сие вероятным тогда только быть может, когда восходить будем до неизвестных начал или сумнительных времен, от которых размножающиеся люди делились по родам, переменили места, ими обитаемые, распространялись и стеснялись, смотря по обстоятельствам, к тому их нудящим, и сравним остатки некоторых сходных обрядов, наречий и богослужений, которые показаться могут одина-

кового происхождения, в самом же деле не одинако доказывают происхождение сих народов...».

А. И. Андреев высказал предположение⁵¹, что автором данного сочинения является Иоганн Эрнх (правильное — Иериг), служивший с 1780 г. в Иркутске переводчиком (о нем см. № 47). А. И. Андреев не указал своих оснований к подобной атрибуции, и мы их не видим.

43. Записка о «манцы и самоеди», 1785 г.

«Записка, учиненная в 1785 г. уездными землемерами, при положении между Вологодского и Тобольского наместничеств губернской межи, о ко-чующем народе, называемом манцы и самоеди», напечатанная в «Новых ежемесячных сочинениях» (далее — НЕС), (ч. 51, 1790), сентябрь, содержит лишь краткую общую характеристику названных народов.

44. Описание вогулов П. И. Любарского (Платона), 1785—1786 гг.

Петр Иванович Любарский (в иночестве Платон, умер в 1811 г.) окончил Киевскую духовную академию, с 1762 г. был проповедником в Вятской епархии, в 1770 г. принял монашество, затем занимал различные церковные должности⁵².

П. И. Любарский является автором этнографической работы, напечатанной под заглавием «Краткое известие о пермских, чердынских вогуличах, собранное... Свяжского монастыря архимандритом Платоном, фамилии Любарских» («Российский магазин», изд. Ф. Туманским, вып. 1, 1792; перепечатано: «Восточные известия», [Астрахань], 1815, 16—22). Как указывает Ф. Туманский, рукопись сочинения Любарского была им получена в 1788 г. Автор биографии Любарского в РБС С. Рупкевич пишет: «...В астраханском соборном архиве сохранялась некогда рукопись Платона «Описание вогулического народа»; он не упоминает и, видимо, не знает о ее публикации Туманским и ее перепечатке в „Восточных известиях“».

Как сообщает автор, его сочинение было им написано в 1785—1786 гг. на основании показаний самих вогулов, местных священников и других лиц. Содержание «Известия» П. И. Любарского составляет: район и пределы расселения вогулов в Вятской епархии, их жилище и хозяйственные постройки, древнейшие известия о вогулах, их календарь, пища, деление на «фамилии», внешность, промыслы, одежда, рождение, брак, похороны, верования, история их христианизации.

Сочинение Любарского — первая в истории русской этнографической литературы монография о манси, а автор ее — один из первых в России лиц духовного звания, выступивший на поприще этнографии.

45. Рисунки писаниц Л. Феденева и Н. Шангина, 1785 г.

В ЦГВИА (ф. ВУА, д. 18518) хранится дело под названием «Чертеж найденным древних народов изображениям при р. Иртыше... Сочиняли унтершихтмейстер Лаврентий Феденев, унтершихтмейстер Никита Шангин». Чертеж представляет собой рисунки писаниц.

Одного из авторов этих рисунков постигла печальная судьба. В ЦГАДА (ф. 7, Тайной канцелярии, оп. 2, д. 3315, 1799 г.) хранится дело под архивным названием «О шихтмейстере Никите Шангине, лишенном чинов и отданном в перчинские заводы в работу за слова: „Великое дело вани государь“».

⁵¹ А. И. Андреев, Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними. «Вопросы географии», 1950, 17, стр. 208.

⁵² О нем см.: РБС (1905).

46. *Экономическое описание Сибири в труде М. Д. Чулкова, 1785 г.*

В историю русской этнографии Сибири XVIII в. должен быть включен труд М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах, от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной... Петра Великого и... Екатерины Великой», в трех томах (СПб., 1781—1788).

Автор этого труда, Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793), оригинальный русский писатель и ученый, воспитывался в гимназии Московского университета; с 1761 по 1766 г. служил квартирмейстером в гофмаршальской части царского дворца в чине поручика, одновременно был актером придворного театра; в 1770 г. поступил на службу в Сенат канцеляристом, позже был секретарем Коммерц-коллегии⁵³.

Две первые книги третьего тома названного труда М. Д. Чулкова посвящены Сибири. Книга 1 содержит обширное, разностороннее, довольно основательное экономическое описание Сибири, производств, промыслов и торговли как русского, так и местного ее населения. Описание основано отчасти на литературных источниках, в значительной же мере на официальных сенатских материалах, что и составляет особое достоинство этого труда. Таким образом, данная книга труда Чулкова остается весьма ценным источником по этнографическому сибиреведению. Книга эта содержит небольшой экскурс под особым заголовком «О народах, обитающих в Сибири, между прочим» (стр. 478—487); краткие беглые сведения о камчадалах, ногайцах, остяках, «пегой орде», теленгутах, чувашах, черемисах, чукчах, юкагирах, якутах; представляет собой незначительную компиляцию, составленную, вероятно, самим Чулковым.

Книга 2 того же тома представляет собой в основном собрание материалов и документов о внешней торговле Сибири — с китайцами, монголами, калмыками и пр.; здесь же литературные материалы о Камчатке, об американских островах, о Курилах и пр., а также обширные выписки из журналов и реляций Л. Ланга; в общем данная книга представляет собой собрание сырого материала.

47. *Работы И. Иерига по истории и этнографии Иркутской провинции, 1786 г.*

В 1773 г. П. С. Паллас, находясь во время работ Второй Академической экспедиции в Царицыне, сообщил Академии наук, что некто Иоганн Иериг (также Эрих, Эриг, Jaehrig, Эган), изучавший монгольский и калмыцкий языки, предлагает, на условиях небольшого вознаграждения, доставлять Академии различные материалы о калмыках и монголах. Академия приняла это предложение, и начиная с 1774 г. И. Иериг состоял при Второй Академической экспедиции в должности переводчика. После отъезда П. С. Палласа из Царицына Иериг был, с согласия Академии, оставлен «при улусах волжских калмык на тригодишное время для обучения тапгутского языка и для собирания разных до истории и закона калмыцкого народа касающихся известий». При этом Иериг, уже начиная с 1774 г., присылал в Академию разнообразные материалы по истории, литературе и этнографии калмыков и монголов.

В 1780 г. Иериг переехал в Иркутск, где служил переводчиком, занимаясь также историей и этнографией местного населения, и продолжал

⁵³ См. о нем: ЦГАДА, ф. 248, Канцелярии генерал-прокурора Сената, кн. 6560, 1770 г., д. 11, лл. 63—66, «О переименовании уволенного от двора е.и.в. квартирмейстера Михаила Чулкова коллежским регистратором»; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1951, стр. 459—472; В. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1933.

посылать соответствующие материалы в Академию наук. Когда в 1784 г. в Иркутске была, вследствие предложения Кабинета Екатерины II, как было описано выше (см. № 37), начата работа по собиранию этнографических материалов, дело это в самом Иркутске было поручено Иеригу, который «упражнялся в сем деле уже с 1780 г.». Вместе с тем он вошел в образованную в Иркутске комиссию для составления общей сводки материалов, которые должны были поступить с мест по Иркутской провинции.

В 1785 г. Иериг писал в Академию, что по поручению иркутских властей он работает над историей народов Иркутской провинции, и вслед затем прислал в Академию части этого труда. Последняя дата переписки И. Иерига с Академией — 1786 год⁵⁴.

Из материалов, присланных Иеригом в Академию, притом имеющих отношение к этнографии, были напечатаны лишь четыре кратких извлечения под заглавием: «Extraits des rapports envoyés à l'Académie par M. le translateur Jählig: 1) Teinture en jaune des Calmoucs; 2) Remède des Calmoucs contre les maladies de la peau; 3) Remède des Calmoucs contre les tumeurs gangreneuses; 4) Remède de ses même Nomades pour exciter le saignement de nez» («Acta Academiae scientiarum Petropolitanae», 1779, Pars I, «Histoire naturelle», p. 65—68).

Как видно из протоколов заседаний Конференции Академии наук, Иериг прислал из Иркутска в Академию в 1785 г. начало своего труда по истории местных народов под названием «Nachrichten zur Völker Geschichte des nordischen Asiens». В названных протоколах упоминается также о присылке Иеригом начала его труда под названием «Histoire des Mongaux». Наконец, в тех же протоколах отмечено, что в 1786 г. в Академии было получено несколько частей труда Иерига.

В ЦГАДА (Портфель Миллера, № 749) хранятся «Примечания г. Иериха к Путешествию Палласа и Описание монгольского народа», на 6 листах; на немецком языке; имеют дату 1778 г.; представляют собой постраничные, по тексту книги П. С. Палласа, краткие частные замечания; особого описания монгольского народа здесь нет.

Ряд документов, подписанных Иеригом и другим переводчиком, служившим в Астрахани, Ипатом Федоровым, хранится в Государственном архиве Астраханской области.

48. Дневник путешествия по Сибири П. Фредерикса, 1787 г.

В Отделе рукописей ГБЛ хранится (шифр Ин. 1793) рукопись на немецком языке под заглавием «Tagebuch des Baronens Peter Freedericksz, Hauptmann der Russisch K. Artillerie, geschrieben von ihm bey einer auf Befehl seiner Excellenz des Herrn Generalen en Chefs der Artillerie... Johan von Müllers unternommenen deren Gränta Festigungen und in selber befindlichen Artillerie, der Sibirischen und Astrachanischen das gerkamerten, in den Jahren 1787 und 1788», Erste Theil; тетрадь in folio, в переплете, на 84 листах. Второй части этого дневника в библиотеке не имеется. Каких-либо личных сведений об авторе, капитане артиллерии бароне Петре Фредериксе, мы не нашли.

Маршрут путешествия Фредерикса, описанного в настоящей первой части его журнала, таков: Петербург, Казань, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Омск, Канск, Томск, Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск. Журнал доведен в этой части до августа 1787 г.

⁵⁴ О нем см.: «Протоколы заседаний Конференции Академии наук», т. III, IV. СПб., 1900 (по указателям); И. И. Майнов. Указ. соч.; «Заметка о рукописях П. С. Палласа и И. Иерига, хранящихся в Государственном архиве Астраханской области» («Вопросы истории», 1960, 7, стр. 216).

Журнал содержит несколько беглых замечаний о казанских татарах и вотяках, более подробные сообщения о бурятах, а также сравнительно пространное описание тунгусов, в котором сообщаются сведения об их расселении, шаманстве, способе погребения, браке, внешнем виде, одежде, их характере, скотоводстве, охоте, пище, жилище, оружии, их гостеприимстве (лл. 50—53).

49. Описание Мангазеи, около 1788 г.

Небольшая статья «Описание города Мангазеи с его уездом», напечатанная в НЕС (ч. 25, 1788, июль), помеченная редакцией: «Прислано из Сибиря», содержит краткие этнографические сведения о местном русском населении, о самоедах (ненцах), в частности описание промыслов и жилища последних.

50. Статья «О соболином промысле», около 1791 г.

Статья «О соболином промысле», напечатанная в НЕС (ч. 58, 1791, апрель, с пометкой: «Перев. Ильи Яхонтова»), содержит подробное и весьма отчетливое описание. В ААН в фонде Г.-Ф. Миллера (№ 150, Портфель 16, д. 1) хранится рукопись под указанным названием на 19 листах.

51. Ведомость чукчей Чаунского рода, 1791 г.

«Ведомость, учиненная Чаунского роду жителям по реке Чауну беломорским в Чукоцком мысу и у Святого носу чукчам» (ЦГАДА, ф. 259 а, Секретной экспедиции Сената, оп. 303, д. 638, 1793); архивное название дела «О переходе в русское подданство чукотского народа», лл. 24—29 об. Составляет приложение к находящемуся в том же деле (лл. 22—23) рапорту от 28 февраля 1791 г. зашиверского земского исправника Ивана Баннера на имя коменданта г. Якутска полковника Козлова-Угренина.

Ведомость представляет собой обширный именной список с обозначением «родников» и детей.

*52. Описание тунгусского Брагацкого рода тунгуса
С. Винокурова, около 1794 г.*

Известный этнограф-сибиревед И. И. Майнов опубликовал в своей работе «Некоторые данные о тунгусах Якутского края» («Труды Восточно-Сибирского отдела РГО», № 2, 1898) выявленный им в Олекминском архиве, в деле 1794 г., документ под заглавием «Описание Брагацкого рода тунгусского князя Степана Винокурова». Описание это содержит некоторые весьма краткие сведения о местах кочеваний и промыслах названного рода, об их жилище, одежде. Настоящий документ, если судить по его названию, весьма примечателен как первое в истории русской этнографии оригинальное этнографическое произведение, автором которого является представитель описываемого народа.

53. Походный журнал С. Попова, 1794 г.

В 1794 г. сержант городской команды, видимо топограф, Степан Попов, был командирован из Вилуйска (Оленска) сроком на год на Нижнюю Тунгуску для топографического описания этого района. Как видно из данного ему подробного ордера, С. Попов имел задание не только составить узкотопографическое описание, но и произвести этнографические наблюдения. Ему предлагалось, в частности, «узнать... через ласковое обращение тамошних народов свойство, образ жизни и все их склонности и са-

мые в богослужении веселости и суеверия, словом сказать, весь образ жизни». С. Попову предписывалось при этом: «По приезде на оные места, стараясь узнать в них нравы, обычаи и в каких промыслах и самые упражнения их обстоит, обращатца ж с ними тихо, смиренно и весьма ласково, не оказывая ни самоналейшей грубости, словом сказать, дружественным образом обходитца, списывая их к себе во всем доверенность...».

С. Попов прошел 1878 верст и собрал по части этнографии разнообразные сведения, относящиеся к якутам и тунгусам: о промыслах, одежде, украшениях, танцах, жилище, верованиях, шаманстве.

«Походный журнал» Попова опубликован по рукописи Архива Якутского областного управления: *Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). Якутск, 1916, стр. 274—296; ордер, выданный С. Попову. Там же, стр. 271—274.*

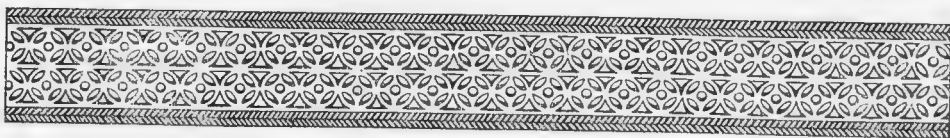
54. Описание Якутской провинции, 1794 г.

В Отделе рукописей ГПБ хранится рукопись под заглавием «Описание Якутской провинции и Иркутской губернии», на 46 листах (Эрмитажное собрание, № 238/6 — f; рукопись имеет дату: «2 окт. 1794 г.»; автор не обозначен. Рукопись содержит сведения только о Якутской провинции; описывается ее географическое положение, климат, флора и фауна, экономика, этнография, административное управление; сведения даются как по всей провинции в целом, так и по ее отдельным округам⁵⁵.

---

⁵⁵ Документ описан на основании сведений, сообщенных нам по нашему запросу заведующим Отделом рукописей вышеуказанной библиотеки С. Бабинцевым, которому выражаем благодарность.

И. Р. Емельченко

РАСПИФРОВКА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК ПО УРАЛУ В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Василий Андреевич Жуковский известен как один из основоположников русского романтизма — литературного направления, для которого был характерен пристальный интерес к народной жизни, ее материальному быту и духовному своеобразию.

И действительно, В. А. Жуковский был своего рода этнографом, постоянно изучавшим быт как русского народа, так и ряда народов, населявших Россию, а также народов других стран.

Этнографические интересы В. А. Жуковского проявлялись разнообразно; кроме его литературных произведений, в редакторской деятельности, например: он был редактором-издателем журнала «Вестник Европы» с 1808 г., и именно тогда в журнале появляются статьи этнографического характера, публикуются очерки о путешествиях и т. п. как переводные, так и оригинальные. Очень отчетливо склонность Жуковского к этнографическим занятиям проявилась в его дневниковых записях во время путешествий по зарубежной Европе и по России¹.

Путешествуя по Западной Европе, В. А. Жуковский обращал внимание на быт и нравы различных народов и этнографических групп внутри них, на материальную культуру, социальные институты, народное искусство, обычаи. Почти в каждом городе он посещал музеи, в которых были собраны и этнографические коллекции. Его интересовали в Западной Европе народные песни, костюмы, архитектура храмов, дворцов, хижин, общий облик европейских городов и пр. Те же черты народной жизни привлекали внимание Жуковского и во время путешествий по России.

В. А. Жуковский, как и многие писатели XIX в., вел дневниковые записи. В них он зачастую отмечает характерные этнографические черты в местной жизни. Свой дневник он начал вести в молодые годы и продолжал его всю жизнь. Характеризуя работу Жуковского над дневником, П. А. Вяземский писал: «Жуковский не ленив был сочинять, но писать был ленив, например, письма. Работа, рукоделие писания были ему в тягость. Сначала вел он дневник свой довольно охотно и горячо, но позднее этот труд потерял прелесть свою. Заметки его стали короче, а иногда и однословны. Это очень понятно. Кажется, надобно иметь особенное сложение, физическое и нравственное, совершенно особую натуру, чтобы постоянно и аккуратно вести свой дневник, изо дня в день»².

Анализируя характер дневниковых записей Жуковского, П. А. Вяземский отмечает: «Дневник его не систематический и не подробный. Часто

¹ См.: «Дневники В. А. Жуковского». С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1903.

² Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VII. СПб., 1882, стр. 181—182.

отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы означить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить. Может статься, Жуковский имел намерение собрать когда-нибудь замечания и впечатления свои и составить из них нечто целое»³.

Очень много такого материала содержится в дневниках, которые он вел, сопровождая наследника престола, будущего Александра II.

В. А. Жуковский, как известно, был одним из воспитателей Александра II. Чтобы дать наследнику более основательные сведения по географии России, было решено предпринять путешествие по стране и таким образом преподнести наглядный урок географии. Путешествие началось 2 мая 1837 г. и закончилось в октябре. За это время объехали 30 губерний, находящихся в центральной полосе России, в Сибири, на Украине, в Крыму. Это путешествие во многом было похоже на поездку Екатерины II. По пути следования устраивались всевозможные инсценировки: в деревнях дома и заборы выкрашивали свежей краской, специально устраивали «азиатский праздник», крестьян выводили нарядно одетыми и т. п. Не было недостатка в цыганских песнях и плясках, гуляньях, прогулках по воде, нарочито подготовленных смотрах казачьих и егерских полков, ярмарках, выставках и пр. В. А. Жуковский неодобрительно отмечает показной характер всех этих зрелищ и мероприятий в своем дневнике. Тем не менее сама поездка давала ему богатый познавательный материал.

Этнографическими фактами изобилует весь дневник Жуковского, но записаны они в своеобразной манере самого сжатого проспекта, и смысл их не всегда понятен без достаточной краеведческой осведомленности.

Данная статья представляет попытку расшифровать скудные заметки Жуковского о земле Уральского войска. Своеобразие культуры этой этнографической группы русского населения России — уральских казаков — делает понятным интерес к ним В. А. Жуковского. Ориентироваться в окружающей обстановке и сообщениях местных жителей на этом этапе путешествия Жуковскому помогло присутствие В. И. Даля, присоединившегося к свите наследника в Оренбурге. Давняя дружба связывала двух этих людей, а одной из причин ее был общий интерес к этнографии и устному народному творчеству.

В пределы Оренбургской губернии, куда в то время входила земля Уральского казачьего войска, Жуковский прибыл при возвращении из Сибири. Пробыв некоторое время в Оренбурге, свита вместе с наследником двинулась на Уральск.

Дневниковые записи Жуковского, относящиеся к этому отрезку путешествия, носят именно тот характер, который отмечал Вяземский: краткие (зачастую однословные) заметки о том, что он делал, где и у кого бывал, что видел, с кем встречался. Вот страничка, относящаяся к переезду из Оренбурга, пребыванию в Уральске и переезду из Уральска в Бузулук.

«16 [июня]. Пребывание в Уральске. С Далем на берег Урала. Приготовленные рыбные ловли. Назов — пугачевское лицо»⁴.

³ «Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского», т. VII, стр. 181.

⁴ Во времени пребывания поэта в Уральске едва ли мог остаться в живых участник восстания, руководимого Пугачевым. Возможно, он (Назов, точнее Назаров) походил внешне на Пугачева. (О Назове — Назарове см. ниже, па стр. 55—56.)

Эта пометка свидетельствует о том, что В. А. Жуковский интересовался восстанием Пугачева. Он был в курсе занятий А. С. Пушкина по «Истории Пугачева». В Оренбурге Жуковский знакомился с архивными делами о восстании Пугачева. О его интересе к личности Пугачева свидетельствует заметка в дневнике — «Анекдот о Петре Федоровиче и деньгах за простоквашу». Среди уральских казаков прочно держалась версия, что Пугачев и есть Петр Федорович. Это отмечает В. И. Даль в заметках о Пушкине (Сб. «Пушкин в воспоминаниях современников». Л., 1950, стр. 459).

Рыбная ловля. Весенняя плавня или севрюжь. Уборка сена (обкашивание. Начало разом, все вдруг, кто сколько может). Осенняя плавня: сперва построение учуга. Сохранение мест. Строгость пасчет ловли особенной. Ловля под учугом, абрашка. Атаманский кус. Ловля водолазами. Общая ловля выше учуга. Зимняя ловля. Царский кус в пачале. Малое багренье. Большое багренье. В геваре. Пешня. Багор. Подбагреник. Чекушка (бить рыбу по голове). Имя лодок. Бударка с кривым железным носом. Вид берега, усыпанного народом. Пряданье мальчишек с берега. Искусство уральцев на воде. Анекдот о льдине и двух осетрах. Нужно продать на 500 рублей каждому, чтоб жить. Служащие, отставные и малолетние... Наемка и наемщик. Анекдот о Петре Федоровиче и деньгах за простоквашу. Посещение Аграфены Адрпаповны Донсковой. Сорока, поднизь, сарафан. Образная. Девятая пуговица на сарафане. Визиты Стахею и Андреяну Дмитриевичу Мизиновым. Они в оппозиции... К Василию Осиповичу Покотилову, войсковому атаману. Анекдот о выборе Покотилова; Мизинов: *я их поставил на колена, я их и подыму*. Федор Григорьевич Басанов»⁵.

Как видно, Жуковский с тщательностью этнографа записывает все то, что обратило на себя его внимание. Однако эти беглые записи дают только общее представление о пути следования; о том, с кем ехал поэт, с кем встречался, с кем разговаривал, что его заинтересовало, но многое здесь остается нераскрытым, непонятным даже для людей, хорошо знающих творчество Жуковского. Например, мало кто знает о наемке, плавне, багренье, учуге, абрашке, атаманском и царском кусе, что особенного в уборке сена, стоило ли обращать особое внимание на «девятую пуговицу», чем заслужили Мизиновы то, что им нанесли визит столь высокие гости, и т. д.

Между тем в воспоминаниях современников, в письмах спутников по путешествию, в произведениях местных писателей, в краеведческой литературе имеется значительный материал, который позволяет почти полностью расшифровать эту страничку дневника, более полно описать пребывание Жуковского в Уральске.

Так, о подготовке встречи наследника довольно подробно рассказывает местный казачий офицер, известный этнограф и историк Уральского казачьего войска И. И. Железнов.

В Уральске «августейшей персоне» готовилась пышная встреча. Местное начальство хотело непременно показать за короткое время комедию в лицах, представляющую собой весь образ жизни и занятий уральских казаков.

Когда весть о приезде наследника дошла до казачьего начальства, то в городе пошла чистка, уборка, стройка, перестройка. Улицы расчистили, посыпали песком, провели канавки, поделали через них мостики с перилами, покрасили их. Главную улицу убрали и изукрасили пиками, ружьями, саблями, казачьими знаменами. Было приказано крышч домов выкрасить «под красный цвет», ворота — под голубой или серый, за неимением красок разрешалось использовать даже сажу. Плетни на видных местах заменили заборами из досок.

По станицам выбрали самых бравых казаков, одели их однообразно: черные нанковые стеганки с голубой подпояской, белые шаровары. Набрали молодых казачат, одели их в нанковые куртки и шаровары с лампасами. Распределили по станциям, через которые должен был проезжать наследник.

На случай, если «поезд» приедет ночью, улицу для иллюминации по обе стороны обставили плошками. За городом по обе стороны дороги, по которой наследник со свитой должен был въезжать в столицу уральцев,

⁵ «Дневники В. А. Жуковского», стр. 327—328.

расставили смоляные бочки⁶. Все это, видимо, сослужило службу, так как они, как отмечает Жуковский, прибыли в половине первого ночи. Правда, И. И. Железнов отмечает, что наследник приехал на рассвете, и поэтому это мероприятие не осуществилось. В данном случае, видимо, час приезда более точен у Жуковского, так как он сам — участник поезда, а Железнов передает по устным рассказам⁷.

Отдохнув после утомительной дороги, Даль и Жуковский отправились на берег Урала смотреть «приготовленные рыбные ловли». Основным занятием уральских казаков было рыболовство, которое отличалось своеобразием. Как отмечал еще П. С. Паллас, такого рыболовства не было нигде не только в России, но и во всем мире. Все, кто хоть случайно побывал у уральских казаков, обращали внимание на рыбные ловли, проводимые ими. Местное начальство решило продемонстрировать некоторые виды рыболовства.

Прежде всего была инсценирована весенняя «плавня», или «севрюжь». Плавней этот лов называется потому, что рыбу ловят не ставными сетями, а плавными. Эти сети на конце, которой заматывается с лодки у берега, имеют большой поплавок, поддерживающий верхний край сети; кроме того, на сети есть и мелкие поплавки. Другой конец сети привязывается к лодке. Растянув сеть поперек реки, весельщик старается грести с таким расчетом, чтобы успевать за сетью, плывущей по течению, и держать ее поперек реки. Идущая против течения рыба попадает в эту сеть. «Севрюжью» же этот старинный способ лова называли потому, что в то время в основном ловилась севрюга.

Весенняя плавня проводилась после вскрытия Урала от Уральска до Гурьева, когда рыба успевала войти в реку. Перед началом плавни участники лова собирались артелями к месту, откуда решено начать лов. В назначенный день все участники выстраивались вдоль берега со своими лодками. Назначенный на рыболовство атаман подавал «удар», т. е. пушечный выстрел. Все моментально спускали лодки на воду, заматывали сети и плыли по реке. Такой порядок проведения ловли очень картинен и оригинален. Потому этот вид рыбной ловли обратил на себя внимание Жуковского⁸.

Обратили на себя внимание поэта также и лодки, которыми пользовались казаки. В дневнике помечено: «Имя лодок». Наименования их были действительно разнообразны. Среди них была «кусовая» (промысловая лодка), имевшая три разновидности: «морская кусовая» (крупная), «ловецкая» (небольшая по размерам) и «живодная» (приспособленная для перевозки живой рыбы; ее именовали еще и «прорезью»). При кусовых ходили «эмбенки» (небольшая лодка с отсеками для рыбы на посу и корме), «сальмовка» (чуть крупнее эмбенки и меньше ловецкой), «реюшка» (чуть меньше ловецкой), «свойская» (побольше эмбенки с крытым баком). Пользовались казаки для переездов «косной» (легкой лодкой на 6—12 весел), «посудой» (небольшим парусным судном), «распывой» (большим парусным судном).

Но самой оригинальной была «будара» («будара с кривым железным носом» у Жуковского). Будары выдалбливали из вербового или осокоревоего дерева специалисты-казаки. Это были легкие и ходкие, тщательно отделанные лодки типа пирога, употреблявшиеся во всех видах летнего речного рыболовства. «Железный нос» означает, что передняя часть лодки (водорез) оковывалась железом для прочности, так как она больше

⁶ И. И. Железнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1910, стр. 324—325.

⁷ «Дневники В. А. Жуковского», стр. 327.

⁸ Местное рыболовство описывали многие этнографы. Эти описания суммированы в книге К. В. Данилевский и Е. В. Рудницкий. Урало-Каспийский край. Краеведческий справочник. Уральск, 1927, стр. 64—76.

всего изнашивается при причаливании к берегу. Перевозили бударки на «тагарках» — специально приспособленных для этого телегах. Своеобразие «будары» и заставило Жуковского особо отметить ее название в дневнике.

Во время поездки Даль старался привлечь внимание Жуковского к особенностям местного диалекта. Так, пока готовились другие виды ловли, Жуковский с Далем отправились на сенокос. Видимо, по пути на луга Даль, знакомя Жуковского с местными жителями, завел беседу на свою излюбленную тему — о русском языке. Позднее сам Даль в статье «Полтора слова о русском языке» вспоминал, что, «будучи тогда в казачьем городе, в Уральске, представил в разговоре известнейшему из нынешних наших стихотворцев» образчик речи уральских казаков: «Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить». В переводе на общепринятый язык это означает: «Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп, и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть». Далю представлялось, что казаки говорят сжато и выразительно. Жуковский не возражал, но заметил, что «так можно говорить только с казаками и о близких к ним предметах»⁹.

Разногласия между ними возникли позже, когда В. И. Даль пришел к убеждению, что русский литературный язык того времени должен обновляться за счет именно местных русских слов и выражений. В этот период он отмечал, что «Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Но тогда и Я. К. Грот указывал, что «в мнении Даля о пригодности народных выражений для замены общеупотребительной образованной речи было своего рода преувеличение»¹⁰.

Учитывая то, что Даль писал о разговоре с Жуковским, происшедшем именно в Уральске, и судя по записи сведений о сенокосе, которые у Жуковского стоят в дневнике раньше записей об определенных видах рыболовства, разговор состоялся именно в это время. Об особенностях сенокосения на Урале В. И. Даль еще ранее писал в «Северной пчеле»: «Казаки живут скотоводством и рыболовством; без этих промыслов уралец не может существовать; хлеба он не сеет, ибо земля его, носящая на себе несомненные признаки недавнего от вод каспийских обнажения, хлеба не родит вовсе. Здесь земель нельзя межевать по-христиански, сказав: вот это твое, это мое, а это его — здесь надобно только установить, кому, когда, и куда приходить. Казак в урочное время скашивает траву... На сенокос выходит в день, назначенный войсковым начальством и объявленный по базарам, целое войско, и бьет траву, в несколько тысяч кос вдруг»¹¹.

Этот сенокос носил название «обволька», так как казаки занимали участок, «кто сколько может». Жуковскому, видимо, понравился и сам полувоенный порядок сенокоса, когда по сигналу атамана обвольки казаки начинают косить «разом, все вдруг». Существовало в войске и обычное сенокосение, проводившееся в местах, более отдаленных и менее богатых сеном.

Пока оба писателя наблюдали сенокосение, на Урале приготовлена была для показа осенняя плавня. Вернувшись, просмотрели и ее. Она отмечена Жуковским в дневнике. Осенняя плавня отличалась от весенней

⁹ «Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского)», т. X. СПб.— М., 1898, стр. 359—360.

¹⁰ «Воспоминание о В. И. Дале. (С извлечениями из его писем). Академик Я. К. Грота». «Сборник ОРЯС», т. 10. СПб., 1873, стр. 42—43.

¹¹ В. Луганский. Письмо к Гречу, из Уральска. «Северная пчела», 11.X. 1833.

тем, что рыбу ловили особыми мешкообразными сетями — «ярыгами». Применение этих сетей было вызвано тем, что осенью рыба не идет против течения, а останавливается в глубоких местах — «ятовях». Ярыгами легче было вылавливать рыбу по этим ямам. Такая сеть во время «плавания» тянется за лодкой. Сам процесс ловли носит более энергичный характер, чем весной: сила и быстрота гребли обуславливают выгоду ловли. Но порядок проведения этой ловли сохранялся также строгий.

Все казаки, прибывшие на ловлю, по сигналу рыболовного атамана спускали лодки на воду. Возглавляя армаду лодок, атаман вел ее к ятови. Не доходя на некоторое расстояние до ятови, он останавливал свое рыболовное войско, отплывал на своей лодке в сторону и подавал сигнал выстрелом из ружья, после которого все бросались взапуски, чтобы быстрее доплыть до ятови и успеть наловить больше до подхода остальных. Когда первая ятовь была выловлена, атаман собирал свое войско и вел его тем же порядком к следующей ятови, которая также вылавливалась с «удара». Когда весь участок, отведенный для ловли, был пройден, атаман подавал знак пушечным выстрелом о прекращении лова. В то время, когда казаки «плавали», их товарищи по артели потрошили и солили рыбу, приготавливали икру.

Не забыли показать «высоким гостям» «учуг»: заграждение поперек р. Урала, сделанное из деревянных свай, перекладов и железных шестов, для задержания крупной рыбы, которая шла вверх по реке к нерестилищам. Здесь и показали ловлю красной рыбы водолазами — казаками, которые, искусно ныряя в воду, с помощью небольшого ручного багорчика ловили осетров.

Была показана и общая ловля, которая проводилась выше учуга. Эта ловля рыбы «кто как и чем умеет» была единственной разрешенной ловлей; все же остальные виды ловли, проводившиеся ниже учуга, имели свои сроки, и нарушение их считалось уголовным преступлением.

Показали и инсценировку зимней ловли — «багренья», обычно проводившегося приблизительно между 10 декабря и 6 января, когда лед на Урале становился крепким. Рыбу ловили баграми (отсюда и название этой ловли) по ятовям, где накапливались огромные стаи красной рыбы, залегавшей в своего рода зимнюю спячку. Багренье было самым оригинальным и популярным из видов рыболовства в Уральском казачьем войске. Оно было не только промыслом, но и общим праздником — своеобразным состязанием. На багренье выезжали все взрослые казаки.

Получив «печатку» (документ, разрешающий участвовать в багренье), казак налаживал «возок» (легкие сани) и готовил орудия лова. Основным орудием был багор (см. у Жуковского), состоящий из «багровища», т. е. деревянной части, сделанной из «багорника» (тонкой, длинной и гибкой жерди) и железного крюка. Багры были разные: «яровой» — с багровищем до десяти метров длины, которым ловили рыбу под крутыми берегами; «полуяровой» — с более коротким багровищем; «ятовный» — приспособленный к ловле рыбы на ятовях; «сормовой» — годный для рыболовства на «сормах» (неглубоких местах с ровным дном); «водышек» — багор, которым ловят рыбу под «каршами» (корягами); «подбагреник» (см. у Жуковского) — небольшой багор, с помощью которого помогали подтаскивать уже пойманную на другой вид багра рыбу; «абрашка» (см. у Жуковского упоминание), или «ручник», — небольшой багор на деревянной ручке; «темляк» — багор на бечеве. Обязательными орудиями были также «пешня» (см. у Жуковского), состоящая из длинного и острого лезвия и «паховища» — короткой деревянной рукоятки; «чекушка» (см. у Жуковского) — деревянная колотушка в виде булавы для глушения рыбы ударом по голове.

Женщины не участвовали в багренье, но если оно проводилось у учуга, стоящего у самого города, то горожанки могли наблюдать открытие баг-

ренья и облов ятовей, находящихся вблизи станицы; затем «баграчен» уходили ниже по Уралу к другим ямам.

Сама обстановка багренья была очень живописна. Большое впечатление на наблюдателя производили казаки в разнообразных костюмах, строгий порядок до начала рыболовства, когда ловцы со всеми принадлежностями для ловли рыбы стояли наготове в ожидании сигнального выстрела из пушки, после которого наступала невообразимая суматоха, а также поражающая быстрота и ловкость баграчей в работе. Через несколько минут после сигнала на месте, где лежит рыба, поднимался лес багровиц, находящихся в постоянном движении, а через несколько минут на льду появлялись одна за другой белуги, бьющиеся об лед осетры и шипы (рыба из породы осетровых). Разбагрив одну ятовь, баграчей на следующий день переходили на другой рубеж. Так длилось пять дней. Эти дни багренья назывались малым багреньем. Первый день багренья именовался «презентным», так как значительная часть выловленной в этот день красной рыбы и икры отправлялась в «презент» (подарок) царскому двору. Этот подарок часто называли также «царским кусом». Поскольку войсковой атаман не участвовал в багренье, то и ему выделялся «атаманский кус». После малого багренья наступало багренье по всему Уралу; длилось оно десять дней. Во время большого багренья казаки ловили рыбу себе.

«Сохранение мест», упомянутое Жуковским, очевидно, относится к тому, что на багренье ловили в точно назначенных местах. Не обходилось багренье и без курьезов (у Жуковского один из них назван «анекдотом о льдине и двух осетрах»). Один из таких случаев рассказан В. И. Далем в очерке «Уральский казак»: «Льдина переворачивалась под ним раза три, да Проклятов на нее и не глядел: он только берег рыбу свою, привязав ее к ноге обрывком или поясом, да снаряд»¹²).

Такой же случай приводит П. И. Небольсин, давший красочное описание багренья в очерке «Уральцы»: «На небольшом пространстве рубежа вся река покрыта толпами казаков: тут кипит кучами тысяч семь и больше, даже десять тысяч народу. Лед гнется под этою массою; в иных местах подламывается, в иных просто грузнет так, что баграчей работают, стоя на четверть в воде. Иногда около казака товарищи до такой степени искрошат лед пешнями, что ловец, поместившись на небольшой льдине, еле-еле на ней держится, почти со всех сторон окруженный пространною полыньей. Наконец и его льдинку, всего в какую-нибудь сажень, отрывает или и сам он ее отобьет и, по незамерзшему пространству, переплывает на ней далее вниз по реке. Завидев на пути мелькнувшую в струях рыбу, он мигом пускает в нее багор. Багор впирается около тешки (брюшко...), но рыба встрепенулась и либо опустилась ниже, либо убежала вдаль. Жаль казаку расставаться с добычей; он крепко держится за багор, но рыба не поддается и идет все дальше. Льдина, на которой стоит казак, от этого грузнет; с ней вместе грузнет и казак, сначала по щиколотку, потом по колена, потом по пояс, потом по грудь; случается, что его и совсем свернет со льдины в реку, но казак не теряет присутствия духа, ему нельзя, ему не след теряться; в рыбе он должен видеть насущный кусок хлеба, в рыбе все его надежды; нужда, тяжелая нужда нудит его владеть собою всюду и всюду быть бесстрашным, русским богатырем, подчас истинным героем»¹³.

Багренье — зимний вид ловли, а Жуковский был в Уральске летом. Поэтому может возникнуть вопрос: откуда же черпал Жуковский о багренье те сведения, которые отмечены в дневнике? «Мы видели, — писал участник путешествия С. А. Юрьевич, — образчик этой весьма любопыт-

¹² Владимир Даль (Казак Луганский). Повести, рассказы, очерки, сказки. М.—Л., 1964, стр. 105.

¹³ П. И. Небольсин. Уральцы. СПб., 1855, стр. 83—84.

ной ловли...— При нас осетр был пойман, из него вынута икра, посолена и подана к закуске, тут же на нарочно устроенном плоту приготовленной, которую мы с большим аппетитом ели и которую нельзя нигде есть такую вкусную, как на самом месте»¹⁴. И. И. Железнов уточняет некоторые обстоятельства, связанные с показом багренья. Он говорит, что для имитации этой рыбной ловли специально был приготовлен плот, а под ним устроены чаны, в которые заранее напущены живые осетры. Наследник первый запустил багор в имитированную прорубь, и первому ему водолаз (искусный в воде казак) насадил на багор икрного осетра¹⁵.

Многие сведения о настоящем багренье были, видимо, сообщены Жуковскому Далем, который хорошо знал все виды рыболовства на Урале. Об этом он писал ранее: «...Рыбная ловля... здесь занимательнее всего. На это назначается несколько сроков в году, имеющих каждый свое название: *плавня*, осенняя и весенняя, перед копни бывает ярмарка и скачка, *багренье* — суть главные из них. Ловить рыбу не в срок есть преступление уголовное. Летом ставится под Уральском поперек Урала *учуг*, то есть закор; рыба идет с моря и останавливается на *яловьях*, ею избираемых, где *бьет икру*. Казаки замечают, где рыба становится, и в назначенный день и час, по востовой пушке, все войско кидается на чолны, летит взапуски, обгоняя друг друга... Это продолжается две, три недели... Зимой на багренье то же, только спаче. По пушке кидается войско на лед, бьет проруби, запускает багры»¹⁶.

Живой путеводитель — В. И. Даль — сообщил Жуковскому сведения не только о багренье и других ловлях; с его слов, как можно предполагать, тот узнал и записал в дневнике о «наемке», годовых расходах казаков и пр. Во всяком случае у Даля есть выкладка именно о 500 рублях дохода, о чем упоминает Жуковский («Нужно продать на 500 рублей каждому, чтоб жить»), и о «наемке» на воинскую службу. «Казак, — пишет В. И. Даль, — не добывший на Урале до 500 рублей, не может существовать; он должен идти служить. Зато иногда вытаскивает в несколько минут багром своим годовое продовольствие на всю семью свою. Я сказал: он *должен служить*, следовательно, не всякий служащий казак обязан идти на службу, и *очередь* ему не угрожает. Надобно сказать вам, что такое есть *наемка на службу*. Если бы каждый домовитый хозяин, у которого есть богатые стада и иное домашнее хозяйство, был принужден идти служить, то хозяйство его расстроилось и разорилось бы во время его отсутствия... Если бы, напротив того, и всякий неимущий... шел служить наравне с зажиточным, на собственном иждивении... то он нередко являлся бы в полк в самом жалком вооружении и обмундировании, а дома, сверх того, покинул бы семью без подпоры, без пособия. Здесь сие дело происходит таким образом: канцелярия рассчитывает, по востребованию начальства, многих ли казаков поставить должен каждый десяток, и оглашает это на базарах. Десятки сходятся, толкуют, кричат, выкликают охотников, торгуются с ними, платят им деньги, одевают, вооружают их и ставят в полк молодцами»¹⁷. Таким образом, наемка явно способствовала расслоению казачества, но в изложении Даля проступает характерное для него стремление сгладить социальные противоречия, показывать жизнь народа идиллически.

Как видно, у уральских казаков воинская повинность была делом всей казачьей общины, а не отдельных лиц. Идущий на службу казак лишался возможности участвовать в войсковых хозяйственных промыслах, и поэтому община находила вполне справедливым уплатить ему за это лише-

¹⁴ «Дорожные письма С. А. Юрьевича во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году». «Русский архив», 1887, кн. 5, стр. 50.

¹⁵ И. И. Железнов. Указ. соч., стр. 326—327.

¹⁶ В. Луганский. Письмо к Гречу...

¹⁷ Там же.

ние «подмогу». Это своеобразное отбывание воинской повинности, как видим, заинтересовало В. А. Жуковского. В. И. Даль, как можно судить по его отзыву о наемке, был сторонником именно такого рода отбывания службы казаками. Но царское правительство стремилось ввести всеобщую воинскую повинность. Это было, несомненно, известно В. И. Далю как чиновнику особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе, и он не мог, конечно, удержаться от разговора о введении нового вида отбывания службы. О том, что разговор этот состоялся, свидетельствует запись в дневнике В. А. Жуковского: «Служащие, отставные и малолетние». Правительство находило, что нести наряд по службе казак может с 17 лет до 51 года¹⁸.

Далее в дневнике Жуковский отмечает «вид берега, усыпанного народом», прыгание («пряданье») мальчишек в воду, искусство уральцев в воде. С. А. Юрьевич писал своей жене об этом более подробно: «...Нас удивляли мальчишки, бросавшиеся с высокого здесь и крутого берега Урала с разбега в воду и нырявшие в ней как рыба, и этих мальчишек здесь так много, что они на всем протяжении более версты забавляли нас, бросаясь один за другим»¹⁹. Это «пряданье» было подготовлено специально. И. И. Железнов отмечает: «В городе набрали целую ораву мальчишек, казачат, лет 10—15, которые с Красного яра в воду умеют прыгать... Кроме мальчишек, выписали из разных мест казаков, которые верхом на лошадях умеют прыгать с Красного же яра в воду»²⁰.

На этом показ уральцев на р. Урале закончился. Жуковский вернулся в город. При возвращении ему пришлось услышать «анекдот» о Петре Федоровиче и деньгах за простоквашу. Что это за анекдот? Комментируя дневниковые записи Жуковского, И. А. Бычков мимоходом замечает, что речь идет об императоре Петре III²¹. Содержание этого анекдота, пожалуй, раскрывает все тот же В. И. Даль. В своих «Записках о Пушкине» он пишет: «Еще пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя. При проезде государя-наследника — нынешнего царя нашего — из Оренбурга в Уральск я тоже находился в поезде. Мы выехали в 4 часа утра из Оренбурга и, не переводя духу, прискакали в 4 часа пополудни в Мухромовскую станицу, на этом пути первую станицу Уральского войска. Все казаки собрались у станичного дома; в избах оставались одни бабы и дети. Тощий, не только голодный, я бросился в первую избу и просил старуху подать каймачка (сливки, снятые с топленого молока. — И. Е.), топленого молока — сырого здесь не держат — и хлеба. Отбив у скопы цыпленка, схваченного ею в тревогу эту на дворе, старуха радушно стала собирать на стол.

— Ну, что, — сказал я: — чай рады дорогому гостю, государю наследнику?

— Помилуй, как не рады? — отвечала та: — ведь мы тут — легко ли дело, царского племени не видывали от самого от государя Петра Федоровича...

То есть — от Пугачева»²².

Что же значит замечание о деньгах за простоквашу? Жуковский, видимо, не разобрался в терминах, каймак называл простоквашей. Что касается денег за каймак, то это очень своеобразная плата, которая характеризует старообрядческие предрассудки уральских казаков: мужчины не брили бороды, старообрядцев женщины считали «погаными». Любая казачка, как рассказывает Даль в очерке «Уральский казак», держится старинных правил: «...За хлеб-соль она ни с кого и ни за что не взяла бы платы, потому что это смертный грех; но посуды своей она «скобленому

¹⁸ Сведения о новом порядке отбывания службы казаками см. в кн.: К. В. Данилевский, Е. В. Рудницкий. Указ. соч., стр. 154.

¹⁹ «Дорожные письма С. А. Юрьевича...», стр. 51.

²⁰ И. И. Железнов. Указ. соч., стр. 325—326.

²¹ «Дневники В. А. Жуковского», стр. 328.

²² Сб. «Пушкин в воспоминаниях современников», стр. 459.

рылу» не подала бы также ни за что, а полагала, что ... нашего брата-бри-тоусца можно кормить из одной общей посуды»²³. Возможно, Даль имел в виду ту старуху, которая кормила его в Мухраковской станице, когда писал в этом очерке: «Но и тут она, не бравши, как сказал я, ни за что на свете платы за хлеб-соль, вытребовала с проезжего без всяких обиняков гривенник на очистительную для посуды молитву; не взяла его, однако же, сама, чтобы не сочли этого платой, а просила отправить чашки и гривенник с посторонним человеком к старой девке (книжнице. — *И. Е.*), которая заведовала этим делом и очистила опоганенную посуду! Хлопот за этим было много: этого нельзя было сделать дома, а носили посуду на реку, сполоснули ее и прочли молитву»²⁴.

Дальнейшие записи в дневнике посвящены посещению Донсковой. Это тоже было, так сказать, специально организованное мероприятие. *И. И. Железнов* рассказывает: «В доме одного нашего чиповника, *Сергея Ивановича Донскова*... нарочно собирали и... показывали женщин и девиц... в самых дорогих нарядах... все были в штофных, да левантиновых, да в азарбатных сарафанах, женщины в жемчужных сороках, а девицы — в жемчужных же поднизях, с драгоценными камнями»²⁵. *С. А. Юрьевич* в связи с этим посещением отмечает: «Чтобы доставить великому князю случай видеть здешних козачек-аристократок, их собрали в дом учреждаемого здесь девичьего училища... где они, выстроившись рядышком, приветливо кивали ему своими нарядными головками»²⁶.

Головной убор замужней казачки составляла так называемая сорока, с твердым налобником, с покрывкой малинового или темно-зеленого цвета. Налобником назывался перёд сороки; он вышивался жемчугом и драгоценными камнями. Головной убор девушки-казачки составляла «поднизь» — налобник, унизанный жемчугом. Описание сарафана уральских женщин можно найти у многих авторов, по тем или иным причинам побывавших здесь в то время. Так, поэт *М. Л. Михайлов*, революционер-демократ, во время своей литературно-этнографической командировки к уральцам в 1856—1857 гг., организованной морским министерством, писал: «Ворот сарафана подходит под самое горло. Вокруг шеи позумент, который идет двумя рядами вниз от души к подолу, и подол спереди только, а не кругом обшит позументом. Рукава делаются из двух разных, отличных от самого сарафана, материй, впрочем обыкновенно такой же вековой прочности. Верхняя часть их, у плеч, на четверть выходящая из проймы, называется «выставкой», хотя это название было бы приличнее голым плечам дам в модных платьях. Рукав, широкий, пышно ниспадающий на кисть руки, с узенькой обшивкой, тоже трижды украшен позументом: в пройме, между выставкой и нижней частью и по обшивке»²⁷.

С. А. Юрьевич пишет с неодобрением: «Казачки (уральские) раскошницы во всем, и даже в своих костюмах, который они сохранили спокон веку: все, и генеральши, бывшие атаманши, и простые казачки носят один наряд: на головах свои уродливые сороки, а девицы — поднизь (мы видели сороку у одной казачки ценою в 40 тыс. рублей), и все одинаково в сарафанах»²⁸.

Все существенное в одежде казачек отмечено *Жуковским* в дневнике. «Девятая пуговица на сарафане», о которой он упоминает, — анекдот по поводу недоразумения относительно одежды уральских казачек, получившего хождение в литературе²⁹.

²³ *Владимир Даль (Казак Луганский)*. Указ. соч., стр. 110.

²⁴ Там же.

²⁵ *И. И. Железнов*. Указ. соч., стр. 327.

²⁶ «Дорожные письма *С. А. Юрьевича*...», стр. 51.

²⁷ *М. Михайлов*. Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1857 г.). «Морской сборник», т. XLIII, 1859, № 9, стр. 10.

²⁸ «Дорожные письма *С. А. Юрьевича*...», стр. 51.

²⁹ *П. И. Небольсин*. Указ. соч., стр. 122; *И. И. Железнов*. Указ. соч., т. II, стр. 379—380; *М. Михайлов*. Указ. соч., стр. 12—13.

Определенное впечатление на В. А. Жуковского произвела «образная» комната, в которой, видимо, хозяйка молилась по старообрядческому обряду.

В записях Жуковского далее отмечается ряд фамилий. Фамилия Назов, которая уже упоминалась, не типична для уральских казаков. Она, видимо, попала в печатный текст по неразборчивости написанного. О дневниковых записях Жуковского И. А. Бычков писал, в частности: «Дневник путешествия 1837 года, к сожалению, писан большей частью карандашом, наскоро, почерком неразборчивым, причем местами иные слова не поддаются прочтению»³⁰. Это случилось и с фамилией Назаров, которая, видимо, была написана сокращенно Наз-ов.

Назаров — генерал-майор в отставке, пользовавшийся уважением казаков и состоявший советником войсковой канцелярии. Андриан Мизинов, упоминаемый в дневнике, — отставной войсковой старшина, Стахей Мизинов — отставной полковник, Покотилов — новый войсковой атаман³¹. Личность Ф. Г. Басанова установить не удалось, но и он, видимо, имеет отношение к названным выше лицам. Но почему Мизиновы были в «оппозиции»?

После подавления Пугачевского восстания царским указом у казаков была отнята общинная самостоятельность. По указу 1803 г. войско подчинялось непосредственно правительству, отменялась служба по наемке и вводилась всеобщая служба по возрастной очереди, а также единообразная форма одежды. Но казаки сопротивлялись и этому указу. Так обстояло дело и ко времени приезда Жуковского.

В. А. Перовский решил ускорить проведение в жизнь реформ. Прежде всего он ликвидировал своеобразную демократичность выборов атамана войска. В 1829 г. умер атаман Бородин — выходец из казаков. На его место Перовский просто назначил полковника Покотилова, служившего при нем. Казаки возмутились. Тогда было решено провести своего рода выборы того же Покотилова. На этих выборах особенно активными противниками были Мизиновы, пользовавшиеся авторитетом среди казаков. Перовский решил сделать соответствующее внушение Мизиновым, а через них повлиять на казаков. Но Стахей Мизинов заявил, что он поставил казаков на колена, он их и подымет, а не кто-то другой. В конечном счете казаков заставили избрать Покотилова. Но казаки не успокаивались. 25 сентября 1833 г. в секретном донесении военному министру Перовский сообщал, что Стахей Мизинов — человек беспокойный, вредный и способный своим влиянием возбудить волнение³².

Покотилов, чтобы выслужиться перед Перовским, провел ряд угодных тому мер, ущемлявших интересы казаков.

Рядовые казаки были особенно возмущены введением очередной службы, возражали против круглогодичного ведения рыбной ловли в прибрежной части Каспийского моря, в результате которой в Урал попадало мало рыбы. Все это, видимо, и рассказал Даль В. А. Жуковскому, а тот сделал об этом отметку в дневнике.

Приезд наследника был благоприятным случаем для подачи жалоб. Было решено подать жалобу 17 июня при выезде поезда из города. Когда наследник со свитой медленно проезжали по главной Михайловской улице и поравнялись с Крестовой улицей, то около двух десятков казаков выступили на дорогу, задержали поезд и передали петицию³³.

На полях экземпляра книги Рябинина (инв. № 4118), находящейся в научной библиотеке им. Горького в Ленинградском университете, имеется любопытная карандашная приписка, сделанная в 1883 г.: «По

³⁰ «Дневники В. А. Жуковского», стр. 314.

³¹ См.: А. Рябинин. Уральское казачье войско, ч. I. СПб., 1866, стр. 77.

³² Там же, стр. 75.

³³ См.: там же, стр. 79.

словам очевидцев, наследник страшно испугался, думая, что это затеяется против него»³⁴.

Жалоба была передана Перовскому. Все как будто кончилось мирным путем, но Покотилов сообщил затем обо всех обстоятельствах дела Перовскому уже в Оренбург, признав это бунтом. Тот выслал полк оренбургских казаков и четыре башкирских полка. Город был объявлен на военном положении. Начались следствия. В результате этот поступок был признан чуть ли не восстанием; к следствию были привлечены 150 казаков, из которых 44 были признаны виновными и приговорены «к лишению живота». И только позже приговор был смягчен. Наиболее активных казачьих офицеров выслали в отдаленные губернии под надзор полиции, рядовых казаков отправили в солдаты, а некоторых прогнали сквозь строй и сослали в Сибирь.

Жуковский не отмечает этого события в дневнике, но он был очевидцем его. О брожении среди казаков прекрасно знал и Даль. Он, как свидетельствуют его произведения и письма, очень сочувственно относился к сложившейся общественной организации казаков и, естественно, обо всем должен был рассказать Жуковскому. Поэтому тот и заинтересовался Мизиновыми, Назаровым, Покотиловым и их борьбой.

* * *

Таковы обстоятельства, с которыми встретился в поездке по Уралу В. А. Жуковский и которые так или иначе отмечены им в дневнике. Расшифровка уральской странички дневниковых записей натолкнет, возможно, местных краеведов и работников этнографических учреждений на расшифровку страниц дневника В. А. Жуковского, относящихся к его пребыванию в других местах во время путешествия в 1837 г.

Это даст, с одной стороны, более полную обрисовку этнографических разносторонних интересов Василия Андреевича Жуковского, тесно связанных с современной ему жизнью народных масс. Это тем более важно, что роль его в становлении русской этнографии все же недооценивается. С другой стороны, парадный показ быта населения России, организованный для наследника престола местными чиновниками, выявит практическое претворение принципов теории «официальной народности» с ее реакционной сущностью, бывшей знаменем правого крыла этнографии николаевского времени.

³⁴ Можно предполагать, по некоторым данным, что пометки в книге были сделаны местным уральским писателем и художником Никитой Савичевым, который занимался составлением труда по истории Уральского казачьего войска.

И. Н. Мороз

ПУТЕШЕСТВИЕ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ НА ВОСТОК

В мае 1898 г. из Одессы, держа курс на Константинополь, отошел пароход. На борту, среди прочих пассажиров, было трое казаков: В. Д. Максимычев, О. В. Барышников и Г. Т. Хохлов, путь которых лежал к дальним странам. Какова была цель путешествия этих людей, полуграмотных, не владеющих ни одним иностранным языком, в места, совершенно им незнакомые? Это было связано с одной из своеобразных страниц русской истории. Путешествие в Юго-Восточную Азию было предпринято ими в поисках легендарной земли Беловодии (она же Камбайское, или Опоньское, царство) по поручению «круга» уральского казачьего войска¹.

Еще в XVII в. усиливающееся закрепощение крестьян, феодальный гнет при существовании огромных пространств в странах неизведанных, знакомых лишь по весьма приблизительным слухам, толкали народные массы на поиски лучшей доли. Все это совпало с нововведениями в церкви, стремившейся к усиленной централизации и тяготевшей к светской власти. Наиболее сильно движение, направленное на поиски «земли обетованной», проявилось в старообрядческой среде. Стремление старообрядцев укрыться от религиозных преследований вообще было одним из факторов, повлиявших на крайне быстрое освоение широких пространств на севере, востоке и юге России.

На окраинах Русского государства создавались казачьи станицы, которые пополнялись прежде всего старообрядцами. Мечтой этих беглецов, которых и на новом месте вскоре начинали угнетать, было отыскать в каких-либо дальних землях очаг «древнего благочестия», представляющий собой в то же время и своего рода социальный рай. Крестьяне и казаки неоднократно приступали к поискам этой легендарной земли, посылая по старому обычаю сначала ходоков. Такими ходоками и были три уральских казака, отплывших в страны Юго-Восточной Азии. Географические представления этих ходоков были крайне смутны и фантастичны, и содержание их было отчасти почерпнуто из всевозможных писаний, ходивших в крестьянской и казачьей среде. Так, в подложной грамоте лжеепископа Аркадия², якобы поставленного патриархом Беловодии, сообщается: «Есть на востоке за северным, а к южной стране за Магелланским проливом, а к западной стране за южным или тихим морем

¹ О причинах тяги народных масс к легенде о «земле обетованной», где люди, как братья, и процветает «истинное благочестие» (дониконианская церковь), см. подробно в книге К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (М., 1966). Специально путешествию уральских казаков посвящены стр. 269—271; там же указана литература по этому вопросу.

² Подробнее об Аркадии см. указанную книгу К. В. Чистова, стр. 270—273, 289 и др.

славяно-беловодское царство, земля патагонов (!), в котором живет царь и патриарх. Вера у них греческого закона, православно-ассирийского или попросту сказать сирского языка. Город, по ихнему названию беловодскому, — Трапезанчунск, по-русски перевести — Банкон (он же и Левек). А другой их же столичный город Гридабад»³. Вероятно, в поисках Банкона (Банконга) казаки и очутились в Юго-Восточной Азии.

Путешествие трех казаков стало достоянием науки благодаря настойчивым хлопотам В. Г. Короленко, познакомившегося во время своей поездки по Уралу в 1900 г. с одним из участников путешествия — казак Григорием Терентьевичем Хохловым и с его дневником. Писатель предложил Хохлову помочь подготовить к печати полностью этот дневник, содержащий много своеобразных фактов и наблюдений, частично этнографического характера, поддерживал переписку по этому поводу с Хохловым и возможными издателями рукописи и предварительно опубликовал из нее отрывки в своем очерке «У казаков». Так вышли в свет путевые записки Г. Т. Хохлова⁴.

В очерке «У казаков» В. Г. Короленко пишет о первой встрече с Хохловым, с которым его познакомил местный учитель Январцевского поселка Кирсановской станицы А. О. Токарев. «Долгое время он (Хохлов. — И. М.) не являлся, но, наконец, кусты беседки, в которой мы сидели в небольшом садике учителя, раздвинулись и, внимательно изучая нас взглядом, вошел казак средних лет, крепко сложенный, с густо загорелым лицом и умными черными глазами. Одет он был в серый пиджак и на голове у него была неизбежная казачья фуражка с малиновым околышем... Около двух часов просидели мы в беседке январцевского учителя, слушая любопытные рассказы этого современного землепроходца, а затем мне удалось убедить Григория Терентьевича перевести полуславянский текст его книжки (рукописной. — И. М.) на общеупотребительный язык и изложить его гражданскими письменами»⁵.

В предисловии к изданию книги Хохлова Короленко пишет о принципах своей редакторской работы над рукописью: «Подготавливая ее для печати, я позволил себе только, для облегчения чтения, разбить текст на главы и снабдить главы перечнем содержания... В остальном я сохранил в неприкосновенности своеобразный и часто очень выразительный при всей неправильности слог автора»⁶.

Сохранилось письмо Короленко от 3 октября 1900 г. из Полтавы к Хохлову, где речь идет и о первичной обработке рукописи писателем для использования выдержек из нее в очерке и о возможностях полного издания ее отдельной книжкой: «Многоуважаемый Григорий Терентьевич. Простите, что несколько замедлил с ответом: дела задержали меня в Уральске дольше, чем я предполагал. Теперь я уже дома и Вашу рукопись прочитал.

В ней придется сделать некоторые сокращения и сильно исправить слог или, вернее, некоторые неправильные выражения. Я думаю сделать из нее довольно значительные выдержки в своей статье с указанием, что это писано казаком таким-то. За все эти выдержки, сколько их будет напечатано, Вы получите плату по расчету страниц. Кроме того, не по-

³ Цит. по статье: В. Г. Короленко. У казаков (Из летней поездки на Урал). «Русское богатство», 1901, № 11, стр. 177—178; о нем же см. там же, стр. 169—171. Очевидно, это Ловек — город в Камбодже, неоднократно бывший столицей кхмерских королей после падения Ангкорской империи.

⁴ Г. Т. Хохлов. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». С предисловием В. Г. Короленко. «Записки РГО по Отделению этнографии», т. XXVIII, вып. 1. СПб., 1903. Можно отметить, что В. Г. Короленко в предисловии к этому изданию говорит об опубликовании В. Д. Максимычевым, другим участником этого путешествия, своих впечатлений в местной газете, а затем и отдельной брошюрой (см.: Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 3; В. Г. Короленко. У казаков, стр. 164—165).

⁵ В. Г. Короленко. У казаков, стр. 165—166.

⁶ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 10.

желаете ли Вы издать все Ваше путешествие отдельной брошюрой, уже без пропусков. Тогда в ноябре, когда я буду в Петербурге, я бы постарался устроить Вам это дело. Думаю, что для многих Ваше путешествие представится интересным, а после того, как об этом будет сказано в журнале, издатель найдет, вероятно, без труда. Со своей стороны я позабочусь, чтобы вознаграждение за Ваш труд было подходящее.

Теперь, значит, дело стоит за концом. Будьте добры, пришлите его мне по возможности в скором времени»⁷.

Короленко постарался выполнить обещание, данное Хохлову, — похлопотать об издании его рукописи, используя свои научные и литературные связи; это видно, например, из его письма от 4 марта 1902 г. к исторiku литературы и критику Ф. Д. Батюшкову, где он упоминает и о других лицах, которых предполагает привлечь к этому изданию, — П. П. Семенову-Тяньшанскому, бывшем в то время вице-председателем Русского географического общества, и об известном деятеле по народному просвещению Г. А. Фальборке: «Дорогой Федор Дмитриевич. Не удивляйтесь, получив от меня внезапно (посылкой) рукопись. Это приведенная в порядок и переписанная рукопись казака Хохлова. Вы тогда (в мое пребывание в Петербурге) высказали мнение, что можно бы издать от Географического общества и что тогда обойдется без цензуры. Мне кажется, и так цензуре почти не на что посягать, и можно бы издать без предварительной цензуры (кажется, листов десять наберется). Во всяком случае, может быть, и Вам, и Петру Петровичу (Семенову-Тяньшанскому. — И. М.) будет любопытно посмотреть это путешествие в полном виде. Поэтому я и посылаю рукопись на Ваше имя. Если Петру Петровичу действительно это интересно, то пусть посмотрит, а я пока снесусь в общих чертах с Фальборком, чтобы иметь в виду оба способа издания. Не знаю, что скажет Петр Петрович и найдет ли нужным и удобным издавать это путешествие. Сам автор не прочь издать этим способом, чтобы избежать купюров. Но, конечно, как человек практический, он не прочь извлечь и возможную от издания выгоду»⁸.

И действительно, следует предполагать, что Хохлов получил значительную по тому времени сумму денег за публикацию своего дневника. На этом не стоило бы заострять внимание, если бы не данные, собранные фольклорной экспедицией Уральского педагогического института в 1963 г. под руководством Е. И. Коротина в Приуральском районе Уральской области, которые могут быть поняты превратно. Среди старожилов тех мест еще хранится память об этой поездке уральских казаков; некоторые помнят и самого Г. Т. Хохлова:

«До поездки-то он середняк был, Хохлов-то. Дом его стоял на яру, против крепости...

Жил с женой, дочь была, собирался ехать в 1896—1897 годах. После поездки разбогател, баранов купил»⁹. Информатор считает, таким образом, что эта поездка была предпринята с целью наживы. Между тем это благосостояние Хохлова, увеличившееся после поездки, было связано скорее всего именно с получением гонорара за публикации. К тому же, видимо, субсидии, получаемые казаками-путешественниками для их поездок в поисках Беловодия, состояли под учетом, так как, например, Варсонофий Барышников, дошедший до Индии и повернувший назад, оставшиеся от путешествия деньги возвратил субсидировавшему это путешествие казаку Шапошникову.

⁷ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах, т. 10. М., 1956, стр. 315—316.

⁸ Там же, стр. 329—330.

⁹ Архив экспедиции Уральского пединститута. Записано 16 сентября 1963 г. в поселке Красноармейский от Ф. Л. Чумакова.

Выражаю признательность Е. И. Коротину, любезно предоставившему в мое распоряжение эти данные из экспедиционного архива.

Г. Т. Хохлов, конечно, не ставил себе задачей описывать хозяйство или культуру народов, которых он встретил в посещенных им странах, но в его записках можно найти любопытные заметки о населении всех этих мест. Эти заметки характеризуют восприятие казаками новых впечатлений. Хохлов очень четко выражает свое отношение ко всему впервые увиденному им, причем все это излагается весьма своеобразным языком человека наблюдательного, хотя и совершенно неподготовленного чтением специальной литературы, верящего во всевозможные чудеса, но в то же время стремящегося реально разобраться в окружающей действительности.

Описание своего путешествия Г. Т. Хохловым представляет как бы наиболее поздний этап такого древнего литературного жанра, как «хождение», со всеми характерными для этого жанра закономерностями¹⁰. Повествование его плавно и неторопливо, рассказ объединен логикой путешествия. Автор далек от того, чтобы выдавать свои собственные дела, заботы и переживания за что-то значительное и важное, что также характерно для жанра путешествий.

«И вот в то самое время,— пишет Короленко об их путешествии,— как в центрах и на вершинах нашей культуры говорили о Нансене, о смелом проекте Андре¹¹ и о шансах достижения Северного полюса, в далеких уральских станицах шли толки о Беловодском царстве и готовилась своя собственная религиозно-ученая экспедиция»¹². 25 января 1898 г. «на съезде в Кирсановском поселке порешили отправить депутацию из трех человек для отыскания этих стран, процветающих древним благочестием... На расходы было собрано 2500 рублей да жители города Уральска прибавили от себя около 100 рублей»¹³.

Это была не первая экспедиция, организованная казаками для поисков Беловодия. Еще в 60-х годах XIX в. уральские казаки на деньги, собранные на Дону, отправились на поиски Камбайского царства. Побывали в Константинополе, Малой Азии, на Малабарском берегу и даже в Ост-Индии. Барышников с двумя товарищами «до пределов Камбайского (Камбоджа?) и Опоньского (очевидно, Японского) царства за какими-то препятствиями не доехал, и, таким образом, ни положительной, ни отрицательной цели эта экспедиция не достигла. Заманчивая Беловодия по-прежнему осталась за далью морей, в таинственном и непроницаемом тумане»¹⁴.

В дневнике Хохлова последовательно изложены основные этапы путешествия. Он обстоятельно описывает посещенные казаками города, здания, одежду населения, местные обычаи и обряды, промыслы, перемеще-

¹⁰ Эти закономерности вскрыты в работе Н. И. Прокофьева, посвященной жанру хождений. В основе хождений лежит, пишет он, «реальное путешествие с паломнической, дипломатической или торговой целью... Способ изображения в хождениях базируется... на основе личного или группового опыта, композиция хождений представляет собой цепь очерковых зарисовок, расположенных в произведении по времени или пространственно-топографическому принципу». Сюда же относятся «конкретная лексика» и наличие «некоторого количества иноземных слов, нужных для обозначения отсутствующих на Руси явлений и предметов, в особом типе сравнений, в которых неведомые для русского читателя предметы сопоставляются с понятными и близкими ему» (Н. И. Прокофьев. Древнерусские хождения XII—XV веков. Проблема жанра и стиля. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1970, стр. 18).

¹¹ Соломон-Август Андре (1854—1897), шведский инженер, построив управляемый воздушный шар, с двумя товарищами намеревался достигнуть Северного полюса. О отважные исследователи погибли в октябре 1897 г. при не совсем ясных обстоятельствах. Остатки воздушного шара были найдены в 1930 г. недалеко от Шпицбергена на острове Белый.

¹² В. Г. Короленко. У казаков, стр. 171.

¹³ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 17.

¹⁴ В. Г. Короленко. У казаков, стр. 169.

вая реальные факты со всякими баснями, сообщаемыми местным людом паломникам и другим приезжим.

Прибыв в Константинополь, путешественники осматривали православные монастыри, видели парад турецких войск и пр. Их внимание привлекли красивые здания за бухтой Золотой Рог. Сопровождавший их грек объяснил им, что это дворец древних греческих царей, древняя столица Царьград, именно здесь жил Константин. На вопрос, кто сейчас живет в этих зданиях, проводник ответил: «В одних зданиях — турецкий монетный двор, а в других — соблюдаются умерших султанов жены... Турки вероисповеданием — магометане, или, сказать, мусульманы. У них в году соблюдается один месяц поста, этот пост бывает не всегда в одних числах, но на каждый год отступает дней на 10, и поэтому магометанский пост может быть летом и зимою. Пройдя их пост, тут бывает у них праздник, и празднуют три дня. В этот праздник султан турецкий каждый год и женится... Вот к этому празднику султану приготавливают дюжину шестнадцати лет красивых и знаменитых девиц, одним словом, писанных красавиц... И вот на каждый год султан по одной девице берет за себя. В течение своей жизни иной наберет их несколько десятков, а придет время, султан помрет. Вот эти-то жены и запираются в Константинов дворец безвыходно, под строгим наблюдением караула, как преступницы... Некоторым случается осчастливиться...: за великие услуги какого-нибудь генерала иногда награждает их султан своими жемами, и этот генерал считается великим счастливецом»¹⁵.

Удивление казаков вызвал обряд венчания у греков. На вопрос, как это можно венчаться на второй неделе Петрова поста, в столовой, да еще в субботу на воскресенье, они получили ответ: «В Греции обычай имеют венчать везде и во всякое время, и в гостиницах, в поле, и даже без ведома отца и матери, только по согласию жениха и невесты»¹⁶.

Далее дано описание г. Смирны с его этнически пестрым полуторастатусным населением (турки, греки «франки»), его занятий, дана краткая история города. Подробно описано, между прочим, изготовление росного ладана¹⁷. «Раньше мы думали, что росной ладан вырастает сам собою. Нет, его вырабатывают искусственно; вот рассказ почтенного грека (жителя г. Смирны), который сам работал на заводе: росный ладан сначала собирают с душистых растений... кладут в большие медные котлы. Когда все это приготовлено, приезжает на завод митрополит и епископы с причтом, служат над цветами молебен, после чего начинают их варить и отливают в формы, особо устроенные на этот предмет»¹⁸.

В сообщении об острове Родос преобладают заметки экономического плана: о производстве вина, масла, хлопчатой бумаги, воска и пр.; даны также сведения о климате: «Мягкий климат, благорастворенный воздух родосский благовонными испарениями лимонных, апельсиновых и гранатовых рощ привлекает сюда множество слабых грудью для лечения»¹⁹.

Естественно, что чем ближе казаки продвигались к «святым местам», тем большее место в дневнике Хохлова занимали описания различных церквей, монастырей и т. п. и связанных с ними всевозможных домислов и предположений. Вместе с тем Хохлов дает и краткие характеристики населения виденных им городов. Так, население Бейрута «составляют все племена востока»; здесь есть и христиане католического толка, есть и православные, причем служба ведется на арабском языке. Все это перемежается в заметках о посещении того или иного города с сопоставлением увиденного, с высказываниями о нем в Библии.

¹⁵ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 25—26.

¹⁶ Там же, стр. 35—36.

¹⁷ Однако описание, данное Хохловым со слов другого лица, неточно, и здесь приводится только самый обряд.

¹⁸ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 39.

Передавая притчу о г. Иерихоне, автор вполне серьезно рассказывает о дереве, растущем рядом с домом, в котором путники остановились отдохнуть. И вот на это самое дерево две тысячи лет назад якобы влез богатый горожанин Закхей, пожелавший увидеть Христа, посетившего город. «Дерево это, на которое влезил Закхей, и теперь стоит, по имени ягодница (смоковица), толщиной в два обхвата, аршина 4 вверх от земли и имеет две ветви, между которыми, по преданию, и сидел Закхей в ожидании Христа-спасителя. Ягодница каждый месяц дает плоды, в год восемь раз поспевает на ней ягода»²⁰. Посетив места, где раньше находились города Содом и Гоморра, Хохлов, ссылаясь на священное писание, повторяет, что оба города «за печестие жителей поглощены были землею. Спасся только Лот с семейством, причем жена Лота за послушание превращена была в камень слан. Жены Лотовой в настоящее время уже на том месте пет, где она окаменела: ее давным-давно увезли англичане»²¹.

Впрочем, казаки не всегда показывают себя такими наивными и простодушными. В Салониках при посещении церкви Дмитрия Солунского им показали икону, на которой по-церковнославянски было написано: «Образ святого мученика Дмитрия». «Этому,— как пишет Хохлов,— мы немало удивились, так как местность Салоники принадлежала раньше грекам и письмо должно быть на образе на греческом языке, а не на славянском. Не два ли образа имеются в этой темной комнате: для русских поклонников турки, может быть, показывают на русско-славянском письме, а грекам на греческом»²².

Целая глава посвящена Иерусалиму. Здесь внимание казаков привлекли громадные скопления нищих: «На всех дорогах к святым замечательным местам, по тракту, сидят по обеим сторонам сотни разных родов калек... которые просят у поклонников милостыню. Тут и хромые, и безногие, и безрукие, собравшиеся со всех концов Палестины, из Аравии и Египта. Они кричат: «Эта злой, эта злой» и при этом ударяют о землю рукой или ногой, а иные, не имея движения в руках и ногах, бьются о землю головой. Подле каждого стоит чашка или иная посуда. Иные выползают на самую дорогу и, лежа вдоль и поперек, трясутся, бьются головами о землю и кричат, зашуривши глаза: «эта злой». Когда же в чашке его зазвонит монета, он быстро откроет глаза, посмотрит и опять зажмурится»²³.

Говоря о том, что когда-то плодородная Палестина оскудела и особенно чувствуется нехватка воды, автор дает этнографически точное описание страны и критически сравнивает свои впечатления о скудности почвы с библейскими описаниями: «Жители Иерусалима, посещающие святые места, от жажды пьют дождевую воду, которая запасается следующим родом: каждый домохозяин, при постройке своего дома и прочих зданий, вначале избирает место, где сохранять ему воду, выкапывает глубокую яму, укрепляет в ней дно и стены подходящим материалом, чтобы из нее не уходила в землю вода; с крыш зданий устроены проводники (трубы) в эту яму. Во время зимних месяцев в Иерусалиме бывает вместо снега дождь, который с крыш по трубам стекает в яму или подвал. В случае, когда бывают зимние засухи, много народу расходится по иным местам, где усмотрят в избытке воды. Вообще теперь Палестина мало напоминает блаженную страну, которую Моисей так одобрял за плодородие. В окрестностях Иерусалима камни (дикарь) и сплошная галька»²⁴.

После многочисленных переживаний и сутолоки, связанной с получением места на пароходе, плывущем в сторону Сингапура, паломники, наконец, на французском пароходе 20 июля достигли Цейлона. В запис-

²⁰ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 50.

²¹ Там же, стр. 51.

²² Там же, стр. 35.

²³ Там же, стр. 53.

²⁴ Там же, стр. 56.

ках приведены этнографически точные описания костюма жителей и способа плавания на лодках с балансиром и даны сведения географо-экономического порядка. «Остров Цейлон,— пишет Хохлов,— богат и весьма плодороден: хлопчатая бумага, южные плоды, строевой разной породы лес, кедровые и прочие плодовые леса. Медь, серебро, железо, золото и дорогие разных цветов камни». Наблюдательность Хохлова и его спутников, стремление своими руками все «пощупать» проявились, например, в описании местной лодки: «По морю они плавают на своих длинно-узких 7-вершковых лодках; сбоку от лодки на 1 саж. пристроена 4 верш. толщиною жердь, загнута немного кверху. Между лодкой и жердью на связях утверждены мачты из бамбука толщиною 4 вершка. Туземцы садятся в лодку верхом, ноги висят по колени в воде, а в лодке лежит у них пойманная рыба и рыболовные снасти»²⁵. В этом описании сказалось не только наблюдательность, но и интерес к делу (ведь одним из основных занятий уральского казачества было, как известно, рыболовство). Естественно, что рыбаков с Урала интересовало, как ловят рыбу местные рыбаки, но из-за незнания языка им пришлось ограничиться только констатацией того, что они увидели собственными глазами.

Хохлов и его товарищи в значительной степени были ограничены в выборе объектов наблюдения в основном из-за большой протяженности маршрута. Но все же в записках дано, например, точное описание физического типа и одежды цейлонцев.

«Местные обитатели коричневатого цвета, черные длинные волосы откинута назад и скреплены на вершине головы гребнем. Большею частью ходят нагие, имея на себе кусок бязи вокруг поясицы; один конец спущен спереди между ног, а назад привязан за этот же пояс»²⁶.

В совершенное изумление путешественников привели рикши: «Нужно нам было в Сингапуре походить, местный народ посмотреть. Спустились мы по сходням на берег и вышли на площадь, где стояли в 4 ряда извозчики с двухколесными на рессорах экипажами американского изделия. Поместились мы двое с Максимычевым в одну коляску. Извозчики не имели на себе ни рубаш, ни подштанников, а только подпоясана поясица кушаком, один конец пропущен между ног и подвязан сзади за кушак; и вот его все пышное одеяние. Извозчик, не медля нисколько, сам зашел в оглобли, обратился к нам и спросил на своем наречии: «Куда прикажете ехать?» Мы догадались, чего от нас он требует, и показали ему направление. Лошадка о двух ногах с места покатила рысью; мы дивились неслыханной езде: человек запрется в экипаж и бежал, как добрый конь, с тягостью двух людей, пробежал до города и по городу не меньше трех верст»²⁷.

Не меньше поразило их и зрелище, увиденное в сингапурской гавани: «В 2 часа пополудни мы пристали к о-ву Сингапуру. Тут встретило нас множество молодых ребят от 9 до 17 лет, нагих обитателей Малаккской страны, в своих маленьких, легких, трех аршин длины лодках. В руках имели небольшие весла. Французы бросали с парохода звонкие монеты в море. Ребята быстро выпрыгивали из лодок, ныряли, как крохали (водоплавающая птица.— И. М.), доставали монеты из моря и поспешно из воды выпрыгивали опять в свои лодочки, не зачерпнувши даже стакана в лодку воды... Французы потешались и смеялись»,— кончает Хохлов²⁸.

Сайгон встретил путешественников звоном колоколов церквей, которые они, не разобравшись, приняли за православные. Они думали, что уже нашли Беловодию. Но им объяснили, что эти церкви — католические. Очень кратко дано описание города и его жителей: «Постройка города Сайгона чисто каменная. Дома о двух-трех этажах, улицы все устланы

²⁵ Там же, стр. 66.

²⁶ Там же. Эта одежда называется у малайцев «лангути».

²⁷ Там же, стр. 68.

²⁸ Там же.

щебнем, по улицам, по обеим сторонам, в два ряда посажены пушисто-высокие деревья, шумящие от ветра». О самих вьетнамцах говорится: «Местный народ ходят нагие, как и в Сингапуре, но только здесь носят на голове широкие шляпы, как зонтики. Во рту у них имеется какой-то состав, в виде крови (бетель.— *И. М.*); часто плюют. Базар и все улицы оплеваны; можно подумать, что какое-нибудь животное, крепко раненное, бежало здесь и облило кровью»²⁹.

О наблюдательности автора дневника и умении подмечать курьезные случаи говорит хотя бы такой эпизод. За городом внимание путешественников привлекла обезьяна: «Невдалеке от дороги (сажень 10) на пенке срубленного дерева сидела обезьяна. Максимычев бросил в нее грецким орехом. Орех упал у самого пенка; обезьяна прыгнула с пенка и, взявши орех, начала его разгрызать, потом положила его на землю и ударяла в него камнем. Но так как местность была болотистая, то орех забивался в землю; обезьяна снова взяла его, положила в воду мочить и, вынув его из воды, начала грызть. Подивились мы ее смыслу и пошли своим путем к пароходу»³⁰.

Нельзя не остановиться еще на одной черте, характерной для русских путешественников вообще. Попад в далекие, никогда ранее не виденные страны, оказавшись свидетелями подчас очень странных обычаев, наблюдая жизнь народов, совершенно не сходную с европейской, казаки никогда, ни в одном случае не отошли от той позиции дружеского интереса, которым пронизана вся книга.

В свою очередь русские путешественники стали объектом любопытства населения во Вьетнаме из-за их казачьей формы, окладистых бород и пр. Путешественники отлично понимали это обстоятельство и относились к местному населению с уважением и деликатностью. «На пути местные жители смотрели на нас, как на каких чудовищ,— с мягким юмором пишет Хохлов,— дети (и подростки) от 8 до 20 лет толпились и шли за нами. Мы заметили, что в их глазах кажемся страшными, и шли с целью мешкотно, не один раз приостанавливаясь. Ребята сначала старшие младших подталкивали к нам ближе, которые со слезами от нас бежали без оглядки. Наконец, осмелились некоторые: при остановке нашей подходили к нам, глядели нам в лицо. Один, лет 20, ощупал руками наши бороды и под бородой глазами оглядел наши шеи. Чего искал туземец под нашими бородами? Или думал он, что под бородами на месте горла нет ли у нас другого рта? Вероятно, этот народ не видал русского человека, поэтому они и дивились»³¹.

На пароходе, доставившем казаков в Сайгон, находился некий «г-н Куликовский», прокурор морского ведомства, пытавшийся растолковать путешественникам всю тщетность их поисков. Но путешествие продолжалось.

Часть сведений по этнографии виденных автором стран относится к Китаю. В Ханькоу он описывает способ изготовления черного чая, очевидно, где-то на кустарной фабричке³². О сортах чая Хохлов пишет: «Чайные сорта все решительно дает один и тот же куст, различие же зеленого и черного чая зависит только от способов приготовления. В продаже чай носят разные названия, причем наши русские названия измышляются уже в России.

Семена чайные одни и те же; разница бывает в почве земли и времени уборки. Цветочный чай обирается (цвет) с куста, пока не образовались листья. Чем раньше обирают листья, тем лучше бывает чай, зато весом его получается меньше»³³.

²⁹ *Г. Т. Хохлов*. Указ. соч., стр. 75.

³⁰ Там же, стр. 76.

³¹ Там же, стр. 75—76.

³² Там же, стр. 86.

³³ Там же, стр. 87.

Пищу китайцев Хохлов описывает кратко, например: «Ложек не имеют, вместо ложек употребляют палочки; пищу варят не соленую, хлеба пекут пресные»³⁴.

Значительное место в дневнике Хохлова уделено китайской религии; здесь, как и везде, где речь идет о религии, рассказ его, хотя временами и очень неточен, но красочен и проницателен: «По религиозным верованиям китайцы буддисты; религия их признает сотни богов. Китайские боги — это те же люди, но живущие в загробном мире, люди со всеми достоинствами и недостатками. Китайцы говорят, что здесь не люди созданы по подобию божью, но боги — по образу и по подобию людей. В губернских городах Китая есть храмы богу солнца, Небу, Земле, по простому народу до них нет дела — им служат чиновники. Боги простого народа — это духи его отцов и дедов; в загробном мире они исполняют те же должности, что и люди; их можно подкупать и задабривать, им приносят в жертву деньги (бумажки под видом денег), сожигая их на блюде. Деньги не настоящие, но китайцы верят, что, сожженные с должными обрядами, в загробном мире эти деньги превратятся в истинные...

Есть бог, который управляет дождем. Когда бывают засухи, китайцы начинают молиться и просить его, чтобы дал дождя и влажности. Если в продолжительное время просьба не убаготворяется, тогда всходят к нему в кумирницу, берут бога за шею, вытаскивают из кумирницы на площадь, секут его плетью и обратно втаскивают в кумирницу, но ставят его уже не на почетное место. Так стоит без призрения, пока не будет дождя; после дождя его снова ставят на возвышенное место и жгут перед ним хлопок, чтобы обратил на них внимание.

Есть бог и в кухне каждого домохозяина, только кухонный бог большой ябедник: он доносит обо всем, происходящем в семье. Каждый новый год, чтобы он не болтал слишком много, ему... рот замазывают кашей; после нового года кашу отмывают теплой водой, а когда нужно обратить на себя его внимание, перед ним тоже жгут хлопок»³⁵.

«У китайцев есть десять заповедей, — пишет Хохлов далее, — из коих только пять обязательны для мирян, пять же даны монахам. Гласят они следующее: 1) не убивай, 2) не воруй, 3) не прелюбодействуй, 4) не лги, 5) не пей крепких напитков, 6) не ешь ничего вне установленных сроков, 7) не употребляй украшений и духов, 8) не садись на высокие седалища, 9) не танцуй, не пой, не играй и не ходи на зрелища, 10) не давай в долг и не бери ни золота, ни серебра»³⁶.

Говоря о праздниках, Хохлов указывает: «Главными праздниками в Китае считаются первые три дня нового года. Один или два дня весною, когда почитают могилы предков, дни солнцестояний и великий праздник дракона (змия)»³⁷. Объясняя, что такое дракон, автор пишет: «Дракон, по китайскому убеждению, — самый злейший каратель; проживает он в земле, поэтому китайцы строго запрещают раскапывать землю... Китайцы говорят, что если допустить разработку золота и угля, то дракон сильно обидится и в ярости будет неумолим: пошлет на людей злейших духов, будут давить народ и уязвлять всякими болезнями». Далее он описывает лодочные гонки во время праздника дракона и устройство из бумаги великого Дракона. «Во время ночи внутри дракона утверждаются огни, и носят его на носилках с почестью по всем улицам»³⁸.

Не найдя и в Китае признака Беловодского царства, казаки отплыли в Японию. Хохлов рисует внешний облик японцев: «Японцы невысокого роста, плотного телосложения, гладкостриженная голова, белые незастег-

³⁴ Там же, стр. 88.

³⁵ Там же, стр. 87, 88. В этом описании преобладают сведения о культе предков и элементах даосизма.

³⁶ Там же, стр. 88.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

нутые пиджаки надевают на голое тело³⁹; на ногах деревянные, тонко-выделанные колодки (подвязанные) с помощью ремня. Идет по улице, под ногами у него хлобыстают колодки⁴⁰. Женщины также небольшого роста, замечательно убранные гладко головы, ничем не покрытые, на ногах носят такие же сандалии, как и мужчины»⁴¹.

Так и не найдя предмет своих исканий — страны «правой веры» — и совершенно разуверившись в такой возможности, казаки отправились в обратный путь. Под Владивостоком им встретился русский офицер, знавший о цели их путешествия. Отвечая на его слова: «Истинная вера осталась, видно, там» (причем он указал рукой на небо), — казаки подтвердили: «По всему так, ваше высокоблагородие»⁴². Хохлов вскрывает в своих записках вопиющие беззакония царской администрации на Дальнем Востоке.

Прибыв во Владивосток, путешественники направились к переселенцам из донских и оренбургских казаков, которые два-три года назад выехали из родных мест в Уссурийский край. Автор показывает крайне бедственное положение переселенцев. Описание трудностей, с которыми те безуспешно пытались бороться, дано особенно реалистично и эмоционально по сравнению с описанием чужих стран. «По дороговизне в тех местах скотины и всех продуктов, казаки в скором времени истратили полученные деньги (ссуду. — *И. М.*), не могли обзавестись добрым хозяйством, решили покинуть места своих поселений и с семьями пришли во Владивосток, а теперь ходатайствуют, чтобы возвратиться им в войсковые свои области. Правительство с нового поселения их не отпускает, требует с них, чтобы уплатили обратно по 600 рублей, взятых ими на ссуду. Казаки, не имея средств к пропитанию, обносились до наготы; в летних худых палатках проживают на возвышенном месте. Подкатила зима, затрещал мороз, захрустел снег, одежды на них нет — хоть ложись да умирай. Правительство распорядилось дать им теплое помещение, отвели им казармы, в которых они жили только два месяца зимы. Генерал Духовской распорядился выгнать их из казармы на поля. Жителям г. Владивостока воспретили пускать их на квартиры, даже с угрозами: кто впустит на квартиру переселенцев (казаков), хотя бы на одну ночь переночевать, того подвергнуть штрафу до 50 рублей. Теперь бедные (когда приходили мы к ним) находятся без всяких промысловых занятий, в ветхих палатках, иные не имеют никакой кровли, под открытым небом с грудными детьми и восьмидесяти лет стариками».

Хохлов рассказывает также о хищнической разработке золота, обвиняя богатых золотопромышленников в том, что они продают ради наживы отечественное золото за границу, и о многом другом⁴³.

Так закончилось путешествие трех уральских казаков, искавших землю «древнего благочестия». Однако идея поисков Беловодии жила в среде уральского казачества. По свидетельству того же В. Г. Короленко, два других уральских казака направились в Петербург к С. Ф. Ольденбургу как востоковеду за разъяснениями той грамоты, что была якобы пожалована самозванному «епископу беловодскому» Аркадию «беловодским патриархом». Как проходила эта встреча, пишет Ф. Д. Батюшков: «В Петербург прибыло трое казаков старообрядцев из окрестностей Уральска в розысках «Беловодского царства». Это было таким любопытным пережитком старины, что акад. С. Ф. Ольденбург позвал меня побеседовать с этими пришельцами чуть не 15 в. и общими усилиями убедить их в фантастичности того маршрута с легендарными городами и странами, ко-

³⁹ Куртка, называемая по-японски «хаори».

⁴⁰ Подразумевается обувь, называемая по-японски «гета».

⁴¹ Г. Т. Хохлов. Указ. соч., стр. 93.

⁴² Там же, стр. 95.

⁴³ Там же, стр. 95—96, 98.

торыми они думали руководствоваться для достижения заповедного царства. Переубедить их вряд ли удалось, но все же казаки собрались домой, и я дал им поручение отыскать у себя на родине В. Г. Короленко, которому они могли послужить любопытным этнографическим материалом»⁴⁴.

Во время беседы с казаками С. Ф. Ольденбург указал им на всю нелепость этого документа, где беспорядочно нагромождены географические названия, охарактеризовав эту грамоту как «собрание индусских и арабских начертаний, поставленных рядом без всякого смысла». Рассказывая об Индии, Индокитае, Японии, С. Ф. Ольденбург показал казакам статуэтку, изображающую буддийского бога Майтрею, который, по верованию буддистов, должен сойти на землю, чтобы научить людей истинной вере. «Вначале, — как пишет Короленко, — этот буддийский святой, по-видимому, не обратил на себя особенного внимания депутатов. Но впоследствии он все чаще стал возникать в их памяти.

«Видите, — задумчиво говорили мне теперь гостеприимные хозяева, — в одной руке держит вроде кулганчика (сосуд), а другая изображает как бы двуперстное сложение. И потом — для чего японцы поднесли ее православному царю?»

Когда депутаты рассказали об этом своим единоверцам, старики стали упрекать их, что они не собрали точных сведений о местопребывании этого Майтреи и о народах, имеющих такое перстосложение в Японском царстве. И теперь депутаты просили меня, когда буду в Петербурге, попросить у С. Ф. Ольденбурга этих сведений, а если можно, то и фотографического снимка со статуэтки.

«В случае чего... можно было туда отправить людей», — говорили они... Мне кажется, что апелляция к науке составляет первый еще эпизод этого рода во всей истории благочестивого Камбайско-Беловодского царства»⁴⁵.

Насколько же все-таки была крепка вера в существование где-то страны, где нет притеснений и где все люди братья, что казаки и на этот раз решались послать дорогостоящую экспедицию, собирая по кругу деньги на финансирование ее. Это говорит, конечно, и о силе традиций казачьего круга.

Поиски Беловодии привели тех же уральских казаков в конце концов к Л. Н. Толстому, так как среди них пронесся слух, что Толстой побывал в Беловодии, и они захотели получить подтверждение истинности этих слухов у него самого, а заодно и узнать местонахождение этой страны. Сохранилось и письмо (от 4 января 1904 г.) Короленко к Толстому о посещении того казаками 13 ноября 1903 г.: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич. На днях я прочитал в газетах, что у Вас были уральские казаки, с которыми Вы вели беседу о «Беловодии». Быть может, Вам будет интересно прочитать путешествие в эту сказочную страну, изложенное одним из казаков, совершивших это путешествие. Если я правильно угадал инициал Вашего посетителя, то это должен быть Логашкин; некоторые сведения о нем Вы найдете на стр. 14—15 книги («Путешествие уральских казаков в Беловодское царство»), которую я посылаю одновременно с этим письмом. В главе IX (стр. 78 и др.) есть эпизод, показывающий, какое глубокое значение для этих темных, правда, людей имеет данный вопрос. Краткую его историю я изложил в предисловии. Их поездка к Вам есть как бы продолжение того же путешествия в Беловодию с целью

⁴⁴ Ф. Д. Батюшков. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922, стр. 74. Короленко в то время находился на Урале. Ф. Д. Батюшков, однако, ошибался, полагая, что следствием встречи Короленко с этими казаками явилась брошюра «Путешествие казаков в Беловодское царство». Как пишет Короленко, «поиски их были направлены не на восточные моря-окияны, а на Запад». Кроме того, брошюра написана ведь участником другого путешествия казаков — Хохловым.

⁴⁵ В. Г. Короленко. У казаков, стр. 186—187.

разобраться и найти истину по вопросу, имеющему для них и отвлеченное, и самое насущное значение. Искренне уважающий Вл. Короленко»⁴⁶.

Л. Н. Толстой ответил ему кратким письмом из Ясной Поляны (от 20 января 1904 г.): «Очень Вам благодарен, дорогой Владимир Галактионович, за присылку интересной книги с вашим интересным предисловием. Я был очень болен, когда казаки были у меня. Ваше предисловие объяснило мне их посещение. На очень, очень важные мысли наводит это удивительное и трогательное явление. Дружески жму Вам руку. Лев Толстой»⁴⁷.

Это путешествие трех казаков, архаичное по своей цели и литературной форме его описания, сконцентрировало на себе внимание группы прогрессивных общественных деятелей, литераторов и ученых России, привлеченных остротой социальных причин, лежащих в его основе.

---

⁴⁶ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах, т. 10, стр. 385.

⁴⁷ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в двадцати томах, т. 18. М., 1965, стр. 341—342.

Р. С. Липец

ИДЕЯ О ВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЯХ В БЫЛИНАХ

(книга В. Ф. Миллера «Экскурсы
в область русского народного эпоса»)

1

Идея о восточных влияниях в былинах возникала в русской фольклористике XIX в. неоднократно; был разработан ряд конкретных исследований и намечены пути этих влияний, но непрерывного развития она так и не получила. Кульминационным моментом ее обоснования в то время можно считать выход в свет книги «Экскурсы в область русского народного эпоса» профессора В. Ф. Миллера¹ и разгоревшуюся вокруг нее борьбу мнений в кафедральной науке и более широких кругах общественной мысли. Так было и за двадцать пять лет до этого по поводу работы В. В. Стасова «Происхождение русских былин»², впервые пристально занявшегося вопросом о возможности заимствований с Востока в былинах.

Идея о восточных влияниях отщупывала уже своей новизной. В середине XIX в., когда писал Стасов, былины или вовсе ни с какими эпосами не сравнивали (славянофилы доказывали самобытный путь развития России, смыкаясь в этом с представителями реакционной теории «официальной народности»), или сравнивали только с западноевропейскими и северо-европейскими эпосами (норманисты). К концу XIX в., когда писал В. Ф. Миллер, теория заимствований уже проложила себе дорогу в науке. Но большую роль в отношении ряда ученых к изысканиям как В. В. Стасова, так впоследствии и В. Ф. Миллера играло предубеждение против самой идеи о возможности заимствований с Востока, тем более от соседящих с русским народом кочевников, культуру которых эти ученые расценивали незаслуженно низко. Делали они упор и на то, что отношения кочевников к Древней Руси якобы основывались только на насилии и военных столкновениях.

Значение книги В. Ф. Миллера, как и некоторых его предшественников — не только В. В. Стасова, но и А. Н. Веселовского, а несколько позднее и Г. Н. Потанина, — заключалось в защите взгляда на постоянство и глубину культурных связей между русскими и кочевниками, на сложность и противоречивость их взаимоотношений.

В наше время та же гуманная мысль применительно ко всему азиатскому Востоку и народам Европы была сильно и ярко выражена академиком Н. И. Конрадом: «Самое важное... понять ... что разные части челове-

¹ В. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII. М. 1892. Дальше все ссылки на страницы этой книги даются в самом тексте статьи.

² В. В. Стасов. Происхождение русских былин. «Вестник Европы», 1868, январь — апрель, июль — июль; перепечатано: В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. III. СПб., 1894. Дальше цитируется по последнему изданию.

чества, при всех своих расприах, в области культуры всегда были в общении друг с другом и без этого общения обойтись не могли»³.

Именно в нежелании ученых реакционного направления признать возможность культурного общения между русскими и кочевниками Азии, вступавшими с ними в соприкосновение, и лежала в дореволюционной науке причина того, что всплески идеи о восточных влияниях в русском эпосе, возникавшей как бы последовательными волнами, рассыпались каждый раз, не достигнув берега. Представителями правого крыла русской науки даже в самой постановке и разработке этой проблемы усматривался ущерб признанию самобытности русской культуры.

Едва ли надо доказывать теперь, что чем богаче культура какого-либо народа, тем интенсивнее она творчески осваивает сокровища культуры других народов. В царской же России ученые, искавшие восточные компоненты в русском фольклоре, были вынуждены защищать самый предмет своих занятий от возможных упреков, и не каждому это оказывалось под силу.

История книги В. Ф. Миллера служит ярким примером этого. К работе над «Экскурсами» он приступил во всеоружии комплексного метода, насколько этот метод был разработан в то время, владея и филологическим, и историческим, и археологическим⁴ материалом, и высказал немало свежих и важных мыслей. В. Ф. Миллер, крупнейший фольклорист, изучавший былины в связи с событиями русской истории, стал вскоре признанным главой «исторической школы». Однако сопоставлениями былины с эпосами восточных народов как самостоятельной крупной проблемой после опубликования своих «Экскурсов» он уже не занимался в течение остальных двадцати с лишним лет своей жизни. Но он и не отрекался никогда от признания важности такого аспекта.

Чтобы понять, какова была научная атмосфера в момент выхода в свет книги Миллера и как она могла повлиять на его занятия в дальнейшем, надо бросить ретроспективный взгляд на труды его предшественников.

2

Первым, кто последовательно изложил теорию восточных связей русского фольклора, был В. В. Стасов. Конечно, отдельные сопоставления и даже некоторые обобщения делались и до него, но его работа «Происхождение русских былины» все же явилась как бы громом с ясного неба. Она, правда, изобиловала ошибками и преувеличениями, но самые рьяные противники теории Стасова не смогли зачеркнуть целиком круг вопросов, поднятых им, и забыть его язвительной и беспощадной критики ходячих славянофильских представлений о русском фольклоре. В их числе оказались и такие крупные ученые, сторонники «мифологической школы», как Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер и др. Посвятивший немало страниц своего фундаментального труда «Илья Муромец и богатырство киевское» ожесточенной полемике со Стасовым, О. Ф. Миллер, например, сам уже находил параллели к былинам в восточных сказаниях наряду с западными и предварял, что ему «придется нередко рассматривать обильные сравнительные данные» Стасова и «когда проверка окажется в их пользу, даже прямо пользуясь ими, ... иной раз, быть может, признавая и частную пригодность» самого метода⁵.

Впоследствии А. Н. Пыпин, защищая позицию В. Ф. Миллера при ис-

³ Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1966, стр. 462.

⁴ В. Ф. Миллер принимал участие сам в археологических раскопках на юге страны, в местах древних поселений кочевников, как и в организации археологической науки в России в целом.

Подробнее см. об этом в книге Б. А. Калоева «В. Ф. Миллер — кавказовед» (Орджоникидзе, 1963, стр. 18—22, 27—31, 93—105).

⁵ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. СПб., 1869, стр. XXI.

торическом разборе былин, не случайно напоминал, как было встречено исследование Стасова учеными изоляционистского (в отношении развития России) направления. «При своем появлении оно вызвало целую бурю негодования со стороны приверженцев мифологического и национально-мистического толкования былины: оно казалось им более им менее как профанацией русской народной поэзии, и чуть не самого достоинства русского народа»⁶. Именно такой подход своих критиков имел в виду Стасов, когда писал, что настоящий ученый «не боится видеть и исследовать эти заимствования и не приходит от них в патристический ужас»⁷. Понятием «патристизм» его критики подменяли по существу великодержавный шовинизм, на что и намекал Стасов. Он выступал в полемических целях в «Происхождении русских былин» чрезвычайно резко и зачастую доводил свои предположения до пределов допустимого, высмеивая ставшие как бы аксиомами мысли своих противников. Появление его книги было воспринято как скандал в научном мире, и последствия оказались двоякими: с одной стороны, вернуться к прежним безмятежным «мифологическим» и иным славянофильским домыслам оказалось невозможным; с другой стороны, книгу впоследствии замолчали, а теория Стасова была признана целиком скомпрометированной.

Между тем тот же А. Н. Пыпин утверждал, что исследования Стасова «во первых... несомненно заставили строже оглянуться на прежние толкования нашего древнего эпоса, умерили жар мифологов и способствовали устранению сентиментальных и аллегорических теорий. Во-вторых, они указали сторону дела, которая хотя и не была самим автором решена, но во всяком случае требует внимания»⁸.

В. В. Стасов при исследовании восточных эпосов уделит большое внимание отражению в них не только конкретной исторической обстановки, но и бытовых реалий (в особенности всему, что связано для кочевников с конем). Исходя из текстологического и исторического анализа, он доказывал, что наибольшая близость намечается в былинах с кочевническими эпосами соседящих с русскими народов Южной Сибири и Средней Азии, а не с древнеиндийским и древнеиранским эпосами. Из этого он делал вывод, что речь может идти и о более поздних заимствованиях, а не только об общих индоевропейских истоках эпоса.

Наиболее плодотворные выводы Стасова были спустя четверть века привлечены В. Ф. Миллером, который по выходе в свет работы Стасова сам принимал участие в ее критике, в основном из-за несовершенства методологических приемов Стасова и различного рода фактических натяжек⁹. Возражения его не касались основной предпосылки Стасова о возможности восточных влияний на былины, которую он признавал и тогда.

Теперь В. Ф. Миллер решил использовать эту работу для доказательства целесообразности выявления восточных параллелей к былинам. «В течение слишком двадцатилетия, — писал он, — эта сторона научной разработки нашего эпоса почти не была затрагиваема нашими исследователями». Дальше он перечисляет достижения исследователей в сравнительно-историческом плане в области лингвистики, разных видов искусства, литературы и даже антропологии, и заключает: «... Но почему-то до сих пор возможность восточного влияния на наш былевой эпос считается сомнительной и в историях русской литературы обходится молчанием», так как «былое свое у каждого народа. Однако нельзя забывать, что это «былое» прожил русский народ в течение многих веков бок-о-бок с тюркски-

⁶ А. Н. Пыпин. [Рец.]. Иранские источники русской былины — Всеволода Миллера. Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII. М., 1892. «Вестник Европы», 1892, № 6, стр. 704.

⁷ В. В. Стасов. Происхождение русских былин, стлб. 1247.

⁸ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II. СПб., 1891, стр. 250.

⁹ В. Миллер. (Рец.). О сравнительном методе автора «Происхождения русских былин». «Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете», вып. 3. М., 1871.

ми племенами, в теснейших сношениях, военных и мирных, что целые страницы наших летописей наполнены известиями о восточных кочевниках и множество былин рассказывают о борьбе с татарами¹⁰, что богатырский эпос возник и развился именно в том населении России, которое много веков отставало себя от набегов кочевников, и что поэтому исследователь, ищущий отражения истории в нашем былевом творчестве, именно в силу ее указаний должен искать в нем и следов тесной связи Руси с Востоком и ознакомиться с характером и содержанием эпических сказаний наших азиатских соседей» (стр. 231). «Не заходя так далеко, как зашел В. В. Стасов, — писал он, — ...все же нужно отдать справедливость этому даровитому исследователю в том, что он в некоторых чертах нашего эпоса значительно уяснил тюркское влияние» (стр. 217), и не игнорировать «те *немногие*, но прочные ... результаты исследования», которыми наука ему обязана (стр. 13).

А. Н. Пыпин в своей рецензии на «Экскурсы», сравнивая взгляды В. Ф. Миллера и Стасова, отмечал, что сильнейшее противодействие «мифологов» с их «мистическими блужданиями» вызвала не только восточная гипотеза, разработанная обоими учеными, но и вообще исторический подход к эпосу¹¹.

Между тем при поисках эпических заимствований и связей со «смежными степными кочевниками», писал он, В. В. Стасов с его «сравнительным методом», к которому «люди науки возымели странное недружелюбие», «в первый раз открывал возможность действительного объяснения вопроса». Миллер же «стоял уже во всяком случае на более твердой исторической почве» чем «мифологи», в объяснении «подробностей древнего русского эпоса», причем ученым была «несомненно указана одна из его действительных сторон» и «раскрылись многие любопытнейшие черты древнего русского быта и древнего народного поэтического творчества»¹².

Защищая В. Ф. Миллера от нападок представителей «мифологической школы», позиции которой в науке были в то время еще сильны, Пыпин провозгласил: «... В популярном и учебном обращении до сих пор продолжают мифологические толкования старой былины, т. е. за древнейшее национальное предание выдается совершенная чепуха... Г. Миллер отступил от существующего обычая и, собравши свои параллели, решился объединить их в цельной теории». Хотя и в его теории Пыпин находил много гадательного, но «по крайней мере автор старался поставить историю поэтического развития в связь с историческими явлениями народной жизни»¹³. В этой связи Пыпин и вспоминает Стасова, чтобы оценить, в конечном счете положительно, его разыскания, так как он, «при всех ошибках, ставил предмет на почву реального исследования, и затем эта почва становилась уже обязательной для дальнейших исследователей», в то время как «Ор. Миллер объяснял Илью Муромца тучами и молниями», а П. А. Бессонов «делал былину настоящим апокалипсисом и писал вещи совсем непостижимые»¹⁴.

¹⁰ В других местах «Экскурсов» он доказывает вслед за Вессловским, что «татары» — замена в былинах названия более ранних кочевников — половцев, причем это не первая замена, так как половцы в свою очередь могли заменить печенегов, и приводит примеры наименования кочевников в древнерусских письменных произведениях, в основу которых мог лечь эпос: «И быша у князя Владимира храбрии вои мнози в гради Кieve и пачаша избивати силы великыя половецкыи под городом под Киевом» и др. (стр. 210).

¹¹ Следует помнить, что «мифологическая школа» в фольклористике получила первую глубокую трещину еще после исследований былины Л. Н. Майковым в его известной небольшой монографии «О былинах Владимирова цикла» (1863). В этой работе он скрупулезно сопоставил былины с действительностью Древней Руси, указывая на влияния (в основном в области материальной культуры), шедшие из других стран (в том числе и с Востока), что представляет интерес и для развития идеи этнокультурных связей с Востоком.

¹² А. Н. Пыпин. Иранские источники русской былины, стр. 741—742.

¹³ Там же, стр. 727—728.

¹⁴ Там же, стр. 708.

Для А. Н. Веселовского, наблюдения и выводы которого также были широко привлечены в «Экскурсах», восточная проблема в фольклоре не была ни основной, ни одной из главных в его научных интересах, хотя именно ему принадлежит наиболее аргументированное сопоставление эпического Тугарина с историческим Тугорканом, половецким военачальником XI в.¹⁵, и многие другие открытия и наблюдения в этой области. Но и ему приходилось доказывать, что «народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный», хотя он и подчеркивал, что о «пришлых сказаниях», которые вошли в состав русского эпоса, можно говорить лишь как о «случайных матерьялах, пошедших на его создание»¹⁶ и творчески переработанных, согласно народному характеру русского эпоса.

В «Экскурсах» В. Ф. Миллер, неоднократно обращаясь к высказываниям Веселовского, подкреплял ими свою концепцию, что долгое общение русских с тюрками было «не только враждебное, но и мирное» (русские «заживаются в улусах кочевников; князья вступают в брак с половецкими князьями»), о значении «новой связи» — христианства, проникавшего к половцам (что, видимо, преувеличено). Миллер приводит высказывание Веселовского: «При таком сближении народностей легко предположить, что у нас не только пели песни о половцах, но и вторили песням половецким... Отрывок половецких песен или преданий, еще отзывающихся ароматом степи, сохранился в нашей летописи под 1201 годом» (о хане Отроке см. ниже)¹⁷. Отстаивая неизбежность культурного общения между народами, в том числе в области эпоса, В. Ф. Миллер и приводит слова Веселовского о «международном» характере народного эпоса в подтверждение своей мысли: «Всякий, кто несколько знаком с историей культуры, хорошо знает, что многое, признаваемое *национальным*, вовсе не предполагает туземности своего происхождения или изобретения» («Экскурсы», стр. 225).

Сам В. Ф. Миллер указывает на конкретную закономерность «соприкосновения эпикой оседлого населения с эпикой кочевников», что соответствует «географическим и историческим условиям», среди которых развивался эпос (там же). «Теснейшая связь восточнорусского населения с кочевниками имела (до XIII в. — Р. Л.) такие громадные исторические последствия, так глубоко отразилась на материальной стороне русского быта, что было бы абсурдом не признавать такого же отражения ее на духовной стороне русского быта и прежде всего на памятниках народного творчества» (стр. 217).

В. Ф. Миллер искал опору для своей концепции и в первых работах об эпосе востоковеда Г. Н. Потанина¹⁸, содержавших свежий и обильный сравнительный материал по Средней Азии и некоторые оригинальные высказывания.

Монография Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», включившая и ранние статьи, вышла через семь лет после «Экскурсов», и в ней Потанин в свою очередь базировался уже на изысканиях не только А. Н. Веселовского, но и самого В. Ф. Миллера. В этой

¹⁵ Такое же сопоставление еще в начале 60-х годов прошлого века сделал известный собиратель и исследователь былин П. Н. Рыбников. В письме к К. С. Аксакову в 1860 г. он писал: «Змей Горыныч, Тугарин Змеевич, Идолище Поганое стали олицетворением кочевников», но тут же отмечал сложный состав этих образов, их связь с натуралистическими божествами — «богами-змеями», аналогичными «богам-конам», «богам-быкам» и пр. «Эти боги облагородились впоследствии, — писал он, — но у кого остался рог, у кого копыто, у кого крыло, отметины происхождения» («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», З. М., 1910, стр. 302).

¹⁶ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, III—XI. «Сборник ОРЯС», т. XXXVI, № 3. СПб., 1884, стр. 68, 401.

¹⁷ Там же, стр. 371—372.

¹⁸ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883; он же. Монгольское сказание о Гэсэр-хане. К вопросу о происхождении русских былин. ВЕ 1890, сентябрь, и др.

монографии Потанин четко сформулировал свою установку в отношении изучения восточных влияний в былинах, созвучную взглядам В. Ф. Миллера. Он отмечал «несмелость мышления, поработленного рутинными взглядами» ряда исследователей-современников, указывая, что «пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки», мешает установлению «правильных взглядов... на историю духовнокультурных заимствований», и надеялся на поворот «в отношении к степному преданию»¹⁹.

Приводя фольклорный материал из ранних работ Потанина, В. Ф. Миллер заключал, что это должно расширить кругозор фольклористов «и удерживать их от односторонних соображений» (стр. 231—232).

Следует подчеркнуть, что наличие определяющего национального ядра в русском эпосе Миллер, конечно, и занимаясь восточными компонентами былин, никогда не отрицал. Одно из его высказываний по этой проблеме содержит в себе наиболее полно его кредо: «Конечно, истинная самобытность нашего эпоса не потерпит ни малейшего ущерба, сколько бы заимствованных сюжетов в нем ни указали исследователи. Нужно помнить, что усвоение чужого материала для народа возможно только под условием радикальной его переработки на свой лад. Наш же народ имел уже весьма рано настолько богатый былевой эпос, настолько твердые, традиционные приемы эпического склада, что все чужое, что к нему проникало, переливалось уже в готовые формы народного склада, приобретало печать народности и быстро становилось родным достоянием. Эта сила народности... не нуждается ни в многословных разъяснениях тех лиц, которые берут себе привилегию на какое-то исключительное понимание народного духа (намек на славянофилов.— *Р. Л.*), ни в защите против покушений тех исследователей, которые, рассматривая наш былевой материал с сравнительно-исторической точки зрения и обнаруживая в нем некоторые заимствования с востока, юга, запада, якобы этим умаляют значение нашего народного творчества» (стр. 232).

Нельзя забывать к тому же, что никто не сделал так много, как В. Ф. Миллер, для уяснения неразрывной связи былин с русской историей, которую он, однако, рассматривал не изолированно, а учитывая сложные этнокультурные связи с соседящими народами: тюркоязычными, ираноязычными, финно-угорскими и др.

«Экспурсы» Миллера были первым его исследованием русского эпоса в историческом плане; большинство же читателей знает его не по этой книге, а лишь по «Очеркам русской народной словесности», написанным позднее.

Следует обратить, однако, внимание на общий недостаток исследований восточных мотивов в былинах как у самого Миллера, так и у его предшественников — нечеткость разделения двух моментов: 1) прямого заимствования фольклора и 2) непосредственной общности быта, отразившейся в фольклоре каждого из сопоставляемых народов. Вследствие этого значительность эпических заимствований нередко преувеличивалась.

Кроме того, более выпуклая картина получилась бы, если бы исследователями эпоса учитывались не только сходства, но и различия, обусловленные особенностями хозяйства и культуры, стадий развития общественных отношений и самого эпоса у тех народов, эпос которых сравнивается.

В. Ф. Миллер разработал убедительное приурочение времени и места наиболее интенсивного влияния на русский эпос восточных соседей-кочевников. Он отнес это время к эпохе Киевской Руси (X—XII вв.); местом же основных контактов определил пограничные русские княжества, где последовательно оседали печенеги, торки и половцы, вступая с Русским госу-

¹⁹ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 856.

дарством в федеративные, а затем и вассальные отношения. В этом следует видеть большую заслугу Миллера по сравнению с его предшественниками.

Одна из главных ошибок В. В. Стасова заключалась в том, что он считал восточный компонент в былинах заимствованным в основном от кочевников Южной Сибири с XIII в. Но когда усилились контакты с ними русских, что произошло только в XVI в., ядро русских былин — их сюжеты, мотивы, образы, «общие места» — уже сложилось.

То общее, что Стасов действительно уловил в эпических поэмах Сибири и русских былинах, имело корни, уходящие в глубокую древность. В кочевническом мире, консервативном вследствие самих особенностей хозяйства и быта, развитие которого к тому же искусственно тормозилось политикой царского правительства, сохранилось многое из того, что было типично уже для тех кочевников, с которыми русские имели дело в конце I — начале II тысячелетия н. э.

Преимущественное внимание Стасова к сибирскому эпосу объяснялось отчасти тем, что он базировался на только что опубликованных материалах В. В. Радлова; эпический же мир Средней Азии и Казахстана в то время еще почти не был открыт.

Ошибку иного рода сделал Г. Н. Потанин. Изучая культуру народов глубинной Азии, ранее малодоступную ученым, их богатый фольклор, в котором он нашел много знакомого по русскому и западноевропейскому эпосу, он пришел к мысли, что влияние этого фольклора на эпос Европы осуществлялось еще в гуннское время. Но в пределах будущей Киевской Руси еще не началось складываться тогда государственное образование даже переходного от периода военной демократии типа, а только этому периоду свойственно становление героического эпоса. Значит, заимствование его тогда было вообще невозможно²⁰.

3

В. Ф. Миллер как бы подошел к понятию общественной формации, настаивая на общности быта и фольклора кочевников южнорусских степей, шедших к феодализму, и русских именно в X — XII вв.

Определяя, какими путями могло осуществляться восточное влияние, проникновение восточных компонентов в русский эпос, В. Ф. Миллер различал два из них: 1) через дальние кочевья орд печенегов, половцев и др. и 2) полуоседлые поселения тюркоязычных групп на южных границах Русского государства. Наиболее важным для передачи эпоса он считал пояс поселений по р. Роси — Поросье, где сложился черноклобуцкий союз (Черный Клобук русских летописей), в который входили печенеги, торки, берендеи (возможно, искаженное «баяндур» — «белобаранные» огузы, одна из ветвей тех же торков), а частично и выходцы из половецких орд, отколовшиеся от основных объединений. Но Миллер перечисляет тюркские поселения и в некоторых других пограничных русских княжествах (Черниговском, Переяславском, Галицко-Волынском).

В числе причин, содействовавших взаимопроникновению культурных явлений в среде тюркоязычных кочевников и оседлого славянского населения, В. Ф. Миллер называет длительные военные и торговые контакты,

²⁰ Г. Н. Потанину принадлежит, однако, чрезвычайно плодотворная мысль об этническом мосте, в течение тысячелетий связывавшем глубины Азии с Европой, иными словами — о путях кочевников, сменявших друг друга в степях Евразии, в общем движении с востока на запад, причем с ними кочевал и их эпос. Были возможны и местные перемещения (добавим — и частично обратные отливы); поэтому в одном и том же ареале могли сменяться эпические комплексы, принадлежавшие народам, сдвинувшимся с мест прежнего обитания, смешавшимся между собой или рассеявшимся. Этим кочевнический эпос, по мысли Потанина, отличается от эпоса оседлых народов, сохраняющих свою культуру, в том числе и фольклор, в течение длительного времени в пределах относительно строго очерченной территории (Г. Н. Потанин. Восточные мотивы..., стр. 155, 575, 849—850).

двуязычие, смешанные браки (в особенности династические, при которых вместе с одним из супругов меняли место жительства и многие из их окружения), деятельность певцов-профессионалов, обслуживавших ту и другую среду.

Исследования Миллера внесли корректив в ходячие представления многих его современников о Дикой степи, которую считали какой-то пустыней, где беспорядочно передвигались аморфные кочевые орды. Разрушить эти представления было под силу только В. Ф. Миллеру с его широкой эрудицией, комплексным методом, соединением кабинетных и полевых исследований и, главное, ясностью («резвостью», как писал о нем Н. В. Васильев) ума.

В. Ф. Миллер наглядно показал, что Дикая степь была не такой уж дикой. В ней стояли даже города, и русским князьям при походах в степь приходилось брать их так же, как любые другие (Балиц, Сугров, Шарукань). Русским купцам было привычно не только обегать хищных грабителей, но и пользоваться караван-сараями, беспрепятственно проходить в военное время через степи со своими товарами, мимо враждующих лагерей и поселяться в городах, где жило пестрое в этническом отношении население. Так было, например, в Белой Веже на Дону²¹, в степях которой стояли и подвижные юрты тюрок, и хижины аланов и славян. Под контролем кочевников находились портовые города южного Приморья, где кипела торговая жизнь (Таматарха, Сугдея и др.). Кочевники старались не нарушать торговых связей этих городов, обогащаясь за счет пошлин, как и в глубинах степи, где пролегали «нахоженные» столетиями караванные пути. Эти пути соединяли далекие страны, и кочевники постепенно втягивались в орбиту культуры стран Востока и Запада.

Не случайно знаменитый Куманский словарь (Codex Cumanicus) — половецко-латино-персидский словарь, содержащий 3000 слов, был составлен именно в Крыму жившим там в XIII в. итальянцем и имел практическое, деловое значение.

В быту тюрок-кочевников обращались наряду с изделиями местных искусных мастеров, владевших прочными художественными традициями, всевозможные привозные вещи: ткани, украшения, сосуды, вино, а также оливковое масло. Особенно высоко было развито у кочевников военное дело. В X—XII вв. у них были выработаны совершенные по тому времени оружие и доспехи, сложные приемы ведения конного боя, что было заимствовано потом соседними оседлыми народами, стремившимися создать конницу, способную противостоять кочевникам. Войска кочевников, в особенности половцев, служили в качестве союзников или наемников и в Византии, и на Кавказе, и на Руси. В общественном строе у кочевников южнорусских степей уже существовали союзы племен и намечался переход к феодализму.

Проследивая этнокультурные связи русских со степняками, В. Ф. Миллер считал возможным говорить даже о «сожительстве с кочевниками» русских в приазовских и причерноморских степях, которые с VIII—IX вв. «не только по временам служат дорогой тюркским кочевникам, стремящимся далее на запад, но становятся постоянною ареною их кочевков», а со временем — и частичного оседания. Процесс оседания кочевников на границах Руси был изложен Миллером, чтобы объяснить судьбы эпоса в основных чертах так же, как он мыслится и современными учеными. Миллер умел делать на основании разнообразных источников общие обоснованные и далеко идущие выводы, большинство которых выдержало испытание временем и получило подтверждение в свете данных, добытых учеными в течение многих последующих десятилетий. Эта сила интуиции и научного прогноза составляет самую характерную черту его как ученого. Такова, например, его трактовка истории сложения черноклобучко-

²¹ М. П. Артамонов. История хазар. М., 1962.

го союза: «...Сначала они (печенеги.— *Р. Л.*) вступают в борьбу с южно-русскими князьями, угрожают русским городам — Киеву, Белгороду, Переяславу и другим, но затем сила их слабеет, они перестают уже быть страшными для Руси врагами... начинают сами постепенно оседать. Под напором новых, более сильных орд половецких печенеги... примыкают к пределам славянских поселений, и различные их роды оседают на русской почве под защитой городов. Русские князья в большом количестве принимают их в свои дружины и селят на окраинах, в местах, угрожаемых набегами половецкими» (стр. 201—202). Миллер подробно рассматривает и места этих поселений, которым он придавал такое большое значение в усвоении черт кочевой культуры русскими, в том числе и элементов кочевнического эпоса (стр. 202). Хотя русскими был перенят у кочевников степи новый вид вооружения, конный строй и пр., но все же при военных столкновениях «как степная конница эти тюрки были незаменимы в действиях против таких же степных кочевников», когда нужно было «преследовать их в степях, стараться догнать их и лишить полона», т. е. отбить пленных (стр. 202)²². Черные клобуки сохраняли еще мобильность, необходимую для отражения новых орд, которые вытесняли друг друга в южнорусских степях, последовательно появляясь из глубин Азии. В черноклобуцкий союз входили печенеги, торки, берендеи и частично выходцы из половецких орд. Здесь, как уже говорилось; этнокультурные связи русских и тюркоязычных народов были наиболее тесны, так как русские также жили в Поросье, ставшем одним из русских уделов, в особенности в городах, например в центре его — Торческе (от торк, торчин). Вероятно, общались они и на пограничных заставах — укреплениях, защитники которых в Киевской Руси набирались обычно из разных ее земель и отличались сложностью своего состава²³. Черные клобуки ходили нередко в походы самостоятельно, иногда, видимо, под начальством своего русского князя; чаще же они отражали от границ Руси других кочевников или принимали участие во внутренних расприях между княжествами, почти всегда на стороне великого князя, опиравшегося на них. Под Черниговом были поселены, по летописям, мирные «коуи», под Переяславом Южным — «переяславльстии торки».

Сопоставление инвентаря кочевнических погребений, датируемых эпохой Киевской Руси, в особенности в Поросье, и синхронных русских позволяет сделать некоторые выводы о взаимовлияниях в области материальной культуры (в частности, типов вооружения). Можно предполагать, что одновременно шел обмен и духовными ценностями — в первую очередь сокровищами героического эпоса²⁴.

4

В. Ф. Миллер придавал особо важную роль в сложении и развитии русского эпоса именно пограничным со степью княжествам: Черниговскому, Переяславскому, где, по его мысли (а отчасти и по мысли А. Н. Веселовского), эпос как жанр сложился раньше, чем в собственно Киевской земле. Этому способствовало многое. Здесь шла полная драматизма жизнь русских воинов-конников, насыщенная борьбой с кочевниками, требовавшая от них самих овладения всеми навыками наезднического искусства и походного быта. Здесь мог происходить легче и культурный обмен, не

²² Кстати, не случайно в былинах популярен сюжет, посвященный подвигу богатыря, отбившего русский полон у кочевников; при склонности эпоса к персонализации дано освобождение только одной полонянки, сестры героя (Алеша Поповича или Казарина), неузнанной им.

²³ Это выявлено Б. А. Рыбаковым для мест расположения системы древних пограничных укреплений на юге Киевской Руси (*Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 60—62, 348—349 и другие его работы*).

²⁴ Русское эпическое воздействие на кочевников в тот период должно быть темой самостоятельного исследования.

только вследствие непосредственного общения русских с тюркоязычными народами, но и двуязычия, развивавшегося в районе их контактов, особенно в местах поселения полуоседлых кочевников.

«... Самые ранние исторические песни о борьбе русских богатырей» со степняками должны были слагаться, по мысли В. Ф. Миллера, к которой он возвращался неоднократно, «не среди всех русских племен, а среди того населения, которое, выдвинувшись дальше других на восток и юг к степи, выдерживало на себе в домонгольский период главный натиск азиатских кочевников. Районом сложения исторических песен, легших в основу эпического цикла, должна была быть обширная область полян и северян — бассейн среднего Днепра и его восточных притоков» (стр. 215; см. также стр. 205).

В. Ф. Миллер подчеркивает, что Черниговское княжество, удерживавшееся большей частью членами одной ветви Рюриковичей (Ольговичами), наиболее тесно общалось со степняками при военных столкновениях, в мирные же периоды оно было связано с ними рядом предприятий дипломатического характера (прием кочевников русскими князьями к себе на службу, поселение их в пределах Черниговской земли, договоры и союзы, династические браки с половчанами, причем такие смешанные браки с женщинами, приводимыми дружинниками «из степей в числе полоня, должны были быть явлением заурадным» (стр. 204).

Может быть, в этом — одна из причин популярности мотива жены-пленницы в былинах и обусловленной таким браком трагической ситуации? Следует отметить, однако, что именно массовые браки русских с полонянками оспаривались как недоказанный факт некоторыми учеными — современниками В. Ф. Миллера.

Черниговские князья были своими людьми в степи в течение ряда поколений у своих союзников и родственников. Мирными договорами, в том числе и брачными, русские князья, конечно, в ряде случаев откупались от наседавших орд, но не менее часты были и обычные равноправные военные союзы, не столько «непрочные», как принято было считать в исторических исследованиях, сколько заключавшиеся, видимо, для проведения одного какого-либо военного предприятия: похода на общего врага, обороны границ при набегах.

К черниговскому эпосу В. Ф. Миллер относит ряд мотивов в былинах. Таким он признает эпизод в былине о первой поездке Ильи Муромца (которого он считает местным богатырем из г. Моровска в Черниговской земле), об освобождении им осажденного города Чернигова, полагая, что в этой былинке, как и во многих других, слилось воедино время двух Владимиров — Святославича и Мономаха.

К черниговскому эпосу Миллер относит и былинку об Иване Гостинном сыне, которая в большинстве вариантов связана с Черниговом (скачки коней должны происходить по дороге, соединяющей Чернигов с Киевом, полагается за Ивана черниговский «владыка» — епископ и пр.).

Можно добавить к данным Миллера, что сюжет о конских ристаниях разработан только в вариантах этой былинки и не характерен для русского эпоса. В былинке о Дюке и Чуриле собственно скачек нет, а есть только состязание в прыжках их коней через водную преграду. В былинке о молодости Чурилы он и его дружинники лишь упражняются в джигитовке. Зато тема скачек имеет яркие соответствия в эпосе различных кочевых азиатских народов. Сравнение, проведенное Веселовским с западноевропейским эпосом, таких убедительных данных не содержит. Совершенно стерта в былинке об Иване Гостинном сыне и тема знатока лошадей, следы которой в ней Веселовский все же обнаружил, но ограничился только сопоставлением с западными памятниками, где она тоже уже неясна. Между тем эпизод о знатоке коней — «синчи» служит завязкой сюжета эпоса о Кер-оглы во всех переднеазиатских и среднеазиатских версиях; прослеживается он и в эпосе об Алпамыше и др. Выбор коня, предназначенного для героя, — де-

ло такого знатока, от простого табунщика до придворного конюшего, способного узнать достоинства коня даже на ощупь, будучи ослепленным. Это дает возможность говорить о проникновении в черниговские былины элементов кочевнического эпоса. Кроме того, среди коней, участвующих в скачках, есть в былине «ордынские кони», на что давно было обращено внимание исследователями. Но в былине очень смутно также прослеживается и другая тема, развитая в кочевнических эпосах: о конях-родственниках, конях-братьях, что поворачивает развитие сюжета, — или кони отказываются вступать в борьбу между собой, или даже помогают друг другу. При этом им досконально известны силы другого коня (обычно равные). Родство подменяет равенство достоинств коней. Устные родословные коней, в Средней Азии например, велись, так что мотив родства коней в эпосе мог иметь в основе и настоящее родство. Иногда ценность коня определялась и принадлежностью к табу, где он был рожден.

Следы переяславского эпоса В. Ф. Миллер видит не в форме былин, где они могли «не сохраниться, а в эпических летописных сказаниях, зафиксировавших древнерусский устный эпос», и в них также находит большое влияние кочевников.

Первым он разбирает сказание под 993 г. о поединке русского юпоши-кожемяки с великаном-печенежином из войска, подошедшего к Переяславлю. В. Ф. Миллер справедливо указывает на явно «эпические черты» этого сказания: герой — «отрок»-малолеток; его противник — «превелик и страшен», как чудовищные богатыри-кочевники былин; других русских богатырей не случилось, охотников идти на поединок с печенежином первоначально нет; герой хочет сам испытать свою силу (ср. стрельбу в дуб усомнившегося в себе русского богатыря); поединку предшествует поношение противника; в конце поединка — смертельный обхват; князь Владимир дает победителю дары (стр. 206).

По поводу летописного предания о кожемяке В. Ф. Миллер приводит в «Экскурсах» (стр. 207) слова Богалея, подтверждающие его собственную мысль о существовании переяславского эпоса: «Очевидно, в этом летописном известии мы имеем *отрывок народного эпоса*, но не киевского, а переяславского; происхождение его нам станет понятно, если мы вспомним, что для него была благодарная почва — борьба с кочевниками». Однако не все в толковании «эпических черт» сказания Миллером звучит одинаково убедительно.

«В этом предании, — по Миллеру, — событие приурочено... к известному времени (княжению Владимира) и месту (Переяславлю), а враг, которого поборол русский богатырь, принадлежит известной народности (печенегам), причем событие связано с построением крепости (Переяславля)» (стр. 51). Но г. Переяславль был заложен задолго до княжения Владимира Святославича, вслед за Голубовским, обратившим внимание на это несоответствие, Миллер отмечает: Переяславль упоминается еще в договоре 907 г. деда Владимира — Игоря Рюриковича — с греками, помещенном как документ в русскую летопись. Однако он не делает отсюда вывода о хронологизации предания в целом; между тем естественно предположить, что и предание, связанное с построением этого города-форпоста, могло сложиться в довладимирово время, тем более что печенеги были врагами и Святослава Игоревича, отца Владимира. В летописной же топонимической легенде, принятой Миллером, говорится, что город назвал Переяславлем Владимир, в память победы отрока-кожемяки, «запе переяславу отрок-от»²⁵.

²⁵ См.: П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 122.

Д. С. Лихачев объяснил перенос этого мотива предания на Владимира Святославича тем, что впоследствии «русские исторические предания начали группироваться вокруг Владимира I, складываться в цикл «Владимира Красного Солнышка»» («Повесть временных лет», т. II — Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950, стр. 347).

Предание о кожемяке В. Ф. Миллер объединяет с русской сказкой-преданием о Змиевых валах — о борьбе Никиты Кожемяки, также перерывавшего кожи, со змеем. Но объединение это довольно искусственно, так как ни змья, ни пахания на змее в летописном сказании о переяславских событиях нет. «Волна исторических событий,— пишет В. Ф. Миллер о предании о Змиевых валах,— унесла из народной памяти имя исторических врагов (печенегов) и города Переяславля. Осталась лишь та типическая черта, что герой перерывал сырые кожи, и глухое воспоминание о каких-то защитительных сооружениях, связанных с его подвигом» (стр. 51). Но Змиевы валы — грандиозное историческое сооружение — создавались и подновлялись в течение тысячелетия и были известны еще в скифское время, так что связанная с ними легенда, вероятно, значительно старше переяславского предания об отроке-кожемяке, тем более что она чрезвычайно архаична.

Аргументация В. Ф. Миллера о влиянии на переяславский эпос кочевников может быть подкреплена одним существенным соображением. В сказании о юноше-кожемяке содержатся черты, которые позволяют говорить о прямом воздействии на переяславский эпос тех торков (или огузов), которые жили под защитой Переяславля. Именно в средневековом эпосе огузов есть устойчивый эпизод боя героя с быком, известный и в некоторых других кочевнических эпосах²⁶.

В огузском эпосе бой с быком встречается в двух сюжетах. В одном — это случайное единоборство богатыря-малолетка с быком, который на «ежегодном зрелище» у хана был предназначен для борьбы с верблюдом-самцом. В другом сюжете бой с быком — одно из брачных испытаний для Кан-Турали. Чудовищного быка в обоих текстах выводят на цепях, а он ударом рогов разбивает камень в муку, как сыр, и т. п. (в летописи бык «силен преизлишь»). Оба героя, оглушив быка ударом кулака в лоб, отодвигают его кулаком же к краю ристалища и после долгой борьбы с ним убивают. Кан-Туралли делает это, подняв быка за хвост и ударив о землю. Голову быка, а во втором тексте и шкуру герой отдает хану.

Торки, поселенные под Переяславлем, могли знать сказание о бое с быком и передать его переяславцам. В летописном сказании, правда, действуют печенеги в качестве противников, более обычных для Руси. Однако и у печенегов могло быть такое же сказание, так как оно известно у ряда других тюркоязычных кочевнических народов. Примечательно, что, по Гардизи, у печенегов в XI в. были боевые трубы в виде бычьей головы²⁷; по-видимому, у них существовал культ быка, широко распространенный на Востоке. Само единоборство с быком в эпосах, несомненно, хранит следы ритуальной борьбы с жертвенным быком.

Аналогичные эпические сказания известны в тувинском и алтайском эпосах. В тувинском эпосе о Кара-Когеле будущий тесть заставляет его бороться с быком с «горячими рогами», сжигающим противников. Быка приводят 50 человек, сплыв ему 50 когеров араки (в Никоновской летописи быка подпаивают медом). «Кара-Когель бросился на быка с быстротой ястреба, со стремительностью орла, схватил его за рога, выдернул их и забросил за дальние горы. После этого схватил быка в охапку и кинул на каменную россыпь»²⁸. Как и в огузском эпосе, этот вариант отличается чрезвычайной полнотой и красочностью. В алтайском эпосе герой-малолеток Ангыстай хватает быка за хвост и валит²⁹. В башкирском эпосе

²⁶ «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 16, 67.

²⁷ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 350.

²⁸ «Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос». Кызыл, 1960, стр. 124—125.

²⁹ С. С. Суразаков. Этапы развития алтайского героического эпоса. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Рукопись. М., 1973, стр. 34.

Урал-батыр также поднял быка (превращенного дива) на воздух и бросил оземь так, что у того раскололись копыта, с тех пор они у всех быков стали раздвоенными³⁰. В киргизском эпосе о чоро — дружинниках Манаса — говорится, что любой из них мог одним ударом «на смерть уложить быка»³¹.

Помимо сходства с основными моментами боя с быком в летописном сказании и кочевническом эпосе, некоторые черты напоминают эпизоды в былинах, далеких в целом от переяславского сказания. То, что герой поднимает быка за хвост, заставляет вспомнить похвальбу Алеши Поповича о корове, которую он таким же способом перебросил через забор в отцовском доме; так как образ Алеши вообще снижен, то прежде и этот эпизод мог иметь героическое звучание, тем более что похвальба предшествует победе Алеши в схватке с могучим противником.

Сходство летописного сказания с огузским эпосом подметил В. М. Жирмунский в примечании к песне о Кан-Туралли в «Книге моего деда Коркута», указав, что «сходный подвиг» есть в русской летописи³². О возможности заимствования кочевнического эпоса в летописном сказании о кожемяке мне уже приходилось высказываться, не исключая и существования в Древней Руси своеобразного обычая корриды³³.

Отголоском переяславского эпоса Миллер считает и другое летописное сказание, под 1148 г., связанное уже с половцами, о подвигах богатыря Демьяна Куденевича (по мысли Б. А. Рыбакова, самое отчество которого наводит на мысль об оседлых кочевниках, состоявших в союзе с Русью). Оно зафиксировано в поздней Никоновской летописи, содержащей, видимо, данные и из наиболее ранних летописей, неизвестных по другим спискам.

При нападении князя Глеба Юрьевича на Переяславль, когда у князя Мстислава тоже «дружины не случилось», Демьян Куденевич со слугой Тарасом и пятью отроками разбил войско Глеба, и тот бежит, уверяя, что приехал «не на рать, а на мир». В другой раз половцы, которых привели русские князья Давыдовичи, зажгли посад Переяславля. Демьян Куденевич один, без «одеяния доспешного», выступил против них, был ранен и вернулся умереть в Переяславль — и «бысть по нем... плач во граде»³⁴.

Сказания, подобные летописным, о богатырских подвигах русских и кочевников и об их столкновениях на границе «должны были выливаться в форму песен, — писал Миллер. — Действительно, существование таких песен, таких отрывков переяславского эпоса может быть почти доказано», так как «упорная борьба окраинной Руси со степью, с разными героическими эпизодами, должна была сильно действовать на народное воображение» (стр. 206).

5

В. Ф. Миллер пытался выяснить и способ, каким могла происходить передача эпического материала, что связано с вопросом о языковой среде. В противовес общепринятому в его время представлению, что общение между русскими и тюрками осуществлялось только через толмачей, он

³⁰ А. Н. Киреев. Башкирский героический эпос. Уфа, 1971, стр. 69.

³¹ «Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса». М., 1960, стр. 78.

³² «Книга моего деда Коркута», М.—Л., 1962, стр. 231.

³³ Р. С. Липец. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах. «Славянский фольклор». М., 1972, стр. 93—94.

³⁴ См. о нем: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 141. В связи с этим следует вспомнить былинку о Сухмане, в котором Б. А. Рыбаков видит другого кочевника — союзника Руси, «торцкого князя» Кунтувдея, «крупнейшего полководца торческо-берендейского Поросья», упоминаемого в летописи в конце XII в., у которого получился, не по его вине, конфликт с русским князем Святославом Всеволодовичем. «Основа былинны, — пишет Б. А. Рыбаков, — сложилась в русско-берендейской среде (но, разумеется, на русском языке)» и относит ее «к старому эпическому району Поросья и Переяславщины» (там же, стр. 145—150).

выдвинул мысль о значении двуязычия, особенно развитого в районах постоянных их контактов. «...Знание тюркских языков должно быть исконно широко распространено в юго-восточных частях русской территории, в течение нескольких веков соседившей с тюрками — хазарами, печенегами, половцами» (стр. 210). В подтверждение он приводит также летописные эпические сказания. Одно из них, под 968 г., — во времена Святослава — о русском отроке, прошедшем при осаде Клева печенегами через их войско, якобы ища пропавшего коня и спрашивая о нем по-печенежски. Это дало ему возможность добраться до Днепра и переправиться через него, чтобы известить об осаде русское войско, находившееся там. Живой рассказ этот действительно носит фольклорный характер.

Важный вопрос о двуязычии В. Ф. Миллер поднимает и по поводу известного летописного сказания о половецком хане Отроке, которое считается переложением с половецкого языка. Этот хан, будучи разбит Владимиром Мономахом, откочевал с остатками своей орды на Кавказ, где у грузинского царя Давида стал военачальником и породнился с ним. По сказанию, после смерти Мономаха брат Отрока, Сырчан, оставшийся на Дону, безуспешно звал его на родину, и только запах пучка степной полыни — емшана, принесенной послом, смог воскресить в хане тоску по родным степям и заставить вернуться. Это эпическое сказание, а может быть и половецкая песня, издавна считается образцом заимствования русской летописью самого кочевнического эпоса. Оно действительно пропитано «ароматом степи» (как писал Веселовский) и несомненно фольклорного происхождения.

В. Ф. Миллер в одной из своих более ранних работ утверждал, что сказание об Отроке попало в летопись «из какой-нибудь героической повести»³⁵. «Подобные отрывки принадлежат, так сказать, международной поэзии, которая возможна лишь при близком, тесном и продолжительном общении народов, облегчаемом взаимным пониманием языка», — писал он в «Экскурсах» (стр. 210).

Это прелестное эпическое сказание, вмонтированное в летопись, привлекало внимание и советских исследователей. Мысль о половецком происхождении этого летописного сказания, а также некоторых других проводит современный исследователь В. А. Пархоменко. Касаясь сказания об Отроке и песни-плача, отголосок которой он видит в летописном описании под 1103 г. съезда половецких князей и в повествовании о походе Севиенча, сына Боняка, под 1151 г., в Ипатьевской летописи, он пишет: «Летописец пропустил в летопись половецкую литературную струю... Вообще следовало бы внимательнее присмотреться к половцам и поискать следов их как в древнерусской литературе, так и в памятниках материальной культуры»³⁶.

Н. К. Гудзий отмечает, не сопоставляя с восточным фольклором, что в сухое летописное повествование в этом месте «вплетается поэтический рассказ на тему о любви к родине». Строй же поэтической речи в летописном сказании, большая эмоциональность показывают знакомство с оригиналом, а не с сухим пересказом³⁷.

Дополним эти высказывания еще одним аргументом.

Яркие соответствия сказанию об Отроке — мотиву о запахе травы, напоминавшем беглецу или пленнику родную степь и изменившем судьбу его (и даже его коня), есть в фольклоре разных кочевых в прошлом тюрко- и монголоязычных народов Азии и, значит, действительно могли быть взяты в летопись оттуда.

На распространение такого мотива в фольклоре тюркоязычных и монголоязычных народов было обращено внимание еще Г. Н. Потаниным.

³⁵ В. Ф. Миллер. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, стр. 141.

³⁶ В. А. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. «Проблемы историко-лингвистики», сборник третий. М.—Л., 1940, стр. 391—393.

³⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1966, стр. 210.

«Соответствия этому преданию,— пишет он о летописном варианте об Отроке,— действительно имеются в фольклоре кочевников. У тувинцев одного из героев так же зовет на родину донесшийся знакомый запах степей. В монгольской легенде об Ундур-гэгэне, улетевшем с родины далеко, посланный за ним Батыр-бэлэ сумел отыскать его «по его привязанности к картинам старой родины»³⁸. Отыскав смутный вариант такого же рода предания в казахском («киргизском») фольклоре, он надеется, что, может быть, «откроется киргизский вариант, более близкий к половецкому преданию о после», который дал изгнаннику «попохаты траву юмшань»³⁹.

Любопытны варианты, где тот же мотив отнесен не к самому богатырю, а к его коню, который в кочевническом эпосе тоже играет действенную героическую роль. Так, в узбекском эпосе Алпамыш, находящийся в плену вместе со своим конем Байчибаром, передает «пучок сухой травы исырк», взятой им с собою в поход, дочери хана, чтобы она покурила травой в конюшне его коня: «Конь почует запах родины», и к нему вернутся силы. Конь-тулпар, семь лет лежащий с чугунной колодой на шее и гвоздями, забитыми в копыта, действительно, словно возрожденный знакомым запахом, чудесно освобождается от всего этого, распускает свои крылья, находит темницу своего хозяина и выручает его⁴⁰. Тот же мотив содержится и в близком по сюжету эпическом произведении «Ой-Сулу и Кун-батыр», но здесь коню дают понюхать одежду хозяина⁴¹.

В доказательство распространенности двуязычия В. Ф. Миллер напоминает также знание многих языков Всеволодом, отцом Владимира Мономаха, который изучал их «дома сидя», смешанные браки, тюркские поселения на Руси, под Переяславлем и Черниговом, длительное пребывание пленных во вражеской стране, постоянные торговые дела и пр. Он ссылается на заимствованные половецкими русские слова в Куманском словаре, связанные с оседлой и земледельческой культурой: ызба, пэц, бюрэн — бревно (древнерусское берно) и т. п., и указывает, что они «дают повод для историко-культурных заключений» (стр. 211). «Кочевники, жившие в кибитках в безлесной степи,— пишет он,— должны были заимствовать русские названия для таких предметов, которых не было в их быту» (там же). В то же время в русском языке он находит ряд тюркских слов, содержащихся в Куманском словаре, и считает их заимствованными еще в «домонгольский период». Большинство этих слов относится, наоборот, к кочевому, наездническому и скотоводческому быту и к торговому общению с иноземцами (оркан — аркан, юк — выюк, цатыр — шатер, сындык — сундук, сюцюк — сычуг, базар, казна, толмач) (стр. 214).

6

Как иранист, В. Ф. Миллер особенно заинтересовался совпадениями с русскими былинами иранского эпоса, точнее, фольклорных мотивов, легших в основу «Шахнаме» — литературной обработки Фирдоуси сказаний о Рустеме. Следы элементов этих сказаний в былинах В. Ф. Миллер расценивал как осколки эпического цикла, проникшего в тюркоязычную среду из Ирана через Кавказ, трансформировавшегося в ней и затем перенесенного кочевниками на Русь. Не рассматривая здесь убедительности гипотезы такого кругового пути, можно только напомнить, что существовала и точка зрения (Халанский, Потанин), что сама Рустемнада пришла в Иран из глубин Азии, а сходные с былинами мотивы могли проникнуть в них, минуя Иран. Во всяком случае общность эпосов могла возникнуть

³⁸ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы..., стр. 523.

³⁹ «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Архивные материалы и публикация». Алма-Ата, 1972, стр. 71.

⁴⁰ «Алпамыш» [Ташкент], 1949, стр. 253—254.

⁴¹ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 129—130.

не в позднюю эпоху Ирана, а гораздо раньше. Вообще же вопрос о Рустемиаде требует специального исследования.

Так или иначе, В. Ф. Миллер считал тюркскими многие эпизоды и образы в кавказских и других переделках Рустемиады, и потому можно включать их, согласно его гипотезе, в комплекс схождения русского эпоса с эпосом тюркоязычных народов.

В центре изысканий В. Ф. Миллера находилось сопоставление одной пары эпических персонажей: Ильи Муромца и Рустема, но в это сопоставление он втянул большую часть русского эпоса. Однако ряд аналогий с Рустемиадой в былинах может быть отнесен и непосредственно к эпосам тюркоязычных (и даже монголоязычных) народов: богатырь-малолеток, рожденный от связи героя с девой-воительницей, бой отца с сыном, пленение чудовищного стража чужого царства, сила героя, имеющая божественное происхождение, сам образ мудрого богатыря-старца, советника властителя и главы богатырей, конфликт его с этим властителем, несправедливо заточившим его и вернувшим в момент опасности, спящий или усопший богатырь-великан, передающий герою свое оружие и мощь, соколиная охота сына героя и многое другое.

Гораздо скуднее, к сожалению, привлекал В. Ф. Миллер черты, относящиеся к фольклору и быту самих тюркоязычных кочевников и отраженные, по его мнению, в былинах, хотя и их в «Экскурсах» не мало. Между тем, так как это не «транзитный» материал, каким Миллер считал элементы, сходные с Рустемиадой в тюркских эпосах и былинах, а коренной, они наиболее важны в цепи его же доказательств влияния тюркоязычных соседей на Русь.

Влияние кочевников, как уже неоднократно упоминалось, Миллер считал особенно значительным для населения пограничных княжеств (и даже прилегающих степей, где он признавал возможными одинокие поселения русских «бродников», со своеобразным образом жизни. «Ведя постоянно войну с тюркскими наездниками, оседлое земледельческое население... должно было выработать в самом себе те свойства, которые давали преимущества кочевым наездникам... Другими словами, пешее, не привыкшее к коню население должно было научиться владеть конем, сжиться с ним, как степняк-наездник, и усвоить вообще те военные качества, которые были необходимы для успешной защиты родной земли от неприятельских набегов» (стр. 217).

Поэтому искусный наездник становился идеальным образом и русского воина, а «уменье в совершенстве владеть конем, как орудием на войне, высоко ценилось», что сказало и на фольклоре: «...В нашем эпосе мы находим те же черты, что в эпических песнях тюркских степняков: наши богатыри почти живут в степи, в чистом поле, спят в шатрах, не расстаются с конем, употребляют в обращении с ним те же приемы, как степняки... вооружены восточным оружием» и т. д. (стр. 218). Далее он приводит многочисленные параллели к былинам в тюркских сказаниях, «бросающиеся в глаза», о коне и всем, что с ним связано, ссылаясь на В. В. Стасова и приводя обширные цитаты из его труда. Отношение к коню в былинах как к другу объясняется тем, что богатыри сами — почти кочевники, а в кочевническом эпосе коню случается быть и «побратимом» своего всадника. Пешего, точнее спешенного, воина ждет гибель. Этот афоризм — «общее место» в разных эпосах кочевников⁴². В. Ф. Миллер поддерживает довод Стасова, что более эмоциональные и подробные описания коня, его седлания, ухода за ним и любовное отношение к нему в кочевнических эпосах показывают, что «оригинал» здесь по сравнению с былинами и западно-

⁴² См., например, в огузском эпосе: «Пешему воину нет надежды» («Книга моего деда Коркута», стр. 39), в казахском: «Пешком на войну не ходят, а неприятель не ждет, пока ты сядешь на лошадь» (А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, стр. 108).

европейскими эпосами. Ф. И. Буслаев, однако, по поводу работы Стасова (хотя и признавал большую яркость восточных мотивов такого рода)⁴³, а Н. П. Дашкевич⁴⁴ по поводу «Экскурсов» Миллера возражали, что конь занимает относительно важное место и в западноевропейском рыцарском («рейтарском») эпосе, и в былинах, так как конница была элитой средневекового войска.

Но такой интерес к коню — «орудию войны» — и по В. Ф. Миллеру, был естествен для эпоса Киевской Руси, когда в русском войске, как и в войсках кочевников, только конница решала в основном зачастую исход боя и обеспечивала победу. Сторонники «восточной гипотезы» подчеркивали истоки лишь художественного образа верхового коня, который в среде коневодческих народов вырабатывался тысячелетиями.

В качестве параллелей к былинам В. Ф. Миллер приводит отрывок о седлании коня в Джангариаде и описание бега-полета коня в «алтайских сказках», где богатырский конь несется «ниже облака белого, выше облака синего», и в сказаниях «минусинских татар»: «Конь скакал — земля тряслась, море колыхалось, большие горы перескакивал, а малые хвостом застилал» (стр. 219—220).

Среди русского населения пограничных княжеств наиболее яркой и характерной фигурой был тип «сторожа» — воина, живущего на «заставе», в порубежном укреплении и охраняющего свою землю от вторжений со стороны степи. В. Ф. Миллер уделяет большое внимание образу такого «сторожа» в былинах и видит его в первую очередь в Илье Муромце. Он подчеркивает, что глава богатырей либо полякует в «чистом поле», т. е. в степи, либо стоит на заставе и лишь по временам наезжает в Киев. «...Тип национального богатыря как оберегателя, стража Русской земли, стоятеля на заставе, т. е. в сторожевом полку, — пишет он, — относится... к дотатарскому периоду. Выставление застав и служба на них при постоянных нападениях половцев, а раньше них печенегов на поселения русские, примыкавшие к степи, было, несомненно, явлением дотатарским... И в «Повести временных лет» не раз упоминаются *сторожа* в том же смысле» (стр. 229). Пограничным стражем Миллер считал и Соловья Разбойника.

Почти постоянный эпитет Ильи Муромца — «казак» В. Ф. Миллер связывал при работе над «Экскурсами» с несением богатырем сторожевой службы, а по происхождению считал этот термин тюркским в значении «страж, передовой, ночной и дневной» (стр. 229), как и слово «казак» в Куманском словаре.

В связи с этим В. Ф. Миллер оспаривал в «Экскурсах» общепринятую теорию об образовании русского казачества в степях с XVI в. и примыкал к иной, всплывавшей неоднократно в научной литературе XIX — XX вв.⁴⁵ По этой теории признавалась реальной возможность обитания в степях русских поселенцев, оказавшихся за пределами русских княжеств еще в «домонгольский период», в результате сокращения территории этих княжеств под натиском кочевников или по иным причинам. Предшественников казаков, в поселениях которых могли находить приют и опору впоследствии беглые, исторически известные казаки, видел в «бродниках», неоднократно упоминаемых в русских летописях и некоторых западноевропейских документах. Русские поселенцы, по В. Ф. Миллеру, жившие в степях в окружении тюркоязычных кочевников, должны были в какой-то мере перенять некоторые их этнографические черты, в том числе и эпический материал. В наше время гипотеза о русском происхождении брод-

⁴³ «Отзыв о сочинении В. Стасова: «Происхождение русских былин». Академика Ф. И. Буслаева». «Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова. 25 сентября 1869 года». СПб., 1870, стр. 67—69.

⁴⁴ «Разбор сочинения В. Ф. Миллера: Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII, составленный Н. Дашкевичем». «Отчет о XXXVI присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1895, стр. 86.

⁴⁵ Подробное изложение этой гипотезы см. в указанной книге П. В. Голубовского.

ников была поддержана М. И. Артамоновым⁴⁶ и некоторыми другими авторами, но широкого признания не получила.

С помощью гипотезы о раннем возникновении казачества В. Ф. Миллер доказывал древность в былинах образа Ильи Муромца и близость его к образу другого пограничного стража — Рустема в восточном эпосе. По мысли Миллера, косвенным подтверждением архаичности эпитета «казак» в былинах может служить то, что Илья, как «старый казак», не прикреплен к каким-нибудь историческим «казацким общинам».

В конце жизни В. Ф. Миллер отказался от идеи раннего происхождения казачества. Его прежняя точка зрения органически входила в комплекс его представлений о хронологизации эпоса эпохой Киевской Руси. В поздний же период своей деятельности он вообще перенес внимание на окончательное оформление былин в Московском государстве, придавая этому времени самое большое значение в истории развития русского эпоса.

Во втором томе «Очерков русской народной словесности» он кратко обронил, что в «Экскурсах» «был склонен, вслед за некоторыми историками, отодвинуть начало казачества в дотатарскую эпоху»⁴⁷. Аргументировать свой отказ от прежней точки зрения он здесь не счел нужным⁴⁸.

В. Ф. Миллером был привлечен в «Экскурсах» методологический прием поисков исторических прототипов былинных героев, впоследствии ставший излюбленным для него самого. Он подробно изложил, с некоторыми дополнениями, результаты известного исследования А. Н. Веселовского о прототипе былинного Тугарина Змеевича — половецкого хана Тугора (Тугоркана), а также и о прототипах некоторых других персонажей. Одним из основных аргументов считалось созвучие их имен: Артак — Отрок, Коньшик — Кончак и т. д. В. Ф. Миллер рассматривает все сюжеты былин, где встречается это имя в разной огласовке (о бое с Тугарином Алеши Поповича, о змее — любовнике Марины в былине о Добрыне-оборотне, в «Сказании о 7 богатырях»).

Миллер особенно подчеркивает двойственность отношений Тугарина к семейству князя Владимира и царьградского царя. В этом он видит воспоминание о родственных связях исторического Тугоркана, который был тестем киевского князя, но вскоре все же был убит в сражении с ним под Киевом. Этот эпизод освещен В. Ф. Миллером как яркий пример сути династических браков той эпохи. Однако в былинах Тугарин выступает не как отец княгини, а как ее любовник, что смыкается с общефольклорным образом змея — возлюбленного, но в какой-то мере может действительно считаться отзвуком двусмысленного положения Тугоркана в семье русского князя.

Эпизод, где Тугарин с почетом принят на пиру князя Владимира или царя Константина, А. Н. Веселовский сопоставлял также с повествованием Анны Комнины о чествовании византийским императором того же исторического Тугоркана, вместе с Боняком, привлеченных им в качестве союзников⁴⁹.

В. Ф. Миллеру импонируют наблюдения Веселовского об отличии эпического Тугарина от его исторического прототипа: если в письменных

⁴⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 453 и др.

⁴⁷ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 312. Впоследствии В. Ф. Миллер еще раз вернулся к этому вопросу в специальной работе (В. Миллер. К вопросу о возрасте и качестве Ильи Муромца. ЖМНП, новая серия, ч. XXXVI, 1912).

⁴⁸ Надо заметить, что в рецензиях на «Экскурсы» тезис о раннем происхождении казачьего облика Ильи Муромца вызвал наиболее энергичные протесты со стороны лингвистов и историков (см. рецензию А. И. Соболевского «О типе Ильи Муромца. «Экскурсы в область русского народного эпоса» профессора В. Ф. Миллера, 1892» (ЖС, 1892, вып. II), а также рецензию Д. И. Иловайского «Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо» («Русский архив», 1893, № 5).

⁴⁹ А. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 369—371.

источниках образ Тугоркана вполне реалистичен, то в образе былинного Тугарина «неуловимо сплелись очертания богатыря и чудовищного зверя»⁵⁰. Тугарин Змеевич «летает на бумажных крыльях, пышет огнем» и т. п.⁵¹ Между тем В. Ф. Миллеру часто приписываются в настоящее время полная идентификация им эпоса и документальных исторических источников и пренебрежение к художественной специфике эпоса.

7

Значение книги В. Ф. Миллера для развития русской фольклористики и — шире — для всей исторической науки было четко определено А. Н. Пыпиным, поместившим, как уже упоминалось, пространный разбор «Экскурсов» в журнале, которым он руководил и где старался прорецензировать (большой частью сам) все вновь выходящие этнографические издания, включая сюда и фольклор. Подробно изложив основные взгляды и выводы В. Ф. Миллера, Пыпин отметил широкий исторический фон в его исследованиях, выявление постоянных контактов русских с тюрками-кочевниками в эпоху Киевской Руси, отражение в былинах живого типа русского воина-конника, выработавшегося в борьбе со степью, следы эпоса кочевников не только в конкретных сюжетах, мотивах и образах былин, но и в летописных сказаниях и пр. Особое внимание он уделит рассмотрению мыслей Миллера о передаче на Русь иранских сказаний о Рустеме через тюркскую среду на Кавказе, а также об исторически возможных путях восточных влияний на Русь и их исторической хронологизации (чем Стасов, например, почти не занимался)⁵².

А. Н. Пыпин подчеркнул, что идея о соответствиях в русском и восточных эпосах овладела одновременно с В. Ф. Миллером и другими исследователями, «которые были приведены к ней из другой области изучений». Если Миллер столкнулся на Кавказе «с двумя течениями восточного народного эпоса» — иранским и тюркским, и увидел «здесь бросающиеся в глаза параллели» к русским былинам, то Потанин пришел к тому же при его знакомстве на месте с фольклором народов Казахстана и Центральной Азии⁵³. Но Пыпин находил, что только В. Ф. Миллер «собрал в своей книге целый ряд таких сближений, которым... попробовал дать рациональное обобщение. Это тем интереснее, что другие новейшие исследователи до сих пор ограничивались только разработкой деталей»⁵⁴.

Особой заслугой В. Ф. Миллера в работе над «Экскурсами» Пыпин считал систематичность теоретических обобщений, «ту смелость, с которой он выставляет совершенно определенную теорию в предмете (изучение русского эпоса. — *Р. Л.*), где в настоящее время этой теории почти нет»⁵⁵. В отличие от Н. П. Дашкевича, обвинявшего Миллера в несамостоятельности его работы, так как в ней широко привлечены данные ряда

⁵⁰ Там же, стр. 368, 369.

⁵¹ С. А. Плетнева, современная исследовательница археологии кочевнического населения южнорусских степей в I — начале II тысячелетия н. э., обратила внимание на то, что хотя Тугарин в былинах (как и аналогичные персонажи в сказках) — «летающий змей», в некоторых вариантах предстает одновременно и конным воином. «Многочисленные... орды всадников на великолепных конях особенно активно тревожили южные границы» Руси в X—XII вв., когда и сложился образ змея — вражеского всадника (*С. Плетнева*. Змей в русской сказке. «Древние славяне и их соседи». МИА, № 176, 1970, стр. 127—132). Ко всему этому можно было бы добавить, что сам образ чудовища, едущего на коне, чрезвычайно характерен для кочевнического эпоса всех народов, поэтому можно утверждать не только существование исторических параллелей к образу Тугарина Змеевича, но и заимствование конкретного оформления этого эпического образа с Востока. Кроме того, в некоторых эпосах встречается мотив оборачивания батыра змеем во время поединка.

⁵² А. Н. Пыпин. Иранские источники русской быliny, стр. 715, 736.

⁵³ Там же, стр. 705.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 727.

других ученых (см. ниже), Пыпин видел значение работы Миллера как раз в обобщении отдельных наблюдений, выводов и материалов не только собственных, но и других исследователей.

Пыпин подчеркивал превосходство комплексного исторического метода в целом, несмотря на отдельные увлечения адептов изучения былин в историческом плане, над «мифологическим» методом, отживавшим уже в то время свой век, но упорно цеплявшимся за ведущее место в науке. «...С гораздо большей точностью, чем прежде,— писал он,— отмечены были в былинах их исторические черты и подробности, с замечательным богатством сравнений указаны в их содержании аналогии с эпическими сказаниями других народов... эти аналогии разъяснили не мало подробностей былинны... смысл которых затемнялся отдаленностью времен и быта»; в эпосе выступают «старые международные связи, забытые исторические отношения», древние поверья и обычаи и т. д.⁵⁶ Пыпин прослеживает, в частности, процесс развития и уточнения «восточной» концепции, который она прошла со времени первой попытки обоснования ее Стасовым до итоговой по существу работы В. Ф. Миллера. Результаты работы его предшественников в этой области «были бы несравненно нагляднее, если бы они были обобщены»⁵⁷. Опыт такого обобщения он и видит в книге Миллера.

Но рецензент, при всей благожелательности к автору «Экскурсов», ко многому в его выводах относится все же скептически, хотя в целом и считает их несравненно более аргументированными, чем у Стасова, почему «тем более доказательны его менее широкие заключения» о сходстве былин и азиатского эпоса⁵⁸. «Речь идет,— объясняет он свои сомнения,—...о таких трудноуловимых чертах истории народных сказаний и таких трудноопределимых международных отношений старого времени, что требовать здесь полной доказательности почти невозможно. Автор сам чувствовал это ясно и не однажды делает об этом оговорки: его сравнения не раз бывали довольно рискованны, и недостаткам в качестве своих аргументов он не однажды надеялся помочь их количеством»⁵⁹. Позднее, кстати, и сам Миллер счел нужным заявить, что теперь все кажется ему более сложным, и отказался от некоторых натянутых сопоставлений.

8

Составление официального отзыва на «Экскурсы» в связи с выдвижением этой книги на так называемую Уваровскую награду было поручено профессору Н. П. Дашкевичу.

Существует ходячее мнение, что решающую роль в том, что В. Ф. Миллер после «Экскурсов» не возвращался к сравнительному изучению былин и эпоса тюркоязычных народов, сыграла неблагоприятная и крайне резкая критика его труда Дашкевичем. Надо сказать, что тот показал себя в этом отзыве не с лучшей стороны как по тону критики и по общему направлению высказываний, так и по точности фактических утверждений. В рецензии сказалось в первую очередь неверие в саму возможность для русских что-либо заимствовать у восточных соседей-кочевников, которых он высокомерно именует «полудикими», отвергая в то же время какие-либо мирные этнокультурные связи между ними и русскими. Согласно с критиками Стасова, выступавшими в свое время, он недоумевает, зачем понадобилось искать параллели былинам именно у кочевников, «точно русский народ испытывал влияние особенно со стороны» их⁶⁰.

⁵⁶ А. Н. Пыпин. Иранские источники русской былинны..., стр. 704.

⁵⁷ Там же, стр. 709.

⁵⁸ Там же, стр. 739.

⁵⁹ Там же, стр. 727.

⁶⁰ Н. П. Дашкевич. Разбор сочинения В. Ф. Миллера, стр. 76—77.

Ограбленность кафедрального ученого сквозит в предостережении Дашкевича Миллеру, что эта «область науки... еще очень темна и научная осторожность не позволяет ставить утвердительно такие заключения»⁶¹. Кто-то должен же быть первым?

Признавая ценность установки в «Экскурсах» на историзм эпоса, Дашкевич упорно подчеркивает зависимость Миллера от взглядов его предшественников (надо заметить, кстати, что В. Ф. Миллер как раз был крайне пунктуален в указании источников): «Этими соображениями г. М. обязан в значительной степени указаниям и намекам, рассеянными в трудах других ученых»⁶². Дашкевич как бы не хочет видеть, что все эти «указания и намеки» Миллер объединил и истолковал в свете своей концепции. Но, стараясь показать отсутствие оригинальности в его взглядах и выводах, Дашкевич оказывает ему невольную поддержку, перечисляя (на стр. 109—111) ученых, которым импонировала «идея о борьбе со степными кочевниками как предмете нашей древней былевой поэзии» и в какой-то мере влияние на былины степной поэзии (В. В. Стасов, А. А. Шифнер⁶³, А. Н. Веселовский, Е. В. Барсов, П. В. Голубовский, Г. Н. Потанин и др.), т. е. которые мыслили как раз в том направлении, которое старался опровергнуть сам Дашкевич. Он находит, что «г. М. несколько преувеличил... невнимание исследователей к вопросу о восточном элементе в нашем народном эпосе и односторонность в изучении и оценке былин, в которых после 60-х годов настоящего века уже редко находят полную оригинальность и самобытность». «Г. М. принял на себя задачу, — пишет он далее, — поддержать и, отрешив от крайностей и ошибок и умерив, вновь обосновать ту теорию... которую выдвинул четверть века назад г. Стасов»; тут же он иронически поясняет, что в тюрках В. Ф. Миллер видит «как бы наших учителей в эпосе и поставщиков значительного количества материала»⁶⁴.

Дашкевич сетует при этом на живучесть восточной гипотезы, «затемняющей» (точнее, заставляющей пересматривать) «имеющиеся уже опыты правильного и основательного истолкования» былин: «Гипотезы, которые, казалось, были отодвинуты в сторону, возрождаются затем с новою силою, и к ним обращаются даже те исследователи, которые ранее относились к ним отрицательно»⁶⁵. Речь идет, конечно, о самом В. Ф. Миллере.

Отзыв Дашкевича во многом, как можно видеть, противоречив. В одном месте он утверждает, что Миллер по сравнению с другими учеными только «дополнил сравнения, начатые другими», «оттенил при этом особенно ярко степной колорит нашего эпоса», нашел «восточные параллели к нашим былинам, ускользавшие от полного внимания исследователей»⁶⁶. В другом же месте отзыва Дашкевич вдруг начинает доказывать, насколько сильно Миллер продвинул вперед разработку восточной гипотезы: «... г. Миллер принял во внимание общие законы и процессы возникновения национальных эпопей, считается и с другими мнениями о происхождении нашего эпоса» и «создал в целом новую стройную теорию» его возникновения⁶⁷.

⁶¹ Там же, стр. 108.

⁶² Там же, стр. 84.

⁶³ Академик А. А. Шифнер, востоковед, писал, например, в «Отзыве о сочинении В. Стасова «О происхождении былин»» (также в связи с удостоением того в 1870 г. Уваровской премией) о культурном общении с Древней Русью кочевников: «Иностранцы тюркского происхождения обменивались с русскими... Едва ли до сих пор успели оценить всю важность роли этих тюркских племен» («Отчет о 12-м присуждении наград графа Уварова». СПб., 1870, стр. 193—194). Его отзыв, как полагают, был причиной того, что, несмотря на отрицательный второй отзыв — Ф. И. Буслаева, «награда» Стасову все же была присуждена.

⁶⁴ Н. П. Дашкевич. Указ. соч., стр. 77.

⁶⁵ Там же, стр. 72.

⁶⁶ Там же, стр. 110—111.

⁶⁷ Там же, стр. 72.

Отказав Миллеру «в повизне общего взгляда автора на русский эпос», а также отдельных «доказательств и выводов» и в «оригинальности метода», Дашкевич утверждает буквально через десять строк (на стр. 111—112), что «Экскурсы» — «опыт отыскивания новых путеводных нитей... для решения... вопроса о генезисе русского былевого эпоса, представивший стройное воссоздание процесса, которым были выработаны наши былины, внесший оживление в исследование этого процесса», и т. д.

Более серьезные сомнения Дашкевича о надежности сопоставлений признаков сходства в фабулах или частностях отдельных сказаний.

Вопрос о конвергенции, типологическом сходстве или генетической близости явлений эпоса, да и вообще явлений культуры — извечный; в каждом отдельном случае, учитывая совокупность данных, он должен решаться конкретно. (На этом, кстати, заострил внимание и В. Ф. Миллер в более поздней работе «Очерки русской народной словесности», а отчасти и в самих «Экскурсах».)

Превосходство интуиции и глубоких исторических знаний В. Ф. Миллера, выводы которого нередко подтверждаются только в наше время, с развитием науки, над эмпиризмом Дашкевича, видно, например, из такого факта. Отрицая возможность длительных и мирных контактов русских с половцами, Дашкевич утверждал: «По некоторым окраинам русской земли были расположены лишь черноклобуцкие поселения, половецких же не было до татарского нашествия»⁶⁸. Но в настоящее время на базе археологических раскопок доказано, что в полосе черноклобуцких поселений половецкий компонент прослеживается с XII в. до середины XIII в.

Высказав верные мысли (по поводу слова «богатырь»), что заимствование отдельных терминов и понятий, встречающихся в эпосе, из тюркских языков не означает еще перехода самого эпоса от народа к народу, так как они могли быть взяты «в самой жизни», и что надо выяснить, знали ли сами турки эпические сюжеты, известные в русских былинах, Дашкевич затем берет под сомнение, существовала ли вообще у кочевников (в данном случае половцев) «богато развитая поэзия и что то была за поэзия»⁶⁹. Конечно, В. Ф. Миллер еще не располагал материалами кочевнических эпосов в достаточном количестве, но и здесь он опирался в большой мере на интуицию. В наше время трудами многочисленных советских собирателей и исследователей выявлено драгоценное богатство эпоса тюркоязычных народов СССР, одним из компонентов этногенеза которых стали некогда печенеги, торки и половцы.

В отзыве Дашкевича звучит к тому же какая-то пристрастная нота личной обиды, стремление доказать, что в чем-то он предвосхитил Миллера и что тот умалил его вклад в науку.

В конце отзыва Дашкевич снисходительно и как бы нехотя признает, что автор все-таки может быть поощрен Уваровской наградой, учитывая последующие его работы и приложенный труд к данной работе. Вывод этот, судя по тону всего разбора, выглядит неожиданным и даже оскорбительным.

Не стоило бы так подробно разбирать эту противоречивую рецензию ученого, никогда не стоявшего в авангарде русской науки, если бы она не получила «вечную жизнь» в фольклористике вследствие того, что ее почти дословно и с пунктуальными ссылками на Н. П. Дашкевича не включил в свой популярный компилятивный обзор библиографии русских былин⁷⁰ его ученик по Киевскому университету, тогда еще студент — А. М. Лобода. К тому же в другом историографическом обзоре по были-

⁶⁸ Н. П. Дашкевич. Указ. соч., стр. 80—81.

⁶⁹ Там же, стр. 79.

⁷⁰ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос (Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев, 1896.

нам — Г. Александровского⁷¹, разбор книги В. Ф. Миллера хотя и был дан более объективно, чем у Лободы, но тоже оснащен ссылками на Дашкевича. По инерции пренебрежительный приговор Дашкевича «Экскурсам» перешел и в современную науку, тем более что непосредственно с этим трудом В. Ф. Миллера многие и не сочли нужным познакомиться.

Считается почти безусловным, как уже говорилось, что В. Ф. Миллер перестал заниматься сравнительным изучением былины именно из-за безапелляционной критики его книги в печати. Но ведь Пыпин, а в целом и Соболевский, Ягич и другие, также выступившие с рецензиями, мнение которых для Миллера было не менее авторитетным, конечно, чем Дашкевича, признали же ценность нового исследования.

Современники В. Ф. Миллера не были, однако, едины в оценке воздействия на него неблагоприятных отзывов в печати, в особенности же рецензии Дашкевича.

Так, Н. В. Васильев писал об «Экскурсах», сопоставляя их с работой В. В. Стасова: «Однако наука не приняла и этого смягченного вида «восточной» гипотезы: разбор «Экскурсов», произведенный профессором Н. П. Дашкевичем... заставил самого Вс. Ф. Миллера придать своим работам другое направление»⁷². В некрологе (без подписи), напечатанном в газете «Утро России» и перепечатанном в «Этнографическом обозрении», также утверждается, что «академическая рецензия (писанная проф. Дашкевичем) отнеслась очень критически к сближениям В. Ф. Миллера», и поэтому он «охладел» к постановке вопроса о восточных влияниях в былинах⁷³.

Наряду с такого рода мнениями существовало и другое. В. В. Богданов, долгие годы работавший рядом с В. Ф. Миллером в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, писал о «твердом признании» роли Востока в русском фольклоре В. Ф. Миллером, причем подчеркивал: «От этой идеи о влиянии Востока Вс. Ф. никогда не отказывался и в дальнейших своих работах»⁷⁴.

9

Нужно пересмотреть именно само ставшее своего рода «аксиомой» мнение, что В. Ф. Миллер отказался от основной концепции, изложенной в «Экскурсах». Действительно, после выхода книги он перестал заниматься восточными влияниями в былинах как самостоятельной проблемой, но не опровергал ни одного из своих общих выводов, хотя отдельные сопоставления перестали ему самому казаться убедительными. Он настаивал теперь лишь на более точном и сложном обосновании любых выводов, построенных на сравнительном методе.

В дальнейшей работе В. Ф. Миллер просто переключился на изучение отражения в былинах истории собственно Руси, не касаясь ее взаимоотношений с соседями. Кроме того, фактически В. Ф. Миллер очень многое из «Экскурсов» использовал позднее в «Очерках русской народной словесности», приводя даже обширные пересказы и цитаты оттуда⁷⁵, или же развивал высказанные там мысли без ссылок. При этом, помимо нейтральных положений и мотивов, ряд сопоставлений в «Очерках» по-прежнему

⁷¹ Г. Александровский. Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу. Ревель, 1898.

⁷² Н. Васильев. В. Ф. Миллер как исследователь русской словесности. ЭО, 1913, № 3-4, стр. 76-77.

⁷³ Некролог. ЭО, 1913, № 3-4, стр. 163.

⁷⁴ В. В. Богданов. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848-1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки, т. I, II. Рукопись. Научный архив Института этнографии АН СССР (Москва), ф. 24, ед. хр. 8а, стр. 244.

⁷⁵ «Очерки русской народной словесности», т. I. М., 1897; т. II. М., 1910; т. III. М.-Л., 1924.

связан с гипотезой восточных влияний (причем он продолжает и сравнения с Рустемнадой, правда более осторожно).

Но, по мнению В. Ф. Миллера, высказываемому теперь в «Очерках», ни мифологическая теория, ни теория доисторического индоевропейского наследия, ни теория восточных влияний «не разъяснили удовлетворительно зарождения и древнейшего периода развития былевого эпоса». Он указывает, что, хотя учеными с конца XIX в. было обращено особое внимание «на изучение обширной литературы европейского и азиатского фольклора, собиравшие так называемых параллели... нельзя возлагать чрезмерных надежд на эти «параллели», генетическую классификацию «сказочных (в смысле былевых.— *Р. Л.*) сюжетов» для уяснения путей их «перехода от народа к народу... К сожалению, какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое из страны в страну письмо, сохраняющее в своих штемпелях следы всех пройденных государств»⁷⁶.

Тем не менее В. Ф. Миллер все же неоднократно подчеркивает пользу для поступательного развития фольклористики, принесенную применением сравнительного метода. Этот метод будет плодотворным, по его мысли, и впредь, если учитывать требования более тонкого научного анализа и необходимость коррелирования прежних выводов с новыми данными как в самой фольклористике, так и в смежных науках.

В предисловии ко второму тому «Очерков» Миллер доказывал, что научные установки исследования не должны быть косными, что не следует непременно отстаивать целиком свое устаревшее в чем-то мнение. «...Дальнейшая научная разработка нашего былевого эпоса, — писал он, — должна исправить мои промахи, как и мне самому, по ходу занятий нашими былинами, приходилось проверять мои прежние мнения и вносить в них значительные поправки». Необходимость таких поправок он объясняет не только развитием методологических установок гуманитарных наук, но и появлением нового эпического материала в собраниях былинных текстов, записанных рядом экспедиций конца XIX — начала XX в., и опубликованием «историй XVII—XVIII вв., извлеченных из архивного забвения».

В. Ф. Миллер подчеркивает, что если во время написания «Экскурсов» он, с той точки зрения, на которой тогда стоял, «имел достаточно оснований для гипотезы восточного заноса» былинных сюжетов (в основном речь идет о Рустемнаде) на Русь, то в настоящее время ему «уяснение путей кочевания международных сказаний представляется... делом гораздо более сложным, чем прежде»⁷⁷.

В третьем томе «Очерков» (вышедшем уже посмертно) как бы подведен итог его исканиям: «Если пути кочевания бродячих мотивов в большинстве случаев оставались неуясненными, если время «заноса» отдельного мотива «на русскую почву по большей части оставалось гадательным, то во всяком случае часть содержания наших былин вводилась в связь со средневековым европейским и азиатским фольклором вообще и исследователи получали более правильный, чем прежде, взгляд на долю творчества русского народа»⁷⁸.

Все это мало похоже на отречение, это — пришедшая зрелость и некоторое разочарование в теории заимствования, победно прошумевшей над европейской наукой во второй половине прошлого века.

10

В. Ф. Миллер, говоря о факте особенно «тесных и продолжительных сношений половцев с Русью», что должно было сказаться, по его мнению, и на русской эпической поэзии, указывал, что их влияние «было тем более

⁷⁶ «Очерки русской народной словесности», т. I, стр. III—IV.

⁷⁷ Там же, т. II, стр. 180—181.

⁷⁸ Там же, т. III, стр. 3.

интенсивно, что было лишь продолжением влияний на русских славян других тюрков — печенегов и хазар. В сущности половцы и печенеги (далее он присоединяет к ним и торков. — *Р. Л.*) не что иное, как разные колена одного и того же племени... Родство их между собою было известно на Руси и отразилось в их генеалогии, приводимой нашей летописью. Из рассказа *Анны Компен* видно, что действительно печенеги свободно объяснялись с половцами» (стр. 213) и т. д.

В настоящее время этногенез азиатских тюркоязычных кочевников, пришедших в южнорусские степи, представляется весьма сложным; их уже не считают «коленами одного и того же племени». Но общность их материальной культуры, древних форм религии, отраженной в погребальных обрядах, близость физического типа (смешение европеоидного и монголоидного типов в разных сочетаниях) и языковой принадлежности признаются и современной наукой. Исторические науки, в том числе и археология, подтверждают ту же поразительную общность многих элементов духовной культуры, какая наблюдается и в кочевническом эпосе, представляющем как бы единую модель в пределах громадного ареала Евразии.

В этом «кочевническом котле» сплавились и отлились в устойчивую форму крылатые кони-тулпары, девы-воительницы во главе дружины из «сорока девушек», герои-батыры с булатным телом, подобные Батрадау (в основе образа — поклонение мечу, богу-мечу!), многоголовое чудовище, едущее на коне, и многое другое.

Невольно вспоминаются былинные богатырские кони, летящие под облаками, поленицы, ставшие женой Добрыни или Дуная, Тугарин Змеевич, конем которого завладевает как добычей Алеша Попович, даже Илья Муромец, которому «смерть в бою не писана» (он неуязвим?), и ряд иных сходных образов и мотивов.

Конечно, на пути исследователей, занятых установлением восточных отголосков в былинах, встает трудноразрешимая, а иногда и неразрешимая задача: что лежит в основе сходства — типологическая или генетическая общность? общее ли происхождение, заимствование или близость ступени исторического развития, достигнутой тем или иным народом? Приходится учитывать, в первую очередь при решении всех этих вопросов, в каждом отдельном случае конкретно, насколько полно и богато, логически оправдано включение того или иного мотива или образа, или группы их в эпос обоих народов, насколько органически это явление входит в общую идейную и эстетическую систему национального фольклора, насколько соответствует исторической обстановке в эпоху, когда складывалось национальное ядро эпоса.

В. Ф. Миллера интересовало прежде всего установить соответствия в конкретных деталях истории, быта, отраженных в эпических элементах, которые, по его мысли, и усваивались наиболее легко. Этого он не предполагал для сюжетов в целом, вернее их схем⁷⁹. Недаром былина представляется Миллеру чем-то аморфным, составленным из перемешанных между собой отдельных элементов, которые он неоднократно сравнивает то с картами перетасованной колоды (стр. 77), то со старым строительным материалом, использованным при возведении нового здания (стр. 52). Поэтому для Миллера и оказался приемлемым метод исследования эпоса В. В. Стасовым, также считавшим, что былины представляют «пеструю мозаику» из отдельных мотивов и образов и что в каждом сюжете «отдельные камешки мозаики — все одни и те же», только расположение их разное⁸⁰.

⁷⁹ Это равнодушие В. Ф. Миллера к сюжету былины как целому было позднее отмечено А. П. Скафтымовым в его книге «Поэтика и генезис былины. Исторические очерки» (Москва — Саратов, 1921, стр. 5—6).

⁸⁰ В. В. Стасов. Происхождение русских былин, стлб. 1175.

В противовес пренебрежительному отношению к духовному миру степняков у некоторых фольклористов XIX в. В. Ф. Миллер уверенно настаивал на соотносительно высоком уровне их культуры, на «культурных способностях» кочевников, на их длительных и плодотворных для обеих сторон связях с соседними оседлыми народами. Особенно высоко ставил он культуру половцев, считая, что преимущественно они могли оказать влияние на эпическую поэзию Древней Руси, но подчеркивал при этом общность и преемственность культуры разных групп кочевников, сменявших друг друга в южнорусских степях (хазары, печенеги, торки, половцы), а частью и сосуществовавших в их просторах и даже на границах с Русью. В. Ф. Миллер считал также, что половцы впитали достижения культуры Ирана, причерноморских и приазовских городов-портов, Грузии и Хорезма, куда целые «половецкие колена» поступали на военную службу, что кочевники, при господстве «языческой» религии, испытали известное влияние мировых религий от разных своих соседей (стр. 212—213).

В этом высказывании сквозит, однако, признание заимствованными со стороны тех черт культуры половцев, которые показывают ее действительно высокое развитие, в том числе и в области эпоса, что, конечно, преувеличено. В свете данных, предоставляемых самыми разнообразными эпическими памятниками кочевых в прошлом народов Советского Союза (во времена В. Ф. Миллера многие из них еще не были известны) и археологических работ, получивших огромный размах в советское время, в ходе которых было открыто множество предметов материальной культуры средневековья, нельзя сомневаться в том, что исконная культура кочевников имеет очень глубокие корни и была доведена до высокой степени совершенства в смысле приспособления к условиям их хозяйства и быта. Исторические изыскания советских ученых показали, что общество кочевников в своем развитии, правда своеобразном, достигло обычного и для народов средневековой Европы уровня, приближаясь к феодализму или уже входя в него. Именно эта близость общественно-культурного уровня сделала возможным заимствования как в области быта, так и в области фольклора.

Возможно, наиболее плодотворна в «Экскурсах» мысль В. Ф. Миллера о существовании в X—XII вв. в южнорусских степях, а отчасти и в лесостепной полосе, определенной историко-культурной общности или историко-этнографической области (как сказали бы мы теперь), в которую входили кочевники с их тысячелетиями выработанным бытом и с которой контактировали русские, особенно в пограничных со степью районах. Эта мысль подтверждается в настоящее время прежде всего непрерывно умножающимися данными археологических раскопок, отчасти запово прочитанными в свете методологических достижений советской исторической науки письменными источниками, а также обильными современными записями эпосов тюркоязычных и монголоязычных народов.

Эпический материал легко ложится в понятия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. При этом как раз различия в былинах и кочевнических эпосах связаны с первыми, поскольку былины созданы оседлым земледельческим населением, а большая часть эпосов степей Евразии — с кочевничеством. Кстати, заметные отличия есть между эпосами полных кочевников (в прошлом, казахи, киргизы и др.) и народов, издавна переходивших от кочевания к частичной или полной оседлости (узбеки, каракалпаки), причем сказывалось и длительное влияние при контактах с населением земледельческих оазисов Средней Азии. Изменился не только бытовой фон эпоса, его поэтика, но и идеология в известной степени. В эпосе уже нет беспечного любования воинскими доблестями и батальными сценами, а на первый план выступает осознание ужасов войны. Так, конечно, воспринимало войну население,

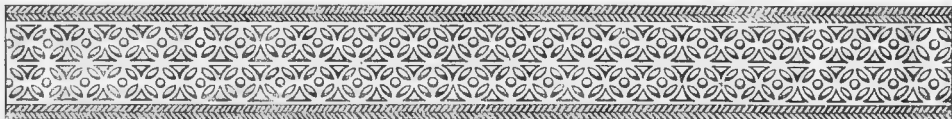
подвергавшееся нападениям кочевников. Нет такого любования и в русских былинах: оборонительная война в них — суровая необходимость.

Изыскания в направлении сопоставления былили с кочевническими эпосами в историческом плане в советской фольклористике делались, но, несмотря на их весомость, лишь попутно, а в центре исследования стояли другие задачи. Таковы труды В. М. Жирмунского, А. М. Орлова, отдельные экскурсии Ю. М. Соколова. В последнее время к этой проблеме вернулись некоторые ученые младшего поколения (А. Н. Робинсон, С. Ю. Неключдов и др.).

Несомненно, что планомерное сравнительно-историческое изучение русского и восточных эпосов советской наукой дало бы богатые результаты. Оно позволило бы также коррегировать работу русских ученых дореволюционного времени, которая может быть освоена критически с большой пользой. Подобающее место в сокровищнице накопленных русской наукой знаний заняло бы и наследие Всеволода Федоровича Миллера, эрудита и труженика, который ни в жизни, ни в науке «никогда не знал национальных предпочтений, посвящая себя собиранию и изучению памятников народной жизни разнообразнейших племен России и смежных с нею стран, причем Востоку отводилось в этой дружной работе видное и важное место»⁸¹.

---

⁸¹ См.: *Вл. Богданов. Всеволод Федорович Миллер. Краткий очерк его жизни*. ЭО, 1913, № 3-4, стр. XI.

В. П. Аникин

А. П. СКАФТЫМОВ — КРИТИК «ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»
И ЕГО ТЕОРИЯ ЭПОСА
В КНИГЕ «ПОЭТИКА И ГЕНЕЗИС БЫЛИН»

Книга профессора Александра Павловича Скафтымова «Поэтика и генезис былин»¹ была опубликована еще в 1924 г., но не утратила научного интереса. Поэтому спустя много лет автор счел возможным включить существенную часть ее в сборник своих статей².

Работа, проведенная фольклористами, особенно в последнее десятилетие, по оценке теоретико-методологического наследства 20-х и 30-х годов³ помогает разобраться в сущности вопросов, поставленных в свое время ученым. Критический разбор книги Скафтымова «Поэтика и генезис былин» дает возможность противопоставить ей иной взгляд и на труды приверженцев «исторической школы», и на те исходные позиции, с которых изучал эпос сам ученый.

1

Книга А. П. Скафтымова написана с ясным сознанием того, что настало время крутого поворота в науке. «В изучении былин, как и во всей литературной науке,— утверждал он,— в настоящее время определенно осознано замыкание некоторого закончившегося периода и нарастание новой господствующей и оплодотворяющей мысли» (стр. III). Скафтымов говорит об открывшейся возможности замены концепции «исторической школы» В. Ф. Миллера «новыми основополагающими принципами», но считает необходимым заметить, что они еще не вполне выкристаллизовались: «Признавая за объектом нашего изучения его специфическую художественную природу, мы часто еще не совсем ясно знаем, что с его художественностью делать» (там же).

Эти суждения означают, что книга «Поэтика и генезис былин» в глазах самого автора должна стать такой работой, которая вскроет несостоятельность исканий «исторической школы» и с позиций понимания фольклора как искусства утвердит в изучении былин новую концепцию, основанную на понимании художественности как главного свойства эпоса. Этим намерением определяются общий замысел книги и внутренняя связь составивших ее очерков. Центральная идея книги придала особый смысл

¹ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. Москва — Саратов, 1924. В дальнейшем в самом тексте даются ссылки на страницы этого издания.

² А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов. 1958, стр. 3—76. Во втором издании опущены лишь первый очерк и библиография.

³ См., например, ежегодник «Русский фольклор. Материалы и исследования», вып. V. М.—Л., 1960, стр. 7—24; там же, вып. VI, М.—Л., 1961, стр. 34, 80; «Вопросы литературы», 1963, № 3; 1964, № 6, стр. 122—137.

критике еще господствовавшей в то время концепции эпоса: взглядов В. Ф. Миллера, его учеников и последователей. Первый очерк книги Скафтымова «Современные методы изучения былин» целиком посвящен разбору исследовательских приемов сторонников «исторической школы».

С деятельностью В. Ф. Миллера и его учеников Скафтымов связывал «окончательное утверждение и наиболее широкое обоснование» исторической точки зрения (стр. 4). Историческое изучение эпоса обрело специфический характер в трудах главы «исторической школы». Как правильно замечает Скафтымов, «Миллер часто оставляет сюжет в стороне, вне своих исследовательских интересов, стараясь уловить лишь тот голос истории, который слышался ему в повествовании былины» (стр. 5). В. Ф. Миллер мотивировал это тем, что сюжет мог быть заимствованным, а искать, как сюжет кочевал от народа к народу и где возник впервые, — дело, обреченное на неудачу⁴. Зато заимствованный сюжет на Руси во всех случаях (даже помимо сознания певца) впитывал элементы русской жизни. Заметим, что и в тех случаях, когда сюжет эпического произведения не носил явных следов общности с эпосом другого народа (так что заимствование как бы исключалось), а русское происхождение сюжета было более чем вероятно, В. Ф. Миллер не придавал важного значения сюжету в своих исторических размышлениях. Для него сюжет был абстракцией, отвлеченной традиционной формой, способной без существенных видоизменений принять в себя разное историческое содержание. Исходя из этого, он считал необходимым сосредоточиться на разборе всяких конкретностей: реалий быта, имен, отдельных сюжетных подробностей и пр. Они-то, по его мнению, бесспорно национальны и связаны с русской историей. Скафтымов верно отметил эту особенность работ В. Ф. Миллера: «Редко он обращается к отысканию происхождения сюжета. Если иногда он на этом и останавливается, то такой интерес его чаще всего обуславливается отношением сюжета былины к разъясняемому Миллером историческим отголоском в ней... Словом, сюжет для него имеет интерес только подсобный, только как аргумент. Если сюжет ничего не обещает на весах его сомнений, то вся статья, посвященная известной былине, ни одним словом не обмолвится о происхождении сюжета» (стр. 6).

Мы ждем, что вслед за этими наблюдениями последует осуждение такого обращения с сюжетом былины и требование иного метода исследования, но Скафтымов только отмечает самый факт, не критикуя этого существенного момента исследовательского метода В. Ф. Миллера. Он и сам не придает исследованию генезиса сюжета принципиального значения, так как не связывает с анализом сюжета возможности исторической интерпретации былин, хотя и по другим соображениям. В этом тоже выразилась недооценка им сюжета как идейно-образной, содержательной категории, безусловно обязанной своим происхождением истории, какую бы условную и фантастическую форму ни обретал сюжет. Таким образом, отмеченный Скафтымовым недостаток исследовательского метода В. Ф. Миллера оказался всего лишь преддверием критики, которая за этим последовала, но уже в связи с разбором того, что сам Скафтымов считал более существенным в этом исследовательском методе. Тем самым Скафтымов сразу лишил себя возможности дать последовательную критику «исторической школы». Между тем изучение сюжета должно стать исходным пунктом исторического исследования эпоса. Сюжетная основа былины, взятая в конкретном историческом наполнении, несомненно порождена известным временем, и связь с ним может быть здесь уловлена.

⁴ В. Ф. Миллер писал: «...если, исследуя источник какой-нибудь былины, содержащей либо *былинную* обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической песни под воздействием такой фабулы, мы ставим вопрос, откуда странствующий сюжет явился на русскую почву, то этот вопрос равносильен тому, где и от кого услышал эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Волокита» (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. IV).

Вслед за формулировкой «задачи» В. Ф. Миллера и его последователей — изучения «исторических отголосков» в былине, Скафтымов предлагает характеристику того, что считает наиболее важным в исследовательском методе «исторической школы»: это, во-первых, «установление архаического извода (основного варианта)» и, во-вторых, его «сопоставление с историческими и литературными фактами прошлого» (стр. 8). Он приводит и слова самого В. Ф. Миллера: «Для уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаический ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения»⁵.

Названные Скафтымовым два момента действительно характеризуют аналитический поиск В. Ф. Миллера. Установить архаический извод означает определить тот вариант былины, который среди всех известных наиболее древний. Если его даже нельзя отнести ко времени, о котором говорит былина, то все же он ближе других к этой эпохе. При сопоставлении архаического извода и разных исторических и литературных фактов «сходство», говоря словами Скафтымова, дает В. Ф. Миллеру и его последователям «критерий к установлению генетической связи между явлениями» (стр. 8).

Формально-логическая сущность исследовательских приемов В. Ф. Миллера охарактеризована Скафтымовым совершенно правильно. Следовало бы, однако, сразу сказать о том, что эти приемы сами нуждаются в разъяснении. Что считать древним и что считать поздним в вариантах былины? Что принять в них за главное и второстепенное? Какая связь существует между былиной и реальными фактами истории, прямая или опосредованная?

Обратившись к конкретным работам последователей «исторической школы», Скафтымов устанавливает, что их метод исследования не дает положительных результатов из-за неясностей, возникающих при его применении к конкретным случаям. «Иногда показателем древности ему (В. Ф. Миллеру. — В. А.) служит критерий большинства (т. е. преобладающее количество отдельных показаний в текстах. — В. А.), иногда, наоборот, он меньшинству оказывает предпочтение по тем или другим дополнительным мотивам, нередко прибегает к ссылке на древность записи, а подчас игнорирует эту древность. Большею частью единичные показатели считает случайностью, но бывает, что в подтверждение понравившейся ему мысли соблазняется ссылкой на свидетельство одного-двух вариантов» (стр. 9). Словом, этот метод не удовлетворял Скафтымова из-за отсутствия «какой-либо постоянной твердой системы в пользовании показаниями вариантов» (стр. 10).

Все эти замечания справедливы и означают, что исследовательский метод «исторической школы» действительно нуждался в серьезной критике. Впрочем, у В. Ф. Миллера нашлись бы против этой критики и некоторые контраргументы. Он считал, что крестьянство лишь усваивает готовое, доставшееся ему от профессиональных певцов поэтическое наследство, а такое усвоение, по мнению ученого, сопровождалось неизбежными ошибками памяти, искажениями «исходного текста». Какая же «твердая система» может быть усмотрена в этих искажениях и забвении? В каждом отдельном случае судьба искажения и порчи своя: «система» исследователя только помешала бы установлению древнейшего варианта былины.

Итак, Скафтымов отвергал поиски архаического извода былины; между тем эти поиски возможны и могут быть весьма плодотворными, если основное внимание уделяется анализу идейного смысла песенно-эпического произведения, его сюжета и его варьирования в границах известных традиций.

⁵ В. Ф. Миллер. Очерки русской пародной словесности, т. I, стр. V.

В связи с этим важно отметить одно суждение Скафтымова об оценке В. Ф. Миллером вариантов с точки зрения большей или меньшей их древности. Скафтымов пишет о количественном подсчете В. Ф. Миллером «показателей» в вариантах былины: «... статистика, по-видимому, для него имеет лишь относительное, безусловное значение. Она нема без дополнительного внутреннего логического или психологического обоснования. Эта сама по себе несомненно правильная точка зрения, однако, открывает дорогу исследовательскому произволу и тем самым в глазах беспокойной критики часто ставит домыслы автора на фундамент спорный и шаткий» (стр. 9). Скафтымов очень точно выразил ту мысль, которой руководствовался В. Ф. Миллер: сами по себе «показания» (стр. 10) большинства записей, т. е. известная традиционная устойчивость текста былины в чем-либо, должны выверяться на весах внутреннего, скрытого в самом произведении «логического или психологического обоснования» (стр. 9).

В. Ф. Миллер не раз являл образцы тонкого, вдумчивого разбора соотношений частей текстов⁶. На этот путь изучения вариантов былины В. Ф. Миллер становился как практик-исследователь, но не как теоретик, понявший всю важность именно такого подхода к анализу текста былины. Скафтымов признавал правильной точку зрения В. Ф. Миллера в этих случаях (ведь она требовала избегать одностороннего учета только количественных «показаний»), хотя и отмечал, что она скрывает в себе опасности «исследовательского произвола». Заметим от себя, что субъективизм может проявиться только в тех случаях, когда обоснование выводам, основанным на статистике, ищут вне исторического содержания былины. Субъективизм В. Ф. Миллера выразился как раз в том, что психологическая обоснованность разных идейно-тематических и стиливых «показаний» текста былины бралась вне конкретного исторического наполнения, вне связи со всем целым эпического произведения, вне связи с сюжетом былины в первую очередь. Несколько опережая наше изложение, заметим, что Скафтымов подошел к опасному рубежу в своих рассуждениях: «логическое и психологическое обоснование», взятое вне анализа исторического смысла сюжета (а таким анализом сюжета, как видим, Скафтымов пренебрег в не меньшей степени, чем В. Ф. Миллер), может обратить эти критические упреки «исторической школе» против самого критика.

3

Далее Скафтымов переходит к разбору сопоставления извода с «историческими и литературными фактами прошлого». «Историко-бытовые данные» В. Ф. Миллера — это «географическая, национальная и личная номенклатура былины (имена)», «бытовые черты былины», «события, о которых рассказывает былина (сюжет)» (стр. 10).

Скафтымов очень подробно говорит о том, как В. Ф. Миллер пользовался именами для исторического приурочения песенно-эпического текста: «Имена для него являются важнейшей опорой, главным якорем, которого он держится, от которого исходит и вокруг которого группирует дальнейшие соображения и догадки» (стр. 11). Скафтымов приводит все соображения ученого, которые оправдали привлечение былинных имен «в голом отвлечении, совершенно независимо от прикрепленных к ним сюжетов и личностей» (там же), исходя из того, что «исторические имена держатся вообще гораздо прочнее, чем связанные с ними предания, подвергающиеся в течение времен радикальной переделке, смешению и полному забвению»⁷.

Скафтымов не принимает исследовательского приема В. Ф. Миллера, потому что «теоретически трудно предположить полное обособление имени от его носителя. Ведь самая популярность имени создается известными

⁶ Таков, например, его анализ былины и преданий об Илье Муромце. См. *Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности*, т. I, стр. 362—413.

⁷ *Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности*, т. II. М., 1910, стр. 362; см. т. I, стр. 351—352.

представлениями, связанными с ним. Пусть эти представления в течение веков терпят изменения в частностях, деталях, но все же, при сохранении имен, не мыслится *совершенная потеря* этих представлений, хотя бы их общего тона» (стр. 11). Хотя эта критика справедлива, по Скафтымов не возразил против психодного пункта воззрений В. Ф. Миллера на эпос. Ведь суждения о том, что имена гораздо прочнее сюжетов, находятся в следующем контексте: «Имя былинное и вместе историческое, как и многие другие *исторические имена* в наших былинах, указывают на то, что в основе современного простонародного сильно искаженного эпоса лежали когда-то историко-эпические песни, создававшиеся в дружинной среде, делавшей военную историю Руси. Сюжеты этих прежних песен многократно переделывались и уже не лежат в содержании огромного большинства былин, но имена были прочнее сюжетов и переживали нередко дальнейшие переделки последних, служа таким образом свидетелями ранних ступеней истории эпических песен»⁸.

Скафтымов говорит только о недопустимости «отвлечения» былинного имени от сюжета. Такие же возражения В. Ф. Миллеру делал его ученик А. В. Марков, что, впрочем, не выводило последнего за рамки «исторической школы»⁹. В. Ф. Миллер недостаточно считался с тем, что сюжет связан с теми понятиями и представлениями, которые вызывают имена персонажей былин. «Имя, не прикрепленное ни к лицу, ни к сюжету, свободное от всяких исторических связей, само требует раскрытия и является для науки искомым искомым...— утверждает Скафтымов.— Миллеровские эманицированные имена, немые страждующие незнакомцы, ни слова не скажут о том, где они были и что видели» (стр. 12).

На ряде конкретных примеров Скафтымов старается показать (на стр. 12—15), как В. Ф. Миллер оперирует былинными именами вне связи с сюжетом, отождествляя их носителей с историческими лицами: Дунай — это воевода владимири-волинского князя Владимира Васильковича (в статье «Отголоски галицко-волинских сказаний в современных былинах»), Апраксин — это рязанская княгиня Евпраксия (в статье «Былина о Батые») ¹⁰ и пр. Критик «исторической школы», однако, не указал на то, что имена и другая личная, географическая и историческая номенклатура могут обрести принуждающую силу доказательств, если их взять в тесной связи с анализом сюжетной основы произведения.

Скафтымов критикует и приемы, к которым прибегал В. Ф. Миллер, пытавшийся опереться на показания быта при историческом приурочении былин. Скафтымов ссылается на резонные замечания своих предшественников. Из возражений, сделанных В. Ф. Миллеру Н. И. Коробкой ¹¹ (в связи с новгородским приурочением былинны о Вольге и Микуле) и А. С. Архангельским (оспаривавшим повгородское приурочение былинны о Чуриле) ¹², Скафтымов делает общий вывод о ненадежности бытовых примет как исторического критерия, если они берутся вне идейно-художественного целого былинны, хотя и признает ценность их в этом плане. Ученый пишет о бытовых чертах в былинах, укладе жизни той или другой местности «Полную доказательность такие сближения, однако, могут получить лишь при наличии указаний таких черт быта, которые свойственны *только* данному краю и времени, к которому приурочивается сложение былинны. Такого обозначения, необходимого выяснения территориальной и хронологической специфичности аргументирующих бытовых явлений, при большом однооб-

⁸ В. Ф. Миллер. Указ. соч., т. I, стр. 351—352.

⁹ См. об этом в нашей статье «Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова» (ОИРЭФА, вып. II, М., 1963, стр. 169).

¹⁰ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, стр. 128—142, 321—322; *он же*. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 26—27.

¹¹ Н. И. Коробка. Сказания об урочищах Овручского уезда и былинны о Вольге Святославиче. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 2, СПб., 1908.

¹² А. С. Архангельский. [Рец.] «Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1887». «Изв. ОРЯС», 1898, вып. 3.

разии русской жизни на самых далеких концах территории и времени, достичь чрезвычайно трудно» (стр. 15).

В критике миллеровских приемов местного и хронологического приурочения былины на основе бытовых данных Скафтымов нигде не исходит из необходимости искать эту связь с действительностью, так как вообще скептически смотрит на разрешение проблемы исторического приурочения былинного текста. Между тем каждое произведение эпоса первоначально исторически было обязано происхождением отдельному краю: ведь где-то былина сложилась, прежде чем стала явлением общерусского искусства.

Разбор приемов исторического приурочения, практикуемых В. Ф. Миллером, Скафтымов завершает рассмотрением того, как отождествляются сюжетные эпизоды и события истории: речь идет об исследованиях, посвященных былине о Камском побойще и былине о Калине-царе¹³, а также былине о Добрыне — победителе змея¹⁴. Изложив аргументы В. Ф. Миллера в пользу приурочения былины о Камском побойще к событию 1223 г. на Калке, Скафтымов пишет: «Как видно из сопоставлений, сходство намечается самое общее... Сложение ее (былины. — В. А.) могло быть вызвано и пылым военным событием» (стр. 17—18). Действительно, В. Ф. Миллер удовлетворился самым общим сходством былинного и исторического событий, будучи убежденным в том, что более близкого сходства между ними не могло и быть: ведь былина в устах народа серьезно искажилась, отдалась от первоначального вида, когда она якобы во всей достоверности воспроизводила событие. Мы уже знаем, что Скафтымов не оспорил этого общего взгляда В. Ф. Миллера, поэтому и в конкретном разборе его метода не касается исходных положений, а берет лишь их следствие, находя доказательства В. Ф. Миллера недостаточными. При всем том замечание Скафтымова надо признать существенным, хотя оно и не может быть поставлено в упрек В. Ф. Миллеру: сюжет былины не воспроизводит точно конкретных исторических событий. Они преломляются сквозь призму традиционного художественного сознания, и прямого соответствия найти здесь невозможно. Однако в самых общих чертах сходство сюжета и исторических событий не только не исключено, но и обязательно. Былина может восходить к конкретному событию и его эпизодам, но всякое сопоставление события и былинного сюжета, как верно указывает и Скафтымов, надо производить, исходя из понимания художественного обобщения в былинах. В эпосе отражены не столько отдельные события, сколько длительные исторические состояния в жизни народа и государства. Показания сюжета должны быть приняты поэтому с поправками на художественный замысел былины. Эти поправки надо вносить прежде, чем сопоставлять сюжет с историческими фактами.

Скафтымов утверждает, что исследовательские приемы «исторической школы» не будут плодотворными, даже если ими пользоваться в совокупности, а не порознь. Для доказательства (на стр. 19—21) он приводит разбор В. Ф. Миллером былины о Дюке Степановиче¹⁵: здесь опорой служили «и имена, и элементы быта, и события» (стр. 19), но тем не менее шаткость выводов не устранена. Это, по мнению Скафтымова, происходит потому, что если в отдельности взятый прием не мог привести В. Ф. Миллера к желаемой цели, то, и взятые в совокупности, они не делают приурочения былины более точным. С этим нельзя согласиться: сочетание разных приемов исторического приурочения увеличивает вероятность правильного отнесения текста к известной эпохе и местности, но только при том условии, если показания имен, быта и событий будут дополнены историческим толкованием сюжета былины со всем ее конкретным идейно-художественным наполнением.

¹³ *Вс. Миллер*. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 32—59, 60—68.

¹⁴ Там же, т. I, стр. 143—148.

¹⁵ *Вс. Миллер*. Отголоски галицко-волинских сказаний в современных былинах «Очерки русской народной словесности», т. I, стр. 97—122.

Наконец, Скафтымов касается и весьма важного положения, которое не однажды выдвигалось В. Ф. Миллером для подкрепления догадок и соображений о возможном месте и времени возникновения былины: это «предполагаемые предания, занимающие посредствующее место между былиной и событием или литературным источником, к которому он ее возводит. За всеми былинами, к историческому толкованию которых В. Ф. Миллеру дают повод имена, он, не находя в их содержании соответствия с предполагаемым источником, предполагает существование преданий, исторических песен, не дошедших до нас... Здесь область чистых гаданий» (стр. 21).

Это возражение В. Ф. Миллеру должно было бы занять едва ли не главное место, а в системе возражений Скафтымова оно вскрывает лишь формально-логическую ошибку: нельзя опираться при изучении неизвестного на неизвестное. По существу это критическое возражение обнажает социально-политическую тенденциозность концепции В. Ф. Миллера. Он исходил из того, что былина первоначально создавалась как произведение о князьях и дружинниках, которых он относил к господствующему классу. В предположении, что былинам предшествовали предания и исторические песни об этих героях, выразилась система идеологических предпосылок, назначение которых — защита всей концепции. По В. Ф. Миллеру, от своего прежнего состояния эпос сохранил и общее стремление к возвеличению богатыря. Идеологический смысл этого ничем не аргументированного взгляда на древнее состояние эпоса не раскрыт Скафтымовым. Усматриваемое им это свойство в композиции былины доказывает лишь зависимость самого автора от В. Ф. Миллера, хотя этот взгляд у Скафтымова сказался только в наблюдениях над структурой былины. Но композиционный строй былины с его подчинением идее прославления богатыря может быть объяснен и вне так понимаемого социального генезиса эпоса.

4

Критический разбор исследовательского метода В. Ф. Миллера завершается выводом Скафтымова о несостоятельности теоретических построений автора «Очерков русской народной словесности». Впрочем, Скафтымов находит, что недостаток метода характеризует не столько самого Миллера, «сколько самую былину» (стр. 22). Прежде чем перейти к объяснению столь парадоксального и неожиданного суждения, Скафтымов предпринимает разбор конкретных работ последователей В. Ф. Миллера («Из истории русского былинного эпоса» А. В. Маркова; «Легенда о Георгии и драконе» А. В. Рыстенко, «Песни времени царя Ивана Грозного» С. К. Шамбинаго, «История старин о сорока каликах со каликою» Б. М. Соколова) (стр. 22—33). В этом разборе нет ничего принципиально нового по сравнению с теми возражениями, которые уже были им сделаны при разборе работ самого Миллера. У его последователей и учеников Скафтымов нашел лишь усугубление ошибок. Между тем при общности исследовательского метода они существенно, и каждый по-своему, видоизменяли и теоретические положения своего учителя, поправляли и фактические выводы его конкретных разысканий. Рассматривать здесь эту проблему нет нужды; заметим лишь, что Скафтымов считал необходимым выделить суждения исследователей, отчаявшихся в возможности исторического приурочения былины. Он не без сочувствия цитирует (на стр. 33) заключение Н. И. Коробки: «...более внимательное наблюдение над народно-поэтическим материалом вообще ослабило наше доверие к возможности сколько-нибудь плодотворного возведения нашего эпоса к историческим сюжетам и лицам»¹⁶. Приведены здесь скептические суждения и дру-

¹⁶ Н. И. Коробка. Указ. соч., стр. 21.

гих ученых (А. Н. Веселовского, М. Е. Халанского, А. И. Кирпичникова и др.), к которым Скафтымов добавляет и собственное: «Былина — это корабль без якоря. Корабль имеет прекрасную оснастку, он послушен и легок в плавании, но, лишенный якоря, нигде остановиться не может и осужден на вечное плавание» (стр. 36).

Мы подошли к очень важному пункту рассуждений Скафтымова, к пониманию его собственных взглядов, его методологической позитивной позиции, с которой он судит о работах В. Ф. Миллера и его последователей. Указания Скафтымова на бесплодность хронологического и территориального прикрепления былины во многом объясняют, почему он мало и даже совсем не заботился об извлечении тех бесспорно рациональных приемов, которые практиковал В. Ф. Миллер и представители его школы.

Как Скафтымов понимал внутренние причины, приводившие к неудаче в попытках исторически приурочить былинку, а следовательно, и истолковывать ее жизнь в прошлом? «В былинке все течет, — пишет он. — Она всегда пребывала и пребывает в творческом процессе, неизвестно где, неизвестно когда, неизвестно кем начатого и никогда не прекращавшегося. Это не есть нечто законченно созданное, но всегда создаваемое. Она всегда меняется» (там же). Скафтымов говорит о непостоянстве, изменчивости, многозначности и разнородности былинных имен, сюжетов — всех без исключения компонентов былины. Особенно часто он говорит о случайностях произвола и вкуса отдельных сказителей: «...разные певцы в одинаковое по виду содержание вносили особенности собственного индивидуального понимания. Каждый вариант былины среди других всегда есть в некотором роде исключение, не сводимое под категорию каких-либо общих критериев и измерений» (там же).

Таким образом, Скафтымов находит, что недостатки изучения эпоса коренятся в особой природе былины. Свой взгляд он основывает на представлении о вечной и постоянной изменчивости былины. Эта на первый взгляд диалектическая мысль принимает вид чистой метафизики, доводя изменчивость текста былины до утраты им каких-либо идейно-художественных, сюжетных и композиционно-стилевых рамок, до утраты «внутренних стержней», как выражается автор книги.

К этой мысли Скафтымов возвращается много раз (см. также стр. 37, 41 и др.); она составляет своего рода исходное положение в его концепции. Ученый не был одинок в таких утверждениях. О решающей роли личности сказителя в трансформации былины, равно как сказок и других жанров фольклора, как известно, много писали в те годы и позднее М. К. Азадовский, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы. Эта идея определяла научный поиск; она стала методологической установкой целого направления в науке с его преобладанием интереса к индивидуальным фактам как таковым, к которому принадлежал и Скафтымов.

Выясняя причины трудности изучения былины, Скафтымов пришел к весьма неутешительному для исследователей эпоса общему выводу о его исторической непознаваемости: «Иррациональность индивидуально-волевых факторов человеческой истории имеет особую роковую значительность в истории художественного творчества, где как раз индивидуальность является основным нервом созидания. Но произведения народного творчества к этой трудности прибавляют еще одну: они апопимны и не знают фиксированной колыбели ни в территории, ни в хронологии, ни в индивидуальности своих творцов. Как же разгадать скрещивающиеся лучи причин, когда неизвестен их фокус?!» (стр. 37—38)¹⁷.

«Значительная бесплодность» науки о былинах, по словам Скафтымова, коренится не только «в свойствах самого материала исследования», но «вызывается общими границами, положенными человеческому зна-

¹⁷ Для подкрепления своей мысли Скафтымов ссылается на Э. Гроссе, автора известной работы «Происхождение искусства» (Перевод с немецкого. М., 1899, стр. 7).

нию» (стр. 39). Так выразилась в суждениях ученого агностическая методологическая установка, вынесенная из той психологической школы, которую он прошел в дореволюционное время, обучаясь в Варшавском университете у профессора А. М. Евлахова¹⁸.

Парадоксально, что, обращая острие своей методологической установки против школы В. Ф. Миллера, Скафтымов принял некоторые ее исходные положения. В. Ф. Миллер в предисловии к первому тому «Очерков» писал, осуждая теорию заимствования, что при исследовании былины нередко вопрос «сводится к биографии неизвестного слагателя, которая, как и он сам, представляет самое широкое поле для гаданий». Это суждение адресовано Миллером сторонникам теории заимствования. Но этот упрек должен, по Скафтымову, принять и сам Миллер с его последователями (стр. 37). Однако к биографии сказителей в известном смысле сводит изучение эпоса и Скафтымов. «Изменение былины, — пишет он, — происходит в устах сказителя, и к этому неизвестному лицу (многим и многим лицам и все неизвестным) направляются исследования. Сказитель — живая человеческая личность, следовательно, вместе с общими влияниями среды и эпохи, вместе с превратностями его личной судьбы сохраняет свободу своего произвола и вкуса; уже в силу одного этого случайности устной переделки «непчислимы и непредвидимы» (там же).

Общая агностическая философская посылка завела ученого в тупик. Скафтымов должен был бы оставить мысль об объяснении эпоса, раз он непознаваем. К счастью, этой философской позиции ученый фактически противопоставил свою попытку понять былину и, говоря о невозможности применять какие-либо «общие критерии и измерения» к изучению вариантов записей былины, все же сделал ряд оговорок. Таково его более поэтическое, чем строго научное, замечание о том, что в былине — «этом летучем существе усмотрены нити, характеризующие отношение его к общей культуре человеческого духа» (стр. 38); это «проблемы законов психологии художественно-литературного творчества» (там же). Все свои упования исследователь возлагает на выяснение эстетической природы былины: «Никто никогда не сомневался квалифицировать былину как произведение художественное, и исследователи не отрицали ее художественности, иногда в своих соображениях касались и апеллировали к этой стороне ее свойств, но все это только случайно и эпизодически, тогда как эстетическая природа предмета исследования должна была быть положена в самую организующую основу их разысканий... Былину как таковую проглядели... исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории» (стр. 40). В этих суждениях заложены все крупные достоинства и все существенные недостатки истолкования былины как явления искусства.

5

Перейдем к разбору второго очерка книги — «Архитектоническое соотношение внутреннего состава былины о богатырских подвигах» (стр. 46—95). Отчасти повторяя В. Ф. Миллера, Скафтымов говорит о «превратностях устной передачи» былины (стр. 46), присоединяя и свое понимание причин «прихотливых, случайных, единичных изменений» в былинах (там же); причем он считает возможным говорить о проявлении случайности в эпосе а priori. Скафтымову казалось, что если былина непрерывно меняется, меняются ее сюжет, имена, психология (у каждого певца собственное индивидуальное понимание мира), то отсюда проистекают и прихотливость, случайность единичных изменений в былинах.

¹⁸ См.: А. М. Евлахов. Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии, т. I—II. Варшава, 1910, 1912; т. III, Ростов-на-Дону, 1917; он же. Реализм или ирреализм? Очерки по теории художественного творчества, т. I—II. Варшава, 1914.

Отметим, что былина действительно не неподвижна: по вариантам и версиям любой былины можно проследить за всем тем, что названо Скафтымовым «капризами памяти» сказителей, за проявлениями особенностей их художественной одаренности и др. Значит ли это, однако, что былина становится игральным полем разных творческих стихий, ничем не корректируемых? Вне всякого сомнения, процесс сохранения и традиционной передачи устных произведений из поколения в поколение не несет на себе печати того, о чем писал Скафтымов, — «печати хаоса». Наряду со случайностями и всякими превращениями передачи былины из уст в уста действуют творческие факторы, позволяющие произведению длительно жить без разрушения традиционного сюжетного ядра, что устанавливается простейшим сличением наиболее древних записей с поздними, отделенными от первых порой столетиями. С этим должен был считаться, конечно, и Скафтымов, поэтому он вынужден сделать оговорку: «Тем не менее работа над установлением внутренне организующих стержней былины нам не представляется безнадежной». Скафтымов не мог пройти мимо факта «единства былины по одному сюжету в разных вариантах» (там же). Но Скафтымов исходит из того, что «каждый вариант принадлежит своему автору, индивидуально отличному от исполнителей других вариантов» (стр. 46—47). Вместо того чтобы говорить о традиционной, общей у всех сказителей основе былины с одним сюжетом, Скафтымов говорит о «горении единого направляющего чувства» сказителя-творца (стр. 47): ученый считал, что «под воздействием основного импульса как центрального задания все составные части» былины приходили в систему. В результате возникала «иерархическая субординирующая взаимозависимость и неразрывность компонентов» (стр. 47). Иными словами, психологическое состояние сказителя, или «основной импульс», и есть главный творческий «стержень» в былине.

Если оставаться верным этому пониманию психологического единства былины, порожденного цельностью переживания, даже осмысления традиционного сюжета былины отдельным певцом, то и в этом случае невозможно прийти к выводу о «единстве художественной направленности былины на данный сюжет, хотя бы и переданный различными лицами и с разными индивидуальными изменениями» (стр. 47). Надо вообразить либо сплошную психологическую однородность народной среды и ее певцов (чего не допускал и сам Скафтымов), либо опереться на факторы, которые сильнее психологического самочувствия отдельной творческой единицы, и соответственно внести общие серьезные поправки в понимание «авторства», когда речь идет об отдельных вариантах былины. Характерно, что сам Скафтымов неожиданно в сноске дает оговорку, хотя неясную и глухую: «Везде, где в этой статье речь идет об авторе, имеется в виду лишь некоторая имманентно проектируемая творческая инстанция, без которой немислимо никакое организованное целое» (стр. 50).

Перешагнув через возникшее противоречие, в дальнейшем автор книги посчитался не с логикой своих исходных положений, а с тем, к чему его обязывало «единообразие» вариантов былины на один сюжет, «единообразие композиционной структуры каждой былины по всем вариантам (кроме отдельных и редких исключений)» (стр. 48). Оказалось возможным сделать в высшей степени перспективный вывод, установить «сходство всех былины о подвигах в основном типе их построения» (там же). Этот вывод, в котором автор опирается на конкретный материал былины, сделан им вопреки исходным методологическим положениям.

Наибольшее внимание в очерке уделено сюжету былины, т. е. тому общему, что устанавливается при простом сличении ее вариантов. И здесь обнаружилась весьма положительная тенденция всего исследова-

ния Скафтымова. Не согласившись с пренебрежением к песенно-эпическим сюжетам в работах Ф. В. Миллера, он обратился к изучению сюжетного действия, т. е. как раз того, что составляет наиболее устойчивый момент песенно-эпического повествования.

Но сюжет интересует Скафтымова не своим содержанием, а тем, что он называл «архитектоническим соотношением внутреннего состава» былины, т. е. формальной стороной. Соответственно трактовка идеи, с воплощением которой в былине всегда связан ход сюжета, уступила место разбору эмоционально-смысловых приемов, избираемых при развитии сюжета. Ценность такой работы вне всякого сомнения, но столь же несомненна ее недостаточность, коль скоро речь заходит о былине как целом явлении народного словесного искусства. Выводы, сделанные на основе такого разбора, не могут заменить идейной трактовки песенно-эпического сюжета в историческом плане. Скафтымова такой подход к анализу эпоса привел к односторонней абстрактно-психологической трактовке былинного сюжета.

Главным приемом в эпосе, по мнению ученого, как и в любом художественном произведении, является «эффект неожиданности и удивления». Автор книги настаивает на значительности и важности этого приема: «Эффекты неожиданности и удивления выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным» (стр. 50). С этим утверждением можно было бы и согласиться, если бы не очевидное преувеличение значимости этого, хотя и важного, но далеко не единственного приема как в былинах, так и в художественном сюжетосложении вообще. В глазах ученого этот прием приобрел какое-то всеобщее значение: в былинном повествовании все существует либо лишь как подготовка этого приема, либо как его реализация, либо, наконец, как средство его усиления. Скафтымов называет прежде всего распространенный в былинах «постоянный мотив предварительной недооценки героя». Это или «молодость героя» (былина о Михаиле Даниловиче и др.), или его «предварительное опорочение» (Казарин, Васья Пьяница) (стр. 50—52). Под этот мотив подведено даже начало ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром, хотя смысл мотива с трудом укладывается в это толкование. Далее Скафтымов пишет: «До подвига видимое соотношение сил богатыря и его противника представляется всегда в *решительном преобладании врага*» (стр. 53) (Соловей-Разбойник, Идолеще Поганое, Тугарин, Змей Горыныч и др.). «Всевозможные *грозные предвестия, предсказания и предупреждения*, которыми так часто открываются былины,— продолжает Скафтымов,— служат той же эстетической задаче подготовки неожиданности» (стр. 58).

Следующее звено в композиции былины, по Скафтымову,— бой, причем легкий для богатыря-победителя (стр. 59). Легкие победы действительно случаются в былинах, но не меньше и трудных побед (бой Ильи и Сокольника, Добрыни и Дуная, Ильи с полчищами Калина-царя, Алеши и Тугарина, Добрыни и Змея Горыныча и др.). Полагаю, что как раз в этом эпизоде былины, нередко становящемся центральным, наиболее часты отступления от правила, которое устанавливает Скафтымов. В характере рассказа о бое обнаруживается важная для общего смысла былины мотивировка самой победы и соответственно раскрывается характер персонажа.

В унификации смысла былины проявилось стремление Скафтымова подвести многообразие ведения сюжета под усматриваемое им у певцов желание «показать героя наиболее выгодно для его силы: при всей видимой трудности дела он справляется с ним играя, без усилий» (стр. 60). Но в действительности смысл былинных эпизодов всегда богаче одного стремления прославить подвиг богатыря. В былине о Калине-царе Илья Муромец ищет помощи других богатырей, и в этом состоит смысл песенно-эпического повествования: указать на необходимость объединения всех

сил против грозного врага. В былине «Добрыня и Дунай» поединок русского богатыря со свободно разъезжающим из страны в страну богатырем кончается вничью, и такой исход тоже укладывается в замысел былины: в итоге спора русский богатырь, служащий Киеву (Добрыня), ставится выше равного ему силой и доблестью богатыря, служащего не русскому князю, а иноземному королю (Дунай). В стремлении унифицировать смысл богатырских былин Скафтымов пошел в отдельных случаях даже на насилие над материалом: сын Муромца Сокольник аттестован как русский богатырь, хотя былины говорят о нем как о враге Киева и Руси и пр.

«Подвиг совершен, — продолжает Скафтымов свое перечисление пространенных приемов былины. — Былины на этом обычно оканчивают рассказ... Рассказывать певцу нечего» (стр. 61). А как быть в тех случаях, когда былина на этом не оканчивается («Илья и Соловей-Разбойник», «Сухматий» и др.)? Все разнообразие развязок, а порой и весьма еще длительного последующего рассказа сведено к одной формуле: «резонанция на происшедшее» (стр. 62). Например, говорится: «Некогда столь страшный, а теперь подавленный Соловей — это фон величия и силы Ильи» (там же). При самом общем толковании былины верно и это утверждение, но ведь рассказ о недоброй встрече князя Владимира и Муромца в Киеве тоже что-то означает сам по себе для смысла былины. А пребывание Сухматия в темном погребе после славной победы — разве тоже лишь «резонанция»?

Разобрав некоторые из мотивов былин, Скафтымов имел, конечно, право на вывод: «Былина умеет создать интерес, умеет взволновать слушателя тревогой ожидания, заразить восторгом удивления и захватить честолюбивым торжеством победителя» (стр. 63). Весьма спорен, однако, другой вывод, присоединенный к этому: «Художник (имеется в виду певец былины. — В. А.) знает, что нужно сказать, искусно ведет свою главную художественную задачу и умело распоряжается фактами, освещая и применяя их к наиболее яркому выражению общих вдохновляющих эмоций» (там же). Эффект неожиданности и удивления стал самоцелью.

Скафтымов попытался доказать, что действие усматриваемого им в эпосе «фактора эстетического приспособления» обнаруживает себя с достаточным постоянством в вариантах при всех изменениях и отступлениях от «композиционной тенденции», при контаминации и смешении подробностей. Конкретным объектом исследования становятся былины «Илья и Соловей-Разбойник», «Илья и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин», «Добрыня и Змей», историческая песня о Кострюке (стр. 63—88). В конкретном разборе ученый усугубил неправильность общего понимания главной художественной задачи былины и вновь продемонстрировал недостаточность абстрактно-психологического толкования их смысла. Как далеко зашел Скафтымов в своем увлечении «эффектом неожиданности и удивления» как главным содержательным моментом былины, показывает утверждение, что самая расправа Ильи с Соловьем пахочится «вне связи с целым замыслом былины» (стр. 68).

По-особому эта тенденция обнаружила себя в разборе исторических реалий и стиля былин. В книге на первый взгляд не упоминается самый факт «разнообразия топологических обозначений» (топонимии), «постоянства элементов мелкой фактической конкретности, сопровождающей главную ситуацию и движение рассказа», варьирование «стилистической разработки» (стр. 64). Но все это многообразие квалифицируется как ничего не значащее перед лицом решения «главной художественной задачи» сказителя — выразить «психологическую настроенность» (стр. 67) эпизодов, составляющих суть рассказа. Скафтымов пишет о былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник»: «Обстоятельства выезда Ильи, название города и народа, с которыми ему пришлось столкнуться на пути, безразличны, однозначны для художественного интереса былины» (стр. 66). Для передачи так специфически понимаемого «художественного

ственного интереса» детали действительно не важны, но они весьма существенны при истолковании былины как произведения, обязанного своим происхождением конкретному историческому времени. Память о прошлом жила в былинах, не заменившись задачей выразить «психологическую настроенность» вообще, безотносительно к народной истории. Кстати сказать, интерес к истории и поддерживал самое существование былинных эмоций. «Внутренний смысл эффекта» (стр. 67) отдельных варьирующихся в былине эпизодов от этого не стал исторически бесцельным, и прием существовал не сам по себе, а служил пониманию истории, оцениваемой и понимаемой народом по-разному, в зависимости от разных жизненных условий бытования эпоса в позднее время.

В стремлении понять общие черты эпического жанра Скафтымов подверг былинные сюжеты унифицирующему толкованию на основе выявления в них «эстетико-психологических эквивалентов» (стр. 68), будто бы замещающих друг друга, независимо от стилистических вариаций. Былинная стилистика действительно имеет много общего и представлена в разнообразии вариантов, но значит ли это, что стиль — всего лишь индифферентный слой, который может быть игнорирован при анализе смысла и художественных целей былины? Парадоксально, что Скафтымов, ратовавший за анализ художественности эпоса, вдруг обнаруживает такое равнодушие к стилю. В стилистике эпоса представлены и архаические черты, и поздние трансформации; они не безразличны для выяснения оттенков исторического смысла былинного повествования, в особенности для поздних этапов существования эпоса.

7

Мы видели, как настойчиво в начале своего труда Скафтымов стремился убедить читателей в почти полной исторической непознаваемости былин. Отвергнув прежние исторические толкования эпоса, Скафтымов усмотрел единственно обнадеживающий путь в изучении психологии певца. По мнению ученого, анализ эпоса у других исследователей лишь представляется объективным (см. стр. 48—49). Но мнимая непредвзятость исходной точки зрения, понятая как единственно верная, заставила самого Скафтымова провести анализ былин с весьма субъективных исследовательских позиций и только под углом абстрактного психологизма. Этот подход, правда, позволил ученому вскрыть некоторые важные стороны поэтики былины, но одновременно помешал понять истинное значение этих приемов в эпосе. Скафтымов переоценил их значение для общего смысла былины и принял их за суть и цель былинного повествования. При всем том в исследовании оказалось вскрытым лишь частное (по сравнению с выясненным общепейного смысла былин) значение приемов былинного сюжетосложения. Таков анализ приемов изображения былинного героя (стр. 88—95). Ученый имел все основания писать: «В центре творческого напряжения былин о богатырских подвигах находится герой-богатырь, а в нем — его ратная доблесть и сила» (стр. 95). О построении былины он пишет: «Вся действующая среда и все эпизоды, весь пафос былины направляются в одну точку скрещения сил двух противников и на исход их непродолжительной борьбы» (стр. 88). Здесь, в противоречие с предыдущими утверждениями, прием «эффекта неожиданности и удивления» занял свое действительное место в поэтике: он оказался лишь одним из способов выделения героя.

В том же аспекте рассматривает Скафтымов во втором очерке особенности речевой ткани рассказа: замедленный темп повествования (ретардация), диалоги и другие свойства стиля; они служат фиксации внимания на наиболее ярких и важных моментах признания и выделения героя (см. стр. 90—91, 95). Однако, отвлеченная психологическая трактовка былинного сюжета не могла не коснуться и этой части исследования, в особенности понимания Скафтымовым соотношения «мотива богатырст-

ва» и «явно выраженной идеологической тенденции» (стр. 94–95). Идеологический (этический, религиозный, классовый, национальный) элемент будто бы занимает «вторичное, производное» место в архитектонике былины по сравнению с «богатырством» героя. То, что является самой основой былинного повествования, весь внутренний смысл мотива богатырства оказался у Скафтымова не главным, а вторичным, всего лишь «аксессуарным эмоционально окрашивающим средством» и будто бы введен в былинку лишь в качестве «особого оценочного повода».

Произошло это потому, что и богатырство героя взято вне конкретного классово-идеологического и национального наполнения. В этом отношении Скафтымов пошел назад по сравнению с «исторической школой», молодые сторонники которой, да и сам Миллер в последние годы жизни, стали изучать как раз эти «аксессуары»: в их глазах они приобрели смысл, особенно важный для исторической трактовки и хронологического приурочения былинных сюжетов.

Завершая книгу очерком «К вопросу о соотношении вымысла и действительности в былинах», Скафтымов возвращается к проблемам, поставленным в предыдущих очерках, под новым углом зрения. Исследователя, видимо, беспокоило то обстоятельство, что усматриваемое им в былинах «единообразие композиционной структуры» с единой эмоционально-эстетической основой не согласовывалось со значительным разнообразием и обособлением сюжетов. Скафтымов вновь должен был признать самый факт устойчивости былинных сюжетов: «Каждая былина, при всех изменениях, твердо держит какую-то основу сюжета... Каждый сюжет сохраняет свой особый костяк с неизменной установкой основной ситуации и главных линий внутреннего движения. Уже по одному этому нужно предположить у каждого сказителя стремление сберечь в своей передаче представления о каждом своем герое не только в сохранении общей атмосферы восторженного удивления пред ним, но и во всей той предметной конкретности, с которой связан его изумляющий подвиг» (стр. 100). Признание этого грозило устранить правомерность общих суждений, сделанных ученым во втором очерке. И действительно, Скафтымов признает здесь, что разнообразие былин нельзя объяснить «одними целями эстетического воздействия» (там же). Скафтымов приходит к тому, что избавление от противоречия... в историческом истолковании былины!

Произошло парадоксальное явление: постоянной опорой для суждений ученого был отказ от сомнительных и слишком прямолинейных исторических построений и самого метода «школы» В. Ф. Миллера. И вдруг ученый ищет именно у этой «школы» спасительной аргументации! Далее следует добросовестное повторение важнейших положений теории В. Ф. Миллера: Скафтымов указывает на «фактическую конкретность», которая была «предметом непосредственного интереса» в былинах в первоначальную пору ее существования (там же). «Нужно предположить какое-то сюжетное ядро, — утверждает он, — которое в былинах когда-то было самой фактичностью своею, как воспроизведение определенного события подлинной жизни, всем известного и имеющегося в виду» (там же). Скафтымова начинают занимать те самые вопросы, перспективность решения которых он атаковал в первом своем очерке: «В самом деле, почему Соловей-Разбойник должен быть непременно лесным жителем, почему его орудием должен был быть свист, почему Добрыня непременно должен иметь состязание со Змеем Горынычем, а Алеша — с Тугарином, почему в каждой из этих былин встреча противников должна состояться именно при данных там обстоятельствах, а не иных» и пр. (там же). Именно всеми этими вопросами и занималась «историческая школа» и дала свои ответы. При интересе к этим сюжетным ситуациям Скафтымова стала занимать первоначальная реальная конкретность былинного действия (правда, всего лишь в теоретическом плане) в еще большей степени, чем приверженцев «исторической школы».

Конкретное богатство сюжетов былины объясняется во втором очерке Скафтымовым психонным разнообразием эпоса, а вскрываемый в былинах общий «эмоционально-психологический стержень» отнесен по преимуществу к поздней жизни их: «...Опричинивающую сюжет прямую реалистическую направленность нужно предполагать лишь в самом начале возникновения песни; потом, очевидно, происходит ее деформация в постепенном отходе от реалистических интересов и в сосредоточении своего смысла и ценности на идеологической, морально-психологической или эстетической сторонах самих по себе» (стр. 101).

Чем все это отличается от изучавшихся В. Ф. Миллером процессов в эпосе на поздних стадиях развития былины, в частности от так называемой «поэтизации», в силу которой действительные события принимают черты сказочные, фантастические? Сторонники «исторической школы» производили сопоставление действительности и эпоса, хотя и понимали их связь по-своему: в одних случаях это было отражение истории Древней Руси, в других — позднего крестьянского быта. Между тем Скафтымов, сделав критикуемой точку зрения уступку в истолковании эпоса, попытался опереться на логику самого внутреннего состава художественного произведения «без всяких сличений его с реальностью» (стр. 99).

Вновь в рассуждениях Скафтымова выдвигается на первый план анализ «главной психологической ситуации» (стр. 101), при которой «открывается свобода изменений, пропусков и равнозначных замен» (стр. 102).

Явления, наблюдаемые в эпосе на поздней стадии его существования, отчасти определены верно, но весьма спорно утверждение, что фактическая конкретность утратила свою историческую ценность в глазах народа-творца и всецело подчинилась власти эстетико-психологического произвола. В таком случае стало бы невозможным сохранение устойчивого разнообразия сюжетов в позднее время и произошла бы всеобщая путаница, навсегда закрывшая от нас первоначальную историческую основу былины.

Явно, что одни утверждения Скафтымова противоречат другим, а главное, они не соответствуют действительному положению вещей. Противоречие не устранено и утверждением, что уже в самом начале при возникновении былины, когда она еще сохраняла прямую реалистическую установку, отражаемая действительность организовывалась по законам искусства: «Фактическая действительность дается в общих чертах, событие воспроизводится лишь в линиях главной канвы и лишь постольку, поскольку это нужно для воспроизведения выдвинувшейся главной психологической ситуации» (стр. 101). Как в этом случае понять признание им же самим изменений, которые происходили в эпосе?

Что же касается понимания «эстетико-психологических» задач былины, взятых вне соотношения с реальностью и рассматриваемых только на основе логики самого внутреннего состава художественного произведения, то этому пониманию присущи те же ошибки, которые были обнаружены в очерке, посвященном поэтике былины.

8

Одновременно с противоречивостью утверждений Скафтымова им были сделаны правильные, весьма ценные выводы об особенностях художественного отражения реальности в эпосе. Произошло это вследствие все той же двойственности ученого: он то ориентировался на выводы, к которым его обязывал исследуемый материал, то подчинял свои наблюдения односторонней и ложной теории.

Напомнить о правильных выводах Скафтымова будет весьма важным сегодня, когда в области исторического истолкования эпоса выявилась тенденция игнорировать поэтическую природу былины. Труд Скафтымова в этой части весьма ценен и повернут против узости чисто фактического исторического истолкования эпоса, приравниваемого к летописи.

Свои мысли о соотношении вымысла и реальности в былинах Скафтымов иллюстрирует конкретными примерами, которые должны показать примат вымысла над исторической достоверностью, прежде всего в построении сюжета былин («Илья и Идолище», былинный запев о турах в былине о Василии Пьянице) (стр. 105—109). В качестве примера взята также историческая песня о Кострюке, отнесенная к былинам, как это было принято в фольклористике того времени, — «наиболее счастливый случай фактической иллюстрации», как выразился ученый (стр. 102). Вывод такой: «...забывается историческое содержание и построение рассказа создается мотивами художественного эффекта» (стр. 109). Этот вывод находится в полном соответствии с ранее изложенными общими соображениями. Но в исторической песне о Кострюке выведены лица, имеющие «ясные бесспорные исторические соответствия» (стр. 102), и она не может быть ни примером для истории эпоса, ни подтверждением общей мысли Скафтымова. Даже после забвения ряда исторических реалий песня не утратила всей достоверности, хотя мотивы «художественного эффекта» обнаружили себя в полной мере. Этот процесс превосходно вскрыт в трудах сторонников В. Ф. Миллера, на которые опирался Скафтымов¹⁹. Можно говорить об изменении реальных фактов ради выражения художественной мысли, но не об устранении исторической достоверности сюжета. Как показали новейшие работы, первоначальная основа песни не исключала исконно художественного осмысления исторической реальности²⁰.

Разбор сюжета былины об Илье и Идолище произведен через сопоставление с «Житием Авраамия Ростовского». Основу для раздумий Скафтымова предоставили работы сторонников В. Ф. Миллера, в частности исследование Б. М. Соколова²¹. Установлено, что эта былина — особенная и может быть сочтена не «первичным» образованием в народном эпосе, а калпчией переработкой былины о чудовищах посредством сближения ее с памятниками церковной письменности. Здесь проявились себя иные законы художественной трансформации. Нетрудно уловить в этой былине успешное «скрытое центральное и вдохновляющее эффекта победы героя над противником» (стр. 105), так как калпчье творчество всего менее было озабочено воспроизведением реальности и прибегало к умело вскрываемым Скафтымовым приемам ради выражения религиозной мысли.

Критический разбор сюжета былины о Сухмане (стр. 107—108) проведен Скафтымовым с крайней тенденциозностью. О мотиве опалы богатыря он пишет: «Моральной тенденции... здесь никакой нет. Остается только эстетическая целесообразность, только она осмысляет и оправдывает происхождение этой картины» (стр. 108). При этом ученый признает, что в былине было некое «историческое или легендарное зерно». Возникает естественный вопрос, а не является ли сама «эстетическая целесообразность» выражением требования передать достоверные реальные настроения и думы народа, его «моральные тенденции» в известный период времени?

Что касается былинного запева о турах, то я уже имел случай высказать свое понимание его отношения к былине о падении Киева²². Замечу лишь, что, конечно, и здесь проявила себя «эстетическая целесообразность», но не следовало бы только ее противопоставлять «былинной поэтизации» (стр. 116) исторического сюжета.

Итак, Скафтымов не смог доказать мысли о преобладании эстетических требований над передачей реальной достоверности в построении былинного сюжета. Можно говорить о своеобразии художественного отражения

¹⁹ Б. М. Соколов, Шурин Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович. ЖМНП, 1913, VII; С. К. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного, Сергиев-Посад, 1914 и др.

²⁰ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, стр. 144—170.

²¹ Б. М. Соколов. Былины о Идолище Поганом. ЖМНП, 1916, V.

²² См. В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. М., 1964, стр. 107—108.

реальности в разные периоды жизни эпоса и о том, что построение сюжета всегда подчиняется требованиям искусства, но сомнителен общий вывод: «Эстетико-психологическое задание» организует концентрацию исторической действительности (стр. 127). Наоборот, историческая действительность, осмысленная народом, концентрирует вокруг себя эстетико-психологические задачи быliny.

Частное теоретическое положение Скафтымова, излагаемое далее, касается «концепции персонажей» (стр. 109). По его мнению, она всецело зависит от «внутренней архитектурной зависимости» (стр. 115) былинного рассказа. В качестве примера взят эпический князь Владимир. Скафтымов полагает, что песенного князя совершенно невозможно сблизить «с каким-либо историческим лицом» (стр. 115). Перед нами уже знакомое противопоставление исторической достоверности и поэтического начала в эпосе. Это противопоставление неприемлемо, так как искусство отражает реальность, как бы далеко ни заходил вымысел. Соотношение реальной достоверности и вымысла устанавливается и корректируется той же реальностью.

Другое дело, когда ученый, выходя за пределы своих общих представлений о соотношении художественного сознания и реальности, настаивает на требовании, что «нельзя упускать из виду эстетического фактора» (стр. 116). Прав был Скафтымов и в утверждении, что «соотношение *персонажей* быliny со своими историческими прототипами определяется той ролью, какую данное лицо займет в общей концепции рассказа» (стр. 127).

Скафтымов обратился и в этом очерке к рассмотрению соотношения исторической достоверности и художественного вымысла в «аксессуарно-обстановочной части рассказа» (стр. 118). Здесь ученый обнаружил ту же двойственность своего решения проблемы. Он должен признать правомерность «бытовых сличений с исторической конкретностью» (стр. 118) и важность их для выводов о генезисе быliny. Одновременно он указывает на действие «эстетического фактора» и здесь, справедливо замечая: «Бытовые черты быliny нельзя брать и выносить в голом виде. Они тоже нуждаются в предварительном установлении их функционального значения в данном месте внутри целого» (стр. 119). Нельзя в связи с этим не признать некоторой правоты его критических замечаний об использовании бытовых примет при историческом истолковании быliny в работе А. В. Маркова «Бытовые черты русских быliny» и у самого В. Ф. Миллера, но общее утверждение, «что у исполнителя имеется чисто эстетическое, а не историческое отношение к фактическому составу его рассказа» (стр. 123), неправильно. Как показало новейшее исследование Р. С. Липец «Эпос и Древняя Русь» (М., 1969), былинные певцы, оставаясь художниками, в полной мере донесли до нас богатство предметно-вещественного и социально-бытового уклада жизни древнего Киева и Новгорода. «Воображаемый мир лучшего» и «поэтизация реальности» (стр. 123), «беспрерывная идеализация» (стр. 125) не устраняют исторической достоверности, так как материал для воображения и поэзии взят из того же реального мира.

Заканчивая этот очерк, Скафтымов сформулировал преимущественно правильные выводы, которые следовали из анализа быliny: о различиях в отражении действительности «разными ингредиентами быliny» в зависимости от той функции, которую они выполняют в «общей организации целого», о необходимости устанавливать значение каждой конкретности «в концепции целого», о важности раскрытия «внутреннего конститутивного смысла» частей быliny, прежде чем будут сделаны выводы о ее генезисе (стр. 127).

Ценность этих выводов увеличится, если они станут частью иного общего решения вопроса о соотношении вымысла и реальности в эпосе, но и независимо от этого научное значение их бесспорно.

В заключение приведем некоторые суждения о книге А. П. Скафтымова его единомышленников и противников.

Исследование получило двойственную оценку в критике 20-х и 30-х годов. Его признали прокладывающим новые научные пути и вместе с тем усмотрели в нем существенные ошибки. Ю. М. Соколов напел в «эстетико-теоретических рассуждениях» Скафтымова тот недостаток, что ученый «весьма далеко стоит от современных требований теоретической поэтики», но тут же отметил, что «как первая попытка критики исторического метода книга А. П. Скафтымова весьма симптоматична и полезна: приемы исторических сближений и сравнений должны быть пересмотрены, проверены и уточнены»²³. Согласие на пересмотр методологических приемов «исторической школы», однако, не помешало Ю. М. Соколову в той же статье принять выводы исследований своего брата, Б. М. Соколова («Эпические сказания о женитьбе князя Владимира»), А. И. Лященко («Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде»), Б. И. Ярхо («Илья — Илиас — Хильдебрант») ²⁴. А ведь эти работы были выполнены в полном согласии с методом В. Ф. Миллера. Между тем Скафтымов пытался отвергнуть метод исследования В. Ф. Миллера и его учеников в коренных положениях.

Б. М. Соколов в глубокой статье, опубликованной посмертно, «Об историко-социологическом методе изучения былины (по поводу «критики» проф. А. Брюкнера)»²⁵ ясно показал суть «исторической школы». По его словам, и раньше, в первых десятилетиях XX в., «историческую школу» критиковали ученые других научных направлений, «но тогда искали «согласования» методов»²⁶, «сейчас же мы имеем заостренную критику, непосредственно направленную против исторического метода»²⁷. Хотя замечание это относится к работам известного профессора слависта А. Брюкнера²⁸, оно справедливо и по отношению к другим оппонентам «исторической школы». Конкретный разбор доводов новейшей критики «исторической школы» Б. М. Соколов предварил таким общим замечанием: «Для правильной выработки научного историко-социологического метода в изучении былины далеко не лишним является рассмотрение тех возражений и нападок на «историческую школу», какие идут из совершенно другого лагеря, прямо или косвенно враждебного социологическому методу, со стороны некоторых заграничных литературоведов и наших формалистов или полуформалистов»²⁹.

Вскоре изменил отношение к книге Скафтымова и Ю. М. Соколов. В учебнике «Русский фольклор» он уже писал о Скафтымове следующее: «Критика его исходила из полуформалистических, полуэтно-психологических теоретических позиций»³⁰. В этом позднем отзыве о книге Скафты-

²³ Ю. М. Соколов. Обзор работ по фольклору за революционный период. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 169. Кстати сказать, этот отзыв местами почти буквально совпадает с тем, что писал С. Дмитриев в рецензии на книгу Скафтымова (см. «Родной язык в школе. Научно-педагогический сборник». Под ред. А. М. Лебедева и В. Ф. Переверзева, сб. 9, Л., 1926). И по словам С. Дмитриева, Скафтымов не сумел «выйти к теоретической поэтике» (стр. 199) и пр.

²⁴ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 171—173.

²⁵ «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 266—279.

²⁶ Имеются в виду А. М. Лобода («Русские былины о сватовстве». — «Университетские известия». Киев, 1902, № 10, стр. 1 и сл.) и Н. Н. Трубичин («Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса». — «Русский филологический вестник», 1915, № 1, стр. 42—57). См. об этом же в книге Скафтымова, стр. 34—35.

²⁷ Б. М. Соколов. Об историко-социологическом методе изучения былины, стр. 267.

²⁸ См. А. Brückner. Michaylo Potyk und der wahre Sinn der Byllinen, «Zeitschrift für slavische Philologie», B. III, Doppelheft 3-4, 1926; B. IV, Doppelheft 3-4, 1927; он же. [Рец. на труд М. С. Грушевского «История украинской литературы» (Киев, 1923—1926)]. «Zeitschrift für slavische Philologie», B. IV, 1927; он же. Ein Arpadenheld russischer Balladen. «Ungarische Jahrbücher», B. IV, H. 4, 1926.

²⁹ Б. М. Соколов. Указ. соч., стр. 268.

³⁰ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 92.

мова после состоявшегося незадолго до того общественного осуждения концепций «исторической школы» прозвучали и иные ноты: Ю. М. Соколов указывал на «порою очень удачно показанную (Скафтымовым.— В. А.) методологическую зыбкость в пользовании собственными именами, названиями, внешними совпадениями с историческими фактами, противоречивость и крайнюю субъективность построений отдельных представителей исторической школы»³¹.

Итак, книга Скафтымова, по мнению ученых 20—30-х годов, была попыткой не просто пересмотреть, уточнить или исправить в чем-то метод «исторической школы», а совсем отказаться от ее метода. Из этого и надо исходить при определении места очерков «Поэтика и генезис былин» в истории науки.

Трудно согласиться с односторонними оценками книги Скафтымова в современной историографии. Ю. Г. Оксман, например, не касаясь ни одного из ошибочных положений книги, отметил, что «важнейшие из его (Скафтымова.— В. А.) историко-литературных построений бесспорно выдержали проверку временем. И общие литературно-теоретические предпосылки концепции А. П. Скафтымова, и многие из его конкретных наблюдений, анализов и формулировок не утратили своего крупного значения и сейчас, несмотря на то, что некоторые проблемы, поставленные им в свое время, впоследствии оказались решенными несколько иначе, на более широком сравнительно-историческом материале. Так, разыскания в области поэтики русского былевого эпоса и его исторического генезиса, начатые А. П. Скафтымовым еще в 1924 году, в пору его борьбы с ошибками «исторической» школы В. Ф. Миллера, были успешно продолжены другими советскими фольклористами»³². Е. И. Покусаев присоединился к этому мнению: «Работы А. П. Скафтымова об эпосе проложили новые пути для дальнейшего социально и эстетически углубленного изучения памятников устной народной поэзии»³³. Тут, правда, есть оговорка: «Скафтымов не смог осуществить до конца последовательную критику теоретических положений «исторической школы» (такая критика развернулась позже, в 30-х годах)»³⁴, но в целом для Е. Покусаева несомненна высокая значимость предложенной в книге Скафтымова критики В. Ф. Миллера и его учеников.

Мы видим, что и Ю. Г. Оксман, и Е. И. Покусаев сближают, несмотря на некоторые оговорки, критику «исторической школы» в середине 30-х годов с критикой ее в работе Скафтымова, между тем как она отличается исходными позициями. Скафтымов критиковал труды В. Ф. Миллера с позиций, так сказать, «художественного» и психологического анти-историзма, между тем как критика 30-х годов исходила из возможности полного сравнительно со школой В. Ф. Миллера социологического, но тоже исторического, истолкования эпоса.

Это различие оказалось совершенно стертым и в кратком замечании о книге Скафтымова, сделанном В. Я. Проппом в книге «Русский героический эпос»: «В советской науке на методологическую несостоятельность этого направления (т. е. «исторической школы».— В. А.) впервые указал проф. А. П. Скафтымов. Шаг за шагом проф. Скафтымов на конкретных примерах вскрывает ложность предпосылок, шаткость аргументации, неубедительность выводов»³⁵. И тут же говорится о критике 30-х гг.

³¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 92.

³² Ю. Г. Оксман. [Рец.] «А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе». «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», 1959, т. XVIII, вып. 6, стр. 537—538.

³³ Е. Покусаев. Труды ученого о русской литературе. «Русская литература», 1959, № 3, стр. 222.

³⁴ Там же. Ср. А. Жук, Е. Покусаев. Александр Павлович Скафтымов. «Вопросы литературы», 1970, № 9, стр. 118.

³⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2. М., 1958, стр. 14.

В статье об «исторической школе», помещенной в «Краткой литературной энциклопедии», Скафтымову приписана очень большая роль в критике исторического метода Миллера: «К сер[едине] 20-х гг. И[сторическая] ш[кола] перестала существовать как направление. Заметную роль в критике И[сторической] ш[колы] сыграла книга А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин» (1924)»³⁶. О том, что «историческую школу» критиковали и в 30-е годы, здесь не говорится. Мнение же об исчезновении «исторической школы» в 20-е годы не соответствует фактам.

В статье Б. Н. Путилова «Об историзме русских былин»³⁷ автора привлекала полемическая острота суждений Скафтымова о работах приверженцев «исторической школы»: «Значение первой главы его книги „Современные методы изучения былин“, — пишет он, — выходит далеко за пределы критики исторической школы; многие ее принципиальные положения сохраняют свою силу и в наше время, когда делаются попытки создания „неоисторической“, „советской исторической“ школы; многие суровые предостережения автора, адресованные представителям старой исторической школы, звучат сегодня не менее актуально»³⁸. Беда, однако, в том, что Скафтымов поставил под сомнение в принципе самую возможность исторического изучения эпоса, и его полемика против «исторической школы» велась с особых позиций, о которых нельзя забывать.

Отрицательно воспринята скафтымовская критика «исторической школы» в работе М. М. Плисецкого «Историзм русских былин»³⁹ и в труде А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения»⁴⁰. М. М. Плисецкий верно указывает на то, что «критика исторической школы Миллера порой велась с позиций полного отрицания историзма былин. Особенно грешила этим выпешдая еще в 1924 году книга саратовского профессора А. Скафтымова»⁴¹. М. М. Плисецкий отмечает тем не менее и некоторые «сильные стороны» критики Скафтымова.

А. М. Астахова считает, что в работе Скафтымова налицо как «отказ от генетической проблемы» эпоса, который признан ею ошибочным, так и «выводы о бесплодности попыток хронологического и территориального прикрепления» былин. При этом А. М. Астахова отчетливо осознает отличие критики Скафтымовым «исторической школы» от критики ее в 30-е годы. С этим связано ее замечание, что «проблема генезиса былинного эпоса» была поставлена лишь в середине 30-х годов «во всем ее объеме»⁴².

* * *

Оценивая сегодня труд Скафтымова в целом, нельзя не сказать, что значительность книги в истории современной пауки вне всякого сомнения. Она явилась выражением первого решительного протеста против крайностей «исторической школы», против обеднения художественного смысла эпоса. «Историческая школа» в лице своих наиболее беспокойных и ищущих сторонников сама ощущала кризис общей методологии и выражала желание пойти навстречу требованию считаться с художественной природой песенно-эпического творчества. Теперь не новость, что былина требует «искусствоведческого» подхода, что успех анализа не может

³⁶ К. В. Чистов. Историческая школа. «Краткая литературная энциклопедия», т. 3, М., 1966, стр. 233—234.

³⁷ Б. Н. Путилов. Об историзме русских былин. «Русский фольклор», вып. X. М.—Л., 1966, стр. 125—126.

³⁸ Там же, стр. 125.

³⁹ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962, стр. 95—97, 115.

⁴⁰ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 47, 49—50, 133—134.

⁴¹ М. М. Плисецкий. Указ. соч., стр. 95.

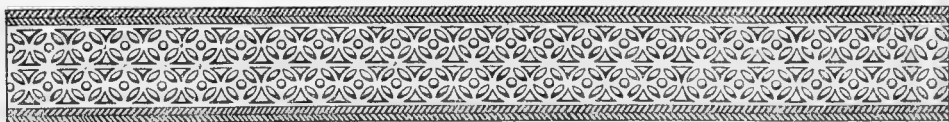
⁴² А. М. Астахова. Указ. соч., стр. 49—50.

сопутствовать тому исследователю, который не считается с ее художественной сущностью. Но следует признать и то, что песенно-эпическое искусство вовсе не противостоит ни культурной, ни политической истории народа. В былине сливаются в одно неразрывное целое идейно-художественные и культурно-исторические начала. Всякая абсолютизация эстетического начала в эпосе ведет к неудаче в истолковании его исторической природы. Ошибки В. Ф. Миллера, его последователей и учеников состояли не в том, что они занимались политической и культурной историей, отраженной в былинах, а в том, как они понимали социальную природу эпоса.

Чисто эстетический отвлеченный подход к изучению былин с противопоставлением его политическому и культурному изучению таит ошибку весьма серьезную, ведет к отказу от уяснения исторического смысла былин, их происхождения и значения в народной жизни.

Подробное рассмотрение исходных положений и существа книги Александра Павловича Скафтымова «Поэтика и генезис былин», надо полагать, поможет не только определить ее место в истории русской фольклористики и выявить характерность ее для научных течений 20-х годов. Уяснение достижений, противоречий и ошибок Скафтымова может оказаться весьма полезным для современных исследователей.

А. И. Тарасова (Васина)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В. К. АРСЕНЬЕВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

1

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930) получил мировую известность своей неутомимой деятельностью на Дальнем Востоке¹.

При всей широте научных интересов Арсеньев испытывал особое тяготение к историческим наукам. Не отказываясь от усвоенного им комплексного метода исследований, он все же признавал необходимость «остановиться на одной какой-либо специальности»² и начиная с 1910 г. стал считать ею этнографию. Зарождение своего интереса к этнографии он относит к 1888 г.³

С первых шагов своей экспедиционной деятельности на Дальнем Востоке Арсеньев столкнулся с малоизученным коренным населением. Со свойственной ему пунктуальностью он стал записывать свои наблюдения над жизнью и бытом таяжных народностей, но ему не хватало специальных знаний для серьезной этнографической работы. На помощь пришла научная литература, которую путешественник жадно поглощал не только в стенах богатой библиотеки Общества изучения Амурского края, но и на привалах во время своих экспедиций, в оснащение которых всегда входил необходимый минимум книг — важнейших научных руководств по геологии, ботанике, зоологии, метеорологии, этнографии и др.⁴

Первыми учителями Арсеньева как этнографа были активные и либерально настроенные деятели Общества изучения Амурского края — ботаник Н. А. Пальчевский и врач Н. В. Кирилов, сами небезуспешно занимавшиеся этнографией Дальневосточного края. Позднее их сменил Л. Я. Штернберг, с которым путешественник впервые познакомился в 1910 г. в Хабаровске, после чего между ними установился тесный научный и дружеский контакт. Из их довольно обширной переписки явствует,

¹ Данные по творческой биографии В. К. Арсеньева см.: Н. Е. Кабанов. Владимир Клавдиевич Арсеньев — путешественник и натуралист. 1872—1930. М., 1947; В. К. Арсеньев. Сочинения. Вступительные статьи А. И. Куренцова и М. Самушина, т. I. Владивосток, 1947, стр. V—XI и XII—XXVI; В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. Вступительная статья и примечания М. К. Азадовского.

² В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 216. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 21 июля 1910 г.; Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (1925), № 6, л. 186. Автобиография В. К. Арсеньева.

³ Некоторую роль в этом, возможно, сыграло посещение примерно в это время Музея антропологии и этнографии Академии наук.

⁴ «Путевой дневник В. К. Арсеньева за 1906 г.», ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, № 1.

что под его руководством Арсеньев, находясь далеко от научных центров страны, продолжал изучать новую русскую и иностранную литературу по этнографии (кстати, многие сочинения пересылал ему сам Штернберг)⁵, собирал и обрабатывал полевые материалы по разработанным Штернбергом инструкциям и программе, приобретал для центральных и местных музеев этнографические коллекции. В свою очередь Штернберг тоже нередко обращался к Арсеньеву за советом, просил разъяснения того или иного вопроса, поручал сбор сведений по интересующим его проблемам, в частности о родственниках названиях и нормах брака у орочей⁶. В личном архиве Штернберга сохранились материалы для его статьи «Народы Приамурского края» с подробными выписками из этнографических докладов Арсеньева, прочитанных и опубликованных в 1916 г. в Харбине⁷.

Нередко между двумя учеными возникали расхождения во взглядах по отдельным вопросам этнографии на научной, принципиальной основе. Штернберг был объективным и суровым критиком работ Арсеньева. «Штернберг был моим учителем и руководителем, — рассказывает Арсеньев в письме к С. Ф. Ольденбургу от 14 сентября 1929 г., — и я много обязан ему своей научной подготовкой. Он давал мне задания, советы и делал дружеские укоры в тех случаях, когда я по молодости лет увлекался и самовольничал»⁸. Однако Арсеньев умел и отстаивать свою точку зрения⁹.

Большое влияние на формирование этнографических взглядов Арсеньева оказали также труды Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева. Излюбленные мысли этих ученых о единстве и родстве всех народов и племен, составляющих великое целое — человечество, были особенно близки Арсеньеву. Миклухо-Маклай он считал одним из величайших этнографов всех времен и народов и мечтал о некоем повторении его метода — «сослать» себя года на три к эскимосам на острова Св. Лаврентия и Врангеля. Восхищаясь статьей Ядринцева о Миклухо-Маклае, он сожалел об отсутствии специальных работ о самом Ядринцеве как этнографе. Арсеньев интересовался художественными произведениями, отображающими жизнь народностей Сибири, и непревзойденным шедевром среди них считал «Сон Макара» В. Г. Короленко¹⁰. С Г. Н. Потаниным он переписывался именно по вопросам этнографии¹¹.

Широта и гуманистическая направленность взглядов, глубокий патриотизм, сознание гражданского долга сказались не только в научных трудах путешественника, но и во всей его общественной и служебной деятельности, способствовавшей борьбе за улучшение жизненных условий всех народов Дальнего Востока. Хотя последний период деятельности В. К. Арсеньева падает на послереволюционное десятилетие, все же как этнограф он сформировался уже в дореволюционное время и не сумел

⁵ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 69, л. 49. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 10 апреля 1915 г.

⁶ Там же. Письмо Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву от 11 февраля 1915 г.

⁷ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 1, № 87, лл. 102—108.

⁸ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, № 20, лл. 12—13.

⁹ Так, в письме к Л. Я. Штернбергу от 28 мая 1914 г. Арсеньев писал: «...Отчего Вы, Лев Яковлевич, *орочей-удэхе* называете *кекарями*? Сами себя они так никогда не называют и обижаются, когда их так называют. Уверю Вас, что название *удэхе* будет *правильное*. Слово «орочи» я прибавляю, чтобы указать, о ком именно идет речь. *Орочи Императорской Гавани* только в насмешку называют их *кяка*, *кякала*, *кякари* и *кэка*, *кэкари*. Я думаю, что если народ этот называния такие считает для себя обидными, они (то есть названий) не будут истинными» (В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 224).

¹⁰ Вступительная статья и примечания М. К. Азадовского в кн.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 22, 244, 247.

¹¹ Письма В. К. Арсеньева к Г. Н. Потанину (1915—1916 гг.), хранящиеся в библиотеке Томского университета, напечатаны в сокращенном виде Я. Р. Кошелевым в журнале «Сибирские огни», 1964, № 11, стр. 177—178.

еще воспринять метод марксизма¹². Однако ошибки и заблуждения не определяют содержания и значения работ Арсеньева, сохранивших во многом научную ценность до наших дней¹³.

В. К. Арсеньев воспринял от Штернберга основное требование к этнографу — знание языка изучаемой народности. Арсеньев изучил не только удэгейский язык, но и ороцкий, в некоторой степени нанайский и другие языки. Это помогло ему широко применять метод сравнительного анализа, также воспринятый им от Штернберга. При подготовке к печати словаря удэгейского языка, в котором намечалось три отдела — разговорный язык, язык поэзии и сказок (шаманский) и технический язык, Арсеньев пользовался консультациями Штернберга и П. П. Шмидта, а также задержавшегося в связи с войной 1914—1917 гг. в научной командировке на Дальнем Востоке венгерского проф. Б. Балого, положительно оценившего лингвистические материалы путешественника и его собственный метод фонетической транскрипции записей ороцких и удэгейских слов¹⁴.

В отношении другого поставленного Штернбергом условия эффективности труда этнографа — личных стационарных наблюдений в полевых условиях — Арсеньев, пожалуй, превзошел многих работавших до него исследователей. Тридцать лет он прожил на Дальнем Востоке и совершил более двенадцати экспедиций, в которых ставил преимущественно этнографические цели.

Сам Арсеньев предъявлял всякому исследователю три основных требования: «1) уметь собрать материалы, 2) уметь их доставить и 3) уметь их обработать. Если хоть одно из этих требований не выполнено, два другие — аннулируются»¹⁵. Он строго придерживался правила Н. М. Пржевальского — не отправляться в новое путешествие до тех пор, пока не напечатан отчет о предыдущем. Частенько в его письмах мелькают такие фразы: «Думаю эти два года просидеть на месте, уходя лишь в маленькие экспедиции, так как нужно окончательно обработать собранный мной за прошлые годы материал»¹⁶; «в этом 1912—1913 году и на будущий 1913—1914 год я нигде не собираюсь. Решил отчитаться литературно от своих путешествий»¹⁷. Но, несмотря на стремление Арсеньева закончить обработку своих материалов, все же в полной мере ему это сделать не удалось: объем их был очень велик.

Прежде чем отправиться в экспедицию, Арсеньев старался заранее продумать систему ведения путевого дневника и рабочих тетрадей. Он намечал себе ряд вопросов перед каждой экспедицией, могущей, по его мнению, дать на них ответы. «Путевой дневник» обычно состоял из подневных записей событийного характера, а в «рабочие тетради» вносились наиболее важные наблюдения, мысли и факты по многим отраслям знаний (с большим преобладанием этнографии) как результат комплексного

¹² См.: Н. Каргер. В. К. Арсеньев (Некролог). «Советский Север», 1931, № 1, стр. 135—137. Н. Роголь. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. [Хабаровск], 1947, стр. 48—49; Примечания М. К. Азадовского к письмам В. К. Арсеньева в кн.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 266; В. А. Зибарев. К вопросу о создании социалистической государственности у малых народов Сибири и Дальнего Востока. «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Томск, 1960, стр. 39.

¹³ О значении гуманистического направления трудов В. К. Арсеньева, посвященных народностям, «затерянным в уссурийской тайге», см.: Н. Каргер. Указ. соч., стр. 137.

¹⁴ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 223. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 10 апреля 1915 г.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, № 20, л. 7. Письмо В. К. Арсеньева к С. Ф. Ольденбургу от 12 ноября 1925 г.

¹⁶ ГБЛ, Отдел рукописей, 38—1943. М., 10872, № 37. Письмо В. К. Арсеньева к А. Н. Максимова от 10 июня 1911 г.

¹⁷ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 218. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу [1913 г.].

изучения того или иного района обследования. Впрочем, такое разграничение записей при сложности походных условий не всегда удавалось соблюсти. Нередко одна и та же общая тетрадь в темном клеенчатом переплете одновременно служила и путевым дневником, и записной книжкой, и даже своеобразным альбомом, куда наклеивались во время похода и по возвращении из него различные рисунки, планы, карты, фотографии, документы, газетные вырезки.

С экспедиционными материалами Арсеньев работал всю жизнь, сверяя прежние наблюдения с более поздними, внося поправки в старые записи, отмечая нужные места для выписок. Для удобства пользования экспедиционными тетрадями он составил к ним картотеку по рубрикам: этнография (наибольшее число карточек), археология, география, геология, ботаника, зоология и др.

2

Начиная с 1906 г. Арсеньев сосредоточил внимание на маленькой народности «удэхе», или «удэге» (удэ, удэгейцы), которая раньше была известна под именем орочи и не выделялась этнографами в самостоятельную народность, хотя Л. И. Шренк и Палладий (П. И. Кафаров) делали некоторое различие между «настоящими» орочами и южными орочами, или «кякала» (тазами.) Народность орочи, с которой смешивали удэгейцев, разными исследователями именовалась по-разному: «орочи» (Р. К. Маак, Н. М. Пржевальский, М. И. Венюков, В. П. Маргаритов и др.), «орочоны», или «орочены» (И. П. Надаров, С. Г. Леонтович, С. Н. Браиловский и др.). Сами орочи называли удэгейцев «кякала», или «кякари»; от них этот термин вошел в научную литературу (Палладий, Л. И. Шренк). Позднее это название употреблял в несколько измененном виде — «кекари» — Л. Я. Штернберг. В 1897 г. впервые в печати появился термин «орочи-удэ» в статье Н. А. Пальчевского¹⁸. Вслед за ним С. Н. Браиловский назвал удэгейцев «тазы-удихэ» и считал их особым племенем (ветью) орочского народа¹⁹. Такая терминологическая пестрота еще более запутывала вопрос об этнографической самостоятельности удэгейцев.

Первоначально Арсеньев вслед за другими исследователями называл удэгейцев то орочами, или ороченами, не выделяя их из этой народности, то кекарями, то тазами. Но по мере изучения их быта, языка, фольклора и пр., он все более убеждался в том, что этот маленький народ, расселенный по рекам Уссури, Хор, Бикин, Иман, Копи, Алюй, Мухень и по низовьям Хунгари, имеющий самоназвание «удэхе», следует выделить в самостоятельную этническую единицу.

В путевом дневнике экспедиции 1906 г. Арсеньев еще не дифференцирует орочей и удэгейцев. В большинстве случаев он описывает под именем орочей именно удэгейцев, что видно из указаний мест их расселения по рекам (см. выше), так как собственно орочи жили в северной и северо-восточной части Уссурийского края по рекам Копи, Хади, Тумнину и по верхнему течению Хунгари. Но уже спустя два года в его экспедиционных дневниках появляется термин «орочи-удэхе». В работе 1912 г.²⁰ Арсеньев впервые употребил в печати этноним «удэхе» и дал четкую картину расселения орочей и удэгейцев. Часть южных удэгейцев, составлявших обособленную группу, он называл доньше сохранившимся наименованием «тазы».

¹⁸ Н. А. Пальчевский. Перепись по бассейну реки Има. «Дальний Восток», 1897, № 46, 47.

¹⁹ С. Н. Браиловский. Тазы или удихэ. Опыт этнографического исследования. ЖС, 1901, вып. II—IV, стр. 153, 430.

²⁰ В. К. Арсеньев. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911. Хабаровск, 1912.

К этому времени у Арсеньева накопился огромный материал по изучению коренных обитателей Уссурийского края, позволивший ему наметить обобщающую работу — историко-этнографическую монографию об удэгейцах. В Петербурге, куда он приезжал с докладами о своих экспедициях, на заседании Отделения этнографии РГО 11 марта 1911 г. им было сделано сообщение о первых результатах работы по изучению удэгейцев по программе, охватывающей все стороны их быта, материальной и духовной культуры²¹. Затем он повторил этот доклад и сделал несколько других сообщений в Москве. Свое впечатление от выступлений Арсеньева выразил московский этнограф В. В. Богданов, писавший, что «характерной особенностью материалов В. К. Арсеньева надо признать их проникновение во многие такие детали быта и с таким наглядным их воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследователю»²².

По возвращении на Дальний Восток, во время служебных поездок по краю, Арсеньев попутно занимался антропометрией удэгейцев, их фотографированием, сбором образцов волос, а также продолжил составление словаря удэгейского языка по трем разделам: общему, техническому и шаманскому. В письмах 1913 г. Б. М. Житкову и Л. Я. Штернбергу он сообщает о своей работе над книгой «По Уссурийскому краю», по завершении которой займется монографией об удэгейцах, указывая срок ее окончания — зиму 1914 г. Штернберг советовал не спешить с монографией, дополнить и тщательнее проверить собранные материалы, в которых и сам исследователь видел много неясностей²³. Арсеньев планировал на весну 1914 г. поездку к удэгейцам, но не получил на нее разрешения генерал-губернатора Н. Л. Гондатти. Он надеялся все же, что в следующем году ему удастся попасть в экспедицию вместе с находившимися в то время в Хабаровске профессором Б. Балогом и польским антропологом С. Понятовским.

Готовясь к новой экспедиции, Арсеньев погрузился в изучение специальной этнографической литературы. Это позволило ему смелее браться за этнографические исследования, но в то же время убеждало быть как можно осторожнее в своих выводах. Зимой 1915 г. он едет для консультаций по своему удэгейскому словарю во Владивосток в Восточный институт.

Но ни в 1915, ни в 1916 гг. Арсеньеву не удалось попасть к удэгейцам по вине все того же «главного чиновника» края — Н. Л. Гондатти, который всячески стремился препятствовать исследовательской работе путешественника. Во время одной из служебных командировок Арсеньев выступил в Харбине с пятью докладами на заседаниях Общества русских ориенталистов 6—15 июня 1916 г., три из которых в основном посвящены удэгейцам. В том же году один из докладов²⁴ был опубликован полностью, остальные — в конспективном виде²⁵.

В докладе «Этнологические проблемы на востоке Сибири» автор «первые печатно формулировал тезис об этнографической самостоятельности удэгейцев»²⁶ и привел сравнительную таблицу этнографических призна-

²¹ Сообщение Арсеньева вкратце опубликовано в «Живой старине» (1911, вып. II, стр. XI—XII).

²² ЭО, 1915, № 1-2, стр. 153.

²³ «...Очень рад, что Вы беретесь за уди со всей душой. Но не паходите ли Вы, что Вам для дополнения следовало бы хоть на пару месяцев еще съездить к ним?» — писал Л. Я. Штернберг В. К. Арсеньеву 16 октября 1913 г. (Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 66, л. 110).

²⁴ В. К. Арсеньев. Этнологические проблемы на востоке Сибири. «Вестник Азии», № 38-39. Харбин, 1916, стр. 50—76.

²⁵ Там же, стр. 331—339 (Доклады: «Наши американоиды», «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» и др.).

²⁶ См. примечания М. К. Азадовского в кн.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 278.

ков различия удэгейцев и орочей. К докладу была приложена карта расселения народностей Приморья.

Но и в последующие годы укоренившийся взгляд на удэгейцев, как на часть орочей, имел место как в высказываниях других ученых (Патканов²⁷, Штернберг²⁸), так и в этнокартографических работах. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР (КИПС) в 20-х годах приступила к составлению этнографической карты Сибири. К работе над ней, кроме виднейших специалистов-этнографов В. Г. Богораза, Б. Я. Владимирцова, С. К. Патканова, С. И. Руденко, Л. Я. Штернберга и др., был привлечен и В. К. Арсеньев, получивший экземпляр карты для проверки и, если понадобится, корректировки.

В письме в КИПС от 22 июня 1925 г. Арсеньев, отметив неправильности в показе на карте расселения напайцев, эвенков и некоторых других народностей, писал: «Прилагаю при этом схему Уссурийского края, Амгунского и Удского районов и восточной части Амурской области. Из этой схемы видно, что значительные поправки мною внесены в Уссурийском крае и частью в Амурской области»²⁹. К письму была приложена выписка из его доклада «Этнологические проблемы...» о различии между орочами и удэгейцами. «Мое мнение, — эти два народа ошибочно объединены под одним названием. Пора эту ошибку исправить», — писал он в том же письме. Примечание-автограф Арсеньева к выписке из доклада содержит указание на неправомерность названия «тазы, или удихэ», данного удэгейцам С. Н. Браиловским. «Такого созвучия «уди» вовсе нет в маньчжурском наречии — это противоречит звукосопоставлению языка», — заключает Арсеньев. Именно с этого времени термин «удэгейцы» прочно вошел в научную литературу и стал общепринятым названием этой народности.

Работа над монографией об удэгейцах вследствие различных обстоятельств, по-видимому, откладывалась с года на год. Во всяком случае в 1916 г., как это видно из письма Арсеньева к Штернбергу, к работе над монографией он еще не приступал³⁰. В следующем, 1917 г., изменений к лучшему в этом отношении не произошло. После разрыва с Н. Л. Гондатти (в конце 1916 г.) путешественник остался с семьей без всяких средств к существованию и вынужден был определиться на службу в военное ведомство, а вскоре был мобилизован и отправлен на фронт. Успев доехать только до Ачинска, он, по ходатайству Академии наук, Географического общества и его дальневосточных отделов перед Временным правительством, был возвращен в Хабаровск и назначен комиссаром по делам туземного населения. Несколько месяцев работы на этом посту убедили Арсеньева в том, что Временное правительство не намерено менять старые порядки, что «при том хаосе и безначалии, которые царили тогда»³¹, сделать что-либо для местного населения невозможно. И он, добровольно сложив с себя полномочия комиссара, в конце 1917 — начале 1918 г. совершает экспедицию в горную область Ян-де-Янге и к западным истокам р. Амгунь, а в июле — октябре 1918 г. — на Камчатку.

²⁷ Им был составлен «Список народностей Сибири» («Труды КИПС», вып. 7, Пг., 1923), в котором показана численность орочей со следующим пояснением: «Включая и ту часть этого племени, которая известна также под названием кекар, кекал, тазы и удиге». В коллективной работе «Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке» (вып. I. Чита, 1924) орочи с удэгейцами также не дифференцируются.

²⁸ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, лл. 5—6. Письмо Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву от 20 февраля 1917 г.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, № 30, л. 1.

³⁰ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 226. Письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу от 7 октября 1916 г.

³¹ Архив ИВ АН СССР, Р. 2, оп. 3, № 27, л. 1. Письмо В. К. Арсеньева к С. Ф. Ольденбургу от 20 декабря 1922 г.

За период с 1918 по декабрь 1921 г. в письмах и других материалах Арсеньева сведений о работе над монографией об удэгейцах не имеется. И только в автобиографической заметке, датированной 15 декабря 1921 г., монография под впервые употребленным названием «Страна Удэхе» указана в числе обрабатываемых материалов³². А через год в одном из писем С. Ф. Ольденбургу Арсеньев сообщал, что имеет «оригинальные и интересные материалы» и хотел бы написать две работы: «Страна Удэхе» и «Памятники старины в Уссурийском крае», но для этого ему еще раз надо побывать у удэгейцев, чтобы продолжить работы по фольклору и выяснить некоторые неточности в своих записях (дневниках), после чего он «с легкой душой взялся бы за перо», почему и просит, если представится возможность, устроить ему «полугодовые экспедиции в Уссурийский край»³³. С аналогичной просьбой Арсеньев обращался и к В. Л. Комарову в Географическое общество 25 декабря того же года³⁴.

Из писем Арсеньева к Штернбергу от 12 декабря 1923 г.³⁵ и от 20 октября 1925 г.³⁶ видно, что если он и работал в этот период над материалами к монографии, то только урывками, загруженный служебной и общественной деятельностью. Главное же, что ему мешало приступить к монографии, — это чрезвычайная добросовестность и требовательность к себе: он считал, что без еще одной экспедиции не имеет права публиковать работу.

В письме к С. Ф. Ольденбургу от 21 октября 1925 г.³⁷ Арсеньев сообщает, что решился принять предложение Музея антропологии и этнографии в Ленинграде стать сотрудником Академии наук, так как только это может дать ему возможность планомерно заниматься монографией — результатом своих 25-летних трудов.

На заседании Совета МАЭ 2 октября 1925 г. было постановлено избрать Арсеньева кандидатом на должность научного сотрудника 1-го разряда³⁸. Но узнав об этом и выразив признательность, Арсеньев сообщил о необходимости «на некоторое время остаться на Дальнем Востоке»³⁹. Согласно новому его заявлению о том, что он к 1 ноября явиться к месту работы тоже не может, Правлению Академии наук пришлось исключить его из списка научных сотрудников⁴⁰. «Мне еще рано садиться в Музей, — пояснил Арсеньев в письме к М. К. Азадовскому мотив своего решения остаться на Дальнем Востоке. — В Академию наук для работы в Музее я решил не ехать»⁴¹.

Действительно, после окончательного установления Советской власти на Дальнем Востоке Арсеньев как лучший знаток края был привлечен к большой практической работе по социалистическому строительству и отдавал ей все свои знания, опыт и энергию. Кроме того, он занимался преподавательской деятельностью в вузах и техникумах, а также выступал с публичными лекциями. Вся эта работа была сопряжена с поездками на Камчатку, Командорские острова, в Читу, Москву, Ленинград и другие города. Времени на научно-исследовательскую деятельность оставалось очень мало, если к тому же учесть, что в эти годы путешественник печатал книгу «Дерсу Узала» (1923 г.) и ряд статей о пушном промысле на Дальнем Востоке. Практическая работа захватила Арсеньева, важность

³² Государственный Архив Приморского края, ф. 117, оп. 5, № 7, л. 4.

³³ Архив ИВ АН СССР, Р. 2, оп. 3, л. 1—2. Письмо от 20 декабря 1922 г.

³⁴ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 241.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 2, № 20, листы не нумерованы.

³⁶ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 229—230.

³⁷ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, № 20, лл. 2—4.

³⁸ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (1925), № 1, л. 71.

³⁹ Там же, № 6, л. 396.

⁴⁰ Там же, л. 412.

⁴¹ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 233. Письмо В. К. Арсеньева к М. К. Азадовскому от 21 ноября 1926 г.

и значение ее были для него очевидны, но в то же время мысль о том, что он не успеет довести до конца свою исследовательскую работу по этнографии, постоянно тревожила его, не давала покоя.

Не считая для себя возможным оставить Дальний Восток, Арсеньев по-прежнему вел там огромную научно-организационную работу, в том числе связанную с подготовкой к Всесоюзной переписи населения 1926 г., надеялся сам поработать на местах в качестве регистратора, чтобы попутно восполнить пробелы, которые он находил в своих этнографических материалах, что не осуществилось. В конце 1925 — начале 1926 г. Арсеньев усиленно занялся обработкой этнографических материалов по своим дневникам, так как имел непосредственное задание от Комиссии по подготовке переписи туземного населения Дальнего Востока «дать регистраторам указания... дабы получить собранные по однородным признакам цифры и тем самым выяснить наличность удэхе»⁴², обычно смешиваемых с орочами и тазами. Возможно, именно в это время он составил предметно-тематический указатель к своим дневникам, тем самым как бы делая попытку систематизировать имеющиеся материалы, и написал две небольшие работы об удэгейцах. Первая — статья «Тазы и удэхе»⁴³ — предназначалась в помощь регистраторам переписи, вторая — брошюра «Лесные люди-удэгейцы»⁴⁴ — представляла серьезную попытку хотя бы кратко обобщить собранный материал. В авторском предисловии к этой работе имеются такие строки: «Настоящая брошюра есть краткое и популярное изложение большого труда «Страна Удэхе», над которым автор работает более 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем»⁴⁵. Там же указано, что монография планируется в двух томах, причем во втором томе будут даны фольклор, грамматика и словарь. Такое заявление можно понимать двояко: 1) автор имеет в виду готовую или почти готовую рукопись труда «Страна Удэхе» и намерен в ближайшем будущем ее издать; 2) автор имеет в виду большой, собранный за 25 лет своей работы в крае подготовительный материал к монографии в виде экспедиционных дневников, карт, фотографий, словаря, изданных и неизданных своих работ, которые он считает лишь подготовительными материалами к основному труду, и намеревается в скором времени все это обработать и издать. Вероятнее все-таки второе.

Несмотря на небольшой объем, работа «Лесные люди-удэгейцы» содержит ценный фактический материал, изложенный в трех разделах: «Внешний быт удэгейцев», «Общественный строй» и «Мирозерцание». Дореволюционный уклад жизни «лесных людей», их нравы, обычаи, верования показаны автором достаточно обстоятельно, что же касается выводов и обобщений, то их здесь мало, да и те нечетки. Очевидно, автор имел в виду в дальнейшем развить свои мысли в капитальном труде. Читатель не найдет здесь и сведений о начавшейся уже тогда коренной ломке в социальном положении и быту удэгейцев, о чем сам автор предупреждает в предисловии, так как к этому времени ему еще не удалось совершить поездку к ним. Тем не менее работа была встречена очень хорошо в ученом мире, о чем свидетельствуют рецензии⁴⁶.

Вскоре Арсеньеву все же представилась возможность «побывать у своих удэхе». В 1926 и 1927 гг. он осуществляет две крупные экспедиции по поручению Дальневосточного районного переселенческого управления: в Анюйский район и по маршруту Советская Гавань — Хабаровск. Экспе-

⁴² ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 2, № 40, листы не нумерованы.

⁴³ «Статистический бюллетень Дальневосточного статистического управления». Хабаровск, 1926, № 1, стр. 20—26.

⁴⁴ В. К. Арсеньев. Лесные люди-удэгейцы. Владивосток, 1926.

⁴⁵ Там же, стр. 3—4.

⁴⁶ См. рецензии Н. Н. Козьмина в журнале «Сибирские огни» (1926, № 6) и Н. В. Здобнова в журнале «Северная Азия». (1926, № 5-6); Л. Я. Штернберг. Этнография. В сб.: «Тихий океан». Л., 1926, стр. 159.

диция 1927 г., описанная им в книге «Сквозь тайгу» (М.—Л., 1930), частично повторила маршрут путешествия 1909 г., и поэтому путешественник имел возможность наблюдать те перемены в жизни коренных народностей края, которые произошли за советский период. Помимо исполнения чисто служебных заданий, и в той и в другой экспедициях Арсеньев, как он писал сам, «в часы досуга на биваках и в ненастные дни вел свои работы по этнографии», а также сумел полностью проверить и исправить «большой словарь удэхе, параллельно собранный на Бикине, Анкое и Самарги»⁴⁷. Все-таки и после этих экспедиций он считал, что остались «места (и записи), требующие проверки, места неясные: тут надо доделать, там еще раз опросить, в другом месте кое-что дополнить и т. д.»⁴⁸ Одним словом, сбор материалов для монографии все еще не был закончен.

В эти два года Арсеньев составлял отчет об экспедиции 1926 г., вычерчивал карты маршрутов, писал работы «Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири», «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (обе работы были завершены к маю 1927 г., но опубликованы в 1928 и 1929 гг., последняя — в соавторстве с Е. И. Титовым), а также ряд статей и докладов по вопросам районирования и хозяйственного освоения Дальнего Востока, о населении края как производительном факторе, о морских промыслах (всего напечатано в эти два года восемь статей и докладов), начал работу над книгами «В горах Сихотэ-Алиня» и «Сквозь тайгу», опубликовал сокращенное издание двух книг («По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала») под общим названием «В дебрях Уссурийского края» (1926) и предполагал написать к осени 1927 г. довольно большую работу (в 60 стр.) «Передвижение народов на востоке Азии в древнейшие времена» (не опубликована, рукопись неизвестна). Если из этих двух лет вычесть время, затраченное на экспедиции, на педагогическую, организационную и общественно-административную работу, на поездку в Японию в октябре — ноябре 1927 г., на ведение огромной служебной и личной переписки, которая сама по себе тоже является литературным трудом, то получится такой итог, который вряд ли позволит предположить, что у Арсеньева для работы над монографией об удэгейцах оставалось хоть какое-то реальное время.

В последующие три года Арсеньева все больше захватывала общественно-административная деятельность. В 1928 г. он был избран действительным членом Дальневосточного научно-исследовательского института краеведения, зачислен на должность специалиста по обработке географических и картографических материалов Приморской экспедиции Дальневосточного районного переселенческого управления, научного сотрудника Этнологической секции Тихоокеанского комитета АН СССР. Кроме того, возобновилась его преподавательская деятельность в Дальневосточном университете, прерванная в 1923 г. В эти же годы он состоял членом Владивостокского окрисполкома и горсовета.

К 1928 г. популярность Арсеньева как исследователя и писателя стала огромной, а после знаменитого письма А. М. Горького от 24 января 1928 г. («Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера...») ⁴⁹ продолжала сопутствовать ему, все расширяясь день ото дня, до конца жизни.

Советские и зарубежные издательства предлагали заключение договоров об издании и переиздании его книг, очерков, статей, в том числе намечалось издание собрания сочинений. Советские энциклопедии заказывали

⁴⁷ Архив ИЭ, ф. 8, оп. 6, № 22, листы не нумерованы. Письмо В. К. Арсеньева к Н. В. Кюнеру от 7 декабря 1928 г. Это письмо и остальные пять писем В. К. Арсеньева к Н. В. Кюнеру опубликованы мною в журнале «Сибирские огни», 1972, № 9, стр. 173—178.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Впервые опубликовано в газете «Красное знамя». Владивосток, 25.II 1928, стр. 3.

вали ему этнографические и краеведческие статьи⁵⁰; направленная из Москвы экспедиция «Совкино» снимала под его руководством первые советские этнографические фильмы на Дальнем Востоке⁵¹. Страстный популяризатор знаний о Дальневосточном крае, Арсеньев готов был поддерживать любое начинание в этом плане, несмотря на свою занятость. Но все это отвлекало его от большой итоговой работы — его монографии.

Из докладной записки Арсеньева на имя заведующего Дальневосточным районным переселенческим управлением от 18 ноября 1927 г. узнаем, что все же работа над монографией им планируется на 1929 г. «Я должен к 1 февраля 1928 г. сдать отчет об экспедиции по маршруту Советская Гавань — Хабаровск, — говорится в докладной, — затем с 1 февраля 1928 г. я хотел бы засесть за обработку своих научных материалов и к 1 февраля 1929 г. приготовить к изданию: 1. Физико-географическое описание северной части Уссурийского края с особой главой, посвященной вопросам колонизации. 2. Все свои маршруты через Сихотэ-Алинь к северу от рр. Хор и Самарги в масштабе два километра в дюйме. 3. «Путешествие на Камчатку в 1918, 1922 и 1923 гг.» с уклоном статистико-экономическим и колонизационным. Если обстоятельства сложатся благоприятно, то после этих работ я намерен издать: 1) «Страна Удэхе» — опыт этнографического исследования...»⁵². Слово «издать», заметим, отнюдь не означает, что работа уже готова. В той же докладной записке в числе подготовившихся им работ на более отдаленный срок снова упоминается «Страна Удэхе». Список этих работ свидетельствует о том, что творческие планы Арсеньева были весьма обширны. «Страна Удэхе» стоит в списке второй, хотя он считал своим правилом сначала «отчитаться литературно» о своих путешествиях, а потом уже заниматься другими работами. Это подтверждает, что работа над монографией об удэгейцах стояла в центре внимания путешественника. К сожалению, подорванное трудностями путешествий здоровье Арсеньева начало сдавать, и в 1928 г. ему пришлось поехать в санаторий на Кавказ.

На обратном пути он заезжал в Москву, встретившую его на этот раз особенно гостеприимно. Здесь он выступал с докладами в Московском университете, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и в научных обществах, прочел публичную лекцию в Политехническом музее перед сеансом фильма «Лесные люди», посетил многие редакции и издательства, где готовили его книги, побывал у М. М. Пришвина на его квартире в Загорске и только 29 октября возвратился во Владивосток. По всей вероятности, именно в это время Арсеньев, отдохнувший физически и морально, начал трудиться непосредственно над рукописью «Страны Удэхе». В письме от 8 декабря 1928 г. он сообщал Н. В. Кюнеру: «Все мои предшествовавшие работы и статьи являются не более как подготовительными материалами для основной моей работы «Страна Удэхе». Эта моногра-

⁵⁰ Для Сибирской советской энциклопедии были подготовлены статьи: «Женьшевый промысел», «Японская циновка», «Спальный мешок», «Полог или спальная палатка», «Саке», «Опиум», «Татуировка», хранящиеся в фонде автора (ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 2, № 53); для Дальневосточной советской энциклопедии — в основном статьи о местных народностях и археологических памятниках Дальнего Востока (Государственный архив Хабаровского края, ф. Р—537, оп. 1, № 122, л. 8 и № 123, л. 20а).

⁵¹ В. К. Арсеньев консультировал съемки фильмов: «Лесные люди» («Удэ») и «По дебрям Уссурийского края» в 1928 г., «Тумгу» и «Оленные всадники» в 1929—1930 гг. Снятые фильмы вызвали огромный интерес у нас и за рубежом (М. Поляновский. Приятное разочарование. «Экран „Тихоокеанской звезды“». Хабаровск, 2.IX 1928; И. Билибин. Кино на службе краеведения. «Тихоокеанская звезда». Хабаровск, 8.VIII 1928; Академия наук об «Удэ». «Ленинградская киногазета», 15.I 1929; И. Устюгов. Новые северные кинофильмы. «Советский Север». М., 1931, № 1, стр. 119—121; «Far Eastern forest-dwellers» (Лесные люди Дальнего Востока). «Asia». New York, 1929, N 10, p. 802—805). Подробно о съемке этих фильмов и об участии в ней В. К. Арсеньева рассказали в своих статьях А. А. Литвинов, М. Поляновский и В. А. Шнейдеров.

⁵² ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р—2413, оп. 7, № 789, л. 319.

фия — цель моей жизни. Если бы мне не удалось ее издать, я считал бы это большой личной катастрофой. За 27 лет мне удалось собрать такие материалы, которые уже вновь собрать не удастся... Итак, заканчиваю сбор своих материалов, сверяю свои записи, проверяю словари, систематизирую и... пишу. Работа эта меня очень увлекает»⁵³. Озабочивал только выбор редактора, так как согласившийся редактировать эту работу Л. Я. Штернберг умер. Арсеньев тяжело переживал его смерть. «По его указаниям и под его руководством я готовил к печати свою большую работу «Страна Удэхе», которую предполагал выпустить в свет под его редакцией, — говорил путешественник на общем собрании членов Владивостокского отдела Географического общества 19 мая 1928 г., посвященном памяти Л. Я. Штернберга. — Вот почему для меня лично смерть Л. Я. особенно чувствительна. Свою работу «Страна Удэхе» я намерен посвятить памяти Л. Я. Штернберга»⁵⁴. Влияние Л. Я. Штернберга на свою этнографическую работу Арсеньев отмечал и в газетных статьях⁵⁵, и в письмах⁵⁶. Вопрос о новом редакторе остался нерешенным.

Свидетельств о том, как и сколько времени продолжалась работа над монографией, пока не найдено, но можно с уверенностью сказать, что намерение В. К. Арсеньева направить свою деятельность только в русло этнографии не осуществилось. Не мог он стоять в стороне от жизни, скрываясь в тиши кабинета, в то время когда его знания пужны были людям непосредственно для практической работы в стране, вступившей на путь социалистического развития народного хозяйства. В 1930 г., например, Арсеньеву было доверено, кроме прежних обязанностей, руководство одновременно четырьмя экспедициями по обследованию таяжных районов в направлении проектируемых железных дорог.

По-видимому, работа над монографией, однако, в какой-то мере продолжалась до последних дней жизни путешественника, но вряд ли была завершена. В письме к Ф. Ф. Аристову от 27 июня 1930 г. он писал: «Если я проживу еще несколько лет и если я закончу три научных труда: 1) Страна Удэхе, 2) Древности Уссурийского края и 3) Теория и практика путешественника, я не буду жалеть жизнь, не буду цепляться за нее»⁵⁷.

19 июля 1930 г. Арсеньев выехал в низовья Амура для инспектирования экспедиционных отрядов, там простудился и вернулся во Владивосток 26 августа 1930 г. Несмотря на болезнь (крупозное воспаление легких), он был полон творческих планов, как это видно из его переписки с издательствами и из письма директору Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, написанного не ранее 26 августа 1930 г. (т. е. за неделю до смерти): «В декабре сего года я кончаю работы по обследованию таяжных районов в направлении новых железных дорог и весь будущий 1931 год намерен посвятить исключительно этнографической работе по составлению словаря и грамматики туземной народности удэхе. В план моих работ входят записи на их родном языке. Работу эту я веду уже более 25 лет, что отмечено в записках Академии наук СССР «Русские научные исследования. Этнография. 1926 г.»⁵⁸. Перед тем как приступить к окончательной обработке материалов, мне надо еще один раз съездить к удэхе и на местах проверить свои записи за прежние годы. Я должен посетить туземцев на рр. Самарги, Имане, Хоре, Онюе и Хун-

⁵³ Архив ИЭ, ф. 8, оп. 6, № 22, листы не нумерованы.

⁵⁴ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 2, № 20, листы не нумерованы. Доклад В. К. Арсеньева «Памяти Л. Я. Штернберга» опубликован в «Записках Приморского филиала Географического общества СССР», т. 25. Владивосток, 1966.

⁵⁵ В. К. Арсеньев. Памяти проф. Л. Я. Штернберга. «Красное знамя», 7.VI 1928 и «Тихоокеанская звезда», 29.V 1928.

⁵⁶ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 237.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 196, оп. 1, № 8, лл. 1—2.

⁵⁸ Имеется в виду сборник «Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926, стр. 159.

гарп. Прошу ДВ краевой научно-исследовательский институт ассигновать мне на эту поездку 2000 рублей. В начале 1932 года мои рукописи объемом в 20 печатных листов будут набраны на пишущей машинке. Вместе с тем я намерен обратиться к профессорам-маньчжуроведам П. П. Шмидту и А. В. Гребенщикову с просьбой их проредактировать. В. Арсеньев»⁵⁹.

Материалы для словаря и грамматики удэгейского языка, по свидетельству самого Арсеньева, составляли в его монографии только 15%, остальные 85% падали на этнографический материал⁶⁰. Вместе с фольклорными материалами они должны были войти во второй том «Страны Удэхе». Чем же было обусловлено намерение В. К. Арсеньева в первую очередь заняться подготовкой к печати языковых материалов вместо историко-этнографического исследования об удэгейцах? Наиболее вероятным нам представляется то, что при необычайной требовательности к своим работам Арсеньев, по-видимому, не был удовлетворен написанной частью монографии. В методологическом отношении работа эта представляла для него большие трудности: огромный фактический материал требовал осмысления с позиций марксистско-ленинского метода исследований, которым он еще не смог овладеть. Кроме того, на его глазах началась коренная ломка жизни народов Дальнего Востока, в том числе и удэгейцев, жизнь шла вперед по новому, неизведанному руслу — все это требовало от него пристального изучения, если он не желал ограничиваться описаниями быта, ставшего до некоторой степени архаичным.

Болезнь В. К. Арсеньева, оказавшаяся смертельной, оборвала неожиданно все его труды и планы. 4 сентября 1930 г. его не стало. Личный архивный фонд его в конце 30-х годов поступил на хранение в Приморский филиал Географического общества СССР (Владивосток). В этом фонде, который автору данной статьи довелось обработать в 1972 г.⁶¹, рукописей, относящихся к монографии «Страна Удэхе», нет. Сохранились только восемь узких полосок бумаги (размер 8 × 8,5 см и 8,5 × 21 см), на которых рукой В. К. Арсеньева записано то ли оглавление, то ли план работы (без названия) об удэгейцах. Всего перечислено 11 разделов или глав («Обычаи и обряды», «Сказки и сказания», «Быт и нравы», «Промыслы и инструменты», «Общие» (?), «Рождение детей», «Зодиак и мифология», «Физический тип и характер», «Шаманство», «Погребение», «Одежда, украшение, игры»), причем многие разделы разбиты на ряд подразделов. Так, раздел «Сказки и сказания» содержит 16 подразделов⁶². Следует отметить, что часть этих листков имеет авторскую pagination (с 744 по 749 листы), наводящую на мысль о некогда существовавшей большой рукописи, насчитывавшей более 700 листов, характер которой остается неизвестным.

В фонде имеются несколько картонных коробок с негативами, на одной из которых сделана надпись: «Этнография. Страна Удэхе», что свидетельствует о подборе В. К. Арсеньевым иллюстраций для монографии⁶³.

Из некоторых учетных документов фонда В. К. Арсеньева, в частности «Списка рукописей, дневников, географических карт и других материалов В. К. Арсеньева» (1938 г.) и «Инвентарной книги Приморского филиала

⁵⁹ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 2, № 40, листы не нумерованы.

⁶⁰ Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, № 20, лл. 12—13. Письмо В. К. Арсеньева к С. Ф. Ольденбургу от 14 сентября 1929 г.

⁶¹ А. И. Тарасова. Обзор документальных материалов фонда В. К. Арсеньева. «Советские архивы», 1973, № 6, стр. 68—73.

⁶² ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, № 51, лл. 1—8. Вот эти 16 подразделов: 1) Сказание об Сангасу. 2) Сказание об Онку. 3) Как рассказываются сказки. 4) Происхождение удэхе. 5) Легенда о тигре. 6) Сказание о кабанах. 7) Язык сказок. 8) Сказка о Сендуни и Боко. 9) То же о Кагени. 10) О болотной кочке. 11) Живой мох на дереве. 12) Красные волки Нэтуи. 13) Злой дух Богдыхе. 14) Пещеры Какзаму. 15) Происхождение удэхе от медведя. 16) Сказание о мысах. (Подразделы с номерами 5, 6, 7, 10, 12, 13, 15 зачеркнуты самим автором.)

⁶³ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 4, № 85.

ГО СССР» (запись в ней 1946 г.), видно, что в составе фонда Арсеньева имелась папка 64, обозначенная в инвентарной книге как «Удэгейцы. Заметки. Машинописная рукопись. 194 листа»⁶⁴. Возможно, это и была часть рукописи «Страны Удэхе» или черновики к ней. Но после 1946 г. папка 64 из фонда исчезла. О ее дальнейшей судьбе сведений не имеется. И все-таки труд Арсеньева над монографией нельзя считать безвозвратно потерянным: во-первых, поиски рукописей продолжаются и могут дать положительный результат, во-вторых, фактическая основа «Страны Удэхе» сохранилась в экспедиционных дневниках путешественника и его словарях удэгейского языка⁶⁵, а некоторые положения даны им в ряде опубликованных работ. Эти ценнейшие материалы убеждают в том, что монография, будь она завершена, оправдала бы надежды автора. Многие из того, что удалось ему наблюдать и зафиксировать, навсегда ушло в прошлое; в этом отношении, по-видимому, монография действительно не имела себе равных, так как не было ни одного другого исследователя, который бы, как Владимир Клавдиевич Арсеньев, изучал удэгейцев в такой непосредственной близости и на протяжении столь длительного времени (1900—1930 гг.), причем в основном тогда, когда общий уклад их жизни, обычаи, верования еще не подверглись нивелировке.

3

В настоящее время известно более шестидесяти опубликованных работ Арсеньева о Дальнем Востоке, и почти все они в той или иной мере связаны с этнографией. Среди них имеются собственно этнографические труды, целиком посвященные изучению жизни одного какого-либо народа⁶⁶ или исследованию отдельных этнографических проблем⁶⁷. Есть работы, в которых дается характеристика всего населения Дальнего Востока или описание одновременно нескольких народностей⁶⁸. Кроме того, ценные этнографические сведения содержатся в промысловых, охотоведческих очерках, а также в работах по переселенческому вопросу Дальневосточного края⁶⁹ (последние известны довольно узкому кругу специалистов, некоторые из них не переиздавались и стали библиографической редкостью). Часть работ еще при жизни автора была переведена на английский, немецкий, японский и другие иностранные языки.

Но самую широкую, поистине мировую известность приобрели научно-художественные книги Арсеньева — «По Уссурийскому краю» (1921),

⁶⁴ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 2, № 28, л. 1 и № 32, л. 2.

⁶⁵ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, № 1—3, 5—8, 10—12, 27—30, 32, 37—39.

⁶⁶ В. К. Арсеньев. Лесные люди-удэгейцы; он же. Тазы и удэхе. «Статистический бюллетень Дальневосточного краевого статистического управления», 1926, № 1, стр. 20—26 и др.

⁶⁷ В. К. Арсеньев. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу. «Вестник Азии», № 38—39, стр. 335—339; он же. Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Владивосток, 1925; он же. Шаманское дерево. «Экран „Тихоокеанской звезды“», 1928, № 31, стр. 6—8.

⁶⁸ «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911». Хабаровск, 1912; «Вымирание инородцев Амурского края». «Материалы по изучению Приамурского края». Хабаровск, 1914, вып. XX, стр. 337—353; «Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амура». «Вестник Азии», № 38—39, стр. 324—331; «Этнологические проблемы на востоке Сибири». Там же, стр. 50—76; «Население как производительный фактор». «Экономика Дальнего Востока». М., 1926, стр. 50—77; «Быт и характер народностей Дальневосточного края». Хабаровск — Владивосток, 1928 (последние две работы написаны в соавторстве с Е. И. Титовым).

⁶⁹ «Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты». Владивосток, 1905; «Туземные способы собирания в Уссурийском крае и скупка мехов». Владивосток, 1922; «Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае». Владивосток, 1925; «Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока». Хабаровск, 1926; «Колонизационные перспективы Дальнего Востока». «Производительные силы Дальнего Востока», т. V. Хабаровск, 1927, стр. 31—44 и многие другие работы.

«Дерсу Узала» (1923), «Сквозь тайгу» (1930) и «В горах Сихотэ-Алиня» (1937), в которых наряду с прекрасными описаниями природы, климата, животного и растительного мира Дальнего Востока содержится научно достоверный и художественно выразительный рассказ о жизни, занятиях, общественной организации, обычаях и религиозных верованиях удэгейцев, орочей, нанайцев и других коренных народностей края.

Первые две книги, вскоре переведенные на немецкий язык, а затем объединенные и опубликованные в одном томе под общим названием «В дебрях Уссурийского края» (Владивосток, 1926), вызвали многочисленные восторженные отклики в нашей стране и за рубежом. Широко известны отзывы о них А. М. Горького, В. Л. Комарова, М. М. Пришвина, Ф. Напсена, С. Гедина, Г. Швейнфурта, А. Вегенера и др. Оценивая с этнографической точки зрения эти книги, Л. Я. Штернберг писал: «Хотя этнографии уделено в ней (в книге «Дерсу Узала». — А. Т.) мало места, но то немногое, что Вы сообщаете со слов Дерсу, — подлинные перлы примитивной психологии»⁷⁰. Ныне эти книги переведены на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран. Чешский ученый доктор Иржи Цейпек в 1955 г. писал, что после прекрасных книг Арсеньева «довольно трудно, не повторяя их, рассказать об удэгейцах и вообще об Амурском крае что-то новое и оригинальное»⁷¹. В ГДР книги Арсеньева используются и как хрестоматийный материал⁷².

В смысле популяризации этнографических сведений о народностях Дальнего Востока книги Арсеньева трудно переоценить — благодаря им он был и остается одним из самых читаемых этнографов. Более того, они привлекли внимание к дальневосточной теме не только читателей, но и многих писателей. «Мое путешествие в Южно-Уссурийский край, — писал Пришвин в книге «Золотой Рог», — началось с книги В. К. Арсеньева и особенно, когда при счастливой случайности сам автор этой известной и многими любимой книги встретился со мной лично и увлекательно рассказал о своем замечательном герое Дерсу Узала как о живом человеке»⁷³. А. А. Фадеев, сам в течение двенадцати лет живший на Дальнем Востоке и наблюдавший жизнь удэгейцев, все же считал необходимым использовать книги Арсеньева при создании романа «Последний из Удэге»: «Об этом народе (удэгейцах. — А. Т.) имеются прекрасные исследования В. К. Арсеньева и некоторых других... Я считал себя вправе использовать эти труды в своем романе»⁷⁴. Непосредственное влияние оказали книги Арсеньева на произведения ряда дальневосточных писателей и ученых-краеведов: Ю. И. Шестаковой, Д. Кимонко, А. И. Куренцова, В. П. Сысоева и др. Как писатель, Арсеньев по праву считается основоположником нового, краеведческого направления в советской научно-художественной литературе.

4

Не исключено, что когда-нибудь монография «Страна Удэхе» будет обнаружена и займет в науке надлежащее место. Тогда-то появится возможность дать исчерпывающую оценку этнографической деятельности Арсеньева. При отсутствии главного этнографического труда ученого попытаемся все же выяснить, в чем заключается основное отличие исследований Арсеньева от работ его предшественников, что нового внес он в изучение удэгейцев.

⁷⁰ ПФГО, ф. В. К. Арсеньева, оп. 3, № 81, л. 12. Письмо Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву от 8 апреля 1923 г.

⁷¹ Цит. по статье И. Лермана «Эти книги обогащают нас. Зарубежная печать о произведениях писателей-дальневосточников». «Дальний Восток», 1964, № 5, стр. 171.

⁷² И. Лерман. Указ. соч., стр. 170.

⁷³ М. М. Пришвин. Собрание сочинений в 6-ти томах, т. 2. М., 1956, стр. 804.

⁷⁴ А. А. Фадеев. О литературном труде. М., 1961, стр. 233.

До Арсеньева изучением удэгейцев основательно занимались только два исследователя: И. П. Надаров и С. Н. Браиловский, хотя и они в этом отношении по существу не были первыми. Русские землепроходцы XVII в., участники экспедиции Г. И. Невельского, М. И. Венюков, Н. М. Пржевальский, Палладий, Л. И. Шренк и многие другие исследователи оставили весьма ценные, но в большинстве случаев отрывочные сведения о коренных дальневосточных народностях (в том числе и об удэгейцах), с недостаточно четким употреблением этнонимов, почему зачастую бывает трудно понять, какую народность конкретно имели в виду авторы. Под названием орочей они обычно описывали орочей вкупе с удэгейцами, иногда только орочей и совсем редко — только удэгейцев. Разобраться в вопросах расселения удэгейцев и орочей, в численности тех и других в отдельности, а тем более уяснить конкретные различия в их материальной и духовной культуре по трудам этих авторов — задача сложная и подчас неразрешимая.

И только сведения И. П. Надарова (благодаря точно указанному району его исследований) и С. Н. Браиловского (впервые четко отграничившего удэгейцев от орочей) можно с большей долей уверенности отнести к удэгейцам⁷⁵. Однако первый автор все-таки называет их «орочами» и «ороченами» и не дифференцирует с настоящими орочами, а второй называет «тазами, или удихе», неправомерно объединяя тех и других. Таким образом, Арсеньев первым из исследователей стал изучать собственно удэгейцев и установил их истинное самоназвание, ставшее общепринятым.

Надаров и Браиловский изучали удэгейцев в течение ограниченного отрезка времени (соответственно в 1882—1883 и 1896—1897 гг.) и лично обследовали далеко не всю территорию их обитания. Первый прошел долины рек Имана, Бикина, Вака, Улахе, Даубихе в 1882 г. и рек Уссури, Сунгачи, Кии, Хора в 1883 г. Второй посетил долины рек Сяо-Судзухе и Та-Судзухе, Сучана в 1896 г. и побережье Татарского пролива от Владивостока до р. Копи в 1897 г. Как видим, оба исследователя не были ни на побережье севернее р. Копи, ни в Центральном Сихотэ-Алине; Надаров вообще не обследовал морского побережья, а Браиловский — западной границы расселения удэгейцев.

Арсеньев же покрыл густой сетью своих маршрутов почти весь Уссурийский край и особенно старался исследовать никем не посещенные районы, т. е. практически сумел охватить всю территорию обитания удэгейцев. Кроме того, исследования Арсеньева, длившиеся тридцать лет, хронологически продолжили наблюдения Надарова и Браиловского и стали важным этапом в изучении удэгейцев. Ему довелось наблюдать дальнейшую стадию разложения родового строя, а затем — и начальный процесс коренного переустройства всей жизни удэгейцев в связи с переходом к социализму, минуя капиталистическую фазу развития. И не только наблюдать, но и принимать в этом процессе непосредственное участие. Вообще этнографические исследования Арсеньева, постоянно жившего и работавшего на Дальнем Востоке сначала в военном ведомстве, а потом в Переселенческом управлении, имели непосредственную связь с практическими задачами обороны края и переселенческой политики. И в том и в другом случае необходимо было знание населения края, условий его жизни, занятий, быта и т. п. В послереволюционный период Арсеньев связывал свою этнографическую работу с задачами советского строительства, изучения и использования производительных сил Дальневосточного края⁷⁶.

Хотя в монографии Браиловского об удэгейцах⁷⁷ такие вопросы, как

⁷⁵ И. П. Надаров. Северо-Уссурийский край. «Записки РГО по общей географии», т. XVII, № 1. СПб., 1887; С. Н. Браиловский. Указ. соч.

⁷⁶ В. К. Арсеньев. Население как производительный фактор, стр. 50—77.

⁷⁷ С. Н. Браиловский. Указ. соч., стр. 129—216, 323—433.

этногенез, материальная культура, религиозные верования, не получили достаточно полного освещения, все же она довольно обстоятельна, компактна и носит характер завершенного труда. Арсеньев же, готовя большой труд «Страна Удэхе», в остальных своих работах, которые считал лишь подготовительными материалами к ней, во избежание повторений опускал этнографические обобщения и ограничивался только изложением предварительных результатов. Все теоретические рассуждения и выводы должны были войти в его монографию. Известная противоречивость в его освещении и толковании отдельных фактов свидетельствует о том, что по мере накопления им знаний об удэгейцах для него становилось неизбежным подчас иное, противоположное прежнему осмысление того или иного факта или явления, что вполне закономерно, — ведь ученый не стоял на месте, а постоянно находился в напряженном научном поиске, настойчиво добиваясь разрешения возникавших вопросов. Немалое значение в том, что он медлил с опубликованием монографии, имела и необычайно строгая требовательность к себе.

Но даже то, что было опубликовано Арсеньевым об удэгейцах, во многом дополняет и углубляет работы его предшественников и до настоящего времени остается одним из важнейших источников по этнографии Дальнего Востока. Умение же сочетать научную достоверность с изобразительным мастерством в этнографических описаниях составляет его исключительную черту. Знание им всех деталей быта и жизни удэгейцев было по достоинству оценено многими учеными. М. К. Азадовский на основании печатных работ Арсеньева и длительного личного общения с ним утверждал, что его «осведомленность в этих вопросах была совершенно исключительной и едва ли кто из лиц, занимавшихся этнографией Дальнего Востока, мог бы соперничать с ним в этом отношении»⁷⁸. Таков же и отзыв Л. Я. Штернберга: «Наиболее обстоятельно обследовал это племя (удэгейцев. — А. Т.) известный путешественник по Амурскому краю и исследователь В. К. Арсеньев, работавший над своим трудом около 25 лет. Труд этот («Страна Удэхе». — А. Т.) скоро будет опубликован»⁷⁹. К печатным трудам и рукописям путешественника советские этнографы обращались неоднократно: Б. А. Васильев, В. Г. Ларькин, Ю. А. и Л. И. Сем, В. С. Стариков и другие⁸⁰. В коллективном фундаментальном труде «Народы Сибири» (М. — Л., 1956) авторами соответствующего раздела С. В. Ивановым, А. В. Смоляк и М. Г. Левиным использованы главным образом работы Арсеньева.

Как к лучшему знатоку дальневосточных народностей обращались к Арсеньеву и кинематографисты, о чем уже упоминалось выше. Сохранился отзыв Музея антропологии и этнографии АН СССР об одном из фильмов, который приводим полностью: «Картина «Удэ» — научный документ, зафиксировавший отдельные моменты быта с полнотой и точностью, недоступной никаким иным средствам регистрации этнографических фактов. В этом смысле фильм «Удэ», как и всякая этнографическая картина, никогда не потеряет своего значения для науки, тем более что научным руководителем съемок был В. К. Арсеньев, наш лучший знаток быта удэхе»⁸¹.

Нет необходимости останавливаться на подробных и точных описа-

⁷⁸ М. К. Азадовский. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. В кн.: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 18.

⁷⁹ Л. Я. Штернберг. Этнография, стр. 159.

⁸⁰ См.: Б. А. Васильев. Старинные способы охоты у приморских орочей. СЭ, III. М. — Л., 1940; В. Г. Ларькин. Удэгейцы. Владивосток, 1958; Ю. А. и Л. И. Сем. У найцев и удэгейцев бассейна реки Бикин. «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», т. I, 1965.

⁸¹ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (1929), № 13, лл. 23—24. Отзыв без подписи и без даты. Судя по его местонахождению в фонде и в описи, относится к 1929 г. В репортерской заметке, опубликованной 15 января 1929 г. в «Ленинградской киногазете», сообщалось, что этот отзыв был направлен МАЭ в «Совкино».

ниях Арсеньевым форм и типов семьи, общественных отношений, особенностей материальной и духовной культуры, обычаев, нравов, религиозных верований удэгейцев — они широко известны даже неспециалистам в силу огромной популярности его книг. Обратимся лишь к одной из самых актуальных проблем этнографии, занимавшей пристальное внимание Арсеньева, — проблеме этногенеза дальневосточных народностей и непосредственно связанным с нею его этнографическим и археологическим исследованиям.

5

В связи с проблемой происхождения народностей Приамурья и Приморья перед Арсеньевым возникла необходимость изучения истории их расселения, миграций, взаимных контактов, родового состава каждой народности. Не менее важным было выяснение происхождения этнонимов, истинных самоназваний, а также названий каждой народности, бытующих у ее соседей. В той или иной степени все эти вопросы нашли отражение в этнографических исследованиях Арсеньева.

Уже в первой его научной работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (Хабаровск, 1912), в главе, посвященной населению, даны статистические сведения по состоянию на 1906—1910 гг. о численности и расселении удэгейцев и орочей (в отдельности). Сравнив свои сведения с данными предшественников, Арсеньев выявил достаточно четкую картину изменений в расселении этих народностей, впервые в литературе отметив тот факт, что передвижение их началось сравнительно недавно и то только в южной части Уссурийского края — на побережье Японского моря до мыса Олимпиады, по р. Уссури и по низовью ее притоков. Северная и центральная области Сихотэ-Алиня остались в этом отношении такими же, какими были во времена Л. И. Шренка и К. И. Максимовича. Движение шло главным образом в направлении с юга на север. Еще в середине XIX в. удэгейцы, например, обитали около Владивостока и около озера Ханка, а также по рекам Даубихе, Улахе и Ното. Но с течением времени часть из них ушла на север, а еще большая часть вымерла. Численность их по сравнению с 1897 г. значительно сократилась: по данным С. Н. Браиловского, удэгейцев было 2030 человек; в 1906—1910 гг. Арсеньев насчитал только 1411 человек.

Арсеньев обратил внимание на пережитки территориальных родов у орочей и удэгейцев, указав на связь названий некоторых родов с наименованием местности, где они обитали: например, род Копинка — от р. Копи, Ауканка — от бухты Аука и т. д.⁸² Некоторые сведения о родовом составе удэгейцев остались неопубликованными в путевых дневниках путешественника, в частности, о родах Санкака, Чонгодига и Бадига, живших на р. Санхобе (бухта Терней) и к настоящему времени совершенно исчезнувших⁸³.

Не занимаясь специально изучением ульчей, Арсеньев тем не менее впервые в русской литературе правильно объяснил происхождение этнонима «ульчи». Как известно, Штернберга тоже занимал этот вопрос, но он на него не ответил⁸⁴. «Ольчи», вернее ульчи, — писал Арсеньев, — есть название рода (хала) этих неизвестных полуорочей, полугольдов»⁸⁵.

⁸² В. К. Арсеньев. Наши американоиды. «Вестник Азии», № 38-39, стр. 331—335.

⁸³ В. Г. Ларькин. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев. КСИЭ, XXVII. М., 1957, стр. 38.

⁸⁴ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гоьды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 400.

⁸⁵ В. К. Арсеньев. Сочинения, т. V. Владивосток, 1948, стр. 103—104. К такому же выводу пришла и исследовательница ульчей А. В. Смоляк (А. В. Смоляк. Ульчи. М., 1966, стр. 14—15).

Здесь, как видим, очень метко подчеркнута Арсеньевым характерная черта родового состава ульчей — смешанность (большое число их родов составляют роды орокского и нанайского происхождения). Род «ульчи», или «ольчи», давший название всей народности, является, как известно, орокским по своему происхождению.

Следуя традиции русской этнографической школы, Арсеньев придавал большое значение сбору и изучению фольклорных произведений в комплексе с археологическими, этнографическими и лингвистическими материалами. Как известно, ни Н. М. Пржевальскому во время его путешествия в Уссурийский край в 1867—1869 гг., ни Палладию в его поездку по Дальнему Востоку в 1870—1872 гг. не удалось записать ни одного предания у местных народностей. Пржевальский полагал, что они не сохранились в народной памяти, а Палладий, хотя и слышал какие-то легенды, не считал нужным их записывать по той причине, что они носят «баснословный» характер. За время своих путешествий по Уссурийскому краю Арсеньев не пропускал случая записать все то, что сохранилось в памяти народа о его прошлом, расценивая фольклорные материалы как своеобразный исторический источник. Записанные им произведения различных видов устного народного творчества частично попали на страницы его печатных работ, некоторые остались в рукописных дневниках, а иные затерялись. Содержащиеся в фольклорных материалах сведения о прошлом изучаемых народностей Арсеньев пытался увязать с археологическими данными, а также с письменными источниками у народов соседних стран.

Из опубликованных им фольклорных материалов широко известно сказание о царе Куань-юне, жившем на р. Сучане. В работе «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» (1913)⁸⁶ даются полностью два варианта этой легенды, повествующей о междоусобной борьбе двух чжурчженских князей. Исследованиями советского археолога В. Е. Ларичева были подтверждены выводы Арсеньева о том, что основанием легенды послужили действительные события, некогда происходившие в жизни народа чжурчженей — предков маньчжуров и современных народностей Приамурья и Приморья⁸⁷.

Большое значение для науки имеет сказание о происхождении удэгейцев, записанное путешественником в 1907 г. и опубликованное в сокращенном виде в той же работе «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» (1913)⁸⁸. Наиболее полный текст сказания Арсеньев переслал в Томск Г. Н. Потанину в письме от 2 декабря 1916 г., отметив, что сказание «поразительно консервативно», и удэгейцы передают его до сих пор, как «истинную быль». В приложении к письму был переслан также материал по религиозным верованиям — «Звездный эпос» — космогонические мифы удэгейцев с объяснениями и схематическим рисунком (звездного неба) Арсеньева⁸⁹. Ему принадлежит также публикация легенды удэгейцев об одной из вершин Сихотэ-Алиня, горе Лао-хутун, — обители священных тигров⁹⁰.

⁸⁶ В кратком виде легенда передается и в книге «По Уссурийскому краю» (1921), а также в неопубликованном журнале заседания 26 февраля 1911 г. Русского военно-исторического общества, где Арсеньев делал сообщение о своих археологических исследованиях в Приморье в 1903—1907 гг. (см.: Архив Артиллерийского исторического музея в Ленинграде, ф. Русское военно-историческое общество, № 428, листы не нумерованы).

⁸⁷ В. Е. Ларичев. Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966. В этой книге дана сокращенная перепечатка варианта легенды, опубликованного Арсеньевым.

⁸⁸ В. К. Арсеньев. Сочинения, т. IV, 1947, стр. 308—309. Эта публикация была повторена с незначительными разночтениями в 1926 г. в брошюре «Лесные люди-удэгейцы» (В. К. Арсеньев. Сочинения, т. V, 1948, стр. 173—174).

⁸⁹ Архив АН СССР, Р. IV, оп. 63, № 16, лл. 3—6. Фотокопия письма В. К. Арсеньева к Г. Н. Потанину. Опубликовано с сокращениями Я. Р. Кошелевым в журнале «Сибирские огни» (1964, № 11, стр. 177—178).

⁹⁰ В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня. Сочинения, т. III, 1947, стр. 225—226.

Изучение фольклора с применением сравнительного метода помогало Арсеньеву проникать в тайну происхождения бесписьменной народности удэге. В письме к Н. В. Кюннеру от 7 декабря 1928 г. он писал: «...В сказках у них все, что появилось растительного, съедобного на земле, создано вороном, которого нельзя оскорблять словами, нельзя над ним издеваться. Среди переживаний у них есть такие, которых нет у маньчжур, но похожие мы видим у айнов и гиляков. В то же время в сказках их чувствуется влияние юга, может быть Чанбышаня⁹¹, и вообще Южной Маньчжурии. Удэге, по-видимому, какая-то сильно отунгусившаяся весьма древняя народность... Я прихожу к убеждению, что перед нами палеоазиаты, на которых много маньчжурских наслоений. Последние два года я и искал эти элементы (палеоазиатские) у удэгейцев и нашел их не только в этнографических пережитках, но и в языке»⁹².

При изучении удэгейского языка Арсеньеву пришлось столкнуться с заинтересовавшим его фактом: обыкновенную разговорную речь удэгейцев он понимал хорошо и сам овладел ею вполне, а язык песен, сказок и заклинаний шаманов оставался для него совершенно непонятным. Долго он не мог разобраться, в чем дело, но потом выяснил, что у удэгейцев, «кроме обыкновенного языка, есть еще воспоминания о своем прежнем, древнем языке, ныне утраченном под влиянием окружающих их соседей», что именно на этом древнем языке ведутся камлания в шаманстве, а отдельные слова этого языка помнят некоторые старики. Тогда Арсеньев стал собирать эти слова и решил составить словарь языка шаманов, надеясь, что «этот лингвистический материал прольет, может быть, свет на происхождение народа удэге»⁹³. Он обратил внимание и еще на одну языковую особенность удэгейцев: существование большого числа диалектов. С течением времени, указывает он, они смешались с окружающими их народами, получился ряд наслоений, отсюда «такое смешение языков. Почти на каждой реке удэге говорят на особом наречии. Прибрежные «удэге» плохо понимают «удэге с Бикина». Южные «удэге» едва могут объясняться с «удэге с р. Хора»... На больших реках, как, например, на Самарге, удэге, живущие внизу, плохо понимают своих же сородичей, живущих в верховьях»⁹⁴. Одним из существенных признаков дифференцирования удэгейцев и орочей Арсеньев считал различия в их языках, отмеченные им в статье «Этнологические проблемы на востоке Сибири» (1916)⁹⁵.

Для выяснения происхождения и расселения дальневосточных народностей он впервые в истории изучения края стал привлекать также топонимические предания, выясняя этимологию географических названий. В его многочисленных работах имеется довольно значительный топонимический материал, свидетельствующий об аборигенном происхождении дальневосточной топонимии.

В то время, когда Арсеньев начал работать над проблемой этногенеза современных дальневосточных народностей, Дальний Восток был еще слабо изучен, история его не была написана, а в отношении археологии он представлял собой почти не тронутую целину. Задавшись целью уяснить себе хотя бы в общих чертах историю Уссурийского края, начиная с древнейших времен и вплоть до XX в., он использовал не только русские источники, но и основательно изучил иностранные летописные известия, картографические материалы, легенды аборигенов края.

⁹¹ Чанбышань (Чанбошань, Чанпэксан) — плоскогорье в Маньчжуро-Корейских горах.

⁹² Архив ИЭ, ф. 8, оп. 6, № 22, листы не нумерованы.

⁹³ Архив АН СССР, ф. 723, оп. 1, № 8, л. 5. Письмо В. К. Арсеньева к А. А. Достоевскому от 29 октября 1911 г.

⁹⁴ В. К. Арсеньев. Военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901—1911. Сочинения, т. V, 1948, стр. 81.

⁹⁵ См.: В. А. Горцевская. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959, стр. 22.

Однако исследовать далекое прошлое Дальнего Востока, где жили главным образом бесписьменные народности, без привлечения археологических данных оказалось немислимо.

В. К. Арсеньев уделял постоянное внимание археологическому исследованию Дальнего Востока, выявляя археологические памятники, зарисовывая, классифицируя и картографируя их и лично производя раскопки.

Уже в первые свои поездки по районам Засучанья (1900—1903 гг.) Арсеньев открывает и описывает археологические памятники древнейших тунгусо-маньчжурских племен на реках Майхе, Цимухе и Кангаузе. Во всех последующих экспедициях и служебных поездках по Дальнему Востоку он непременно ставил наряду с другими задачами и археологическое изучение края. Уссурийская же экспедиция 1912 г. была посвящена специально археологическим целям. О ней не сохранилось почти никаких сведений, кроме небольшого газетного очерка, опубликованного Арсеньевым в 1912 г. в газете «Приамурье»⁹⁶. В этом очерке коротко изложены результаты экспедиции, во время которой были собраны сведения об археологических памятниках, расположенных по маршруту ст. Ишполитовка, Герценовка, через Сихотэ-Алинь к посту Ольги, бухта Кема, реки Тетюхе, Аввакумовка, снова через Сихотэ-Алинь и до р. Имана. Кроме того, были произведены раскопки древнего поселения близ с. Кремово. Материалы экспедиции частично использованы Арсеньевым в работе «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края»⁹⁷. Как эта, так и последующие печатные работы Арсеньева⁹⁸ послужили впоследствии отправной точкой для археологических исследований на Дальнем Востоке.

За время своей экспедиционной деятельности Арсеньев выявил, заснял топографически, зарисовал, сфотографировал и описал 228 археологических памятников на территории Приморья, сдал 1033 предмета археологических коллекций в Хабаровский и 965 предметов во Владивостокский музеи, значительную часть коллекций отправил в центральные музеи страны. Ему принадлежит одна из первых попыток (вслед за Ф. Ф. Буссе) классификации археологических памятников Приморья, позднее во многом уточненная советскими археологами А. П. Окладниковым, Э. В. Шавкуповым и В. Е. Ларичевым.

Однако не все результаты археологической деятельности путешественника попали на страницы печати. Самая большая, итоговая работа «Памятники старины Уссурийского края», над которой он трудился более 25 лет, не была издана, так как он считал необходимым осмотреть еще раз древности Засучанья, что ему, по-видимому, не удалось⁹⁹. Остались также неопубликованными и многие другие материалы, в том числе составленная им археологическая карта Дальнего Востока¹⁰⁰, работа «Классификация памятников старины в Уссурийском крае»¹⁰¹, а также значи-

⁹⁶ «Приамурье», 29.VI 1912; перепечатано в книге: В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 203—212.

⁹⁷ «Записки Приамурского общества востоковедения», вып. 1. Хабаровск, 1913, стр. 15—66.

⁹⁸ Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии. «Вестник Азии», № 38-39, стр. 340—345; Обследование Уссурийского края в археологическом и археогеографическом отношениях. «Известия Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела РГО», № 4. Никольск-Уссурийский, 1922, стр. 55—56; Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. «Записки Владивостокского отдела РГО», т. III, вып. II. Владивосток, 1929, стр. 273—296.

⁹⁹ Местонахождение рукописи этой работы неизвестно.

¹⁰⁰ См. письмо С. М. Широкогорова к Л. Я. Штернбергу от 22 сентября 1916 г. Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 68, лл. 103—105. Один из вариантов этой рукописной карты хранится в Архиве Приморского филиала Географического общества СССР.

¹⁰¹ В краткой автобиографии Арсеньева 1921 г. эта работа указана в числе готовых к печати (Архив ДВФ СО АН СССР, ф. 1, оп. 18, № 1, л. 4). Местонахождение рукописи неизвестно.

тельная часть сведений по средневековым памятникам в прибрежных районах Восточного Приморья, содержащихся в путевых дневниках 1906—1909 гг.¹⁰² Работа «Археологические раскопки на полуострове Песчаном», которые Арсеньев производил в 1921 г., была опубликована в 1963 г. А. П. Окладниковым¹⁰³.

Большое внимание уделял Арсеньев организации археологической науки на Дальнем Востоке. Он был одним из первых, кто поднял вопрос о запрещении самовольных раскопок и об охране памятников старины на территории Дальневосточного края. В 1914 г. по его инициативе при Приамурском отделе РГО было организовано Отделение археологии, истории и этнографии, объединившее более тридцати местных исследователей. В 1916 г. он совместно с С. М. Широкогоровым и А. З. Федоровым составил общий план археологических исследований в крае, основной идеей которого была концентрация местных сил и средств, проведение планомерных разведок и раскопок, а также охрана памятников старины¹⁰⁴. Но мечты Арсеньева и других ученых о серьезной постановке археологической работы в крае осуществились только в годы Советской власти.

На основании литературных и архивных источников, а также собственных археологических и этнографических исследований в крае Арсеньев в ряде работ дает глубокие исторические экскурсы. Ему принадлежит одна из первых попыток дать периодизацию истории Уссурийского края, в целом не вызвавшую возражений, хотя в ней были допущены отдельные ошибки в указании крайних дат некоторых периодов¹⁰⁵.

Дальний Восток, по мнению Арсеньева, не был в далеком прошлом диким пустынным краем, здесь жили многочисленные местные племена, имевшие в средние века свои сильные государства и высокую самобытную культуру. Позднее, в XIII—XVII вв., край в силу ряда исторических причин (нашествие монголов, частые эпидемии, опустошительные набеги маньчжурских военных отрядов) стал приходить в упадок и запустение. В XVII в. В. Поярков, Е. Хабаров, О. Степанов и другие землепроходцы, положившие начало исследованию и освоению русскими людьми Приамурья и Приморья, застали здесь только редкие местные независимые племена, говорившие на тунгусо-маньчжурских языках, не входившие ни в одно из государственных объединений. В результате естественного хода исторического развития и благодаря труду и энергии русских людей край вместе с его немногочисленным населением в 1860 г. вошел в состав России. Этот исторический момент имел огромное прогрессивное значение для всей дальнейшей судьбы местных народностей и самого края. Проследив, таким образом, историческую судьбу аборигенов края, Арсеньев мог чувствовать себя более подготовленным для исследования этногенеза удэгейцев.

В дореволюционной литературе существовало несколько точек зрения на происхождение народностей Дальнего Востока. Л. И. Шренк считал родиной орочей (а следовательно, и удэгейцев) Корею; Л. Я. Штернберг указывал на север; П. П. Шмидт был склонен совмещать обе эти точки

¹⁰² А. В. Арсудяева. Сведения о средневековых памятниках Приморья вдоль восточного побережья Японского моря из неопубликованных материалов В. К. Арсеньева. В сб.: «Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока», вып. II. Владивосток, 1962, стр. 13—15.

¹⁰³ В кн.: А. П. Окладников. Древнее поселение на п. о. Песчаном у Владивостока. МИА, № 112, 1963, стр. 329—338.

¹⁰⁴ См. письмо С. М. Широкогорова к Л. Я. Штернбергу от 2 сентября 1916 г. Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 68, л. 94.

¹⁰⁵ См. его работы: «Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии». «Вестник Азии», № 38-39, стр. 340—345; «В горах Сихотэ-Алиня». Сочинения, т. III, стр. IX—XXII; «Ancient Manchuria». «The China Journal», IX. Шанхай, 1929, стр. 140—141 (на англ. яз.: не указана ни в одном библиографическом списке); «Лесные люди-удэгейцы» и др.

зрения; Палладий же и С. Н. Браиловский настаивали на южном их происхождении.

Арсеньев, впервые касаясь этого вопроса в работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (1912), еще не высказывает собственной точки зрения, а ограничивается констатацией факта отсутствия точных сведений о происхождении удэгейцев и появлении их в Уссурийском крае, так как «слишком отдаленна и незапамятна та эпоха»¹⁰⁶. Спустя несколько лет он, причисляя теперь удэгейцев к палеоазиатам, снова проводит мысль об аборигенном происхождении удэгейцев и родственных им народностей, но указывает, что они подвергались влиянию со стороны айвов, тунгусов и других соседних народов¹⁰⁷. В работе «Этнологические проблемы на востоке Сибири» (1916) Арсеньев сделал попытку увязать проблему этногенеза дальневосточных народностей с гипотезой о древнем передвижении части монголо-маньчжурских народов из Центральной Азии на восток, в частности на Амур и Уссури. Однако на вопрос, кто такие удэгейцы, в этой работе он не дает определенного ответа, указывая, что по языку они — тунгусы, а по этнографическим признакам — «американоиды», или палеоазиаты¹⁰⁸. Позднее, в работе «Лесные люди-удэгейцы» (1926), Арсеньев как будто стал склоняться к гипотезе о южном происхождении удэгейцев и орочей, но, по-видимому, она все же не нашла достаточных оснований для своего подтверждения. В письме к Н. В. Кюнеру от 7 декабря 1928 г. Арсеньев снова возвращается к предположению, что удэгейцы — палеоазиаты со множеством разных наслоений: айвских, нивхских, маньчжурских и др. Через год, подтвердив это предположение, он добавляет: «Палеоазиаты Восточной Сибири являются остатками древнейшего населения этой части Азиатского материка»¹⁰⁹.

Из всего сказанного ясно, что Арсеньев не пришел к окончательному выводу относительно происхождения удэгейцев и других дальневосточных народностей. Сознвая недостаточную изученность этого вопроса, он продолжал заниматься им, по-видимому, до конца жизни. Возможно, в монографии «Страна Удэхе» его точка зрения была бы сформулирована с большей определенностью. Наиболее ценны в его высказываниях указания на происхождение народностей Дальнего Востока на аборигенной основе.

Происхождение местных народов Дальнего Востока до сих пор не вполне изучено, хотя советские этнографы, антропологи и археологи сделали в этом отношении очень много. Теперь несравненно более подробно изучен родовой состав многих дальневосточных народностей, в том числе удэгейцев. Основной взгляд Арсеньева о смешанном происхождении удэгейцев нашел подтверждение в трудах современных советских исследователей. Так, М. А. Сергеев указывает на то, что дальневосточные народности сложились в результате взаимодействия аборигенов Приамурья и народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках, что в «формировании их участвовало предположительно несколько крупных компонентов: палеоазиаты (гиляки — нивхи), айну, монголы, тунгусы, маньчжуры»¹¹⁰. В. Г. Ларькин, использовавший неопубликованные дневники Арсеньева при классификации удэгейских родов, также подтвердил мнение В. К. Арсеньева: «При формировании удэгейской народности в ее состав вошли компоненты древнейших насельников Приморской области (палео-

¹⁰⁶ В. К. Арсеньев. Сочинения, т. V, 1948, стр. 80.

¹⁰⁷ В. К. Арсеньев. Наши американоиды, стр. 331—335.

¹⁰⁸ В. К. Арсеньев. Этнологические проблемы на востоке Сибири. «Вестник Азии», № 38-39, стр. 50—76.

¹⁰⁹ Архив Хабаровского краевого музея. Письмо В. К. Арсеньева к уполномоченному Главнауки от 30 октября 1929 г. (без шифра).

¹¹⁰ М. А. Сергеев. Исследование народов Дальнего Востока в советскую эпоху. «Дальний Восток», 1947, № 4, стр. 86.

азиятов), южных и северных тунгусов, а также айнский и солонский элементы»¹¹¹.

Изучением удэгейцев и их этногенеза не исчерпывается этнографическая деятельность Арсеньева. Ему принадлежат научно достоверные и высокохудожественные описания жизни и быта орочей, нанайцев, тунгусов (эвенков), а также русского старожильского населения Приамурского края. После путешествий на Камчатку (1918, 1922, 1923) он выступал с лекциями, посвященными жизни коренного населения Камчатки и Гижигинского района.

Научное наследие Арсеньева еще не собрано воедино, многие его работы стали библиографической редкостью, а некоторые остались неопубликованными и затерялись. Исключительно ценную часть его научного наследия представляют неопубликованные путевые дневники, записные книжки, словарные записи, фотографии, карты, рисунки. Весь этот богатый, разнообразный, уникальный по своему значению этнографический материал, к которому обращались отдельные исследователи (А. П. Окладников, В. Г. Ларькин, А. П. Деревянко, Ю. А. Сем и др.), ждет опубликования. В нашей печати не раз указывалось на необходимость издания полного собрания сочинений Арсеньева¹¹².

6

Говоря об Арсеньеве как этнографе, нельзя не коснуться его собирательской, музейной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности.

За время работы в должности директора Хабаровского краеведческого музея (1910—1918, 1924—1926 гг.) и заведующего этнографическим отделом Владивостокского музея Арсеньев значительно пополнил коллекции и книжные фонды этих музеев, организовал составление каталогов, проводил экскурсии и читал лекции. Одним словом, сделал музеи подлинными очагами культуры. «Я лично люблю свой музей (Хабаровский.— А. Т.) и работаю там ежедневно с 2-х до 7 час. пополудни. Относительно айнов я вошел в связь с Токийским музеем и думаю, что кое-что мне удастся заполучить оттуда»¹¹³, — писал он в 1913 г. Д. Н. Анучину. «Наш музей значительно пополнился, — читаем в его письме к Л. Я. Штернбергу, написанном в начале 1914 г. — ...Этнографический отдел — лучший во всей Сибири!»¹¹⁴

Объективность этой оценки становится особенно очевидной при знакомстве с отзывами многих знатоков музейного дела (Л. Я. Штернберга, Ф. Нансена, С. М. Широкогорова). Кроме известных опубликованных отзывов, о Хабаровском музее имеются сведения в переписке ученых¹¹⁵.

Читинскому музею Арсеньев подарил выполненные по его заказу этнографические картины художников А. Н. Клементьева и К. П. Трофимова, изображающие одежду и облик коренных дальневосточных народностей. Картины (их было десять) снабжены его пояснениями и картами расселения отдельных народностей. Они экспонировались на сельскохозяйственной и промышленной выставке 1923 г. в Москве и стали известны за рубежом. Американский журнал «Natural History» в 1924 г. издал шесть картин с краткими пояснениями Арсеньева¹¹⁶. Позднее

¹¹¹ В. Г. Ларькин. Удэгейцы, стр. 7.

¹¹² Н. Е. Кабанов. Литературный и научный фонды В. К. Арсеньева. В кн.: В. К. Арсеньев. Сочинения, т. VI, 1949, стр. 259; Н. Задорнов. Увековечить память В. К. Арсеньева. «Литература и жизнь», 11.VI 1958; Е. Д. Петряев. Вперед — огни. Иркутск, 1968, стр. 319.

¹¹³ А. И. Васина. Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину. «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 184.

¹¹⁴ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 220.

¹¹⁵ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 2, № 116, лл. 1—2.

¹¹⁶ «Natural History». New York, 1924, № 6, p. 713—717.

четыре из них с добавлением еще двух других картин были напечатаны В. К. Арсеньевым и Е. И. Титовым в книге «Быт и характер народностей Дальневосточного края»¹¹⁷. К сожалению, Читинский музей сохранил только одну из десяти картин («Гольды»), остальные утрачены¹¹⁸.

Широко известны этнографические сборы путешественника для центральных музеев страны — московских и ленинградских. «...Свои сборы по этнографии я *никогда не продаю*, а жертвую... Музей — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»¹¹⁹, — писал он в Музей антропологии и этнографии Академии наук в 1913 г. Каждый предмет снабжался им подробным описанием. Насколько внимательно относился Арсеньев к собиранию этнографических коллекций, свидетельствует его письмо к Б. Ф. Адлеру от 14 августа 1910 г., говорящее и о том, как стеснен был он в материальных средствах на экспедиции в дореволюционное время: «...Я рад буду, если мне удастся оказать Вам помощь в приобретении коллекций по этнографии (для Этнографического отдела Русского музея. — А. Т.). У меня очень обширное знакомство с гольдами, ольчами, кекарями и орочами. Они постоянно бывают у меня, если случайно приезжают в Хабаровск. Я могу им заказать привезти то или другое. Но мое мнение: такие коллекции по заказу теряют 50—75% своей ценности (научной); совсем другое дело, если они взяты на месте непосредственно из обращения, тогда они могут быть точно фиксированы о своей цели и о назначении. Я из опыта увидел, что инородцы на заказ делают вещи не так, как для себя. Например, «севохи»¹²⁰ они всегда искажают, стараются придать ему смешной, комический вид и т. д. Во время своих путешествий я не имел больших денежных средств на покупку коллекций, все же мне удалось собрать много интересного у орочей... Помню на реке Кусун священное дерево, все покрытое резьбой, орнаментами, барельефами и все увешанное «севохи». У меня не было средств на наем лодки (я шел с котомкой), и потому оно осталось на месте. Там же, на той же реке, около устья притока Уленгоу, я видел колоссального «севохи» в две сажени величиною. Он порастил меня своей оригинальностью и своими резными украшениями. Это было в 1907 г. Я не имел средств перевезти его, то есть нанять собак и нарты. В эту зиму я с трудом дошел до Бикина: средства мои иссякли»¹²¹.

Общий вклад Арсеньева в дело пополнения коллекций центральных и местных музеев очень велик, что не раз отмечалось в литературе¹²²; добавим лишь, что многие доставленные им экспонаты остаются уникальными.

Арсеньев неустанно на протяжении всей своей деятельности пропагандировал этнографические знания: выступал с лекциями, докладами, привлекал к работе местную интеллигенцию, рассылал программы и анкеты для сбора этнографических сведений даже в самые глухие уголки Дальневосточного края.

В 1913 г. он организовал кружок любителей этнографии в Хабаровске, участниками которого были фольклорист М. К. Азадовский, этнограф И. А. Лопатин, искусствовед А. Н. Свирин и др.; на еженедельных субботних заседаниях кружка, происходивших на квартире того или иного участника, а нередко и самого Арсеньева, изучали русскую и иностран-

¹¹⁷ В. К. Арсеньев и Е. И. Титов. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток, 1928, стр. 33, 35, 37, 41, 53, 64.

¹¹⁸ Е. Д. Петряев. Указ. соч., стр. 303.

¹¹⁹ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹²⁰ Севохи — изображения злых духов.

¹²¹ Архив ГМЭ, С—11, № 780 (503), лл. 1—2.

¹²² Т. К. Шафрановская. Чудес палата. Л., 1967, стр. 42—51; сб. ст. «Страны и народы Востока», вып. VI. М., 1968, стр. 10—11; П. И. Каралькин. Письма В. К. Арсеньева. «Труды ДВФ СО АН СССР», серия историческая, Благовещенск, 1963, стр. 162—164; Н. М. Могилянский. Этнографический отдел Русского музея... ЖС, 1911, вып. III—IV, стр. 487.

ную литературу, вели беседы на актуальные темы этнографии Дальнего Востока. Литературу для кружка высылал обычно из Петербурга Л. Я. Штернберг, в письмах к которому Арсеньев сообщал, что кружковцы «прошли весь курс Харузина и Шурца» и намереваются прочесть Леббока и Тейлора¹²³. Через год кружок влился во вновь созданное по инициативе Арсеньева Отделение археологии, истории и этнографии при Приамурском отделе РГО.

Начавшаяся первая мировая война приостановила деятельность дальневосточных научных обществ. В период интервенции Приамурский отдел РГО и Музей общества изучения Амурского края были закрыты. Но даже в этих условиях Арсеньев сумел организовать до Владивостоке научный кружок¹²⁴.

После окончательного установления Советской власти на Дальнем Востоке не только возобновилась, но и приняла невиданный до тех пор размах деятельность дальневосточных научных обществ и учреждений, в чем Арсеньев принял самое горячее участие. В 1928 г. он был приглашен в число научных сотрудников Этнографической секции Тихоокеанского комитета Академии наук СССР (Ленинград) и, оставаясь во Владивостоке, принимал активное участие в ее работе. На основании его письменных докладов Тихоокеанский комитет принял решение об организации в своем составе Дальневосточной комиссии (с этнографической секцией при ней) во главе с «известным исследователем побережья Тихого океана В. К. Арсеньевым»¹²⁵. Ему удалось создать обширную корреспондентскую сеть на Дальнем Востоке. К 22 декабря 1928 г. Арсеньев написал 475 писем лицам, причастным к этнографической работе. Он был непереманным участником всех краевых конференций и съездов по изучению производительных сил, по организации науки и научных исследований на Дальнем Востоке, настаивал в своих докладах на необходимости планирования и координации научных работ. Особенно ценным было его участие в организации и проведении переписи населения 1926—1928 гг.¹²⁶

Преподавательской деятельностью Арсеньев начал заниматься еще в дореволюционный период. Об этом свидетельствуют две его печатные работы, не вошедшие ни в один из библиографических списков трудов путешественника¹²⁷, а также его переписка с Л. Я. Штернбергом. «Этим летом, — сообщает ему Арсеньев в 1913 г., — я занимался с группой студентов и курсисток, которые в Петербурге слушали Ваши лекции по этнографии»¹²⁸.

Не имея официального диплома о высшем образовании, Арсеньев после Октябрьской революции стал одним из видных преподавателей дальневосточных вузов: профессором педагогического института им. К. Д. Ушинского и доцентом Дальневосточного государственного университета во Владивостоке, где читал курсы лекций по истории первобытной культуры, по археологии, антропологии и этнографии¹²⁹, проводил со

¹²³ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 220, 222.

¹²⁴ Неопубликованная рукопись воспоминаний профессора Свердловского университета М. О. Клера, переданная им автору данной статьи.

¹²⁵ Архив АН СССР, ф. 58, оп. 1, № 9, лл. 7—8. Письмо В. М. Алексеева к председателю Тихоокеанского комитета В. Л. Комарову от 29 января 1929 г.

¹²⁶ В помощь учетчикам В. К. Арсеньев напечатал статью «Тазы и удэхе» («Статистический бюллетень Дальневосточного статистического управления», 1926, № 1, стр. 20—26).

¹²⁷ «Сообщение об Уссурийском крае, читанное гардемаринам Отдельных гардемаринских классов в городе Владивостоке подполковником В. К. Арсеньевым 8 августа 1915 г.». Пг., 1916. Эта работа была напечатана литографическим способом. В настоящее время известны два ее экземпляра, хранящиеся в ПФГО и в ГБЛ: «Ученическая экскурсия на хребет Хехцир воспитанников Хабаровского реального училища осенью 1914 г. под руководством подполковника Вл. К. Арсеньева». «Приамурский школьный листок», Хабаровск, 1917, № 4, стр. 17—25; № 5, стр. 22—27.

¹²⁸ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹²⁹ Краткие программы этих курсов опубликованы в «Ежегоднике Государствен-

студентами экскурсии в окрестностях Владивостока, предоставлял некоторым из них возможность участвовать в своих экспедициях и археологических раскопках. Кроме того, он преподавал краеведение в мореходном училище во Владивостоке, в Хабаровском педагогическом техникуме, читал лекции в Хабаровском и Владивостокском народных университетах, во Дворце труда, в Доме знания и свободы у рабочих на Первой речке во Владивостоке¹³⁰. О преподавательском и лекторском мастерстве Арсеньева писали многие из его слушателей и учеников, и, как бы обобщая все эти свидетельства, один из них заключает: «Для учителей Приморья Арсеньев поучителен как образец мастера-педагога»¹³¹.

В годы развернувшегося социалистического строительства на Дальнем Востоке особенно ощущалась нехватка специалистов с высшим образованием. Арсеньев всячески старался поощрять молодых людей, оканчивающих московские и ленинградские вузы, желающих ехать на работу в Дальневосточный край. «Посылайте к нам вашу молодежь,— обращается Арсеньев к проф. МГУ А. А. Борзову в письме от 26 октября 1928 г.— Я сделаю для них все, что сумею и что только будет в моих силах»¹³².

Особенно большое внимание он уделял начинающим этнографам. Выпускники Ленинградского университета через профессора Л. Я. Штернберга были связаны с Арсеньевым, получая от него помощь не только в научном отношении, но и при устройстве на работу, в обеспечении жильем и т. д.¹³³ В 1929 г. он сообщает проф. В. Г. Богоразу в Ленинград: «Два дня инструктировал вашу молодежь, приехавшую к нам для работ на северо-востоке Азии»¹³⁴.

Сохранились письма работавших в то время на Дальнем Востоке молодых этнографов Н. К. Каргера, Е. П. Орловой, Н. А. Серк и других к своим профессорам Штернбергу и Богоразу, в которых они рассказывают об Арсеньеве, входившем во все их интересы и нужды. «Сегодня проводил В. К. Арсеньева во Владивосток,— писал Н. К. Каргер к Л. Я. Штернбергу 3 июня 1926 г.— Поразительно милый и симпатичный человек; ему мы очень многим обязаны. Вообще надо сказать, что прием, нам оказанный, как со стороны властей, так и со стороны научных учреждений, не оставляет желать ничего лучшего. Хочется скорее приступить за работу. Сшили здесь себе два полога по указаниям В. К. Арсеньева»¹³⁵.

Следует отметить, что в первое десятилетие советского строительства на Дальнем Востоке на плечи молодых этнографов легла огромная, трудная работа в связи с созданием необходимых экономических и политических предпосылок для приобщения местных народов к новой жизни, для проведения культурной революции. Им принадлежит большая заслуга в осуществлении первой в истории переписи населения на востоке и крайнем северо-востоке страны в 1926—1928 гг. Несмотря на территориальную разбросанность национальных районов, отсутствие транспортных средств, тяжелые материально-бытовые условия жизни, первые посланцы советских вузов на Дальнем Востоке с честью выполнили свои задачи. В этом немалую помощь оказал им Арсеньев.

Характерной чертой Арсеньева-этнографа является гуманистическая направленность его деятельности, подчинение ее передовым обществен-

ного педагогического института им. К. Д. Ушинского за 1921—1922 гг.» (Владивосток, 1922, стр. 86, 88—89, 121—122).

¹³⁰ Архив ДВФ СО АН СССР, ф. 1, оп. 18, № 1, лл. 12—15.

¹³¹ Е. Терешенков. Если пойти по маршруту Арсеньева... «Красное знамя», 22.V 1947.

¹³² Подлинник письма В. К. Арсеньева к А. А. Борзову хранится в архиве семьи А. А. Борзова.

¹³³ См. письмо В. К. Арсеньева к Л. Я. Штернбергу. В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 229.

¹³⁴ Архив АН СССР, ф. 250, оп. 4, № 18, л. 4.

¹³⁵ Архив АН СССР, ф. 282, оп. 2, № 132, листы не нумерованы.

ным идеям. Как «типичный и яркий представитель русской этнографической школы»¹³⁶, давшей миру блестящую плеяду этнографов-гуманистов, Арсеньев еще в дореволюционное время не ограничивался ролью бесстрастного исследователя и наблюдателя быта изучаемых им народностей, а был их подлинным другом, защитником, борцом за их человеческие права. Ему были ненавистны расистские теории, допускающие разделение человечества на так называемые высшие и низшие расы, оправдывающие порабощение и эксплуатацию одних народов другими. ««Дикарей», «диких людей» и «диких народов» нет вовсе, — писал Арсеньев, — есть народы «малокультурные» и народы «с высокой культурой»... Мышление так называемого дикаря несколько не ниже мышления европейца... Человечество на земном шаре едино»¹³⁷.

Арсеньев хорошо понимал хищническую сущность европейских и американских колонизаторов. «В Америке, — гневно заявлял он, — было не вымирание индейцев, а вырезание их, избивание целых племен, причем уничтожению подвергались не самые жалкие и робкие племена, а наиболее свободолюбивые, жизнеспособные и гордые. Это мрачное пятно навсегда останется на совести европейцев»¹³⁸.

До сих пор среди нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев бытуют легенды о «русском капитане», защищавшем их в царское время от произвола местной администрации и чиновников, от нападений хунхузских шаек, от обмана русских и иноземных скупщиков пушнины. В первые же годы странствий Арсеньева по Уссурийскому краю его имя стало очень популярным среди местного населения. За его искреннее сочувствие тяжелому положению народов Дальнего Востока, за гуманное отношение к ним, за справедливость и дружеское внимание Арсеньев стал для них «старшим братом», «судьей» (так нередко они его называли), который всегда по справедливости рассудит правого и виноватого, даст полезный совет, выручит из беды. Местные обитатели огромного края — удэгейцы, орочи, нанайцы, русские крестьяне-староверы — следили за маршрутами арсеньевских экспедиций, всегда готовые прийти ему на выручку. Как правило, проводниками его экспедиций были коренные жители тайги, прекрасные охотники, сильные, мужественные люди. Дерсу Узала не раз спасал самого путешественника от гибели. В знак благодарности и дружбы Арсеньев дарил своим проводникам ружья, патроны, ходатайствовал о награждении их медалями и с большой теплотой рассказывал о них на страницах своих книг. Получал подарки от своих друзей и Арсеньев. «Среди населения я имею много друзей, — писал он проф. А. А. Борзову, — и очень люблю, когда люди, приехавшие из гор, заходят ко мне поделиться новостями... Один тунгус прислал мне клочок шерсти мамонта золотисто-рыжего цвета, другой — чертеж с местонахождением кургана, третий — каменный топор с фасетками, четвертый уведомил о находке метеорита»¹³⁹. А Дерсу Узала подарил путешественнику «плантацию» женьшеня — несколько экземпляров этого растения, посаженных им в верховьях р. Даубихе. Правда, собрать урожай с этой плантации не пришлось: Дерсу вскоре погиб (убит грабителями в 1908 г. в горах Хехцира), а кроме него, никто не знал о ее местонахождении. Зато в наши дни там, где бродил Дерсу, найдено несколько таких плантаций. Предполагают, что их создавал именно он, аккуратно рассаживая созревшие семена «корня жизни».

Конечно, в вопросе о народах Дальнего Востока он отнюдь не ограничивался рамками своего личного, индивидуального отношения к ним,

¹³⁶ М. К. Азадовский. Указ, соч., стр. 21.

¹³⁷ Архив Хабаровского краевого музея. Письмо В. К. Арсеньева к уполномоченному Главнауки от 30 октября 1929 г. Без шифра.

¹³⁸ Цит. по кн.: Н. Роголь. Указ, соч., стр. 47—48.

¹³⁹ Письмо В. К. Арсеньева к А. А. Борзову от 10 апреля 1929 г. Подлинник хранится в архиве семьи А. А. Борзова.

а открыто, во весь голос выступал в защиту прав «лесных людей», обреченных царизмом на вымирание. В 1913 г., выступая на I съезде врачей Приамурья, он показал всю ничтожность организации «помощи» аборигенам края, проводившейся царским правительством. В частности, характеризуя попытку организовать медицинскую помощь, он с горечью констатировал, что один врач на всю Камчатку, Анадырь и Чукотский полуостров — это не помощь. Доклад его на этом съезде был вскоре опубликован и вызвал большое сочувствие в передовых общественных кругах¹⁴⁰. Своими смелыми выступлениями по «инородческому вопросу» путешественник приобрел не только многочисленных друзей, но и врагов, прежде всего в лице приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, наложившего своеобразное «вето» на его исследовательскую и общественную деятельность. Арсеньев дал должную оценку этому «правителю» в письме к Л. Я. Штернбергу от 15 июня 1916 г.¹⁴¹

Выше указывалось, что после свержения царизма и прихода к власти Временного правительства Арсеньев был назначен на должность комиссара по делам инородцев и горячо взялся за эту работу. Он составил план самых неотложных мероприятий по улучшению жизни народностей Дальнего Востока, организовал обследование условий быта нивхов, проживающих в низовьях Амура, разработал программу работ с указанием порядка их очередности на ближайшие два года, представил несколько докладов комиссару Временного правительства по делам Дальнего Востока, в которых дал обстоятельный анализ взаимоотношений нивхов-рыболовов с эксплуатирующими их рыбопромышленниками, арендаторами засолен и перекупщиками рыбы, а также предложил конкретные меры по борьбе с этими хищниками¹⁴². Однако никакой поддержки со стороны властей по осуществлению намеченных работ Арсеньев не встретил. Для него стало ясно, что Временное правительство вовсе не намерено освобождать «инородцев» от национального гнета, от эксплуатации, что изменить коренным образом их тяжелое положение невозможно, а «вертеть далее колесо, от которого нет привода», бессмысленно. Он писал акад. С. Ф. Ольденбургу 20 декабря 1922 г.: «Новое правительство назначило меня комиссаром туземных народностей Приамурского края. Я согласился... Скоро, однако, я увидел, что при том хаосе и безначалии, которые царили тогда, сделать что-либо невозможно. Быть шефом и безучастным свидетелем безобразий, которые творили над ними, я не мог и потому добровольно сложил с себя это звание»¹⁴³.

Во время изгнания интервентов и белогвардейцев из Приморья нашлись «доброжелатели», делавшие попытку запугать «бывшего царского офицера и комиссара Временного правительства» В. К. Арсеньева приходом к власти большевиков и предлагавшие ему покинуть Россию. На это он решительно ответил: «Я — русский. Работал и работаю для своего народа. Незачем мне ехать за границу»¹⁴⁴. После окончательного установления Советской власти на Дальнем Востоке ученый-патриот Арсеньев отдал свои знания по этнографии практике национального строительства среди народностей Дальневосточного края. Уже в 1923 г. с его участием была разработана этнографическая карта Дальнего Востока, составлены стати-

¹⁴⁰ В. К. Арсеньев. Вымирание инородцев Амурского края. «Труды I съезда врачей Приамурского края 23—28 августа 1913 г.» «Материалы по изучению Приамурского края», вып. XX. Хабаровск, 1914, стр. 337—353.

¹⁴¹ В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге, стр. 226.

¹⁴² Протокол совещания по вопросу о выработке программы работ по инородческим делам, состоявшегося под председательством комиссара В. К. Арсеньева 17 июня 1917 г.; инструкция помощникам комиссара по инородческим делам для работы на местах летом 1917 г.; два доклада В. К. Арсеньева комиссару Временного правительства по делам Дальнего Востока от 12 августа 1917 г. — все в копиях — хранятся в Архиве АН СССР, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 71, лл. 60—69.

¹⁴³ Архив ЛО ИВ АН СССР, Р. 2, оп. 3, № 27, л. 1.

¹⁴⁴ В. Кучерявенко. Два ответа В. К. Арсеньева. «Красное знамя», 27.IX 1947.

стические таблицы расселения части местных народов. Даже такие частные вопросы, как преподавание в школе на острове Беринга алеутским детям арифметики или оплата труда учителей, не прошли мимо внимания путешественника, когда он в 1923 г. находился на Командорских островах¹⁴⁵. На заседании коллегии Дальневосточного отдела народного образования 11 ноября 1924 г. Арсеньев сделал доклад о культурно-просветительной работе на Дальнем Востоке, в котором он предложил организовать училищно-медико-торговые учреждения как базы для культурно-просветительной работы среди «туземцев». На заседании было постановлено одобрить его предложение и «для проработки вопроса и плана работ» организовать комиссию во главе с Арсеньевым¹⁴⁶. Эта комиссия проделала большую работу по подготовке открытия школ, факторий и медицинских пунктов.

Работа в таких учреждениях, как Туземный подотдел Дальневосточного революционного комитета, отдел «Территория, природа, население» Кабинета народного хозяйства Дальплана, Дальневосточное районное переселенческое управление, Комитет содействия народам Севера при Далькрайисполкоме, позволяла Арсеньеву заниматься самыми важными вопросами переустройства жизни и быта местного населения. Принимая участие как консультант в Сихотэ-Алинской экспедиции, организованной Дальневосточным районным переселенческим управлением в 1928 г., Арсеньев докладывал управлению, что руководимая им группа просмотрела в окружном архиве 241 дело¹⁴⁷. «Сейчас я веду интересную работу, — писал он, — которая заключается в нанесении на карту пунктов поселения ... на территории Дальневосточного края. Получится несколько карт. Кроме того, по поручению Владивостокского отделения Географического общества, Владивостокского музея и научно-исследовательского института при Дальневосточном университете я организую по всему Дальнему Востоку корреспондентскую сеть, чем достигается связь географической работы в городе с работниками на местах. Из массы корреспондентов я думаю отобрать лучших и привлечь их к работам по этнографии»¹⁴⁸. Просматривая документы дальневосточных учреждений и организаций 20-х годов, нетрудно убедиться в том, что буквально ни один краевой съезд, ни одно совещание или заседание, связанные с вопросами народнохозяйственного значения, не проходили без участия Арсеньева. В 1929 г. он избирался делегатом на 3-й Дальневосточный краевой съезд Советов и делегатом на 3-й Владивостокский съезд Советов.

Арсеньеву довелось быть не только свидетелем и «летописцем» тяжелого прошлого народов Дальнего Востока, но и очевидцем, участником великого перелома, совершавшегося в их жизни в условиях национального равенства всех народов страны социализма.

За короткий исторический срок после Великого Октября народы Дальнего Востока в своем развитии прошли огромный путь. Навсегда канули в вечность нищета, бесправие, эксплуатация, жесточайшие эпидемии. Современный быт удэгейцев, орочей, нанайцев, нивхов и других бесписьменных в прошлом дальневосточных народностей в культурном отношении по сути не отличается от быта остальных народов нашей страны.

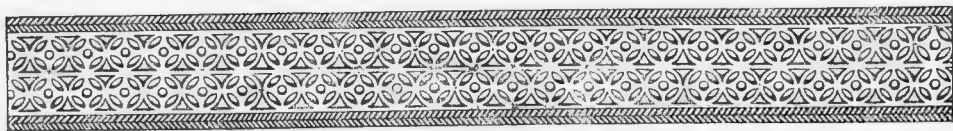
Ради этого будущего и работал до последних дней своей жизни замечательный путешественник, ученый и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев.

¹⁴⁵ Докладная записка Арсеньева начальнику «Дальрыбы» от 15 января 1924 г. ЦА МВТ, ф. «Дальрыба», оп. 6967, № 6, лл. 106—107.

¹⁴⁶ Протокол заседания коллегии Дальневосточного отдела народного образования 11 ноября 1924 г. ЦГА РСФСР ДВ, ф. р—2422, оп. 1, № 948, лл. 24—25.

¹⁴⁷ Данные об этом см.: А. Сердюк. Сихотэ-Алиньская экспедиция и участие в ней В. К. Арсеньева. «Восход». Арсеньев, 28.VIII 1964.

¹⁴⁸ Архив ИЭ, ф. 8, оп. 6, № 22. Письмо к Н. В. Кюннеру от 22 декабря 1964 г.

В. М. Суринов, Л. А. Фадеев

АФРИКАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ Н. И. ВАВИЛОВА

Африка давно привлекала внимание отечественных исследователей самых разнообразных специальностей. Русские путешественники и ученые — Л. А. Артамонов, Н. Б. Бровцын, А. К. Булатович, Н. И. Вавилов, В. А. Догель, Е. П. Ковалевский, А. И. Кахановский, Л. С. Ценковский, В. Д. Юнкер и другие — внесли заметный вклад в африканистику. Велико значение работ крупнейших отечественных биологов, которые в разное время побывали в Африке и оставили ряд исследований, существенно дополняющих наблюдения этнографов и помогающих глубже понять роль географической среды в формировании этнических особенностей и культуры человеческого общества. Рассматривая этнографические явления с позиций своей науки, они часто давали им новую интерпретацию. Особый интерес с этой точки зрения представляют труды академика Н. И. Вавилова. Им была показана творческая роль отдельных народов и древних цивилизаций в формировании мировой флоры сельскохозяйственных растений и тем самым в развитии мировой культуры земледелия, в данном случае применительно к африканистике.

В своих воспоминаниях Е. Н. Синская отмечает, что увлечение Н. И. Вавилова прошлым человечества было так велико, что он иногда говорил: «А не бросить ли ботанику и агрономию и заняться всецело историей и археологией?»¹. Одно из писем Н. И. Вавилова к Л. Л. Декапрелевичу свидетельствует о его специальном изучении этнографической литературы². Историко-этнографические исследования он считал важной составной частью комплексных географических экспедиций³. Проводились они Н. И. Вавиловым, как правило, в связи с изучением происхождения культурной флоры и распространения сельскохозяйственных растений в разных странах мира. Сочетание исторического и дифференциально-ботанического метода в освещении этих проблем позволило ему перекинуть «мост» между естественными и историческими науками. Наиболее четко это сформулировано в его выступлении по поводу статьи Г. Н. Шлыкова «Формальная генетика и последовательный дарвинизм»: «Изучая страны старой культуры, мы привыкли уважать народы, заселяющие древние земледельческие территории, учиться у них»⁴.

¹ Е. Н. Синская. Н. И. Вавилов как географ. «Изв. ВГО», т. 95, вып. 1, 1961, стр. 23—31.

² ГАОРСС ЛО (ныне ЛГАОРСС), ф. 9708 (в настоящее время этот фонд передан в ЛГАНТД), оп. 1, № 689, л. 9 об. (далее в списках указываются только номер дела и лист этого фонда); А. Роскин. Караваны, дороги, колосья. М., 1962, стр. 4.

³ Докладная записка Н. И. Вавилова в Совет Русского географического общества от 24 декабря 1934 г. ВГО, научный архив, ф. 1, 1932 г., оп. 1, № 3, л. 1 и об.

⁴ Н. И. Вавилов. Отчет на статью Г. Н. Шлыкова «Формальная генетика и после-

Такой подход к проблемам, связанным с этнографией, позволил Н. И. Вавилову дать правильное освещение исторического прошлого различных народов⁵. «Культура полей,— писал ученый,— неотделима от общей культуры населения»⁶ и в свою очередь связана в известной мере с этническими различиями. «Дифференциации рас культурных растений несомненно способствовала,— указывал он,—...пестрота этнического состава»⁷. Ученый стремился связать «в единое целое» данные по эволюции каждой отдельной страны «с эволюцией мирового земледелия, мирового растениеводства»⁸.

При разработке теории происхождения мировых первичных очагов земледелия, первичных очагов культурных растений, Н. И. Вавилов уделял большое внимание африканскому континенту, определению его места и значения в мировой культуре земледелия. В конце 1923 г. в письме П. П. Подъяпольскому он приходит к выводу, что «центры культуры, центры происхождения культурных растений» были сосредоточены «не по долинам великих рек, как думали раньше, а, наоборот, в горных районах»⁹. Он высказывает соображение, что Восточная Африка наряду с Восточной Азией являлась центром происхождения ячменей. Дальнейшее развитие и обоснование эта мысль получает во всемирно известной работе Н. И. Вавилова «Центры происхождения культурных растений», которая, по определению автора, содержала «первый план поисковой работы» по культурным растениям¹⁰. «Вдумываясь в процесс развития земледельческой культуры,— писал Н. И. Вавилов,— мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур, объединивших многоплеменной состав населения, предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами. Обуздание больших рек... требовало железной деспотической организации; в горных же районах «овладение водой для полива не требует... больших усилий»¹¹.

Формированию основного состава культурных растений в горных районах тропиков и субтропиков способствовали разнообразие горных почв (их вертикальная зональность), различие климатических условий, изолированность и защищенность от нападений извне. Н. И. Вавилов отмечал в формировании сортового и видового многообразия культурных растений крайне важную роль человека, подчеркивал изначальность селекции, т. е. фактора направленного отбора¹². Он приходит к мысли, что «нет простого совпадения количества видов, богатства дикой флоры отдельных территорий... с числом введенных в культуру растений»; введению в культуру сельскохозяйственных растений способствовал, по его мнению, не только качественный состав флоры, но и «наличие развитой земледельческой культуры и соответственно больших массивов населения»¹³.

Доместикация культурных растений рассматривается Н. И. Вавиловым как один из важных этапов в развитии производительных сил общества: «Эти данные дают материалистическую основу для понимания пер-

довательный дарвинизм». — «Избранные труды в пяти томах», т. V. М.—Л., 1965, стр. 379.

⁵ См. об этом также в статье В. П. Алексеева в настоящем издании.

⁶ Н. И. Вавилов. Полевые культуры Юго-Востока. «Избранные труды», т. II. М.—Л., 1960, стр. 186.

⁷ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. — Там же, т. V, стр. 79.

⁸ Н. И. Вавилов. Пять континентов. М., 1962, стр. 20.

⁹ ГАОРСС ЛО, № 35, л. 119.

¹⁰ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 26—27.

¹¹ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 9.

¹² Н. И. Вавилов. Селекция как наука. «Избранные труды», т. II.

¹³ Н. И. Вавилов. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. «Избранные труды», т. V, стр. 169.

вых фаз эволюции человеческого общества. Ибо естественно, что основным фактором в первоначальном расселении людей является распределение природных ресурсов питания»¹⁴.

Эти положения убедительно аргументированы на основе тщательного изучения потенциала культурных растений древнейших земледельческих районов, позволяющих связать их с этапами развития производительных сил в древних обществах. Один из этих этапов, был, очевидно, связан с первичным использованием растительных ресурсов, с вовлечением в сельскохозяйственное производство наиболее продуктивных форм растений. Другой этап определялся применением технических усовершенствований: строительством плотин, ирригационных сооружений и т. п. и приурочивался Н. И. Вавиловым к возникновению древнейших рабовладельческих обществ, деспотий восточного типа. Общий план поисковой работы основных генофондов культурных растений тесно увязывался им с задачами выяснения исторических судеб различных народов, степени автономности той или иной земледельческой культуры.

Уже предварительное изучение вопроса привело ученого к идее полицентризма, т. е. того факта, что первоначальные очаги земледелия возникли самостоятельно в различных районах земного шара. Введение в культуру основных видов сельскохозяйственных растений теоретически увязывается им с проблемами этногенеза и с общим уровнем развития земледелия.

«Осваивая высокогорные районы со времен глубочайшей древности в совершенно различных условиях климата, почв, растительности и животного мира, — указывал он, — различные народы самостоятельно вырабатывали свои навыки, вводили в культуру различные растения, одомашнивали различных животных, создавали свою агротехнику и таким образом накапливали огромный опыт в их историческом развитии»¹⁵.

Н. И. Вавилов считал, что основным очагам domestikации культурных растений «свойственны весьма различные этнические и лингвистические группы народов. Им свойственны разные типы сельскохозяйственных орудий и домашних животных»¹⁶.

Изучение состава культурных растений привело ученого к постановке вопросов, касающихся истории ряда народов африканского континента. В поле его внимания были как относительно хорошо исследованные в агротехническом отношении страны Северной Африки и Египет, так и еще в значительной степени не изученная Эфиопия.

Мысль о путешествии в Эфиопию зародилась у Н. И. Вавилова еще в начале 20-х годов, и он готовился к нему. Как отмечает А. Роскин, при встрече, состоявшейся в это время, Н. И. Вавилов дал ему книгу М. Каррэ «Жизнь Артура Рембо», которая вся была испещрена пометками ученого о ячменях Африки¹⁷. Уже первоначальное изучение культурной флоры Эфиопии по гербарным материалам приводит его к мысли, что эта страна — место ряда эндемов и локализации сортового разнообразия многих видов культурных растений¹⁸. Это было для него свидетельством древности земледельческой культуры Африки.

Поэтому вполне понятна та энергия, с которой Н. И. Вавилов добился в 1927 г. визы на въезд советской экспедиции в эту страну, что было

¹⁴ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения земледелия в свете современных исследований. «Избранные труды», т. V, стр. 151.

¹⁵ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Избранные труды», т. V, стр. 631.

¹⁶ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения земледелия в свете современных исследований, стр. 151.

¹⁷ А. Роскин. Караваны, дороги, колосья, стр. 4—5.

¹⁸ Н. И. Вавилов. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина, стр. 160; он же. У верховьев Нила. «Прожектор», 1928, № 28, стр. 27; А. Г. Грум-Гржимайло. В поисках растительных ресурсов. (Некоторые научные итоги путешествий Н. И. Вавилова.) М.—Л., 1962, стр. 21.

по тем временам делом нелегким. Эфиопия не имела консульств в Европе. Поэтому ученый остановился на мысли первоначально попасть в Эритрею, в то время итальянскую колонию, а уже затем в Эфиопию. И 6 января 1927 г. он отправился в Восточную Африку¹⁹. В Джибути обнаружилось, что въезд в Аддис-Абебу не требовал получения специальных виз. «Как ни чудно самому, — отмечал ученый в письме к П. П. Подъяпольскому, — но до страны львов добрался»²⁰.

18 февраля Н. И. Вавилов сообщил в Ленинград, что организация каравана заканчивается.

Во второй половине февраля Н. И. Вавилов с караваном в составе 12 человек, верхом на мулах, выступил в глубь страны²¹. В течение четырех месяцев маршрутами экспедиции были охвачены важнейшие земледельческие районы страны: Анкобер, Фичи, Годжам, берега оз. Тан, окрестности Аксума, Адуа с выходом в Эритрею; Н. И. Вавиловым был заранее изучен район Харара. Первоначально он полагал выйти в Судан, но из-за препятствий дипломатического порядка²² ему пришлось взять направление на Эритрею²³.

Н. И. Вавилов неоднократно отмечает добродушие населения, его приветливость и гостеприимство. Не встречалось затруднений при остановках на ночлег, приобретении продовольствия и получении информации о земледельческом быте исследуемого народа.

Основное внимание уделялось Н. И. Вавиловым изучению земледелия, в особенности видовому и сортовому разнообразию культурных растений, той растительной субстанции, на базе которой сформировались особенности местного сельского хозяйства. Н. И. Вавилов стремился познать прежде всего, как он любил выражаться, «земледельческую душу страны»²⁴. Источником сведений о местном полеводстве и животноводстве были для него личные наблюдения, расспросы крестьян. Особое значение он придавал при изучении земледельческого быта базарам. В напутственном письме к одному из путешественников он писал впоследствии, что «на базарах, в лавках, в особенности маленьких городов» можно найти огромный и ценный для работы материал²⁵. Наличие того или иного растения в торговых рядах было для него доказательством распространенности этого растения. По количеству привозимого на рынок зерна также можно было судить и о наиболее типичных его формах²⁶. Это было особенно важно в странах с плохо поставленной статистикой.

Делясь впечатлением об эфиопских базарах на заседании Всесоюзного географического общества, Н. И. Вавилов указывал: «Вы видите буквально музей... где в течение нескольких дней вы можете видеть всю страну, все, что в данном районе имеется»²⁷. Уже первое знакомство с базарами

¹⁹ «Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний». М., 1963, стр. 188. (В текстах сохраняется терминология Н. И. Вавилова).

²⁰ Личный архив Е. П. Подъяпольской, письмо Н. И. Вавилова П. П. Подъяпольскому от 11.II 1927 г. Авторы выражают благодарность Е. П. Подъяпольской за предоставленные в их распоряжение документальные материалы. О необходимости поездки в Африку Н. И. Вавилов писал еще в 1923 г. (в письме от 12 ноября к Подъяпольскому): «После Афганистана думаю отправить В. Е. Писарева в Китай и уже после Китая — Африка. О ней мы позабыли, за ней черед в 1925 г.».

²¹ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 188.

²² Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 167.

²³ Правда, это обстоятельство сыграло и определенную положительную роль. «В результате изменения... маршрута» экспедиции удалось «обнаружить целую группу замечательных форм безостых твердых пшениц», которые были неизвестны в науке и мимо которых прошла американская экспедиция д-ра Харлана (Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 638).

²⁴ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 20; ГАОРСС ЛО, № 324, л. 98.

²⁵ Письмо А. Я. Зарецкому от 8.II 1934 г. ГАОРСС ЛО, № 687, л. 109.

²⁶ См. Н. И. Вавилов. Земледельческий Афганистан. «Избранные труды», т. I, стр. 71, 117 и др.; он же. Возделываемые растения Хивинского оазиса. «Избранные труды», т. II, стр. 93, 103—104.

²⁷ ГАОРСС ЛО, № 879, л. 32.

столицы сразу же дало ученому представление о наиболее характерных и типичных морфологических особенностях культурной флоры страны. «Когда попадаешь в центр Абиссинии и осматриваешь замечательный зерновой базар Аддис-Абебы,— писал он впоследствии,— то здесь поражает в отличие от Азии и Европы наличие большого числа образцов темно-цветного ячменя, фиолетовозерной пшеницы, которую местное население называет черной пшеницей... совершенно черный горох, черные бобы»²⁸. В другом месте он пишет о базарах, что это была «выставка, где в короткое время можно обозреть, что возделывает страна, чем живет население»²⁹.

Внимание ученого сосредоточивалось на исследовании типичных полевых растений, их места в земледелии, способов их использования. Так как путешествие Н. И. Вавилова в Эфиопию было проведено после обследования стран более древнего земледелия (Иран, Афганистан), культура земледелия этой страны анализировалась им в сравнительном плане. Останавливаясь на общей оценке состава культурных растений, Н. И. Вавилов отмечает отсутствие здесь садоводства и очень слабое развитие овощеводства, а также отсутствие «шаблонов культуры Старого Света»³⁰, что выделяет Эфиопию из числа других стран древнего земледелия.

«В пределах африканского материка,— писал Н. И. Вавилов,— выделяется маленькая Абиссиния как самостоятельный географический центр, характеризующийся рядом эндемичных видов и даже родов, как хлебный злак тефф (*Eragrostis abyssinica*), масличное растение нуг (*Guizotia abyssinica*), «вид банана (*Musa ensete*), кофейное дерево. Здесь частично родина зернового сорго. Общее число видов культурных растений, в своем генезисе связанных с Абиссинией и примыкающей к ней горной Эритреей, не превышает 40 видов, т. е. приблизительно 4% от мировой культурной флоры»³¹.

Особо выделяет Н. И. Вавилов тефф («это типичная эндема, основной хлеб, основное питание, безусловно введенная только в Абиссинии»³²) и капусту-горчичу (*Brassica carinata* Al. Braun) — специфическое растение из крестоцветных, листья и семена которого шли в пищу³³.

Н. И. Вавилов считал эту сельскохозяйственную страну замечательной в смысле разнообразия форм³⁴. Состав возделываемых там полевых растений был достаточно широк. Здесь возделывались также ячмень, дагусса, горох, чина и нуг.

По мнению Н. И. Вавилова, в Эфиопии не было диких пшениц, ячмений и зернобобовых, происхождение которых связано с Передней Азией в широком смысле. Н. И. Вавилов считал, что обособление в Эфиопии многих видов культурных растений было событием большой давности³⁵.

Наиболее полно исследованы Н. И. Вавиловым пшеницы Эфиопии. В этой связи нельзя не отметить этнографического аспекта исследований Н. И. Вавилова; он проявился в установлении словарных обозначений пшеницы у различных народностей: у амхара — «синди», у галласов — «камади», у сомали — «бур». Н. И. Вавилов прекрасно понимал, что язык народа содержит важнейшие данные о его хозяйственной деятельности, и поэтому стремился в названии возделываемого растения понять отношение к нему земледельца. Из бесед с населением Н. И. Вавилову стало

²⁸ Н. И. Вавилов. Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений. «Избранные труды», т. V, стр. 113.

²⁹ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 168.

³⁰ Там же, стр. 182.

³¹ Н. И. Вавилов. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина, стр. 167.

³² ГАОРСС ЛО, № 859, л. 29.

³³ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 181.

³⁴ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии. «Избранные труды», т. III. М.—Л., 1962, стр. 354—355.

³⁵ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 181—182.

ясным, что земледельцы отличают полбу от пшеницы; это сказалось и в различии названий («аджа» — у амхара («амарийцев»), «эс» — у галласов). Население наделяло специальными названиями («салали», «синди-тукур») фиолетовозерную пшеницу, более скороспелую, чем другие формы; хлеб из нее считался более вкусным («более ситным», по определению Вавилова)³⁶.

Впоследствии, подвергнув собранный материал тщательному обследованию, Н. И. Вавилов дал более подробный анализ сортового и видового многообразия пшениц и ячменей Эфиопии, их хозяйственных признаков, связывая это многообразие с взаимодействием различных этнических групп. Ученым было установлено наличие большого числа эндемичных форм ячменей и пшениц Эфиопии, что свидетельствовало о глубокой древности и оригинальной самобытности ее земледельческой культуры³⁷. Формообразовательный процесс здесь шел в сравнительно однородных условиях: основной массив земледельческого населения был расположен на война-дега и дега с довольно однообразными климатическими условиями, в отличие от других горных районов древнего земледелия; поэтому разнообразие проявлялось в таких признаках (зерно, колос), на которые влияние экологических условий сказывается в малой степени.

Изучение показало, что эфиопские сорта пшеницы превосходят скороспелостью многие европейские и американские сорта, уступая в этом отношении только йеменской полбе, но слабо отзывчивы к яровизации, малоустойчивы к почвенной засухе и неустойчивы к атмосферной³⁸. Было установлено пять основных видов растений, входящих в состав пшеничного клина Эфиопии. Наиболее распространенным видом оказалась твердая пшеница (*Triticum durum* ssp. *abyssinicum* Vav.). Лишь в северных районах Аксума, Адуа, в восточно-центральных районах Дире-Дауа, Харара, Черчера, Аддис-Абебы мягкая пшеница в посевах встречалась значительно чаще; то же наблюдалось и в Эритрее. Это определяется Н. И. Вавиловым как результат влияния со стороны «пришлой культуры»³⁹, принесенной португальцами во время оккупации северной Эфиопии и Эритреи в XV в.⁴⁰ Рассматривая видовой состав пшеничных полей в Эритрее, Н. И. Вавилов отмечает, что «мягкая пшеница встречается здесь повсеместно; она входит во все образцы. Подавляющее число образцов (46 из 57) имеет сортовые названия главным образом итальянского происхождения»⁴¹. Таким образом, на основании анализа состава пшениц в корреляции с данными, полученными из исторических источников, Н. И. Вавилов установил и характер, и степень влияния культуры Италии и Португалии на абиссинское земледелие. Прямую приуроченность к ареалам расселения народов Н. И. Вавилов отмечал у полбы (*Triticum dicocum* Schubl.): она возделывалась амхара⁴². Ее посевы были засорены оригинальными, неизвестными в культуре видами овса. Не безразличной для этнографа представляется попытка Н. И. Вавилова дать специфику видового состава пшениц по отдельным районам Эфиопии, так как она дает материал для истории миграций населения⁴³.

³⁶ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 228—229.

³⁷ Н. И. Вавилов. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина, стр. 167.

³⁸ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 338—339.

³⁹ Там же, стр. 329.

⁴⁰ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 181.

⁴¹ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 332.

⁴² Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 28—29, 74.

⁴³ Он установил пять основных видов абиссинских пшениц: *Tr. durum* ssp. *abyssinicum* Vav., *Tr. turgidum* ssp. *abyssinicum* Vav. (впоследствии объединены М. М. Якубцинером в особый вид — *Tr. aethiopicum* Iacubz.), *Tr. dicocum* Schubl. ssp. *abyssinicum* Stoll., *Tr. aestivum* L. (*Tr. vulgare* Vill.), *Tr. polonicum abyssinicum* Steud., которые были специфичны для определенных историко-этнографических областей.

Проведенная сотрудниками Всесоюзного института растениеводства обработка материалов экспедиции Н. И. Вавилова позволила осветить ряд интересных фактов палеоэтнографии Эфиопии и ее древних исторических связей с другими странами мира.

Исследования Л. И. Говорова определили Эфиопию как один из центров формообразования горохов. Н. Р. Ивановым было установлено, что она наряду с Кенией и Угандой является одним из центров доместикации вигны (*Vigna sinensis* Engl.). Среди эфиопского пажитника (*Trigonella foenum-graecum* L.) была найдена форма, самая ранняя по времени вхождения в культуру⁴⁴. Эти факты свидетельствуют о большой самобытности земледельческой культуры Эфиопии. Любопытны работы М. С. Щенковой по кресс-салату (*Lepidium sativum*). Было обнаружено два центра формообразования этого растения: один с доминантными признаками в Эфиопии и второй с рецессивными — в Азии, причем на полях Эфиопии были обнаружены формы, переходные из сорных растений в культурные (var. *linicola* Stchenk.). Это в какой-то мере даст основание судить о существовании очень древних земледельческих связей между Южной Африкой и Азией. Сводка по разработке разными учеными материалов экспедиций Вавилова дана А. Г. Грумм-Гржимайло⁴⁵.

Изучение состава культурных растений Эфиопии Н. И. Вавилов завершает рассмотрением их использования и технологии их обработки, что представлялось ему важным для определения первоначальной локализации генов культурных растений, степени древности земледелия и его своеобразия, обусловленного этнической историей Эфиопии. Из-за отсутствия плодовых и овощных культур стол населения Эфиопии был однообразен. В пищевом использовании хлебных злаков и других полевых культур Н. И. Вавилов отмечал «несомненную специфику». В своем выступлении о поездке в Африку на заседании ВГО он указывал, что «основным видом питания являются блины или инжиру, которые готовят из разных видов зерна: из теффа, из пшеницы, из ячменя, словом из большого разнообразия, но главным образом из теффа и пшеницы»⁴⁶. Наиболее частое название хлеба: «даббо» или «гамбаша». Выпекается он в виде лепешек округлой формы толщиной 5—10 см. Поджаренные зерна пшеницы («колло») готовят главным образом для далеких путешествий, как и «шпрро» — смесь из муки нуга, из пшеничной, гороховой, бобовой⁴⁷.

Экспедицией констатируется различное отношение населения к хлебу из фиолетовозерных форм пшеницы и из обычной светлоокрашенной. Хлеб из черной пшеницы, отличавшийся «сладковатостью», темно-серым цветом, нередко с явным фиолетовым оттенком, предпочитался местным населением. Хлебопекарная оценка теста из эфиопских пшениц по столбальной системе, проведенная в лаборатории Всесоюзного института новых культур и прикладной ботаники, показала, что эта избирательность была оправдана⁴⁸. Особо своеобразным Н. И. Вавилов считал способ приготовления хлеба, практикуемый населением Эритреи: тестом из муки пшеницы или теффа обмазывали камни, которые затем бросали на тлеющие угли. Это требовало от пекаря большой ловкости, так как очень легко было передержать и сжечь хлеб⁴⁹.

Из соотношения различных типов обработки зерна Н. И. Вавилов делает общий вывод; в эволюции питания хлебом он отмечает следующие

⁴⁴ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 325, 344; А. Г. Грумм-Гржимайло. В поисках растительных ресурсов мира, стр. 77.

⁴⁵ А. Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч.

⁴⁶ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 27.

⁴⁷ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 348.

⁴⁸ Там же, стр. 345—348.

⁴⁹ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 180.

стадии: «...болтушка, намочка зерна, дальше — приготовление блинов, лепешек, затем дрожжевой».

Меньшая распространенность лепешечного хлеба и отсутствие дрожжевого служат для Н. И. Вавилова доказательством близости страны к «земледельческим примитивам»⁵⁰. Наличие у европейцев в Дире-Дауа и Аддис-Абебе более совершенного размола зерна (вальцовые мельницы) и приготовления хлеба (дрожжевой), как было установлено ученым, заметного влияния на местное население не оказывало. Экспедицией было зафиксировано отличие в использовании полбы (*Tr. diccosum* Schubl.) от других видов пшеницы: она иногда шла на корм скоту, чего в отношении других пшениц не практиковалось. Полбу также никогда не использовали для совершения религиозных обрядов (причастие)⁵¹.

Если раньше Н. И. Вавилу приходилось сталкиваться с использованием льна на волокно, или для изготовления масла, или, как, например, в Египте, для того и другого, то абиссинской экспедицией было установлено, что чрезвычайно «своеобразный мелкосемянный»⁵² лен в Эфиопии — не прядильное и не масличное растение, а «хлебное, которое заменяет шоколад». Из семян просушенного льна делали муку, которую брали преимущественно в путешествия, причем считалось, что она «особенно сильна в смысле питания»⁵³ и ее горсти достаточно на день дороги. Оригинальный способ использования льна Н. И. Вавилов считал фактом огромного значения для понимания своеобразия и самобытности исследуемой культуры⁵⁴.

При изучении потребления культурных растений у африканских племен Н. И. Вавилов остановился также на растениях, используемых в лечебных целях и в качестве транквилизаторов. В процессе тысячелетнего опыта земледельца шло накопление «не только мудрости, но и глупости»⁵⁵. «Самое трудное в путешествии, — писал ученый, — было поддерживать дисциплину каравана. Абиссиния не только родина пшеницы и ячменя, но также крепких напитков. Из пчелиного меда готовят крепкий напиток «течь» (тэдж.— В. С. и Л. Ф.), из ячменя — пиво «талу»⁵⁶.

Вавилов отмечает, что в Эфиопии несомненно самостоятельно был выработан оригинальный способ получения пива. При изготовлении талу вместо хмеля добавлялся особый вид крушины — «гешо». Ученый указывал на определенные «последствия», связанные с широким развитием производства алкогольных напитков. Преимущественно ради получения тэджа в стране существовала целая отрасль сельского хозяйства — пчеловодство, и такой исключительно высокоценный продукт, как мед, шел в основном на изготовление тэджа⁵⁷. Он упомянул попутно, что во время ночных дежурств около каравана употреблял напиток, приготовленный из семян произрастающего здесь в диком состоянии кофейного дерева⁵⁸.

Во время путешествия Н. И. Вавилов наблюдал использование народного глистогонного лечебного средства. Широкое потребление сырого мяса

⁵⁰ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 29 об.

⁵¹ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 229.

⁵² Н. И. Вавилов. Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений, стр. 113.

⁵³ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 30.

⁵⁴ Впоследствии нечто похожее Н. И. Вавилу удалось встретить в горном Дагестане, где из семян льна делали жидкую массу, которую смешивали с салом и употребляли в пищу (см. Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 637).

⁵⁵ ГАОРСС ЛО, № 409, л. 30.

⁵⁶ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 746.

⁵⁷ ГАОРСС ЛО, лл. 27 об.— 28, 33.

⁵⁸ «Ночью надо дежурить, отгоняя зверей, время от времени стреляя в воздух и поддерживая огонь костра. Незаменимую услугу оказывал дикий абиссинский крепкий кофе, отгонявший сон» (Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 746; см. также ГАОРСС ЛО, № 859, л. 14).

заставило, указывает Н. И. Вавилов, местное население выделить из дикой флоры «сильно действующее средство — сушеные соцветия хагенин (косо)»⁵⁹.

Н. И. Вавилов считал древнюю эндемичную флору одним из факторов, формирующих этнографическое своеобразие страны, но он внимательно исследовал и результаты интродукции новых культур, как привозных, так и местных: развитие кофейных плантаций, не совсем удачные опыты введения в культуру хлопчатника, цитрусовые насаждения итальянцев в Эритрее. Специально он остановился на быстром распространении обыкновенного перца (*Capsicum annuum* L.), который, попав в Африку в качестве приправы к пище, как и в ряде стран Востока⁶⁰, стал национальной культурой. В ряде глухих районов Эритреи и Эфиопии (в пределах тех лет) перец к тому же приобрел и значение разменной монеты. «За образцы семян, — вспоминал Н. И. Вавилов, — приходилось платить пригоршнями едкого перца, обжигавшего слизистые оболочки»⁶¹. Одним из «поражающих фактов значения введения новых культур» назвал Н. И. Вавилов интродукцию в конце XIX в. Менеликом II австралийского эвкалипта. С этим ученый даже связывал возможность иметь в стране постоянную столицу, так как до этого «обычно после истребления медленно растущей туземной древесной растительности вокруг столиц их приходилось передвигать в новые лесные области»⁶².

Анализируя детально все, что связано с тем или иным растением, обосновывая на данных дифференциально-ботанического анализа древность земледелия, Н. И. Вавилов подкрепляет этот тезис рассмотрением других отраслей сельскохозяйственного производства. Особое значение он придавал агротехнике и земледельческим орудиям. Его интересует состав почв и система орудий их обработки. Анализ привезенных экспедицией почвенных образцов показал высокое плодородие земель Эфиопии.

При исследовании орудий обработки земли и уборки урожая Н. И. Вавилов исходит из соотношения общего и особенного в развитии земледельческой культуры человеческого общества: «На разных континентах творчество шло разными путями и давало нередко различные, а иногда и сходные результаты»⁶³. Он выделяет в Эфиопии наряду с общими чертами техники, стадийно присущими всем странам древнего земледелия, и особые «технические эндемы» страны. Из сопоставления эфиопских земледельческих орудий с плугами Юго-Западной Азии, римскими бороzdильниками и др. он делает вывод, что хотя идея плуга и пришла сюда извне, но в его конструкции есть уже ряд своего, «придуманного»⁶⁴. Плуг этот имел широкий гвоздь вместо лемеха и большой грядиль. По мнению Н. И. Вавилова, известная громоздкость этого орудия имела и свои достоинства, так как «длинный грядиль уменьшал силу тяжести»⁶⁵.

Подробно описано Н. И. Вавиловым широко распространенное в Эфиопии оригинальное ручное орудие обработки земли — кол с утяжелителем. Ученый не отождествляет его с мотыгой, а считает орудием, переходным к лопате⁶⁶. Земледелие Эфиопии, наиболее культурной страны после Егип-

⁵⁹ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 747.

⁶⁰ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 32; Н. И. Вавилов. Возделываемые растения Хивинского оазиса. «Избранные труды», т. II, стр. 107; он же. Пять континентов, стр. 181.

⁶¹ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 747.

⁶² Н. И. Вавилов. Проблема новых культур. «Избранные труды», т. V, стр. 542; он же. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 744; он же. Пять континентов, стр. 166.

⁶³ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 636.

⁶⁴ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 26. См. также: Н. И. Вавилов. Проблема происхождения земледелия в свете современных исследований, стр. 148; он же. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 636; он же. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 743, 748.

⁶⁵ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 26 и об.

⁶⁶ Там же, л. 26 об.

та в Африке, по заключению Вавилова, более архаично, чем во многих других странах, в частности странах Юго-Западной Азии⁶⁷.

Немало внимания уделено ученым и агротехнике, способам ухода за почвой и растениями и т. п. Н. И. Вавилов находит консервативные формы земледелия, оставшиеся от очень древних времен: поля отличаются засоренностью, пестротой видов и разновидностей возделываемых растений; отсутствует сознательное вмешательство земледельца в отбор растений⁶⁸. Вместе с тем Н. И. Вавилов улавливал в этом определенную целесообразность, которая свидетельствовала о том, что эфиопский крестьянин во многих случаях сознательно шел на смешение при посеве различных форм пшениц или различных видов бобовых (бобы, чина, нуг) и, наконец, на смешение при посеве бобовых и злаков, так как это «во многих случаях является вполне рациональным в смысле повышения урожайности полей»⁶⁹. Разнообразие экотипов культурных растений давало возможность смягчать неблагоприятное воздействие климатических условий, вредных насекомых и других факторов внешней среды.

Собранный экспедицией Н. И. Вавилова материал открыл своеобразные способы борьбы с сорняками, практикуемые в Эфиопии. Здесь земледелец наряду с обычным применением огня использовал и биологические методы борьбы.

Выделяется Н. И. Вавиловым еще одна особенность в земледелии Эфиопии: отсутствие поливных посевов зерновых. Только в районе Донголы, в условиях огородничества, ему пришлось наблюдать выращивание пшеницы на орошаемых землях. Значительно позже, в 30-х годах, он вновь столкнулся с культурой сухого земледелия, изучая в Юкатане древнеамериканскую цивилизацию майя, которая напоминала культуру в районе Аксума. Проблема сухого земледелия приобрела для Н. И. Вавилова общен историческое значение. В записных книжках он ставит вопрос, «как в пустыне, без ирригации» возникают величайшие цивилизации мира. Логично предположить, по его мнению, что в данном случае имел место большой избыток рабского труда, позволивший обеспечить развитие земледельческой культуры в этих условиях.

По подсчету Н. И. Вавилова, крестьянин собирал не более 30—60 пудов с га; цифра эта заметно увеличивалась лишь на приусадебных участках⁷⁰.

В статьях и выступлениях Н. И. Вавилова были подробно рассмотрены способы уборки урожая, его хранения, помола и приготовления пищевых продуктов. Уборка производилась обычно серпом, но иногда растения просто выдергивали. Зерно хранилось в закромах, избах, шалашах и в специальных чанах из прутьев, обмазанных глиной.

Н. И. Вавилов выделил особенности обработки хлеба, присущие в равной мере как Эфиопии, так и другим земледельческим «примитивам». Это обмолот зерна прогоном скота, освобождение полбы от пленок в деревянных ступах⁷¹. Особую отсталость земледелия Эфиопии отмечает Н. И. Вавилов в способах помола зерна при помощи «камнетерок», напоминая, что «5 и даже 10 тысяч лет перемалывали хлеб таким же образом». Он указывает, что эти камнетерки идентичны по своей конструкции тем камнетеркам, которые употребляли в эпоху первых династий фараонов, как можно судить по изображениям в музеях Каира и европейских⁷². Н. И. Вавилов противопоставляет в этом отношении Эфиопию Афганистану, где

⁶⁷ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 636; *оп. же.* Земледельческий Афганистан. «Избранные труды», т. I, стр. 103—104, 136.

⁶⁸ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 636—637.

⁶⁹ М. Поповский. Солдат и маршал науки. «Звезда», 1967, № 12, стр. 143.

⁷⁰ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 229.

⁷¹ Там же, стр. 229, 348.

⁷² ГАОРСС ЛО, № 859, л. 26.

имеются мельницы с различными жерновами (гранит, песчаник и др.) в зависимости от зерна⁷³: «Во всей земледельческой Абиссинии, исследованной нами в 1927 году, мы... не встретили ни одной туземной мельницы»⁷⁴.

Основным предметом исследования для Н. И. Вавилова было земледелие; однако попутно им был сделан ряд других интересных наблюдений. Н. И. Вавилов отмечает, что господствующей народностью являются амхара, из среды которых выходят помещики, чиновники и воины, держащие фактически в крепостной зависимости земледельцев⁷⁵.

Оценивая общеправовое положение страны, Н. И. Вавилов писал: «Ни регистра, ни кодекса (конституция в Эфиопии была введена негусом Хайле Селассие в 1931 г. — В. С., Л. Ф.), ни нормальной оплаты администрации страна не имеет. 10—11 миллионов населения существуют без аграрного надела. Земля принадлежит господствующей этнической группе — амхара, их два с половиной — три миллиона». Н. И. Вавилов отмечает большую пестроту этнического состава населения: «...в дебрях, отдаленных деревушках встречаются своеобразные группы со своеобразным языком»⁷⁶.

Он интересовался также антропологическим составом населения страны, о чем свидетельствуют его многочисленные попутные наблюдения. Относительно оживленного порта Массауа он специально отмечает, что через него проходит «вся антропология Африки»⁷⁷.

Экспедицией были выявлены основные климатические зоны Эфиопии: «Зона дега и верхние зоны войны-деги являются основной древней земледельческой областью Абиссинии, где сосредоточена культура хлебных злаков... Здесь же сосредоточились в течение тысячелетий основные массы оседлого населения». По густоте населения, как считал Н. И. Вавилов, страна занимала в Африке второе место после Египта⁷⁸.

В поле зрения ученого были постройки эфиопов, их утварь, одежда, верования, брачные обычаи и др. Он указывает, что большую часть Аддис-Абебы в тот период составляли хижины из стволов и ветвей деревьев, обмазанные глиной и крытые соломой, расположенные в эвкалиптовом лесу⁷⁹. При описании домов древней столицы Анкоберы Н. И. Вавилов замечает: «Настила полов нет. Животные и люди живут под одной крышей»⁸⁰. Отмечается им оригинальное использование растений-молочаев для изгороди⁸¹. В ряде случаев им установлены определенные закономерности в изменении типов жилища: «Они особенно оформлены в Анкобере, в бывш[ем] Аксумском царстве, около Гондара, и они носят более примитивный, неоформленный характер, чем в лесной зоне... около озера Таны»⁸².

Остановившись на одежде эфиопов, Н. И. Вавилов отмечает, что «в городах можно видеть людей в тонких обтянутых белых штанах и рубашках с непеременной шалью — шамой», которой абиссинцы также «покрываются во время сна, ночуя нередко на голой земле»⁸³; описан им и способ обращения с шамой⁸⁴. Он обращает внимание на прически сомалийцев, разнообразие головных уборов в Анкобере и Фичи⁸⁵, обычай ношения

⁷³ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 27.

⁷⁴ Н. И. Вавилов. Земледельческий Афганистан, стр. 103.

⁷⁵ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 749; М. Поповский.

Надо спешить, стр. 46.

⁷⁶ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 20.

⁷⁷ Там же, л. 19, 21; см. Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 165—166.

⁷⁸ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 748.

⁷⁹ Там же, стр. 743.

⁸⁰ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 172.

⁸¹ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 14.

⁸² Там же, л. 24.

⁸³ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 747; он же. Пять континентов, стр. 165.

⁸⁴ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 15.

⁸⁵ Там же, лл. 19, 20.

зонтиков в Гондаре мужчинами и женщинами не для защиты от солнца, а сообразно этикету⁸⁶.

Сталкивался Н. И. Вавилов с обычаем «дурго»⁸⁷ у эфиопских крестьян, согласно которому всем путешествующим полагалось выносить почетные дары: барана, курицу, масло и мед.

Н. И. Вавилов описывает погребальную обрядность эфиопов. Кладбища напоминают ботанические сады, так как население засаживает их всевозможными растениями. Поминки продолжаются обычно около 40 дней, и поэтому на кладбище приносят в больших количествах съестные припасы и напитки тэдж и талу. Сравнивая храмы в Аддис-Абебе и часовни на кладбищах, ученый отмечает, что в глубинных районах страны церкви строили в виде скромных шалашей.

Эфиопия, по мнению ученого, — страна древней земледельческой культуры, которая сохранила в силу изоляции горных районов многие черты земледельческого быта, свойственные ранней ступени развития человеческого общества; в то же время местная культура земледелия отличается большим своеобразием⁸⁸. Для доказательства этого положения Н. И. Вавилов привлекает также данные по животноводству, отмечая своеобразие заимствованного скота, сходного с зебу, исключительную оригинальность экстерьера местных овец и коз как в низинных, так и в горных районах, местные породы мелких кур⁸⁹. Указывает он и на то, что Африка — родина ослов и «абиссинской» пчелы⁹⁰. Ученый уделит внимание местному горному пчеловодству. Улья, сплетенные из прутьев, в основном акации, здесь устраивали на деревьях. Незлые и некрупные пчелы приносили хорошего качества мед, правда не особенно сладкий, который шел на приготовление тэджа, а также имел ритуальное значение. Обычно кувшии меда давали в подарок путнику⁹¹.

Сравнительные данные по составу культурных растений, породам домашних животных, быту земледельческого населения и его пище позволили Н. И. Вавилову определить Эфиопию как один из древнейших очагов земледельческой культуры⁹². «Своеобразный скот, овцы и козы, оригинальный плуг... самобытный набор орудий, сохранившаяся мотыжная культура, весь обиход, приготовление спиртных напитков, наконец пища, лекарственные растения, как хагения (*Hagenia abyssinica*), — все это определенно доказывает значительную автономию абиссинского очага»⁹³.

В те дни на исследованной территории археологических раскопок проведено не было⁹⁴. Н. И. Вавилов по возвращении в Ленинград внимательно следил за работой археологов, вел переписку с учеными, работавшими в этом районе (так, во время выступления на заседании Всесоюзного географического общества он информировал слушателей: «Несколько дней тому назад я получил интереснейшее письмо от английского археолога из Южной Африки о том, что в Абиссинии найдены следы палеолита. Этот факт имеет огромное значение»⁹⁵).

⁸⁶ А. Роскин. Указ. соч., стр. 132.

⁸⁷ «Дурго, дурго — обязанность крестьян кормить проезжающих или останавливающихся в их деревнях знатных лиц, чиновников, проходящие войска, а также любого путешественника» (М. В. Райт. Народы Эфиопии. М., 1965, стр. 250).

⁸⁸ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 355, 374; он же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина, стр. 167.

⁸⁹ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий, стр. 637; он же. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 743, 749; он же. Пять континентов, стр. 172.

⁹⁰ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 169; «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 126.

⁹¹ См. Н. И. Вавилов. Пчеловодство Абиссинии. «Вестник русского и иностранного пчеловодства». М., 1928, т. III, стр. 56.

⁹² Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований, стр. 147.

⁹³ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 181.

⁹⁴ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 749.

⁹⁵ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 34.

Однако в отношении древности эфиопского центра происхождения культурных растений нужно сказать, что современными археологическими раскопками она пока еще не подтверждается. Судя по археологическим данным, земледелие в Эфиопии не уходит глубже рубежа I—II тысячелетий до н. э. Но следует оговориться, что археологически мало изучены именно высокогорные районы Северной Эфиопии, которые, по концепции Н. И. Вавилова, являлись центром введения растений в культуру, откуда земледелие иррадиировало в более низменные районы.

Доводы о несамостоятельности эфиопского очага земледелия, выдвигаемые Е. Шиман, на которые опирается В. С. Титов⁹⁶, нам представляются малоубедительными. Н. И. Вавилов выделяет Эфиопию в качестве автономного мирового очага культурных растений. Исследования последних десятилетий, как археологические, так и геоботанические, позволяют объединить его с суданско-сахарским центром domestikации. Так, ученик Н. И. Вавилова — ботаник П. М. Жуковский включает его в общеафриканский центр⁹⁷. По мнению Е. Н. Синской, Эфиопию нельзя приравнять к крупным основным областям происхождения и развития культурных растений⁹⁸. Однако археологи Кларк и Симонс горячо защищают самостоятельность местного эфиопского центра domestikации в Северо-Восточной Африке, где уже в конце I тысячелетия до н. э. предки современных кушитских народов возделывали местный злак тефф, энсете, сорго и просо. С ними солидаризируется Б. В. Андрианов в своей обзорной статье⁹⁹. То, что в настоящее время выводы Н. И. Вавилова о происхождении ряда культурных растений из Эфиопии вызывают серьезные возражения, не снимает вопроса о древности этого очага земледелия в целом. На ученом совете ВИР 1 февраля 1937 г. Н. И. Вавилов сам указывал, что Эфиопия не является древним очагом пшеничной культуры¹⁰⁰. Но тем не менее Н. И. Вавилов продолжал считать Эфиопию очень древним очагом земледелия. Думается, что исключительно важная роль *Eragrostis abyssinica* в питании населения Эфиопии, установленная Н. И. Вавиловым, дает основание полагать, что древнее земледелие страны в основном могло базироваться на использовании только этого культурного растения. А то, что тефф, равно как нуг (*Guizotia abyssinica*), не вышел за пределы страны, ни о чем не говорит.

Результаты ботанического анализа африканского кунжута, ячменей, кресс-салата, свойств и морфологии зебувидного скота, завезенного несомненно из Индии, по существенно измененного в течение длительного периода стихийной селекцией, — все свидетельствовало об очень древних культурных связях азиатского и африканского материков. Это следует считать вторым важным научным результатом экспедиции. Н. И. Вавилов указывал, что для понимания многих историко-культурных моментов необходимо восстановить пространственную связь между горной Африкой и Юго-Западной Азией.

В результате экспедиции была вскрыта хозяйственная значимость растений, отобранных в результате многовекового опыта эфиопского земледельца. Флористически Эфиопия исследовалась и до Н. И. Вавилова, но культурной флоре внимания уделялось мало. Исследователи (Витмак, Персиваль, Кернике) не могли не заметить специфических особенностей.

⁹⁶ В. С. Титов. Первое общественное разделение труда, древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, 1962, вып. 88, стр. 14.

⁹⁷ П. М. Жуковский. Мировой генофонд растений для селекции. «Мегацентры и эндемичные микрогенцентры». Л., 1970, стр. 48.

⁹⁸ Е. Н. Синская. Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова». М.—Л., 1966, стр. 30.

⁹⁹ См.: Б. В. Андрианов. Роль перехода к земледелию в историческом процессе. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 127.

¹⁰⁰ ГАОРСС ЛО, № 1372, л. 28.

возделываемых культур, но ценность многих растений не была ими в достаточной степени изучена. Хотя в Дире-Дауа, Джибути, Асмаре существовали европейские макаронные фабрики, работавшие на муке, получаемой из твердых пшениц, их владельцы не проявляли интереса к изучению исходного материала и выделению из него ценных рас¹⁰¹. В то же время пшеница служила не только одним из основных средств питания, но и одной из заметных статей экспорта страны в Аравию. Поэтому научная классификация пшениц, оценка ученым их хозяйственных признаков были очень важны — они показали реальные богатства, которыми располагала Эфиопия. Вывезенные образцы (свыше 6 тыс. экземпляров) пшениц и ячменей прошли широкую проверку в разнообразных условиях Советского Союза, и в результате была выявлена их исключительная ценность. П. А. Баранов, ведущий работы по земледельческому освоению Памира, указывал, что абиссинские ячмени оказались в высокогорных условиях самыми скороспелыми и урожайными; за Полярным кругом они созревали гораздо раньше других сельскохозяйственных культур¹⁰².

Из эфиопской пшеницы были выведены новые разновидности, в названии которых запечатлены географические пункты, по которым прошла экспедиция: «гондарикум», «аксумикум», «аддис-абебе», «анко-берензе», «черчерикум». Их широко использовали в селекционных целях. Особо важное значение имели твердые пшеницы, объединенные в самостоятельный вид «тритикум эфиопикум», многие разновидности которого колосились раньше ряда стандартных сортов. Эта группа пшениц широко используется для синтетической селекции. Оригинальные формы были также найдены и в пшенице, относящейся к разновидности «палоппикум». Из образцов негритянского проса и сорго были выделены ценные линии, способные давать большую вегетативную массу. Тефф, который употреблялся в Эфиопии как хлебное растение, в результате работ над ним советских ученых во многих зарубежных странах приобрел известное значение в качестве кормового растения¹⁰³.

В статье «Географические закономерности в распределении генов культурных растений», написанной Н. И. Вавиловым на пароходе, когда он возвращался из Африки, было высказано в наиболее четкой форме соображение, что в центре происхождения культурных растений собраны почти все доминантные и рецессивные признаки. Скопление доминантных признаков заставило его глубоко задуматься о распределении их в центрах формообразования и за их пределами. Думается, можно согласиться с академиком Н. А. Майсуриным, что «эти идеи имеют общепланетическое значение»¹⁰⁴, как и с тем, что «идеи работы Н. И. Вавилова, установившего специфический восточноафриканский центр происхождения культурных растений, явились методологической основой для французского ботаника Р. Портеса, доказавшего, что Западная Африка также является родиной многих культур»¹⁰⁵.

Экспедиция Н. И. Вавилова имела большое общественно-политическое значение. Для ученого Эфиопия была не только страной древней и оригинальной культуры, но и страной, борющейся против колонизаторов; ученый отмечал, что она «представляет единственный остров среди огромного черного континента, еще борющийся за свое существование», что «народы Абиссинии давно уже снискали в мире общее уважение за стойкое сопротивление порабощению»¹⁰⁶.

¹⁰¹ Н. И. Вавилов. Пшеницы Абиссинии, стр. 348.

¹⁰² П. А. Баранов. В тропической Африке. Записки ботаника. М., 1956, стр. 20.

¹⁰³ М. М. Якубинер. Заметки о растениеводстве в Эфиопии. «Сельское хозяйство», 8 июля 1959 г.

¹⁰⁴ Н. А. Майсуриан. Предисловие. — «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 15.

¹⁰⁵ П. А. Баранов. Указ. соч., стр. 12.

¹⁰⁶ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 751.

Н. И. Вавилов отмечал также чрезвычайное добродушие, приветливость и гостеприимство эфиопов¹⁰⁷. Позже он рассказывал о случае, когда он у озера Тана «лежал в палатке в тифозной лихорадке и испытывал исключительное, трогательное человеческое отношение черного каравана из сомалийцев, галласов и негров к чужому для них пришельцу из неведомой далекой страны»¹⁰⁸.

Богатый и хорошо подобранный материал, опубликованный в работах и сообщенный в докладах ученого, имел большой успех¹⁰⁹.

24 октября 1935 г. в Институте антропологии и этнографии была организована выставка, посвященная Эфиопии, на которой демонстрировались агроклиматические карты, составленные по материалам вавиловской экспедиции¹¹⁰.

Эфиопия занимала особое место в научных интересах Н. И. Вавилова и поэтому была предметом наиболее тщательного исследования. Вместе с тем его экспедициями были охвачены и другие страны африканского континента. В разное время он посетил Тунис, Алжир, Марокко; по его плану была обследована флора полей Египта. Это позволило ему сделать ряд наблюдений, важных для понимания этногенеза народов средиземноморского бассейна. Проведенное Н. И. Вавиловым изучение культурной флоры и техники земледелия привело к установлению общности культурных посылок в развитии древнеегипетской цивилизации, античных цивилизаций Средиземноморья, а одновременно к установлению различий в земледелии этих стран и других очагов зарождения земледелия, и прежде всего Юго-Западной Азии.

Сравнение Средиземноморья с ближайшими очагами земледелия было очень важно при решении вопроса о самостоятельности тех или иных культур. Давая общую оценку культурной флоре этого района, Н. И. Вавилов указывал: «...средиземноморская область имеет тенденцию к преимущественному образованию крупноплодных, крупносемянных и крупноцветных форм; Юго-Западная Азия, Афганистан, Туркестан, Бухара, Прииндийские районы характеризуются свойством образования форм мелкосемянных, мелкоплодных, мелкоцветных»¹¹¹.

Микроформы Азии и Средиземноморья, как это было установлено Н. И. Вавиловым в результате широко проведенного исследования, находят отражение во всех видах и родах культурных растений. Он отмечал, что пшеницы Средиземноморья — гиганты по сравнению с типичными карликовыми формами Юго-Западной Азии¹¹². То же наблюдалось и в отношении бобовых¹¹³, льна, лука и др.¹¹⁴ Причины этого явления Н. И. Вавилов усматривал не только в мягком климате района, но и в общей культурности населения. Привлекая материалы раскопок в Египте, он пришел к выводу, что крупноплодность и крупнозерность культурной флоры были присущи Средиземноморью уже во времена фараонов¹¹⁵. Однако признание факта «культурности» не помешало Н. И. Вавилову дать сопоставимую и реальную оценку значимости этого района в развитии мирового земледелия. Так, он пишет: «Несмотря на огромное культурно-историческое значение средиземноморского очага», он «содержит небольшое число автохтонных растений растительных культур»¹¹⁶.

¹⁰⁷ ГАОРСС ЛО, № 859, л. 15.

¹⁰⁸ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии, стр. 751.

¹⁰⁹ Рядом с Н. И. Вавиловым, стр. 192.

¹¹⁰ «Правда», 25 октября 1935 г.

¹¹¹ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 94—95.

¹¹² Там же, стр. 95.

¹¹³ Там же, стр. 98.

¹¹⁴ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 149.

¹¹⁵ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 48.

¹¹⁶ Н. И. Вавилов. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований, стр. 146.

Сопоставляя состав культурных растений Северной Африки и Юго-Западной Азии, Н. И. Вавилов пришел к выводу о самостоятельном возникновении земледельческой культуры в Египте, о значительной ее независимости от влияния древних государств Двуречья. Это положение он аргументировал тем, что древнейшие обитатели Северной Африки и Юго-Западной Азии основывали и развивали свое земледелие «на различных видах пшеницы». Если египетская, критская и другие средиземноморские цивилизации базировались на твердых пшеницах, то месопотамская и древнеиндийская — на мелких и карликовых пшеницах¹¹⁷. Так, специально для Северной Африки Н. И. Вавиловым была выделена секция (*var. africana Vav.*), заметно отличающаяся от пшениц других районов Средиземноморья.

На основе общей закономерности в формировании культурной флоры Н. И. Вавиловым выделяются отдельные микроочаги, растения которых характеризуются особыми признаками. В частности, им отмечается, что оазисный характер земледелия наложил определенный отпечаток на типы пшениц, выделяющий их среди других средиземноморских форм¹¹⁸, что специфические группы культурных растений сформировались в горных районах¹¹⁹. На материалах, собранных Гудзони¹²⁰, Н. И. Вавилов выделил особенности культурных растений Египта. Пустынный характер местности и поливная культура земледелия Египта определили здесь низкорослость и скороспелость хлебов. Земледельцы этой страны ввели культуру александрийского клевера и создали на основе длинноволокнистого американского хлопчатника свой египетский¹²¹.

Формы мягкой пшеницы Египта своими качествами определенно указывают на связь земледельческой культуры долины Нила с Индией. Большое своеобразие обнаружили экотипы пшениц Марокко, Алжира и Туниса. Оригинальные, приуроченные, а в отдельных случаях и узколокализованные по определенным районам Магриба, экотипы выделены также по другим видам сельскохозяйственных растений. Это особые формы полбы-эммера (*Triticum diccosum*) в Марокко, пажитника (*Triganella foenumgraecum*) в Алжире и Тунисе, своеобразная форма бобов Египта (*Vicia faba, f. aegyptica*) и др., которые свидетельствовали об известной порайонной земледельческой специфике в земледельческой культуре Северной Африки.

В данных ботанического анализа Н. И. Вавилов видел ключ к выяснению взаимных влияний различных земледельческих культур, к решению отдельных вопросов этногенеза, к определению автохтонного или заносного характера земледельческой культуры, ее древности.

В изолированных горных районах Кабилии, в Атласских горах Н. И. Вавилов обнаружил резкое отличие культурной флоры от общесредиземноморского типа. Здесь бобы, чечевица, горох и чина отличались темными и мелкими семенами, зерновые были представлены мягкой пшеницей, т. е. типичными эндемиками Юго-Западной Азии¹²². Здесь впервые в Африке были обнаружены: культура, происходящая с Кавказа и из Передней Азии, — твердая пшеница с осыпавшимся зерном (признак, совершенно не характерный для данного вида).

Эти реликты дали основание Н. И. Вавилову поставить вопрос о связях населения горных районов Северной Африки с земледельческими

¹¹⁷ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 27, 102; А. Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 45—46.

¹¹⁸ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 153.

¹¹⁹ Там же, стр. 159.

¹²⁰ Итальянский студент, отправленный Н. И. Вавиловым для сбора растений в Египте.

¹²¹ Н. А. Базилевская. Н. И. Вавилов — путешественник. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова». М., 1966, стр. 69.

¹²² Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 55.

народностями Юго-Западной Азии¹²³. И так как пшеницы средиземноморского бассейна пришли из Передней Азии, это дало Н. И. Вавилову основание считать, что земледелие горных районов более древнее, нежели в прибрежных¹²⁴. Наличие культуры негритянского сорго на севере Африки связывается Н. И. Вавиловым с этническим составом населения¹²⁵, с влиянием Юго-Восточной Африки. В культуре полей горного и предгорного Туниса Н. И. Вавилов выявил наряду со стародавними сортами твердых пшениц, возделываемыми арабами, мягкую пшеницу, привнесенную французами¹²⁶.

Данные, полученные из анализа культурной флоры, Н. И. Вавилов подкрепляет системой других доказательств, которые являются как бы «связными признаками» в определении различных культурных влияний в целом. В частности, касаясь этнического состава населения стран Магриба, он убедительно доказывает приуроченность культур к определенным народам. Типы культурных растений, свойственные Юго-Западной Азии, были присущи территориям, населенным берберским населением, негритянского сорго — деревням с негроидным населением из Внутренней Африки.

Н. И. Вавилов определил своеобразные элементы земледельческой техники, свойственные Средиземноморью, отличавшие ее от других стран древнего земледелия: романский бороздильный плуг, дощатая молотилка, усаженная острыми камнями, каменный каток. Таких типов орудий не знали Китай, Индия и большая часть стран Юго-Западной Азии¹²⁷. Но ученый не ограничивается общей характеристикой. Путешествие по Северной Африке дало ему возможность заметить порайонные различия в агротехнике, в степени интенсивности земледельческой культуры, которые подтверждали его выводы, основанные на анализе состава культурных растений. Более старая и более высокая культура земледелия была присуща берберам. В арабских селениях, с наличием относительно больших земельных запасов, земледелие развивалось экстенсивно, существовала монокультура пшеницы¹²⁸.

В целом земледелие Северной Африки было довольно примитивно, пишет Н. И. Вавилов. «Инвентарь — арабский плуг-бороздильник, молотильная доска с вбитыми кремнями, деревянная лопата для отвейки мякины от зерна. Ручной посев вразброс. Посев с осени. Обычная трехполка: пшеница — ячмень — пар. Вот и весь агрономический устоя этой древней земледельческой страны»¹²⁹. Без сомнения, ведущим в этой культуре было горное земледелие Атласа и Кабильских гор, восходящее к древнему берберскому населению Северной Африки. Н. И. Вавилов неоднократно подчеркивает относительно высокий уровень развития горного земледелия, его отличие от более поздней культуры арабского населения равнин Магриба.

В технологии изготовления хлеба из пшеницы он выделяет как «наибольший примитив» в использовании зерна приготовление из твердой ферментированной пшеницы каши «кус-кус». Происхождение этого реликта Н. И. Вавилов связывает с Юго-Восточной Азией, «население которой питается главным образом вареным рисом»; «кус-кус — это своего рода пшеничный рис»¹³⁰.

Влияние юго-востока Азии на Магриб Н. И. Вавилов видит в наличии кяризного орошения около Марракеша и в составе культур в этом райо-

¹²³ А. Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 49, 73.

¹²⁴ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 150.

¹²⁵ Там же, стр. 155—156.

¹²⁶ Там же, стр. 158.

¹²⁷ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения земледелия в свете современных исследований, стр. 147.

¹²⁸ Н. И. Вавилов. Пять континентов, стр. 150—151, 155.

¹²⁹ Там же, стр. 159.

¹³⁰ Там же, стр. 158—159.

не ¹³¹. Аналогии, свидетельствующие об очень отдаленных связях, здесь, конечно, не бесспорны, но одно несомненно: они говорят о древности земледелия Магриба.

Н. И. Вавиловым на основании анализа растительной субстанции была установлена связь горных районов Африки не только с великой средиземноморской культурой, но и с Юго-Западной Азией, что явилось открытием, составившим целую эпоху в палеоэтнографии Северной Африки.

В середине 20-х годов лишь начиналась разработка археологии Северной Африки. В качестве предварительных суждений высказывались мысли о возможных древних связях культур Магриба с культурами Передней и Юго-Западной Азии. Лишь после тщательного изучения мезо-неолитических культур Магриба и Северной Сахары стало очевидным, что культура древнего бербероязычного населения Северной Африки, сложившаяся как типично средиземноморская, имела живую связь не только с долиной Нила, но и с полумесяцем плодородных земель — древнейшей житницей Передней Азии.

Н. И. Вавилов раньше историков и археологов пришел к научно обоснованным выводам о значении древней берберской земледельческой культуры в арабизированной Северной Африке, указав в то же время на ее переднеазиатские корни: «Сравнительное однообразие культурных растений, экстенсивный характер земледелия, свойственный значительной площади, показывают наглядно, что не здесь начиналась культура. Истоки ее надо искать для хлебных злаков несомненно в Передней Азии» ¹³².

Сельскохозяйственные культуры не составляют, конечно, содержания той или иной культуры в целом. Но, читая Н. И. Вавилова, нельзя не вспомнить о попытках ряда современных африканистов представить развитие североафриканских культур как следствие влияний со стороны культур, находившихся по ту сторону Сахары. Нам же представляется характерной изолированность наблюдавшейся Н. И. Вавиловым в предгорьях марроканского Атласа культуры выходцев из Внутренней Африки с ее своеобразным обликом и с посевами негритянского проса и сорго. Чужеродный и поздний характер этой культуры очевиден.

Об этом же убедительно говорит ботанический анализ кунжутов. Центром их формообразования является Южная Африка. Вместе с тем формы, свойственные районам Магриба, резко отличны от южноафриканских и очень близки к азиатским. Это дает основание полагать, что кунжут попал в Средиземноморье, проделав путь через Эфиопию, Индию, Среднюю и Переднюю Азию. Вероятно, если бы существовал экологический коридор между югом и севером Африки, направление его было бы иным ¹³³.

Работы Н. И. Вавилова заставляют думать, что представление о Сахаре начала голоцена как о цветущей, хорошо обводненной территории является несколько преувеличенным.

Во время путешествия по странам Северной Африки Н. И. Вавилов привлекает своеобразие построек и одежды. В книге «Пять континентов» он описывает дома арабов с плоскими крышами, украшенными колосьями твердой пшеницы, кабилские дома с черепичным покрытием, головные уборы населения Тиарета и одежды выходцев из Внутренней Африки на востоке Атласских гор. Н. И. Вавилов отмечает также влияние арабской архитектуры на современное французское строительство в Касабланке и Рабате (дома с плоскими крышами).

Уделял он внимание и картинам природы, ландшафту материка. «Закончил часы дел африканских, — писал он П. П. Подъяпольскому, — Алжир, Тунис, Марокко. Видел и кланялся от Вас Сахаре. Она мне приглянулась. Не люблю ни моря, ни пустыни. Первого боюсь. А пустыня пуста. Но чудны оазисы финиковой пальмы, от них не хотелось уходить. Видел

¹³¹ Там же, стр. 154.

¹³² Там же, стр. 159.

¹³³ А. Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 68.

несметное число гордых пальм. По пустыне, как и в Азии, катаются дикие арбузы колоцинты. А теперь в Азии. Постигаю понемногу философию бытия, т. е. происхождения»¹³⁴.

Вплоть до настоящего времени многие зарубежные исследователи подходили к изучению истории Африки, как, впрочем, и других слабо развитых стран, предвзято. Как образно выразился американский ученый Вудворд, «история со всеми ее последствиями имела штамп «Сделано в Европе»¹³⁵. Исследованиями Н. И. Вавилова не только была показана исключительная самобытность и оригинальность африканской земледельческой культуры, но отмечено ее конкретное влияние на развитие мирового сельского хозяйства. Остановившись на широком развитии посевов «искусственно подобранных форм джугары» в Хивинском и Бухарском оазисах, он связывал это обстоятельство с отдаленным влиянием «земледельческих культур Египта, Судана и примыкающих стран». Он писал, что «на группе сорго... запечатлена наглядным образом историческая роль африканских культур в выработке типа земледелия Хивинского оазиса»¹³⁶. Элементы африканской культуры, попавшие сюда, по его мнению, вследствие арабской миграции, находят свое выражение и в наличии чигирного орошения, не отличающегося по технике от египетских пригационных сооружений. Большую роль в среднеазиатских оазисах играл и другой типичный африканский эндем — арбуз. Быстрое распространение этого растения, «гены» которого в настоящее время «затерялись в огромных пространствах» континента Африки, было зафиксировано в отношении Нового Света «вскоре после открытия Америки»; как упоминалось Н. И. Вавиловым, культура арбузов быстро распространилась на континенте, в том числе и среди индейского населения¹³⁷. Выделяются как хозяйственно ценные культуры мирового земледелия александрийский клевер, оригинальные формы африканских пшениц, хлопчатника, ячменя и ряда огородных, плодовых и овощных культур Африки.

Исходя из того, «что древние земледельческие страны владеют нередко огромным селекционным капиталом»¹³⁸, Н. И. Вавилов выступал активным пропагандистом использования растений, созданных древними земледельцами, в интересах синтетической селекции и прямой интродукции¹³⁹. Научные исследования Н. И. Вавилова открыли исключительные богатства, созданные неизвестными селекционерами-земледельцами африканского континента, показали их значение для развития мировой культуры. Н. И. Вавиловым было убедительно обосновано положение, что экономическая отсталость древних очагов земледелия, в частности Эфиопии, не являлась свидетельством низкого уровня культуры земледелия. На основании материалов африканских экспедиций Н. И. Вавиловым была установлена определенная корреляционная связь между формами возделываемых растений и уровнем культурного развития страны.

Огромным достижением Н. И. Вавилова была разработка учения об историко-географических очагах развития культурной флоры. Изучая географию культурных растений и намечая на карте мира древние «пути зерна», Н. И. Вавилов в то же время давал этнографам неоценимый материал для установления исторических путей народов, их культурных контактов и взаимовлияний.

¹³⁴ Письмо П. П. Подъяпольскому от 13 августа 1926 г. Личный архив Е. Подъяпольской.

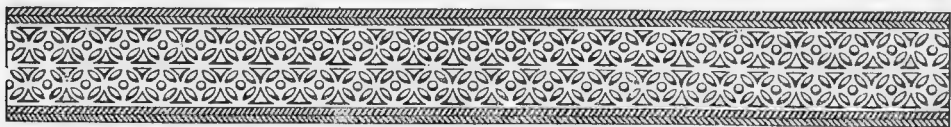
¹³⁵ «American Historical Review», N. Y., vol. 68, N 1, p. 1—19.

¹³⁶ Н. И. Вавилов. Возделываемые растения Хивинского оазиса, стр. 74, 113; он же. Земледельческий Афганистан, стр. 322.

¹³⁷ Н. И. Вавилов. Полевые культуры Юго-Востока, стр. 306.

¹³⁸ Н. И. Вавилов. Путь советской растениеводческой науки. «Избранные труды», т. V, стр. 649.

¹³⁹ Н. И. Вавилов. Культурная флора Таджикистана в ее прошлом и будущем. «Избранные труды», т. V, стр. 568.

В. П. Алексеев

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Н. И. ВАВИЛОВА ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Антропологическая наука одинаково тесно связана как с историей, так и с биологией. Развитие антропологических типов человечества, их происхождение и взаимоотношения неотделимы от истории народов, их этнических связей и миграций. В истории антрополог черпает богатый материал для своих наблюдений, а иногда и обобщений, ибо без исторической информации остаются часто непонятными многие антропологические факты. Но в то же время биология человека — часть общей биологии, биологические законы сохраняют свою власть над человеком и в новом, преобразованном виде — в социальной среде продолжают оказывать воздействие на генетический состав популяций, а стало быть, и на их биологическую динамику. Поэтому антропология очень чувствительна к достижениям общепроизводственной мысли и чутко реагирует на изменение теоретических положений в области теорий эволюции, учения о географической изменчивости, популяционной генетики и т. д. Особенно велико значение для антропологии кардинальных биологических обобщений, сделанных за последние десятилетия и связавших тесно и неразрывно генетику с общей теорией эволюционного процесса, иными словами, заложивших фундамент учения о генетических основах эволюции.

Научное творчество Николая Ивановича Вавилова представляет собой одну из высочайших вершин в биологии XX в. Генетик и географ, исследователь культурной флоры и теоретик эволюции, фитопатолог и агроном, Вавилов на наших глазах, в эпоху исключительной дифференциации науки воскресил энциклопедизм, который, казалось бы, уже безвозвратно ушел в прошлое. Помимо перечисленных областей знания, вклад Вавилова в которые подавляюще громаден, в его работах можно найти неисчерпаемое количество частных наблюдений, касающихся и истории земледелия, и влияния естественно-географических условий на образ жизни человека, и восстанавливаемой по археологическим памятникам древней истории того или иного народа, и этнографии. Естественно, что мысль ученого такого диапазона все время обращалась к самым фундаментальным проблемам биологии и внесла в обсуждение этих проблем идеи исключительного значения. Из них самыми важными по широте охвата фактов и глубине проникновения в проблему являются теория генцентров, закон отнесения рецессивов на окраину видовой ареала и закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Обобщения такого масштаба выходят за рамки тех фактов, с помощью которых они были открыты Вавиловым, выходят даже за рамки биологии и могут быть плодотворно использованы в смежных областях знания, в частности в антропологии: первые два — для проникновения в закономерности формирования антропологического состава человечества, третье — для понимания законов изменчивости человеческого организма и развития учения о происхождении человека.

Дети в семье родителей Вавилова с самых ранних лет находились в обстановке активной интеллектуальной жизни¹. Помимо их природной одаренности, этим можно объяснить отчасти, что оба брата — Сергей и Николай и сестры — Александра и Лидия стали крупными естествоиспытателями. Сам Николай Иванович по настоянию отца окончил Коммерческое училище, в котором в отличие от классических гимназий не преподавались древние языки — латинский и греческий, но зато было хорошо поставлено преподавание основных западноевропейских языков, а кроме того, уделялось большое внимание физике, химии, другим естественным дисциплинам, велись практикумы по ним, поощрялись самостоятельные занятия учащихся. Именно эти обстоятельства пробудили у Вавилова раннюю любовь к естествознанию, определившую его жизненный путь, и в то же время воспрепятствовали его поступлению в университет, так как он не хотел терять год, чтобы подготовиться и сдать обязательный для поступающих в университет экзамен по латинскому языку, и поступил в Московский сельскохозяйственный институт².

Биограф Николая Ивановича Вавилова живо описывает ту интеллектуальную атмосферу, в которой проходили его юношеские годы и в которой зародилась неугасимая страсть к книге, пронесенная через всю жизнь: «Дом Вавиловых... был разделен на две части. Половину дома занимали родители. Жили они по определенному распорядку, соблюдая свои давние привычки. Другая половина принадлежала детям, которые вели совершенно иную жизнь. Чего только здесь не было: сетки с гербарием и семена самых разнообразных растений, лупы, новейшей системы микроскоп, всевозможные препараты, приготовленные для просмотра под микроскопом, карты, книги... Старинные и новейшего издания книги на русском, французском, английском, немецком, итальянском и других языках по истории науки, растениеводству, археологии, географии, искусству, описание путешествий и многие другие»³. Таким образом, к чтению самой разнообразной литературы на иностранных языках, в том числе и специальной, Вавилов привык с юношеских лет, еще до поступления в высшее учебное заведение.

В институте, а также работая после его окончания в лабораториях и на селекционных станциях Англии и Франции, Вавилов приобрел обширную общеприродную эрудицию и великолепное знакомство с культурной флорой. В эти же годы были заложены основы того исключительного интереса к географии культурных растений, который всегда отличал Вавилова и который позволил ему позже создать учение о центрах происхождения основных видов культурных растений. Одна из сотрудниц Вавилова по Всесоюзному институту растениеводства А. Ю. Тупикова сообщает, что, судя по его письмам, основные контуры учения о происхождении культурных растений оформились к 1916—1917 гг.⁴ Сама идея не могла возникнуть без широчайшего знакомства с историко-этнографической и географической литературой, без сопоставления собственно агроботанических наблюдений с географическим распространением по земле древнейших цивилизаций, с историей их расцвета и упадка, с результатами исследований хозяйства и агрикультуры древнейших народов.

А. Ю. Тупикова оставила нам драгоценное свидетельство об интересе Николая Ивановича к этнографии и археологии уже и в эти годы. Летом 1916 г. он по дороге в экспедицию в Персию уехал на Туркестанскую опытную станцию, где А. Ю. Тупикова проводила летнюю практику, и

¹ Об этом см.: В. Келер. Сергей Вавилов. М., 1961.

² О причинах выбора этого учебного заведения см.: Н. И. Вавилов. Из воспоминаний о Н. Н. Худякове. «Сборник научных работ и воспоминаний, посвященных памяти профессора Николая Николаевича Худякова». М., 1929.

³ А. И. Ревенкова. Николай Иванович Вавилов. 1887—1943. М., 1962, стр. 12—13.

⁴ «Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний». М., 1963, стр. 50—51.

провел там несколько дней, изучая культурные растения Узбекистана как на самой станции, так и в маршрутах по окружающим районам. Несмотря на исключительно напряженную работу и недостаток времени, много сил было уделено изучению сельскохозяйственного инвентаря, тщательному осмотру домов и домашней утвари узбеков, их фотографированию. А еще через год Вавилов сообщает ей из Москвы: «Самое интересное — это лекции Валерия Брюсова о древнейшей культуре человечества... И содержание и форма на 5. Эгейская культура вся как живая»⁵. Речь идет, по-видимому, об известной работе В. Я. Брюсова, содержащей очень полный и квалифицированный обзор результатов новейших раскопок в Средиземноморском бассейне и посвященной доказательству существования Атлантиды.

Следы этих разнообразных интересов и постоянных занятий историей и археологией видны и в первых работах Вавилова о происхождении культурных растений, предшествовавших появлению его знаменитой книги «Центры происхождения культурных растений» и написанных еще в Москве, до переезда в Саратов и занятия там кафедры частного земледелия и селекции. Во вступительной лекции к курсу частного земледелия, прочитанной на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах в сентябре 1917 г., сразу же после переезда, он широко использует известную книгу Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», сопоставляет число используемых в земледелии растений с этапами развития цивилизации, отмечает бедность культурной флоры в государствах Древнего Востока и значительное увеличение введенных в культуру видов за последние столетия, особенно после эпохи великих географических открытий и освоения Америки европейцами⁶. В статье о происхождении культурной ржи, опубликованной в том же году и содержащей первую формулировку и обоснование теории Вавилова о проникновении некоторых злаков в культуру из засоряющих поля сорняков на примере ржи, археология, а также историческая лингвистика представлены еще шире⁷. Здесь и ссылка на свидетельство Плиния как на первое определенное сообщение о посевах ржи, и критическая оценка раскопок энеолитических стоянок во Франции, во время которых якобы были найдены обугленные зерна ржи. Названия ржи в языках современных народов Передней Азии, называющих рожь «травой, засоряющей пшеницу», рассматриваются в качестве существенного аргумента в пользу защищаемой теории. Молодой автор в курсе всех историко-этнологических проблем, хоть скольконибудь соприкасающихся с непосредственным предметом его исследований.

В Саратове в рекордные для того тяжелого времени сроки была налажена деятельность кафедры, подобраны учебные пособия, собрана большая библиотека на нескольких иностранных языках. И опять не только специальная, но и книги по общей биологии, географии, истории культуры. К этим годам относится дошедшее до нас свидетельство о личной библиотеке Вавилова, оставленное А. Г. Хинчук: «Библиотека удивляла нас не только количеством, но и подбором книг. В ней были представлены, кроме специальной агрономической литературы и нескольких энциклопедий, книги по географии, физике, химии, философии, истории искусств, медицине и все, кажется, классики мировой литературы»⁸. В эти годы Николай Иванович изучал латинский язык, чтобы в подлинниках читать древнеримских естествоиспытателей, и это было единственное время,

⁵ Там же, стр. 51.

⁶ Н. И. Вавилов. Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства. «Избранные труды», т. V. М.—Л., 1965, стр. 431—441. Для работ, вошедших в это издание, первоиздания мною не указываются.

⁷ Н. И. Вавилов. О происхождении культурной ржи. «Избранные труды», т. III, М., 1962.

⁸ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 65.

когда лаборатория его была закрыта не только для посторонних, но и для ближайших сотрудников⁹. А его лекции ярко отражали этот богатейший запас накопленных знаний: в них агрономия, культурная ботаника и история земледельческой культуры всегда подавались на широчайшем фоне народной жизни в разные эпохи истории человечества. Другая сотрудница Вавилова в этот период пишет о них: «Казалось, что каждый слушатель становился участником экспедиций по Средней Азии, Кавказу, Крыму, Персии и Афганистану, посещал экспериментальную базу Бэтсона под Лондоном с его уникальной коллекцией злаков, собранных со всего земного шара. Масса фотографий знакомила с характерными элементами ландшафта стран, селениями и городами, с бытом жителей, их нравами, этническими типами, орудиями производства, животными и растениями, музыкальными инструментами и т. д.»¹⁰

Собственные работы Николая Ивановича, относящиеся к этому периоду, содержат интересные наблюдения о значении историко-археологических данных для восстановления древней истории культурной флоры. В большой книге, посвященной культурным растениям Нижнего Поволжья, он писал во введении об огромных колонизационных потоках через южнорусские степи в древности, перечисляя гуннов, аваров, славян и болгар¹¹. Касаясь влияния этих колонизационных потоков на растительный состав полей Нижнего Поволжья, Вавилов указывал на восточное происхождение отдельных культурных растений. Наиболее яркий, по его мнению, пример — полба-эммера (*Triticum dicossum*), широко распространенная в пределах ареала расселения татарского, чувашского и башкирского народов. Для Вавилова это яркий и убедительный аргумент в пользу того, что она была принесена на Волгу тюркоязычными предками этих народов, «пример исключительного влияния в выборе культуры не только исторических условий, но и более элементарной формы их — этнографических факторов». На примере распространения подсолнечника в Нижнем Поволжье демонстрируется огромная роль для расселения культурных растений по земной поверхности такого грандиозного историко-географического события, как открытие Нового Света.

Но постоянно помня об исторических процессах при изучении состава, происхождения и распространения культурной растительности земного шара, Вавилов отчетливо осознает ограниченные возможности исторических и археологических данных в установлении путей происхождения культурных растений. В этом сказалась трезвость ума большого ученого, не склонного обольщаться односторонним подходом даже при большой увлеченности, в этом же виден зародыш той критики, которой был подвергнут им Альфонс Декандоль, основной до него исследователь по происхождению культурной флоры, как раз за преимущественное использование археологических и исторических материалов в своих трудах. В противовес Декандолю Вавилов писал еще в 1923 г.: «Археологические, исторические и лингвистические данные мало пригодны для решения вопроса о происхождении отдельных видов, так как обычно виды пшеницы не различаются и путаются археологами и филологами, и поэтому единственным, в сущности наиболее точным методом для определения центра происхождения отдельных видов пшеницы является метод ботанико-географический, состоящий в определении ареалов разновидностей данного вида, в нахождении центра разнообразия большинства известных форм»¹². Итак, широко привлекая историко-археологические данные, Н. И. Вавилов с самого начала корректировал их с помощью результатов собствен-

⁹ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 68.

¹⁰ Там же, стр. 55.

¹¹ Н. И. Вавилов. Полевые культуры Юго-Востока. «Избранные труды», т. II. М.—Л., 1960.

¹² Н. И. Вавилов. К познанию мягких пшениц (систематико-географический этюд). «Избранные труды», т. II, стр. 398.

ных агроботанических исследований; в этом своеобразие и исключительная плодотворность его метода по сравнению с предшественниками¹³.

С переездом в Ленинград и организацией в 1924 г. Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, директором которого он был на протяжении 16 лет, начался в жизни Вавилова новый период грандиозной по масштабу научной и организационной деятельности. Осуществленные им экспедиции охватили свыше 40 стран и обогатили мировую науку не только детальным знанием культурной флоры посещенных районов, но и историей земледелия в них в связи с историей цивилизации, а в некоторых случаях позволили внести коррективы в представления об исторических взаимоотношениях древних цивилизаций, сложившиеся на основании результатов археологических раскопок. Богата и разнообразна собранная во время этих экспедиций информация о земледельческой этнографии: способах обработки земли, простейших приемах ирригации, сельскохозяйственном инвентаре, использовании при обработке земли на полях домашних животных. Но прежде чем говорить об этом, следует уделить внимание труду Вавилова об основных центрах происхождения культурных растений, который лишь частично базировался на опыте экспедиций и в основном отражал знания, накопленные к началу 20-х годов¹⁴. Только результаты экспедиции в Афганистан были частично учтены в этом сочинении. Оно неповторимо по богатству использованного материала и редкой логике в его систематизации. Исключительно полно была использована литература по истории земледелия, в том числе и археологическая.

После того как ботанико-географический метод был поднят на принципиально новую ступень самим Вавиловым и его учениками, после создания дифференциальной географии культурных растений¹⁵ археологические, лингвистические и исторические данные приобрели особое значение. Вавилов писал, что, «прирученные к определенным ботаническим видам, они могут иногда значительно дополнить и углубить сведения о прошлом культурных растений»¹⁶.

Излюбленное им сопоставление выводов из ботанико-географических и исторических исследований и извлечение из такого сопоставления новой информации было очень плодотворным. При рассмотрении происхождения хлебного злака древних народов, полбы-эммеры (см. выше) Вавилов обратил внимание на то, что сейчас она представлена в культуре в основном тех народов, которые до недавнего прошлого стояли, а некоторые и теперь стоят на сравнительно низкой ступени общественного развития: в Поволжье — тюркские народы, на Кавказе — народы центральных предгорий, в Испании — баски, в Ираке — курды, в Эфиопии — первобытные горные племена. Она сохранилась, по мнению Вавилова, с глубокой древности вместе с отсталым земледельческим укладом и архаическими обычаями. Известная экспедиция одного из ближайших его сотрудников В. Е. Писарева в Монголию выявила огромное разнообразие форм проса, что явилось одним из существенных указаний на его происхождение в Центральной и Восточной Азии. Вавилов убедительно показал, что просо продвинулось в Европу из Азии вместе с кочевыми народами, очевидно, сравнительно поздно, и аргументировал это широким распространением его даже у кочевников Азии, его приспособленностью

¹³ О них см.: В. Л. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1938; С. С. Станков. Из истории вопроса о происхождении культурных растений (Р. Броун—А. Декадоль—Н. Вавилов). «Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции». М.—Л., 1960.

¹⁴ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. «Избранные труды», т. V. См. также: Н. И. Вавилов. О восточных центрах происхождения культурных растений. «Новый Восток», 1924, № 6.

¹⁵ См. об этом: А. Н. Ипатьев. О дифференциальной географии культурных растений в работах Н. И. Вавилова. «Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции».

¹⁶ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 19.

к произрастанию в разных экологических условиях, что так важно при кочевом быте, наконец, способностью его вызревать в разное время года.

В связи с происхождением первичных, наиболее рано вошедших в культуру растений особенно интересна последовательность этапов окультуривания конопли. Повсеместное распространение конопли вызвало особенно пышное развитие ее вокруг мест жилья, на удобренной отбросами, богатой перегноем почве. «Конгломерат форм дикой конопли,— писал Вавилов,— ...сопровождал человека в его кочевьях, в его расселении по Старому Свету. Конопля бросалась в глаза первобытному обитателю Старого Света, шла за ним по пятам, ютилась около его хижины и сама предоставляла ему свои услуги»¹⁷. Во время частых голодовок человек не мог не обратиться к услугам этого растения, бессознательно отбирая формы с неосыпающимися крупными плодами, давшие начало культурным расам. Устанавливая место и время введения конопли в культуру, Вавилов воспользовался самыми разнообразными историческими сведениями: неизвестностью ее в древнем Египте, где не обнаружено никаких следов волокна пеньки, отсутствием упоминания ее в Библии и у Геродота, но зато глубокой древностью культуры ее в Индии и Китае. Этим устанавливается азиатский очаг окультуривания конопли, что подтверждается и лингвистически: названия конопли есть в санскрите и древнекитайском языке. Учитывая характер расселения этого растения, Вавилов пришел к выводу о полицентрическом происхождении культурных рас, о независимом введении конопли в культуру на территории Азии в разных местах.

В книге о центрах происхождения культурных растений Вавиловым был предложен первый вариант панэкуменной системы формообразовательных очагов культурной флоры. Сопоставив их с существовавшими тогда представлениями о древнейшем прошлом человечества и первых государствах, он внес в эти представления существенные коррективы: это самостоятельность и древность цивилизации в Восточной Азии, указание на древние этапы развития земледелия и культуры в Закавказье, самостоятельный, независимый от Старого Света процесс исторического развития в Центральной Америке и на Андийском нагорье. Все это были свежие и оригинальные мысли, опережавшие свое время и подтвержденные всем последующим ходом исторической науки. К их числу относится и утверждение, тогда предположительное, о глубокой древности земледелия, о начале его в древнейшие эпохи развития человечества, на рубеже мезолита и неолита. Но, пожалуй, наиболее важен для историка центральный вывод книги о том, что очаги возникновения земледельческой культуры сдвинуты (по сравнению с очагами древнейших цивилизаций, располагающихся в долинах рек) в горные местности, что происхождение населения этих долин следует искать в окружающих горных районах. Помимо ботанико-географических аргументов в пользу этой точки зрения Вавилов привел и исторические: невозможность осуществления ирригации в долинах больших рек без установления деспотической власти и использования труда рабов, т. е. уже на сравнительно высокой ступени общественного развития, и в то же время сравнительную легкость общественной организации орошения в горных районах, где горные реки самоотеком могут быть отведены на поле.

Итак, эта книга Вавилова при всей своей ботанико-географической направленности представляет собой также значительное произведение и с точки зрения историко-этнографической, в ряде случаев корректируя итоги историко-археологических и этнографических исследований. А. М. Горький писал 22 июня 1927 г. П. С. Когану из Сорренто: «На днях я получил несколько книг, изданных созданным по инициативе В[ладимира] Ильича «Институтом прикладной ботаники и новых культур», про-

¹⁷ Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений, стр. 89.

читал труд проф. Н. И. Вавилова «Центры происхождения культурных растений», его доклад о «Законе гомологических рядов», просмотрел «Карту земледелия СССР» — как все это талантливо, как значительно»⁸.

Экспедиции второй половины 20-х — начала 30-х годов расширили и без того огромную фактическую базу обобщений, сделанных Н. И. Вавиловым.

Осуществленное летом и осенью 1924 г. путешествие по Афганистану было подробно описано ученым лишь через пять лет¹⁹. Это понятно: колоссален был маршрут путешествия, охвативший всю страну, неисчерпаемо богатство наблюдений как агроботанического и экономического, так и этнографического характера, громадны собранные коллекции. В дипломе, сопровождавшем золотую медаль имени Пржевальского, которой Вавилов был награжден в 1925 г. Всесоюзным географическим обществом после афганского путешествия, было сказано: «За географический подвиг». В книге «Земледельческий Афганистан», представляющей собой энциклопедию не только агрономических, но и географических сведений об Афганистане, большое место занимает и собственно этнография.

Специальная глава в ней посвящена обзору этнического состава Афганистана и тем очень фрагментарным историческим и археологическим свидетельствам о древнем прошлом страны, которые были известны к тому времени. Приведены данные о численности и расселении как самих народов, так и входящих в их состав племенных групп; кратко, но выразительно описаны основные особенности быта, хозяйства, культуры; упомянуто о всех тех этнографических и исторических фактах, которые могут быть использованы для освещения происхождения народов. Автор, как и во всех других случаях, исчерпывающе знает литературу, не забывает ни одного литературного сообщения (например, указаний М. С. Андреева на инородный субстрат в составе таджиков), но любое такое сообщение подтверждает своими наблюдениями. Так, он отметил резкое отличие сельскохозяйственной лексики таджикского языка от других иранских языков, подтверждающее вывод М. С. Андреева, установленный при анализе других этнографических материалов. Для нуристанцев этнографические наблюдения Вавилова до сих пор сохраняют значение первоисточника исключительной важности: описаны постройки и типы поселений, сельскохозяйственный инвентарь, занятия населения; отмечены различия между отдельными кишлаками в языке и быте, записана лексика кафирских диалектов, фотографиями иллюстрирован антропологический тип нуристанцев.

Известный к тому времени археологический материал, сведенный и использованный Вавиловым, не позволял увести древность цивилизации в Афганистане глубже рубежа новой эры. Для северных районов Афганистана этот хронологический рубеж нашел подтверждение и в изучении культурной флоры, не носившей самостоятельного характера. Но для южных районов и восточных областей, прилегающих к Пакистану, выявилось исключительное разнообразие культурных растений, обилие эндемов (т. е. растений местного происхождения), свидетельствующее о древнем очаге земледельческой культуры, очень раннем развитии земледельческой цивилизации. Никаких археологических следов этой цивилизации найдено тогда не было, и Вавилов сделал смелое предположение: «Отсутствие археологических документов, связанных обыкновенно с городами, с цивилизацией в прямом смысле этого слова, не есть еще неопровержимое доказательство отсутствия в данной стране древней земледельческой культуры более ранней, чем рассмотренные выше памятники первых веков до нашей эры. Сравнительно-географический, ботанико-агрономический анализ

¹⁸ А. М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 30. М., 1955, стр. 26.

¹⁹ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. «Избранные труды», т. I. М.—Л., 1959. Более поздний, посмертно опубликованный обзор путешествия: Н. И. Вавилов. Пять континентов. Повесть о путешествиях в поисках новых растений. М., 1962.

таких районов, как Герат, Кандагар, юго-восточный Афганистан с его горными долинами, интенсивным типом земледелия и чрезвычайно богатым оригинальным набором сортов полевых и огородных растений, заставляет фиксировать внимание историка земледелия на этой части Азии и попытаться проникнуть в глубь истории Афганистана, определяемой археологическими документами»²⁰. Археологические открытия последующих лет, как известно, углубили дату начала земледельческой культуры в Афганистане в IV тысячелетие до н. э. и блестяще подтвердили предположение Вавилова²¹.

За Афганистаном в 1925 г. последовал Хорезм, результаты агроботанического обследования которого были опубликованы через четыре года²². Вавилов и здесь верен себе: он начинает с указания на имеющиеся исторические сведения, суммированные В. В. Бартольдом и уводящие историю Хивинского оазиса к середине I тысячелетия до н. э. В разделе о дынях сказано (со ссылкой на исторические источники) о том, что их высокие качества были известны китайцам еще во II в. до н. э. Анализ состава возделываемых растений показал самостоятельный характер хивинского земледельческого очага. На основании сходства форм он связывается с первичным очагом, локализованным в Восточном и Южном Афганистане и Западной Индии. Многолетние работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции подтвердили это сопоставление огромными археологическими материалами, с помощью которых были установлены интенсивные связи Хорезма в древности с более южными районами. Углубилась и установленная археологическими документами древность хорезмийской цивилизации минимум на 1500—2000 лет, что не меняет, впрочем, правильности общей оценки происхождения земледелия в Хорезме под влиянием южных культурных воздействий.

Осуществленная в 1926—1927 гг. экспедиция в страны Средиземноморья и Эфиопию была исключительно плодотворна в отношении как ботанических, так и этнографических результатов. Задуманный путешественником обобщающий труд «Земледельческая Абиссиния» не был написан, об экспедиции сохранился лишь краткий отчет, а экспедиционные сборы были обработаны лишь частично и изданы в книге «Пшеницы Абиссинии», написанной коллективом авторов под руководством и при ближайшем участии Вавилова²³. Но из его переписки с сотрудниками Института растениеводства во время экспедиции, кратких дневниковых записей, сохранившихся фотографий видно, что и в Эфиопии, и в Средиземноморье Вавилов занимался не только агроботаникой, но и сельскохозяйственной этнографией²⁴. Глубокую древность эфиопского центра происхождения культурной флоры он, как всегда, аргументировал не только ботаническими, но и археологическими наблюдениями, а именно сравнительно ранним возрастом сохранившихся археологических памятников в Аксуме.

Интерес к Центральной Азии у Вавилова особенно усилился после афганского путешествия, так как установление северо-восточных границ переднеазиатского центра происхождения культурных растений, естественно, стало одной из первоочередных его научных задач. В 1929 г. была проведена большая экспедиция, охватившая все основные земледельче-

²⁰ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан, стр. 102.

²¹ Обзор данных см.: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964; В. М. Массон, В. А. Ромадин. История Афганистана, т. I. С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964; В. М. Массон. Природа и происхождение цивилизации. «Природа», 1969, № 3.

²² Н. И. Вавилов. Возделываемые растения Хивинского оазиса (ботанико-агрономический очерк). «Избранные труды», т. II. См. также: Н. И. Вавилов. Пять континентов.

²³ Н. И. Вавилов. Советская экспедиция в Абиссинии. «Избранные труды», т. V. См. также: Н. И. Вавилов. Пять континентов.

²⁴ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 183—189.

ские районы Синцзяна²⁵. Как и Хорезм, он оказался беден эндемиами. Вавилов писал о богатых результатах исследований А. Стойна, С. Ф. Ольденбурга и других исследователей, открывших в земледельческих оазисах великолепную культуру, наметивших караванные пути, по которым шла торговля Китая с Римом и Средней Азией. Но его собственные сборы возделываемых растений, сравнительно бедные, не могли, как в Афганистане, привести к мысли о еще не вскрытых пластах истории культуры и земледелия. Однако Вавилов выявил влияние Юго-Западной Азии и Китая на формирование земледельческой культуры Центральной Азии, что хорошо согласуется с представлением о преобладающих направлениях культурных и этнических связей; отметил, что огородная культура в Синцзяне находится преимущественно в руках корейцев, дунган и китайцев — народов восточного происхождения; показал почти полное тождество используемых здесь сельскохозяйственных орудий со среднеазиатскими. Окончательный вывод о большой отсталости и крайней бедности центральноазиатского земледелия был аргументирован и медико-географически тем, что могучие хребты отделяли Синцзян от остальных районов и обусловили относительную безопасность его в отношении многих инфекционных заболеваний, распространенных в Афганистане и Иране.

В двух обширных американских экспедициях 1930 и 1932—1933 гг. Вавилов обследовал земледелие США, почти всех стран Центральной и Южной Америки²⁶. Он почти исчерпывающе использовал известную тогда литературу по заселению Америки, по древнейшим центральноамериканским и южноамериканским цивилизациям. Выделив два самостоятельных центра возникновения культурных растений — центральноамериканский и андийский, он показал огромное значение географического фактора в развитии земледельческой культуры именно в этих районах. При установлении центров возникновения и расселения отдельных видов культурных растений им широко привлекались материалы археологических раскопок. Американские данные позволили Вавилову дополнительно аргументировать свою теорию о возникновении земледелия в горных районах из неополвной культуры, о вторичном характере орошаемого земледелия. Собственно ботанические наблюдения были пополнены исключительно тщательным изучением приемов земледелия в современную эпоху, сельскохозяйственной этнографии индейских этнических групп, а также основных этапов их развития по археологическим материалам. Поэтому две основные статьи Вавилова об американских путешествиях представляют собой не только образцы агроботанического описания территорий, но и замечательные историко-этнографические очерки американского земледелия в связи с историей человеческой культуры.

Большое количество чрезвычайно интересных и важных мыслей историко-этнографического характера содержится и в других трудах Вавилова: его монографиях о культурной флоре Туркмении, Таджикистана и Киргизии, статьях о земледелии во многих районах Кавказа, Японии и на Тайване²⁷. Огромный интерес к историко-этнографической проблематике, ко всем явлениям человеческой культуры в широком смысле слова,

²⁵ Н. И. Вавилов. Роль Центральной Азии в происхождении культурных растений (предварительное сообщение о результатах экспедиции в Центральную Азию в 1929 г.). «Избранные труды», т. II; *он же*. Пять континентов.

²⁶ Н. И. Вавилов. Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света. «Избранные труды», т. II; *он же*. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. Там же. См. также: Н. И. Вавилов. Пять континентов.

²⁷ Оценку результатов ботанических экспедиций Вавилова в целом см.: А. Г. Грумм-Гржимайло. В поисках растительных ресурсов мира. (Некоторые научные итоги путешествий академика Н. И. Вавилова). М.—Л., 1962; М. Поповский. Надо спешить. Путешествия академика Н. И. Вавилова. М., 1968; С. Резник. Николай Вавилов. М., 1968.

питавшийся непрерывным изучением исторической, археологической, лингвистической литературы²⁸, постоянное и очень тщательное сопоставление результатов собственных исследований с уже известными фактами культурной и этнической истории человечества, широкий географический подход к проблеме возникновения и развития центров земледелия — все это делает труды Вавилова бесценными для историка и любого специалиста, соприкасающегося в своей научной работе с проблемами исторической науки. Для антропологов они особенно значимы, так как изучение культурной флоры, как и антропология, связано не только с миром биологии, но и истории, находится на рубеже наук и потому черпает наблюдения и материал для выводов из разных областей знания.

2

Все перечисленные экспедиции и детальное личное знакомство с культурной флорой различных стран не могли не изменить первоначальной схемы центров происхождения культурных растений, опубликованной Вавиловым в 1926 г. В докладе на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, сделанном им в 1929 г., эта схема была расширена за счет выделения в специальный центр Индии²⁹. Особенно кардинальной ревизии география центров, или очагов, происхождения культурной флоры была подвергнута ученым еще через несколько лет в работе, содержащей изложение и аргументацию общей теории селекции с ботанико-географической точки зрения³⁰. Количество центров было доведено в ней до восьми в Старом и Новом Свете. Переднеазиатский центр был подразделен на два: собственно переднеазиатский, включавший Иран и Закавказье, и среднеазиатский (Пенджаб, Афганистан, Кашмир, Таджикистан и Притяньшанье). Также был подразделен на два и американский центр, внутри которого были выделены две самостоятельные области: центральноамериканская и андийская (перувиано-экваторо-болливийская)³¹. Наряду с этими восемью основными очагами были охарактеризованы в ботанико-географическом отношении еще три дополнительных: Индо-Малайский, Чилоанский и Бразильско-Парагвайский.

Но и эта схема не стала окончательной. В статье, опубликованной незадолго до смерти, Вавилов отказался от выделения переднеазиатского и среднеазиатского центров, объединив их в один, но подразделил его на три вторичных очага: собственно переднеазиатский, куда вошла и Средняя Азия, кавказский и северо-западноиндийский³². В этой же работе был дифференцирован и центральноамериканский центр, в составе которого, по мысли Вавилова, локализуются три очага: собственно центральноамериканский, горный южноамериканский и вест-индский островной.

²⁸ Об этом см.: А. Роскин. Караваны, дороги, колосья. М., 1932; П. А. Баранов. Обаяние ученого. (Памяти Николая Ивановича Вавилова). «Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции»; «Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний»; «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова». М.—Л., 1966.

Н. И. Вавилов думал посвятить свои силы в дальнейшем подготовке крупных трудов по истории земледелия, в том числе монографий по истории земледельческой культуры Европы и земного шара. См.: Ф. Х. Бахтеев, Д. В. Лебедев, С. Ю. Липшиц. Академик Николай Иванович Вавилов.— В кн.: Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. I; Е. Н. Синская. Н. И. Вавилов как географ (по личным воспоминаниям). «Изв. ВГО», т. 95, 1963, вып. 1.

²⁹ Н. И. Вавилов. Проблема происхождения культурных растений в современном понимании. «Избранные труды», т. V.

³⁰ Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. (Учение об исходном материале в селекции.) «Избранные труды», т. II.

³¹ Выделение в пределах обеих Америк двух центров впервые произведено им в 1932 г.; см. Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. «Избранные труды», т. V.

³² Н. И. Вавилов. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина. «Избранные труды», т. V. См. также: Н. И. Вавилов. Пять континентов.

Дальнейшее развитие агроботаники и археологии в целом подтвердило самостоятельность и глубокую древность всех установленных ученым центров³³.

Для представителей смежных наук важна, однако, не столько конкретная география самих центров происхождения, сколько то содержание, которое вкладывал Вавилов в это понятие. В 1926 г. он писал о центрах происхождения как об областях с интенсивной фенотипической изменчивостью, характеризующихся активным видо- и формообразованием, по самим причины этих процессов были ему еще неясны. Однако уже через год появилась работа, в которой было показано, что центры происхождения культурной флоры одновременно центры концентрации доминантных аллелей (т. е. такой формы гена, при которой определяемый им признак проявляется уже в следующем поколении, в отличие от рецессивного гена), области ускорения и интенсификации мутационных процессов³⁴. Именно в это время оформилась в работах Вавилова новая терминология, и он стал употреблять строго термин «центр концентрации генов», или «ген-центр», оставив термин «очаг» для вторичных центров, выделяющихся в границах основных областей формообразования. В теории Вавилова о центрах генной концентрации был сделан переход от изучаемой ботаниками-флористами и агрономами фенотипической изменчивости культурных растений к ее генетическим причинам, переход от географии изменчивости, или феноегеографии, к геногеографии. Н. И. Вавилова — вместе с А. С. Серебровским, предложившим общую формулировку границ, методов и предмета геногеографии, — можно считать основателем этой области биологии.

Как всякое крупное теоретическое обобщение, теория генцентров, представление о дискретности (прерывистости) формообразовательного процесса и системности (т. е. закономерном распространении) областей концентрации и разрежения генов чрезвычайно плодотворны при распространении их за пределы тех фактов, при рассмотрении которых они были установлены. Конечно, нельзя говорить о прямом параллелизме генцентров с закономерностями географического распространения других биологических явлений, в данном случае человеческих рас. Расы человека неизмеримо древнее самых старых первичных центров происхождения культурных растений, и если и можно говорить о параллелизме, то он проявляется только по отношению к локальным антропологическим типам, малым, или географическим, расам, как они часто называются в антропологической литературе. Ареал южных монголоидов в общих чертах совпадает с юго-восточноазиатским центром; область формирования дальневосточных монголоидов соответствует восточноазиатскому центру; для населения центральных и северных районов Индии, восточных и южных районов Афганистана, южных районов Средней Азии, т. е. южноазиатского центра в широком смысле, характерна комбинация признаков,

³³ См., например: *Е. Н. Силская*. Культурная флора древнего Двуречья (Месопотамии). «Изв. ВГО», 1964, № 5; *она же*. Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов»; *Г. Н. Лисицына*. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965; «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967; *П. М. Жуковский*. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964; *он же*. Некоторые полувековые итоги изучения мировой географии и эволюционных закономерностей генцентров культурных растений как основы создания в СССР исходного материала для селекции. «Генетика», 1967, № 10.

Сомнения, высказанные в отношении древности эфиопского центра (*В. С. Титов*. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, вып. 88, 1962), не меняют общей картины.

³⁴ *Н. И. Вавилов*. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. «Труды по прикладной ботанике и селекции», т. XVII, вып. 3. Л., 1927; *он же*. Мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений. «Избранные труды», т. V; *он же*. Географическая локализация генов пшениц на земном шаре. Там же.

получившая наименование индо-афганской расы. Переднеазиатская, или арменоидная, комбинация признаков распространена в пределах западно-азиатского центра; население Эфиопии (эфиопский центр) в большинстве антропологических классификаций выделяется также в особую расу в пределах тропического, или негроидного, ствола. При всей неполной изученности Центральной и Южной Америки в антропологическом отношении можно все же сказать, что в пределах американских центров коренные этнические группы также характеризуются определенным своеобразием³⁵.

Однако значительно более важно не это общеизвестное вторичное совпадение, происходящее, очевидно, за счет приблизительно одновременного возникновения в неолите первичных земледельческих центров и тех антропологических комплексов, которые называют малыми расами. Наибольшее значение имеет теоретическая сторона работ Вавилова, показ им на огромном материале дискретности формообразования и вскрытие за ней огромного многообразия в сочетаниях и концентрации генов. Перенесение такого подхода на истолкование антропологических данных чрезвычайно плодотворно, уже сейчас позволяет включить в рассмотрение многие новые аспекты антропологических явлений и обещает дать значительные результаты в будущем.

В отношении терминологии следует сказать, что применительно к антропологической истории человечества предпочтительнее употреблять термин «очаг расообразования», а не «центр расообразования». Последний термин напоминает о геометрической точке и, по-видимому, вполне пригоден для обозначения районов происхождения культурной флоры, занимающих сравнительно небольшие ареалы. Не то очаги расообразования у человека: они, очевидно, были достаточно обширны и приурочены даже к областям с неоднородной географической характеристикой. В пользу такого взгляда можно привести достаточно веские косвенные соображения: относительную независимость человеческих коллективов от условий среды даже на заре истории, в нижнем палеолите, и как следствие этого, а также экстенсивности первобытной охоты и собирательства — их исключительную подвижность. Но есть и прямые доказательства: различия в характере нижнепалеолитической индустрии, складывающиеся одна от другой формами орудий и их разным процентным соотношением (нижнепалеолитические культуры Африки, например³⁶); миграции на протяжении всего каменного века даже с материка на материк³⁷; указания в археологических материалах эпохи мезолита и неолита на межплеменной обмен³⁸. Достаточно обширные ареалы современных рас, заселение человеком самых разнообразных в физико-географическом отношении районов — характерное явление человеческой истории начиная со времени освоения всей эйкумены, т. е. с эпохи мезолита во всяком случае, а весьма вероятно, и раньше.

Каковы предпосылки для выделения очагов расообразования? Они состоят из трех моментов: специфический характер, а иногда и дискретность морфофизиологической изменчивости человеческого организма в разных районах земного шара, дискретность географической среды и взаимосвязанность этих двух категорий явлений. Морфологическая изменчивость человека, ее географическая приуроченность и дискретные про-

³⁵ См. любую обширную сводку по расоведению, например: *E. Eickstedt. Die Rasesgeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934*; *C. Coon (with E. Hunt). The living races of man. New York, 1965*.

³⁶ Обзор: *А. Алиман. Доисторическая Африка. М., 1960*.

³⁷ См., например: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды ИЭ, новая серия, т. XVI, М., 1951.

³⁸ Подбор фактов см.: *Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953*.

явления выявлены всей совокупностью антропологических исследований во многих районах земного шара³⁹.

Различия внутри человечества в величинах физиологических признаков привлекли внимание лишь в нашем столетии, после первой мировой войны. С тех пор собран колоссальный материал о вариациях эритроцитарных особенностей крови, белков сыворотки, строения гемоглобина, химическом составе ушной серы, своеобразии вкусовых реакций⁴⁰. Как правило, физиологические особенности организма, исследуемые антропологами, оказались признаками с ясной наследственной структурой, определяемой одним-двумя, максимум тремя наследственными факторами. Несмотря на наличие данных, свидетельствующих о зависимости некоторых физиологических характеристик крови (группы крови системы АВО, гемоглобин) от инфекционных заболеваний⁴¹, в целом антропофизиологические свойства обнаруживают относительную автономию от средовых воздействий.

Не менее четки пространственные границы отдельных элементов географической среды. Учение о зонах природы В. В. Докучаева имело своими многочисленными следствиями теории климатических поясов, географических и ландшафтных зон, полную и тщательную характеристику поверхности земного шара и приземной атмосферы по отдельным составляющим географическую среду компонентам, выделение отдельных таксономических единиц ландшафтно-географического районирования и их соподчинение⁴². Учение Б. Б. Полынова о геохимии ландшафта легло в основу бурно развивающейся сейчас ландшафтной геохимии⁴³, а влияние этого аспекта географической среды на организмы отразилось в создании теории биогеохимических провинций⁴⁴. В целом, таким образом, географическая среда представляет собою не однородный фон для всех протекающих на земной поверхности процессов, а подвижную динамическую систему разных компонентов, в которой тот или иной компонент приобретает в зависимости от условий места и времени, в силу закономерностей развития самой географической среды преобладающее значение.

Третья предпосылка очагов расообразования — непосредственная связь географической изменчивости человеческого организма и дискретных элементов географической среды — также может быть продемонстрирована рядом данных, хотя пока их не очень много и дальнейшее накопление таких данных крайне желательно. Это увязка со среднегодовыми температурами вариации ширины носа, измеренной на живом, а также ширины грушевидного отверстия, измеренной на черепе, ясное зональное распределение ширины носа в пределах Северной и Южной Америк, географи-

³⁹ Панэйкуменные карты многих признаков, не отражающие, правда, всей полноты накопленных данных, см.: *B. Lundman*. Umriss der Rassenkunde des Menschen in geschichtlicher Zeit. Kopenhagen, 1952; *он же*. Geographische Anthropologie. Stuttgart, 1968; *R. Biasutti*. Razze i popoli della terra, t. I—IV. Torin; 1959—1960. Для краниологических и остеологических признаков такие карты вообще отсутствуют.

⁴⁰ Уже есть обширные сводки данных: *A. Mourant*. The distribution of human blood groups. Oxford, 1954; «Die neue Rassenkunde» (herausgegeben von T. Schwidetzky). Stuttgart, 1962; *I. Schwidetzky*. Ergänzende Karten für Hautleistenmerkmale und PTC-Schmäekfeigkeit. «Homo», 13/7, 1966; Н. 1; *O. Prokop*, *G. Uhlenbruck*. Lehrbuch der menschlichen Blut- und Serumgruppen. Leipzig, 1966.

⁴¹ Обзор фактов см.: *C. Clarke*. Blood groups and disease. «Progress in medical genetics», Basel — New York, 1962 (перепечатано в кн.: *К. Штерн*. Основы генетики человека. М., 1965); *А. А. Воронов*. Аномальные гемоглобины. ВА, вып. 17, 1964.

⁴² Из последних книг на эту тему см.: *Ф. Н. Мильков*. Основные проблемы физической географии. М., 1967.

⁴³ Сводку данных см.: *А. И. Перельман*. Геохимия ландшафта. М., 1966.

⁴⁴ *А. П. Виноградов*. Биогеохимические провинции. «Труды юбилейной сессии, посвященной столетию со дня рождения В. В. Докучаева». М.—Л., 1949; *он же*. Биогеохимические провинции и их роль в органической эволюции. «Геохимия», 1963, № 3; *В. В. Ковальский*. Новые направления и задачи биологической химии сельскохозяйственных животных в связи с изучением биогеохимических провинций. М., 1958; *он же*. Геохимическая экология. «Природа», 1964, № 2.

ческие закономерности в распределении цвета волос и глаз, цвета кожи, формы волос, толщины губ, формы головы. В ряде случаев эта связь распределения признака на территории земного шара с географической зональностью получила удовлетворительное функциональное истолкование (пигментация, ширина носа, толщина губ), в других случаях остается не очень понятной (форма волос) ⁴⁵.

Наряду с отмеченными особенностями сходный тип географического распределения зафиксирован и для пропорций тела, а также росто-весовых отношений. Их связь с зональностью истолкована как одно из средств поддержания совершенного теплового гомеостаза человеческого организма в разных условиях существования ⁴⁶. Многие антропологи рассматривают все эти адаптивные признаки как свидетельство активно продолжающегося приспособления к среде в современном обществе, а следовательно, и интенсивно действующего давления селекции. Против такой точки зрения приводились многие возражения как фактического, так и теоретического порядка ⁴⁷.

Очаг расообразования — это участок земной поверхности, на котором процесс расообразования отличается определенной спецификой. Он может быть ограничен геоморфологическими, ландшафтными или водными рубежами, создающими предпосылку для изоляции проживающих в пределах этого участка этнических групп и для проявления специфических сдвигов в изменчивости признаков. Таким образом, очаг расообразования представляет собою как бы географическую арену для определенной дискретной единицы изменчивости, ее географический ареал. Но он может и не иметь ясных границ в географическом смысле, если этнические группы, проживающие в пределах этого очага, изолированы от остальных социально-языковыми, политическими границами, этнографическими традициями и т. д. Очаг расообразования и в этом случае приурочен к определенной территории, но границами ему служат не географические рубежи, а границы распространения тех социальных явлений, которые выступают в качестве генетических барьеров. Наконец, при отчетливой приспособительности расового комплекса границы очага расообразования определяются пределами распространения тех элементов географической среды, которые вызвали приспособление. Они также могут не совпадать с геоморфологическими, ландшафтными и гидрологическими рубежами, хотя очаг расообразования и в такой ситуации остается в первую очередь географическим понятием. В нем сливаются воедино, синтезируются представления о дискретном характере изменчивости, прерывистости географической среды и непосредственная связь между ними, непосредственное влияние географического фактора на процесс расообразования у человека.

Разумеется, очаги расообразования имеют разную древность и география их менялась от эпохи к эпохе. Это обстоятельство позволяет говорить об определенной иерархии очагов, выделять первичные и вторичные очаги расообразования, образовавшиеся при заселении эйкумены.

Ясно, однако, что процесс расообразования не прекратился с заселением всей эйкумены. Мутации, изоляция, смешение постоянно приводили к формированию новых сочетаний антропологических признаков, к никогда не прекращающейся дифференциации отдельных популяций и их групп. В. В. Бунак выдвинул даже чрезвычайно плодотворную, с моей точки зрения, идею этапности расообразования, выделения в расообразовательном процессе отдельных эпох, отличающихся своей спецификой ⁴⁸.

⁴⁵ Полный подбор данных с указанием литературы можно найти: *I. Schwidetzky. Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen. In: «Die neue Rassenkunde».*

⁴⁶ См.: *E. Schreider. Ecological rules, body-heat regulation and human evolution. «Evolution», vol. 18, 1964, N 1.* Там же библиография его предшествующих работ.

⁴⁷ Наиболее аргументированно и последовательно выступает против нее Я. Я. Рогинский. См., например: *Я. Я. Рогинский. Об этапах и темпах эволюции гоминид. СЭ, 1957, № 6.*

⁴⁸ В. В. Бунак. Человеческие расы и пути их образования. СЭ, 1956, № 1.

В соответствии с этим можно выделять третичные, четвертичные и еще более мелкие и поздние очаги расообразования. Антропологические данные для установления конкретной географии этих очагов, их морфофизиологической, генетической, историко-эволюционной характеристики собираются во всех странах мира⁴⁹.

Все это показывает исключительное значение геногеографических идей и обобщений Вавилова для разработки теории расоведения. Перенесенные на антропологический материал, они обогащаются новыми наблюдениями и выводами, приобретают дополнительное обоснование и позволяют ввести в географию рас плодотворные представления.

В работах о генетическом истолковании центров формообразования Вавилов выдвинул еще одно крупное теоретическое обобщение, блестяще аргументировав его своими ботаническими наблюдениями. Центры формообразования, а следовательно, и концентрации генов, аккумулируют внутри себя преимущественно доминантные аллели; рецессивные аллели (такая форма гена, при которой контролируемый им признак подавляется в следующем поколении доминантным и может проявиться лишь при столкновении с другим рецессивным аллелем) постепенно вытесняются из центра формообразования, по мере распространения вида или разновидности по земной поверхности, все дальше на периферию и в конце концов занимают внутри видового, подвидового или сортового ареала окраинное положение. Н. И. Вавилов распространил это геногеографическое обобщение на объяснение антропологических особенностей народов, находящихся в условиях изоляции. Во время путешествия по Афганистану он обратил внимание на относительную светлоглазость, светлокожность и даже светловолосость нуристанцев в отдельных селениях. Позже это наблюдение пеоантрополога было подтверждено точными антропологическими данными⁵⁰. Для объяснения увиденного Вавилов предложил простую и изящную гипотезу: нуристанцы живут в условиях крайней изоляции, что способствует выщеплению рецессивных аллелей, а посветление пигментации — как раз рецессивный признак у человека. Аналогичные очень светлоокрашенные рецессивные формы были найдены им и в культурной флоре, характерной для Нуристана.

Геногеографический аспект обобщений Вавилова не мог не привлечь пристального внимания антропологов, так как детальная изученность человеческого организма по многим признакам, которые не изучаются у других видов, хотя и обогащает новой информацией, но в то же время требует и свежих теоретических установок для ее анализа. Такая попытка анализа антропологических особенностей населения Северной Европы под углом зрения этой закономерности была предпринята Н. Н. Чебоксаровым, превосходно объяснившим сильное посветление пигментации у представителей северной расы⁵¹. Северные области Европы были, по-видимому, заселены не раньше мезолита группами бродячих охотников за северным оленем, медленно продвигавшимися вслед за отступающим ледником. Естественно, группы эти были очень малочисленны, и в них создавались благоприятные возможности для родственных браков, а следовательно, и для выщепления рецессивных аллелей. Уже в неолите жители Скандинавии были, по-видимому, значительно светлее, чем население остальной Европы. За прошедшие с тех пор пять тысяч лет депигментация еще усилилась. И именно по всем признакам, отражающим интенсив-

⁴⁹ Подробнее об очаге расообразования см.: В. П. Алексеев. К обоснованию популяционной концепции расы. «Проблемы эволюции человека и его рас». М., 1968; он же. Сибирь как очаг расообразования. «Проблемы исторической этнографии и антропологии Азии». М., 1968.

⁵⁰ А. Herrlich. Beitrag zur Rassen- und Stammeskunde der Hindukusch-Kafiren. «Deutsche in Hindukusch». Berlin, 1937; Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Афганистане. СЭ, 1967, № 4.

⁵¹ Н. Н. Чебоксаров. Из истории светлых расовых типов Евразии. «Антропологический журнал», 1936, № 2.

ность депигментации, население Скандинавии выделяется во всех антропологических классификациях в качестве особой, очень своеобразной и самостоятельной ветви в составе европеоидной расы.

Отмеченный механизм имеет, однако, более широкое значение для антропологии европеоидной расы. В специальной статье автор сделал попытку показать, что это сыграло значительную роль в формировании пигментации европеоидов в целом⁵². Если рассматривать весь ареал европеоидной расы, то мы заметим, что наиболее темнопигментированные народы сосредоточены в юго-восточном углу этого ареала — на территории Индии. Далее, подвигаясь на северо-запад, можно выделить на антропологической карте пояс, или зону, отличающуюся уже некоторым посветлением пигментации по сравнению с населением Индии, — народы Передней Азии и Средиземноморья. На европейском побережье Средиземного моря посветление волос, глаз и кожи очень заметно по направлению с юга на север, что особенно видно при сравнении южных и северных французов, южных и северных итальянцев. Население центральных районов Европы много светлее средиземноморских народов, но все же сильно уступает в этом отношении скандинавам. Они образуют крайний полюс, противоположный населению северных и центральных районов Индии. Таким образом, все признаки, характеризующие пигментацию, обнаруживают в своем географическом распространении (в пределах ареала европеоидной расы) определенную закономерность, и эта закономерность выражается в том, что и цвет волос, и цвет глаз, и цвет кожи постепенно светлеют по направлению с юго-востока на северо-запад.

В дополнение к этому следует обратить внимание еще на одно обстоятельство — периферическое положение Европы по отношению ко всему матерiku Евразии. Заселялась Европа, как показывает вся совокупность находящихся в нашем распоряжении археологических и антропологических данных, из центров, лежащих за ее пределами: из Передней Азии, очевидно, через сравнительно узкий коридор — Малую Азию и острова Эгейского моря, частично через Кавказ. Окраинное положение по отношению к центральным районам евразийского материка, удаленность от них, а также необходимость преодолевать в процессе заселения водные и горные рубежи создавали предпосылки для замедления темпов заселения, способствовали редкости первоначальных насельников. Может быть, в более слабой степени, чем в Скандинавии, но по всей Европе в верхнем палеолите и неолите, а может быть, и раньше, создалась та же ситуация: малая плотность населения, малочисленные отдельные родовые группы, в которых постоянно поддерживался определенный уровень родства, выпячивание рецессивных аллелей — светлых волос, глаз и кожи. Только таким образом и можно понять строгую географическую закономерность в распределении этих признаков на территории Южной и Передней Азии, а также Европы, только так, рассматривая Европу как периферийную зону евразийского материка, можно объяснить, почему процесс депигментации, в крайней своей степени выраженный в Скандинавии, охватил в то же время население и других европейских стран. Разумеется, все сказанное не исключает известных преимуществ, которые дополнительно получали светлопигментированные люди в условиях крайнего севера Европы.

Анализируя открытую Вавиловым закономерность по отношению к расовым признакам, уместно сказать о том расширении смысла, которое вкладывается теперь в термин «окраинные народы». Я. Я. Рогинский убедительно показал, что на окраинах эйкумены действуют сильнее, чем в центральных районах, генетико-автоматические процессы (причина — гораздо более сильная изоляция), и поэтому население окраинных зон

⁵² В. П. Алексеев. Генетика и антропология. «Наука и жизнь», 1969, № 9.

чаще всего отличается своеобразными соотношениями в концентрации отдельных генов⁵³. Но те же генетико-автоматические процессы проявляют себя повсюду, где в процесс расообразования вмешивается социальная или географическая изоляция, например в горных районах. Поэтому, говоря о так называемых окраинных народах, нужно подразумевать под ними не только народы, занимающие периферийные области эйкумены, но и все народы, находящиеся в условиях географической изоляции вообще, в частности в высокогорных районах даже центральных областей Старого Света. Они вытеснены за пределы основных путей распространения человеческой культуры и миграций генов ничуть не в меньшей степени, чем какие-нибудь этнические группы крайнего севера Евразии или Огненной Земли. Практически и сам Вавилов имел в виду это обстоятельство, когда он применил установленное им геногеографическое правило к объяснению антропологических особенностей нуристанцев — народа, проживающего не на крайней периферии, а в центре эйкумены, но изолированного от других народов непроходимыми хребтами и высокогорными, чрезвычайно труднодоступными перевалами.

При таком подходе явление отеснения рецессивных аллелей на окраину видового, подвидового или расового ареала приобретает панэйкуменное значение, превращается в одну из самых важных геногеографических закономерностей в расоведении человека, помогает истолковать ряд фактических наблюдений, которые не могут быть удовлетворительно поняты, если не прибегать к геногеографии. Закон Вавилова объясняет, например, без всяких дополнительных гипотез географическое распространение пигментации в более или менее замкнутых районах высокогорья.

Этнические группы, проживающие по обе стороны Главного Кавказского хребта, в этническом и лингвистическом отношении, как известно, чрезвычайно разнообразны: это тюрки — балкарцы и карачаевцы, это иранцы — осетины, это картвелы — все высокогорные этнографические группы грузинского народа, это, наконец, представители нахской, или вейнахской, и аваро-андо-дидойской языковых семей. Но в антропологическом отношении это единое население, представители очень сходного по всей территории своего распространения так называемого кавкасионского типа. Антропологическое сходство всех перечисленных народов так велико и в то же время так различны они по языку и культурным традициям, что противоречие это не могло не привлечь пристального внимания к проблеме происхождения кавкасионского типа. Она рассматривалась в тесной связи с общими концепциями расогенеза народов Кавказа, и решение ее отразило понимание общих вопросов генезиса европеоидной расы.

Грузинские антропологи, впервые открывшие кавкасионский тип, — М. Г. Абдушелишвили и А. Н. Натишвили исходили из его морфологического своеобразия, отсутствия аналогий этому типу за пределами Кавказа, его компактного ареала⁵⁴. Эти исходные положения, аргументированные огромными антропометрическими материалами по народам Центрального Кавказа, закономерно привели их к выводу об автохтонном происхождении этого типа. Такая точка зрения хорошо согласовывалась с языковым своеобразием подавляющего большинства представителей кавкасионского типа. Исключение составляют балкарцы, карачаевцы и осетины, но для них как раз есть веские основания предполагать сравнительно позднее этническое оформление и переход их непосредственных древнейших предков, говоривших на местных кавказских языках, на иранскую и

⁵³ Я. Я. Рогинский. Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (К проблеме антропологии «окраинных народов»). «Труды ИЭ», новая серия, т. I, 1947.

⁵⁴ А. Н. Натишвили, М. Г. Абдушелишвили. Предварительные данные об антропологических исследованиях грузинского народа. КСИЭ, XXII, 1955.

тюркскую речь в эпоху средневековья⁵⁵. Противоположная точка зрения была выдвинута Г. Ф. Дебецом, исходящим из закономерностей географического распределения пигментации на территории Кавказа, относительного посветления центральнокавказских и северокавказских народов по сравнению с закавказскими⁵⁶. Г. Ф. Дебеч высказал предположение о наличии северной примеси у народов Северного и Центрального Кавказа. Находясь в известном соответствии с морфологическими данными, гипотеза эта тем не менее вступала в противоречие с результатами историко-археологических исследований, свидетельствующих о самостоятельном культурном развитии народов Кавказа и незначительности или даже полном отсутствии исторических связей с северными районами в эпоху неолита и бронзы.

Это противоречие может быть преодолено, если принять точку зрения на кавкаспонский тип как на местный, сформировавшийся без всякой северной примеси, но дополнить непременно эту точку зрения указанием на замкнутый характер ареала кавкасионцев, приуроченность их к высокогорным районам, формирование, стало быть, в условиях изоляции. А это в свою очередь не могло не привести к близкородственным бракам, усиленным еще широко распространенным обычаем эндогамии, выщеплению рецессивных аллелей, т. е. всем тем явлениям, которые установлены Вавиловым. Геногеографическая закономерность Вавилова, как и всякое другое геногеографическое явление, — закон вероятностный, не носящий строго детерминированного характера, и в полном согласии с этим вероятностным статистическим его проявлением находится факт сравнительно темной пигментации сванов — очень высокогорной и проживающей относительно далеко к северо-западу группы, которая должна была бы в первую очередь подвергнуться северным влияниям, если бы они были. По гипотезе северной примеси в составе представителей кавкаспонского типа темная пигментация сванов необъяснима; с помощью гипотезы преобладания рецессивов в условиях изоляции она объяснима вполне, так как статистический характер закона Вавилова не исключает, а, наоборот, подразумевает определенное число случаев отклонений от него. Само же объяснение посветления пигментации у высокогорных кавказских народов с помощью процессов, происходивших без участия какой-либо примеси, избавляет нас от противоречий с историко-археологическими данными. Меняет такая точка зрения и историческую перспективу, освобождая от неперенных поисков северных связей, которых могло вообще не быть⁵⁷.

С аналогичной ситуацией изменения исторической интерпретации антропологических наблюдений приходится сталкиваться на Балканах при анализе антропологических особенностей населения горных районов Болгарии. Общая антропологическая съемка Болгарии, произведенная М. Поповым, выявила зону некоторого посветления пигментации в области Родоп⁵⁸. Поскольку материалы, которые опубликовал М. Попов, собирались бригадой измерителей, постольку оставалось известное сомнение в сравнимости всех собранных материалов и, следовательно, в объективности этого наблюдения. Однако оно было подтверждено А. Пу-

⁵⁵ См. об этом: В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960; он же. Антропологические данные к происхождению осетинского народа. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.

⁵⁶ Г. Ф. Дебеч. Антропологические исследования в Дагестане. АС. I. Труды ИЭ, новая серия, т. XXXIII, М., 1956; он же. Антропологические типы. «Народы Кавказа», т. I. М., 1960.

⁵⁷ Подробнее обо всем этом см.: В. П. Алексеев. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. АС. IV. Труды ИЭ, новая серия, т. 82, М., 1963.

⁵⁸ М. Попов (в сотрудничестве с Г. Марков). Антропология на българские народ, т. I. «Физически облик на българите». София, 1959.

ляносом, работавшим почти во всех районах Болгарии и собравшим большой материал по антропологии болгар, не возбуждающий сомнений в сравнимости методики и в первую очередь — в определении описательных признаков⁵⁹. Попов истолковал посветление пигментации в Родопах как следствие славянского или фракийского влияния. При этом он опирался на сообщения древних авторов, писавших о том, что фракийцы были относительно светлоглазы и светловолосы. Из антропологических фактов был сделан существенный исторический вывод.

Однако если говорить о влиянии славян, то оно должно проявляться одинаково по всей Болгарии, а не только в Родопах, иначе непонятной становится славяноязычность всех болгар. В культурном отношении область Родоп также не обнаруживает особо заметного воздействия славянской культуры. Гипотеза фракийского влияния опирается на факт посветления пигментации фракийцев, сам по себе сомнительный: римляне и греки писали о светлой пигментации фракийцев в сравнении с населением собственной родины, занимающим по интенсивности цвета волос, глаз и кожи место, близкое к крайнему в пределах Европы. Ареал, который занимали фракийцы, также заставляет с недоверием отнестись к сообщениям об их светлой пигментации, исходя из общих антропологических соображений. В крайнем случае можно говорить о некоторой тенденции к посветлению пигментации, а ее недостаточно, чтобы объяснить аналогичную особенность у современного населения в Родопах. Гипотеза автоматического посветления в условиях изоляции избавляет нас от всех этих трудностей, а одновременно освобождает и от исторического вывода о каких-то своеобразных путях формирования болгар области Родоп. Их этническое своеобразие в языке и культуре не настолько велико, чтобы оправдать такой вывод. Таким образом, и в данном случае, учитывая действие закономерности, открытой Вавиловым, заменив традиционный подход на геногеографический, мы в состоянии объяснить факты и привести их в соответствие друг с другом.

3

Аналогичное преобладание рецессивных аллелей на окраинах эйкумены можно проследить не только для пигментации, но и для многих других признаков, наследственно детерминированных малым числом генов. Прежде всего следует обратиться к такой полно изученной системе генов, как группы крови АВО. Предложенная еще в середине 20-х годов Ф. Бернштейном гипотеза наследования этих групп пользуется всеобщим признанием.

Определение наследственных факторов крови системы АВО вошло в практику антропогенетических исследований с 1919 г. и насчитывает, таким образом, полвека, за которые были изучены тысячи популяций во всех даже самых заброшенных уголках земного шара. Собранные данные позволили создать панэйкуменные карты географического распределения аллелей, контролирующих систему АВО⁶⁰. На этих картах отчетливо видны очаги концентрации и разрежения соответствующих аллелей, и они представляют неоценимый источник информации для понимания геногеографической природы тех закономерностей, которые управляют географическим распределением этих аллелей.

Рассмотрение карты рецессивного аллеля *r* (контролирующего исследование *O*) обнаруживает совершенно отчетливую картину. Наименьшая

⁵⁹ Предварительное сообщение см.: *A. Poulianos*. Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем. — «1-er Congrès international des études Balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications, ethnographie et arts», Sofia, 1966.

⁶⁰ *A. Mourant, A. Kopeč, K. Domaniewska-Sobczak*. The ABO blood groups. Comprehensive tables and maps of world distribution. Oxford, 1958.

концентрация этого аллеля падает на центральные районы Евразии. Предлагалось много гипотез о центрах возникновения аллелей группы АВО. Некоторые из этих гипотез имели исходным положением представление о самостоятельности центров возникновения каждого аллеля; авторы таких гипотез выделяли три первичные расы по группам крови: европейцев и негров с преобладанием группы А, азиатских монголоидов с преобладанием группы В и американцев с преобладанием группы О. Ни одна из этих гипотез не могла, однако, обойтись без дополнительных предположений при объяснении концентрации соответствующих аллелей у многих народов земли. Противоречит такая постановка вопроса и представлению о единстве наследственного фактора, определяющего наследственную передачу системы АВО. Между тем стоит лишь принять гипотезу возникновения всех аллелей этого гена в центральных районах Старого Света, дополнив ее затем геногеографической концепцией Вавилова, — и надобность в каких-либо дополнительных предположениях отпадает. Наименьшая концентрация аллеля r в центре Евразии становится понятной, так как это очаг генообразования, в котором доминантные аллели преобладают. По мере удаления от этого очага во всех направлениях концентрация аллеля r постепенно возрастает. В Европе она велика на самом севере Скандинавии, в Ирландии, в прибрежных районах Западной Европы; по сравнению с Европой она заметно подсакивает в Африке, особенно в центральных районах, где в условиях тропического леса предпосылки для изоляции и проявления рецессивного аллеля r особенно велики.

Также резко концентрация r увеличивается в Северной Азии и в Австралии. Причина этого увеличения ясна: по мере удаления от очага генообразования выщепление рецессивного аллеля происходит все с большей интенсивностью. Особенно резко это заметно на американском материке, где его концентрация становится подавляющей. В большинстве популяций Центральной и Южной Америки, в наибольшей удаленности от очага генообразования, рецессивный аллель почти полностью вытеснил доминантные и концентрация его близка или даже составляет 100%. Таким образом, он занял то положение, какое не занимают в центре эйкумены даже доминантные аллели. Картина последовательного нарастания концентрации этого аллеля от центра к периферии настолько логична и правильна, настолько не содержит исключений, что трудно отделаться от мысли: в географическом распространении аллелей системы АВО явление оттеснения рецессивов из центра генообразования играло решающую роль.

Система АВО — не единственная, к объяснению географии которой можно с успехом привлечь закон Вавилова. Не менее демонстративно в этом отношении географическое распределение аллелей, детерминирующих передачу по наследству групп крови P . Ген образует два аллеля — P и p , из которых P является доминантным. Концентрация этих аллелей изучена в меньшем числе популяций по сравнению с концентрацией аллелей системы АВО, и потому карты их географического распределения менее подробны. До сих пор опубликованы лишь карты географии аллеля P ⁶¹, но при автоматической зависимости, которая существует между концентрациями P и p , карта аллеля p будет перевернутой копией уже опубликованных карт. Центр концентрации доминантного аллеля P — африканский материк. В Европе, Передней и Южной Азии удельный вес доминантного и рецессивного аллелей приблизительно одинаков. Но концентрация последнего резко возрастает в отдельных группах коренных австралийцев, по всей Новой Гвинее, у сибирских монголоидов, по всему

⁶¹ H. Walter. Die Bedeutung der serologischen Merkmale für die Rassenkunde. In: «Die neue Rassenkunde». Более подробная карта: В. П. Алексеев. Геногеография человека и ее закономерности. «Наука и человечество», М., 1968.

северу Северной Америки. Поскольку рецессивный аллель нигде не успел вытеснить доминантный полностью, как это было в системе АВО, в центральных и южных районах Северной Америки, в Центральной Америке, у некоторых индейских групп Южной Америки концентрация рецессивного аллеля опять понижается, а концентрация доминантного повышается до уровня европейских величин.

По-видимому, в географии отдельных аллелей наряду с геногеографическими закономерностями известную роль играет хронологический момент, эпоха их появления, т. е. удаленность соответствующей мутации от современности, и время, необходимое на протекание тех или иных геногеографических процессов. Не исключено, что степень изоляции, в которой находились по отношению друг к другу индейские племена США и Центральной Америки, меньше, чем в Канаде, что при сохранении в достаточном проценте случаев доминантного аллеля P ослабило темп выщепления рецессивного аллеля и повело к повторному увеличению концентрации P . К сожалению, мы пока лишены возможности судить сколько-нибудь точно о времени возникновения отдельных групп крови и вообще тех или иных вариаций физиологических признаков. Возвращаясь к конкретной географии группы крови P , можно зато сказать с полной определенностью, что в условиях резкой, почти полной изоляции, в каких до недавнего времени находились таежные народы Сибири и до сих пор находится население Новой Гвинеи, концентрация рецессивного аллеля p резко подскакивает. Налицо, следовательно, та же закономерность оттеснения рецессива из центра генообразования и концентрирования его на периферии.

Передача по наследству системы группы крови Келл детерминируется, как и P , двумя аллелями, из которых K — доминантный и k — рецессивный. Концентрация доминантного аллеля даже в тех популяциях, которые отличаются его максимальной частотой, очень невелика и составляет 4—5% (только в одном случае — 12%). В соответствии с этим велика, наоборот, вероятность случайной потери доминантного аллеля и замены его рецессивным. Эта вероятность во много раз больше, чем в предыдущих случаях, когда доминантные гены в центрах наибольшей своей концентрации были характерны для половины или большей части популяции. Все же и в этом случае географического распределения рецессивного аллеля обнаруживаются вполне отчетливые правильности⁶². Наименьшая концентрация его падает на население Европы, где находится центр наибольшего уровня доминантного аллеля, а во всех направлениях от этого центра нарастает удельный вес рецессивного аллеля, в подавляющем большинстве популяций составляющего 100% генофонда популяции. Два исключения из этого правила — бушмены и индейцы Бразилии — не меняют общей картины, так как геногеографические закономерности, как уже указывалось, представляют собою выражение вероятностных статистических процессов, при которых неизбежны отдельные случайные отклонения от основной тенденции.

География группы крови Лютеран изучена также не очень полно, как и только что разобранной группы крови Келл, что связано с их сравнительно недавним открытием. Все же общее представление о географическом распределении аллелей гена, определяющего наследственную передачу группы крови Лютеран, можно составить на основании уже опубликованных данных. Этих аллелей два: Lu^a и Lu^b , из которых первый доминантен. Его максимальная концентрация не превышает 8—9%, и поэтому по отношению к нему остается справедливым все то, что сказано выше о возможности случайного исчезновения аллеля K . Центр концентрации аллеля Lu^a — Европа и Африка, за исключением южных районов. Населе-

⁶² H. Walter. Die Bedeutung der serologischen Merkmale für die Rassenkunde. Там же и карты географического распространения аллелей групп крови, которые будут упомянуты дальше.

ние северных и центральных районов азиатского материка, к сожалению, пока не изучено на предмет концентрации аллелей Lu^a и Lu^b . Но в Южной Азии и Австралии, на юге Африки, в Северной и Южной Америке удельный вес рецессивного аллеля резко увеличивается, доходя во многих популяциях до полного стопроцентного вытеснения им доминантного аллеля. Опять здесь случай значительного преобладания концентрации рецессивного аллеля на периферии по сравнению с возможным центром генообразования, где повышено, наоборот, относительное содержание в генофонде популяции доминантной формы.

Система группы крови Льюис изучена географически еще более неполно, чем две предыдущие. Карта географического распределения аллелей также напоминает предыдущие, но как бы в зеркальном отображении: рецессивный аллель Le^a концентрируется в Европе, тогда как по всей остальной эйкумене преобладает доминантный аллель, в Австралии и Америке достигая в своей концентрации 100%. На первый взгляд здесь нарушается установленная Вавиловым закономерность, но такое впечатление может быть и обманчивым, если учесть, что главным при рассмотрении правильностей в географическом распределении генов является не оценка центральных и периферических районов эйкумены вообще, а выделение периферических районов по отношению к центрам генообразования. Можно сделать предположение, что в последнем случае им была территория, например, Южной и Юго-Восточной Азии. Оттуда исходная концентрация (100% или почти столько же концентрации доминантного аллеля) была перенесена в Америку и Австралию. При стопроцентном преобладании доминантного аллеля не создается, естественно, никаких предпосылок для выщепления рецессива в условиях изоляции просто в силу его отсутствия. Там же, где случайно он оказался представленным хотя бы в малом проценте случаев в исходной группе, изоляция, даже относительная, сразу же приводит к увеличению его удельного веса. Пример тому — дайяки Борнео, яванцы и маори. Исходные группы, заселившие Европу, очевидно, также имели какой-то, пусть очень небольшой, процент рецессивного аллеля. Если рассматривать Южную и Юго-Восточную Азию как центр доминантных мутаций, то Европа в пределах Старого Света, конечно, представляет собою по отношению к этому центру периферию. Этим, по-видимому, и можно объяснить значительное и повсеместное в Европе повышение частоты рецессивного аллеля. О распределении его в Африке в целом судить трудно из-за недостатка данных, но негры Западной Африки сближаются с европейскими народами.

Аналогичное рассуждение представляется вполне правомочным и для объяснения географического распределения аллелей группы крови Дафффи. Если центром мутирования этого гена и, следовательно, центром концентрации его доминантного аллеля считать Южную и Юго-Восточную Азию, то легко представить себе, что исходная концентрация была перенесена в Америку и Австралию, где и сохранилась до настоящего времени. Оттеснение рецессивного аллеля на периферию в Старом Свете вызвало значительное снижение частоты доминантного и увеличение концентрации рецессивного аллелей в Европе и особенно в Африке. В Африке оно еще более заметно, чем в Европе. Единственным исключением из этого правила являются саамы на крайнем севере Европы, но следы их восточного происхождения проявляются и в других признаках как морфологического, так и физиологического порядка. Не исключено, что некоторое понижение частоты рецессивного аллеля в Европе по сравнению с Африкой также обязано своим происхождением более тесным историческим контактам с монголоидными популяциями восточного происхождения. Полное отсутствие данных по сибирским монголоидам мешает, к сожалению, подвергнуть проверке это предположение.

Данные о географическом распространении группы крови Кидд нельзя использовать из-за их неполноты и фрагментарности. География гена, оп-

ределяющего наследственную передачу группы крови Диего, его преимущественная концентрация в доминантной форме в Центральной и Южной Америке свидетельствуют о его сравнительно позднем возникновении в пределах Америки, уже после переселения значительных масс населения на американский материк. В добавление ко всему уже сказанному о географическом распространении групповых факторов крови по земной поверхности и подчинении его геногеографической закономерности, открытой Вавиловым, можно привести еще один косвенный аргумент, отражающийся на географии системы *MN* и белков сыворотки — гаптоглобинов. И группы крови системы *MN*, и гаптоглобины имеют сходный тип наследования, будучи детерминированы двумя кодоминантными аллелями, т. е. аллелями, которые не подавляют друг друга. В отношении этих систем нельзя поэтому говорить о доминантных или рецессивных аллелях. Очевидно, если предполагать влияние периферического положения этнических групп и изоляции на эти системы, его следует ожидать в увеличении доли одной из гомозигот или обеих вместе. На географической карте аллелей гаптоглобина видно значительное увеличение процентной доли одного из аллелей в Северной Азии, в северных районах Северной Америки, на Новой Гвинее⁶³. Наоборот, концентрация другого аллеля подскакивает на побережье Западной Африки, в центральных районах африканского материка, в Центральной Америке. Все это районы, изолированные либо географически, либо до недавнего времени социально.

То же и с системой *MN*. Аллель *m* концентрируется в составе коренного населения обеих Америк, достигая максимума у индейцев юга США, Центральной Америки, северных государств Южной Америки. Максимум концентрации аллеля *n* падает на коренное население Австралии, затем идет население Африки. Все остальные районы земного шара с развитой городской цивилизацией, с гораздо более интенсивными в целом связями между этническими группами занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами.

Итак, закон Вавилова применим не только к объяснению географического распределения пигментации у человека, но и к географии групп крови, бурно развивающейся за последние 20—30 лет и давшей большое количество данных, никогда, насколько мне известно, не рассматривавшихся в рамках этого закона. С помощью закона Вавилова, как мы убедились, легко объясняются многие факты геногеографии человека, и более того — в этих фактах он получает новое, очень убедительное подтверждение. В высшей степени перспективной представляется дальнейшая разработка этого закона на антропологическом материале.

4

Открытие и формулировка закона гомологических рядов в наследственной изменчивости является первым по времени и одним из наиболее блестящих достижений Н. И. Вавилова в теоретической биологии. Эта формулировка, впервые прозвучавшая с трибуны III Всероссийского съезда селекционеров, происходившего в Саратове в 1920 г., была значительно углублена в дальнейшем, аргументирована не только огромным количеством наблюдений над параллельной изменчивостью видов и рас культурных растений, но и убедительными примерами аналогичной изменчивости у диких растений и у животных⁶⁴. Закон гомологических рядов вдохновил исследователей на поиски таких рядов у самых различных

⁶³ А. А. Воронов. Этногеография основных типов гаптоглобина — сывороточного белка крови. СЭ, 1968, № 2.

⁶⁴ N. Vavilov. The law of homologous series in variation. «Journal of genetics», vol. 12, 1922, N 1; Н. И. Вавилов. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. «Избранные труды», т. V.

организмов, в самых разных, далеко отстоящих друг от друга ветвях органического мира и позволил показать гораздо более широкое, чем предполагал сам Вавилов, распространение гомологической изменчивости⁶⁵. Причины ее, лежащий в основе ее механизм сначала не были ясны автору закона из-за ограниченных возможностей теоретической биологии в начале 20-х годов, но в конце своей научной деятельности он писал: «Природа этой гомологической изменчивости заключается, по нашему пониманию, прежде всего в родстве, в единстве генетической структуры ближайших видов и родов. С другой стороны, она является результатом действия условий, отбора в определенном направлении, в определенных условиях»⁶⁶. Несколькими строчками дальше в той же работе он выразился еще более определенно о явлениях гомологической изменчивости: «В одних случаях они имеют под собой свойство генов, а в других — фенотипические свойства». Сейчас все более распространяется мысль о гомологии генотипов, лежащей в основе гомологической изменчивости⁶⁷.

В статье об успехах советской генетики за полвека М. Е. Лобашев перечислил четыре крупнейших теоретических обобщения, возникших на основе гомологических рядов: теорию центров происхождения культурных растений самого Вавилова, теорию параллелизма гистологических структур А. А. Заварзина, теорию И. П. Павлова об универсальности механизма действия условного рефлекса на разных филогенетических уровнях развития животного мира, принцип олигомеризации — уменьшения числа органов в эволюции многоклеточных, установленный Догелем⁶⁸. Три последние закономерности имеют непосредственное отношение к человеку. Однако рассмотрение их всех невозможно в рамках статьи, и поэтому ограничимся только принципом олигомеризации.

В. А. Догель, один из крупнейших и авторитетнейших специалистов по беспозвоночным, ввел принцип полимеризации, т. е. увеличения числа гомологичных органов как ведущего модуса у простейших⁶⁹. Именно это обобщение можно рассматривать в качестве первого этапа в разработке теории олигомеризации органов в эволюции многоклеточных. Сформулированная позже, эта теория дала возможность установить принципиальную разницу в морфологической эволюции одноклеточных и многоклеточных животных⁷⁰. Она выражается в том, что у последних происходит сокращение числа гомологичных органов по мере подъема по эволюционной лестнице. Аргументируя это положение в ряде статей, Догель посвятил затем специальную монографию этому модусу филогенетических преобразований и проследил его во всех классах животного мира⁷¹. В отдельных классах, в частности у млекопитающих, его можно проследить по отрядам. Применительно к проблеме антропогенеза речь должна идти, очевидно, о поисках таких рядов гомологичных органов, которые обнаруживали бы редукцию в отряде приматов, подобно тому как они обнаруживают такую редук-

⁶⁵ См., например: А. Н. Ипатьев. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости и его следствия. «Сборник научных трудов Белорусской сельскохозяйственной академии», т. 49. Биология и агротехника сельскохозяйственных культур. Горки, 1967; В. С. Кирпичников. Гомологическая наследственность и эволюция саза-на (*Surginus sagrio* L.). «Генетика», 1967, № 2; Н. Н. Воронцов. Эволюция пищеварительной системы грызунов (мышьеобразные). Новосибирск, 1967.

⁶⁶ Н. И. Вавилов. Выступление на совещании по генетике и селекции. «Избранные труды», т. V, стр. 397.

⁶⁷ Н. Н. Воронцов. О гомологической изменчивости. «Проблемы кибернетики», вып. 16. М., 1966.

⁶⁸ М. Е. Лобашев. Полвека советской генетики. «Генетика», 1967, № 10, стр. 25.

⁶⁹ W. Dogel. Polymerisation als ein Prinzip der progressiven Entwicklung bei Protozoen. «Biologisches Central-blatt» B. XLIX, 1929, N 8.

⁷⁰ В. А. Догель. Олигомеризация гомологичных органов как преобладающий принцип прогрессивной эволюции у многоклеточных. «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», т. XV, 1936, № 3.

⁷¹ В. А. Догель. Олигомеризация гомологичных органов как один из главных путей эволюции животных. Л., 1954.

цию в других отрядах по мере перехода от более низших в эволюционном положении форм к более высоким.

У приматов можно назвать по крайней мере три системы, в эволюционном развитии которых можно отметить указанную закономерность: скелет, зубы и хромосомный аппарат. Редукция числа гомологичных органов в скелете заметна начиная с полуобезьян и кончая высшими обезьянами и человеком в числе позвонков и ребер⁷². Она невелика, выражается в сокращении количества позвонков на один-два, но все же имеет место. Исключение составляет хвостовой отдел позвоночника, вполне развитый у полуобезьян и низших обезьян, но полностью отсутствующий у высших обезьян и у человека. Подвержены олигомеризации в отряде приматов и кости черепа: лобная кость, сошник, межчелюстная кость, образующиеся из разных эмбриональных закладок; у узконосых обезьян наблюдается слияние носовых костей.

Аналогичным образом уменьшение числа гомологичных органов отчетливо заметно в эволюции зубной системы. Исходное число зубов у примитивных млекопитающих пока не может быть установлено с полной определенностью. В соответствии с разными гипотезами это число колеблется от 44 до 60. В отряде приматов, как и у представителей подавляющего большинства остальных отрядов, это исходное количество зубов редуцировано в той или иной мере. У приматов последовательный ряд редукции числа зубов обнаруживается начиная с полуобезьян и кончая человеком⁷³. Повидимому, в один ряд с этим явлением можно поставить и уменьшение числа бугорков на жевательной поверхности зубов, которое характерно для последовательного эволюционного ряда древнейших и древних гоминид кончая современным человеком⁷⁴. В отряде приматов, следовательно, включая и современного человека, олигомеризация зубов идет параллельно олигомеризации гомологичных элементов скелета.

Особенно важно уменьшение числа хромосом, которое непосредственно затрагивает наследственный аппарат клетки. У полуобезьян и низших обезьян число хромосом колеблется вокруг 70, у высших человекообразных сокращается до 48⁷⁵. У человека до недавнего времени насчитывали также 48 хромосом, и, следовательно, ни о какой олигомеризации хромосом на протяжении истории семейства гоминид не приходилось говорить. Но современная более точная методика цитологических исследований привела к изменению этой цифры: новые исследования показали, что старые определения были ошибочными и что действительное число хромосом у человека равно 46⁷⁶. Таким образом, и в хромосомном аппарате видна отчетливая олигомеризация гомологичных элементов на протяжении эволюции отряда приматов и семейства гоминид.

Одинаковый модус филогенетических изменений в отряде приматов и семействе гоминид с другими отрядами несомненно свидетельствует о проявлении гомологических рядов в наследственной изменчивости и здесь, о справедливости этого закона Н. И. Вавилова в приложении к высшим формам животного мира. Однако эта гомологическая изменчивость и отражение ее в последовательных рядах изменений заметны и при сравнении гораздо более близких форм уже внутри самого семейства гоминид. Существует известный параллелизм морфологических вариаций современных рас

⁷² См., например: В. Н. Жаденов. Сравнительная анатомия приматов. М., 1962.

⁷³ Зубные формулы разных систематических групп приматов приведены в каждом крупном руководстве по приматологии.

⁷⁴ А. А. Зубов. Порядок редукции бугорков и приобретение узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибугоркового типа к трехбугорковому. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.

⁷⁵ См., например: Б. Чиарелли. Выступление на симпозиуме «Проблема грани между животными и человеком» на VII МКАЭН. ВА, вып. 19, 1965; В. Чиарелли. Caryologie comparée et évolution chez les singes catarrhina. «Труды VII МКАЭН», т. 3. М., 1968.

⁷⁶ Этот факт был установлен лишь в 1956 г.

и древних форм ископаемых людей. Лопатообразные резцы и уплощенность лицевого скелета у синантропа и отдельных находок палеоантропов в Восточной Азии повторяются в краниологическом типе современных монголоидов; сильно выступающие носовые кости характерны одновременно для современных европеоидов и европейских неандертальцев. Различные географические группы европейских неандертальцев дифференцируются в первую очередь по соотношению размеров лицевого скелета и черепной коробки, подобно тому как различаются между собой современные расы. Видовая перестройка при переходе от палеоантропа к человеку современного типа отражает, по-видимому, то обстоятельство, что подавляющее большинство генов современного человека мутирует сходным образом с генами палеоантропа⁷⁷.

Параллельные ряды в изменчивости проявляются и при сопоставлении рас *Homo sapiens*, особенно если это сопоставление проводить не только между современными расовыми вариантами, но и учесть соответственно древние расовые типы. В этом случае, очевидно в соответствии с указанными Вавиловым причинами параллельных изменений, больше приходится говорить о фенотипических сходствах, образовавшихся конвергентно. Во всяком случае фенотипический параллелизм вторичного происхождения никак нельзя исключать при сравнении между собой расовых вариантов внутри больших рас. Не затрагивая причины параллельных изменений, можно указать на их широкое распространение внутри всех больших рас, особенно если опираться не на признаки, по которым в основном выделяются большие расы, а на признаки более низкого таксономического ранга. Так, в пределах всех больших рас выделяются широколицые и узколицые, высоколицые и низколицые, брахикранные и долихокранные, высокоголовые и низкоголовые варианты. В составе южных тропических типов, при выделении которых выступают носовые кости и уплощенность лицевого скелета не имеют значения, встречаются самые разнообразные сочетания: с относительно уплощенным лицевым скелетом и уплощенными носовыми костями, с резко профилированным лицом и выступающим носом. Представители американоидной ветви в составе монголоидов напоминают европейские расы по профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости и выступанию носовых костей. Более светлокотные и более темнокотные типы характерны, конечно в разной степени, и для европеоидов, и для монголоидов, даже для негроидов⁷⁸.

Приведенные примеры можно было бы увеличить, но в этом нет необходимости. Важно другое — нащупать твердый мост для перехода от морфологической изменчивости к генетической. Приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать: гомологические ряды проявляются и в изменчивости человека, в ней отражаются, таким образом, общие закономерности изменчивости так же, как общие закономерности геногеографии отражаются в географическом распределении антропологических признаков по земному шару.

Все три основных обобщения Н. И. Вавилова — теорию генцентров, закон отгессения рецессивов на окраину видového ареала, закон гомологических рядов в наследственной изменчивости — можно с успехом использовать в антропологическом исследовании. Дальнейшая разработка их на антропологическом материале — актуальный и плодотворный путь, который может привести к серьезным теоретическим достижениям.

⁷⁷ Большой материал для суждения об этом содержится в книге: *C. Coon. The origin of races. London, 1963.*

⁷⁸ Обзор фактов см. в любой крупной сводке по расовому составу земного шара, в частности в книгах, указанных в примечании 35.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
- АС — Антропологический сборник
- ВА — Вопросы антропологии, журнал
- ВГО — Всесоюзное географическое общество, или Географическое общество Союза ССР
- ВЕ — Вестник Европы
- ВИР — Всесоюзный институт растениеводства
- ГАОРСС — Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области
- ЛЮ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДВФ СО — Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР
- АН СССР
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЖС — Живая старина, журнал
- ИБ (ЛО) — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- АН СССР
- Изв. РГО — Известия Русского географического общества
- ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
- КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ЛГАОРСС — Ленинградский Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
- ЛГАНТД — Ленинградский Государственный архив научно-технической документации
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
- НЕС — Новые ежемесячные сочинения
- НКЗ — Народный комиссариат земледелия
- NNB — Neue Nordische Beiträge
- ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- ПФГО — Приморский филиал Географического общества СССР
- РБС — Русский биографический словарь
- РГО — Русское географическое общество
- ССМ — Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы
- СЭ — Советская этнография, журнал
- ЦА МВТ — Центральный архив Министерства внешней торговли
- ЦГАВМФ — Центральный Государственный архив военно-морского флота
- ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
- ЦГА — Центральный Государственный архив Дальнего Востока
- РСФСР ДВ
- ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив
- ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства
- ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив, г. Ленинград
- ЭО — Этнографическое обозрение, журнал

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>М. О. Косвен.</i> Местная этнография Сибири в XVIII веке	5
<i>П. Р. Емельченко.</i> Распифровка этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике В. А. Жуковского	45
<i>П. Н. Мороз.</i> Путешествие уральских казаков на Восток	57
<i>Р. С. Липец.</i> Идея о восточных влияниях в былинах (книга В. Ф. Миллера «Экспурсы в область русского народного эпоса»)	69
<i>В. П. Аникин.</i> А. П. Скафтымов — критик «исторической школы» и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис былин»	96
<i>А. И. Тарасова (Васина).</i> Этнографические исследования В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке	117
<i>В. М. Суринов, Л. А. Фадеев.</i> Африканские экспедиции Н. И. Вавилова	146
<i>В. П. Алексеев.</i> Значение трудов Н. И. Вавилова для теоретической антропо- логии	165
Список условных обозначений	191

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии Вып. VI

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редакторы издательства *С. Н. Васильченко, Е. П. Прохоров*
Технический редактор *П. С. Кашина*

Сдано в набор 4/XII 1973 г. Подписано к печати 26/III 1974 г. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 1400.
Т-01789. Тип. зак. 3268. Цена 1 р. 43 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	1 сп.	1961	1961; IV. М. — Л., 1962.
41	24 св.	этнографическому	экономическому
61	29 сн.	греки	греки,
86	9 сн.	качества	казачества
91	17 сн.	не	почти не
95	6 св.	А. М. Орлова	А. С. Орлова
106	2 св.	Ф. В. Миллера	В. Ф. Миллера
137	27 св.	свои сильные государ- ства	сильное государство

Заказ № 3268

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>М. О. Косвен.</i> Местная этнография Сибири в XVIII веке	5
<i>И. Р. Емельченко.</i> Расшифровка этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике В. А. Жуковского	45
<i>П. Н. Мороз.</i> Путешествие уральских казаков на Восток	57
<i>Р. С. Липец.</i> Из «Экскурсы в области	
<i>В. П. Аникин.</i> А. эпоса в книге «Песни	
<i>А. И. Тарасова.</i> Из Дальнем Востоке	
<i>В. М. Суринов.</i> Из эпоса в книге «Песни	
<i>В. П. Алексеев.</i> Из логии	
Список условных	

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии Вып. VI

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редакторы издательства *С. Н. Васильченко, Е. П. Прохоров*
Технический редактор *П. С. Кашина*
Сдано в набор 4/XII 1973 г. Подписано к печати 26/III 1974 г. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 1400.
Т-01789. Тип. зак. 3268. Цена 1 р. 43 к.
Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

